

КУЛЬТУРА МИРА

Том 14. Выпуск 1.

(№ 52)

Совет рецензентов издания совместно с профессорско-преподавательским составом ведущих высших учебных заведений.
Зарегистрирован в 2013

При отборе материалов для публикации главным критерием является их высокий научный уровень. При этом редакция исходит из принципиальной допустимости плюрализма научно аргументированных точек зрения, которые могут не совпадать с позицией издателей.

Авторы опубликованных материалов несут ответственность за подбор и точность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, собственных имен, географических названий.

При перепечатке ссылка на журнал «Культура мира» обязательна.
Рукописи рецензируются.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 номеров в год

Сайт: <http://kultura-mira.ru>

Язык: русский, английский, испанский, китайский.

Адрес: 119034, Москва, Кропоткинский пер., д. 10, стр. 6а

Зам. гл. ред. С.В. Чапкин

Корректор Е.А. Белоусова

Бумага офсетная № 1. Гарнитура Minion Pro

Формат 60x90/16. Тираж экз. 500

Усл. п. л. 24,25

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор

Рябова Е.Л. - доктор политических наук, кандидат социологических наук, профессор. Эксперт международных ассоциаций. Член Экспертной группы Совета при Президенте Российской Федерации.

Члены редколлегии

Зорин В.Ю. - доктор политических наук, профессор, член Совета по международным отношениям при Президенте Российской Федерации, член Общественной палаты РФ, главный научный сотрудник Центра по научному взаимодействию с общественными организациями, СМИ и органами государственной власти ИЭА имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН.

Михайлова Н.В. - профессор кафедры политического анализа и управления, Российский университет дружбы народов, доктор политических наук.

Бирюков С.В. - доктор политических наук, профессор, школа современных международных и пространственных исследований Восточно-Китайского педагогического университета (г. Шанхай, КНР).

Гюльзар Ибрагимова - доктор политических наук. Профессор Университета Нигде Омер Халисдемир, отделение Политологии и Международных Отношений Факультета Экономических и Административных Наук. Турецкая Республика.

Айлана Калиновна Кужугает - доктор культурологии, заведующая сектором культурологии Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований, профессор кафедры философии Тувинского государственного университета, заслуженный работник образования Республики Тыва.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры Кемеровского государственного института культуры, заслуженный деятель науки Республики Тыва, заслуженный работник культуры Республики Тыва, член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Санжеева Л.В. - доктор культурологии, доцент, профессор кафедры этнокультурологии ФГБОУ ВО «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена».

Савельев В.В. - заслуженный работник культуры Российской Федерации. Доктор философских наук.

Болотских Е.Г. - почетный член Российской Академии Художеств, Заслуженный художник Российской Федерации, Член Российского Союза Художников, Московского Союза Художников, Творческого Союза Художников России, Международного Художественного Фонда, Профессор Кафедры дизайна РГСАИ. Российская государственная специализированная академия искусств.

Кузнецова Т.Ф. - доктор философских наук. Профессор МГУ. Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Грэм Стоуэрс - политолог, эксперт. Великобритания.

Омар Годинес Лансо - Академик. Академия художеств Российской Федерации.

Себастьян Хоппе - научный сотрудник, Институт восточноевропейских исследований, факультет политики, международных отношений. Свободный университет Берлина.

Долгенко А.Н. - доктор филологических наук. Заведующий кафедрой русского и иностранных языков, доцент. Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Ивакин Г.А. - доктор исторических наук, профессор.

Ли Эрюн - кандидат искусствоведения. Доцент академии искусств «Цзянси университет финансов и экономики» (Наньчан, Цзянси), КНР.

Мануйлов Николай - вице-президент Межрегиональной общественной организации «Общество дружбы с Кубой».

Мурашко С.Ф. - Профессор, доцент. Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, Профессор кафедры русского и иностранных языков, Московская академия Следственного комитета Российской Федерации.

Наумова Г.Р. - доктор исторических наук. Профессор МГУ, член Академии «Философия хозяйства». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова.

Никашина Н.В. - кандидат филологических наук. Доцент кафедры теории и практики перевода Российского университета дружбы народов, эксперт, руководитель международной редакции журнала «Миссия Конфессий».

Пейчева А.А. - эксперт по международным отношениям и политической коммуникации (Болгария).

Терновая Л.О. - доктор исторических наук. Профессор МАДИ. Московский автомобильно-дорожный государственный технический университет.

Хонали Курбонзода - доктор исторических наук. Профессор, ректор Государственного учреждения «Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования», Таджикистан. Республиканский Институт Повышения Квалификации и Преподготовки Работников Сферы Образования.

Чапкин С.В. - заместитель главного редактора, почетный профессор Академии экологии и права.

Чжан Вэй - политолог, эксперт КНР.

Чжан Сяолин - доктор гуманитарных наук, доцент кафедры русского языка Института языков и культуры, Шанхайский политико-юридический университет.

Щупленков Н.О. - it-специалист-программист. Эксперт фонда поддержки межнациональной культуры и общественных международных отношений.

Гаджиева Р.Г. - кандидат психологических наук, доцент кафедры национальных и федеративных отношений Факультета международного регионоведения и регионального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Член союза русских художников.

CULTURAL WORLD

Volume 14. Issue 1.

(№ 52)

Council of publications reviewers and the faculty members of leading universities.

Founded in 2013

The Council of Reviewers of the publishing house together with the teaching staff of leading universities:

The main criteria of our choosing materials for publishing is their high scientific level. The main principle of the publishing house is to accept pluralism of views if authors present their points of view in a well-argued manner. The author's view point does not have to coincide with the editors' view points.

The authors of submitted materials are responsible for the accuracy of facts, quotations, dates, events, geographical and proper names.

If you use any materials from the journal, you are to give a relevant reference to it.

All the submitted materials are reviewed.

E-mail: izdanie-k@list.ru

ISSN 2949-2521

8 issues per year

Website: <http://kultura-mira.ru>

Languages: Russian, English, Spanish, Chinese.

Address: 119034, Moscow, Kropotkinsky per., 10, building 6a

Deputy Chief Editor: Chapkin S.V.

Corrector: Belousova E.A.

Paper: offset

Types: Minion Pro

Format: 60x90

Copies: 500

Moscow 2026

EDITORIAL BOARD

Chief Editor

Ryabova E.L., Doctor of Political Sciences, Candidate of Sociological Sciences, Professor. Member of the Expert Group of the Cossacks Council under the President of the Russian Federation.

Editorial Board

Zorin V.U., Doctor of Political Sciences, Professor, Member of the Council for Interethnic Relations under the President of the Russian Federation, Member of the Civic Chamber of the Russian Federation, Chief Researcher of the Center for Scientific Cooperation with Public Organizations, Mass Media and Government Authorities of the IEA named after N.N. Miklukho-Maclay RAS.

Mikhailova N.V., Professor of the Department of Political Analysis and Management, Peoples' Friendship University of Russia, Doctor of Political Science.

Biryukov S.V., Doctor of Political Sciences, Professor, School of advanced international and area studies at the East China Normal University (ECNU) (Shanghai, China).

Gülzar İbrahimova, Doctor of Political Sciences. Professor of the Omer Khalisdemir University, Department of Political Science and International Relations, Faculty of Economic and Administrative Sciences. Türkiye Cumhuriyeti.

Aylana Kalinovna Kuzhuget, Doctor of Cultural Studies, Head of the Cultural Studies Sector of the Tuva Institute for Humanitarian and Applied Socio-Economic Research, Professor of the Philosophy Department of Tuva State University, Honored Educator of the Republic of Tuva.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture (Kemerovo State Institute of Culture), Honored Scientist of the Republic of Tuva, Corresponding Member of the Petrovsky Academy of Sciences and Arts.

Sanzheeva L.V., Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Ethnology of the Russian State Pedagogical Herzen University.

Saveliev V.V., Honored Worker of Culture of the Russian Federation. Doctor of philosophical science.

Bolotskih E.G., Honored Member of the Russian Academy of Arts, Honored Artist of the Russian Federation, Member of the Russian Union of Artists, the Moscow Union of Artists, the Creative Union of Artists of Russia, the International Art Foundation, Professor of the Design Department of the Russian State University of Art and Design.

Kuznecova T.F., Doctor of Philosophical Sciences. Professor of Lomonosov Moscow State University.

Graeme Stowers, Political expert (United Kingdom).

Omar Godinez Lanso, Academician. Russian Federation Academy of Arts.

Sebastian Hoppe, Research Associate, Institute for East European Studies, Department of Politics, International Relations. Freie Universität Berlin.

Chapkin S.V., Deputy Chief Editor, Honorary Professor of the Academy of Ecology and Law.

Chjan Vei, Political scientist, expert of China.

Dolgenko A.N., Doctor of philological sciences. Head of the Department of Russian and Foreign Languages, Associate Professor. Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Honali Kurbonzoda, Doctor of Historical Sciences. Professor, Rector of the "National Institute of professional development and training of educators", Tajikistan.

Ivakin G.A., Doctor of Historical Sciences, Professor.

Li Eryong, Candidate of Art Criticism, Associate Professor college of Art, Jiangxi University of Finance and Economics(Nanchang, Jiangxi), China.

Manuylov Nikolay, Vice President of the Interregional Public Organization "Friendship Society with Cuba".

Murashko S.F., Professor. Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Professor of the Department of Russian and Foreign Languages, Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation.

Naumova G.R., Doctor of historical sciences. Professor of the Lomonosov Moscow State University, Member of the Academy «Philosophy of Economy».

Nikashina N.V., Associate Professor, the Department of Theory and Practice of Foreign Languages, the Institute of Foreign Languages, The Peoples' Friendship University of Russia (RUDN).

Peichiva A.A., Expert on international relations and political communication (Bulgaria).

Schuplenkov N.O., it-specialist-programmer. Expert of the Foundation for the Support of Interethnic Culture and Public International Relations.

Ternovaya L.O., Doctor of historical Sciences. Professor of the Moscow Automobile and Road Construction University.

Zhang Xiaoling, Doctor of Humanities, Associate Professor of the Russian Language Department, Institute of Languages and Cultures, Shanghai University of Political Science and Law.

Gadzhieva R.G., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor of the Department of National and Federal Relations of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management of the Institute of Public Administration and Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Member of the Union of Russian Artists.

Содержание

Культурология

<i>Ултургашева Н.Д., Чебодаева М.П., Алексеева А.Г.</i> Традиционный чепрак (кичѣм) хакасов (XIX – нач. XX вв.).....	14
<i>Мальцева Л.В., Полонникова А.А.</i> В современном мире: традиции, культура кубанских казаков.....	25
<i>Лу Вэйси</i> Фортепианные концерты И. Брамса.....	32
<i>Чжан Шилун</i> Объяснение причин сценического волнения у вокалистов-учащихся и теоретическое построение стратегий педагогического вмешательства.....	39
<i>Бакшеев А.И., Андренко О.В., Вергун А.С., Турчина Ж.Е.</i> Первый периодический литературный журнал Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: состояние и перспективы исследования.....	44
<i>Васильченко А.В.</i> Влияние политической рекламы на общественное сознание (на материале печатной продукции).....	52
<i>Воробьева М.В., Фролова Ю.В.</i> Философия и символизм живописи школы Вэньжэньхуа.....	62
<i>Воронкова А.С.</i> Пуантизм балерины Ильмиры Багаутдиновой как инновационная художественная практика.....	69
<i>Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И.</i> Гносеологический и терминологический дискурс о генезисе бумаги в Китае.....	78
<i>Го Сюемэй</i> Систематичность спортивных мероприятий как части приграничной культуры (на примере г. Хэйхэ и г. Благовещенск).....	89
<i>Калмыкова М.В.</i> Национальная гастрономия как объект нематериального культурного наследия: прецедент включения итальянской кухни в список ЮНЕСКО.....	98
<i>Лу Вэйси</i> Фортепианные сонаты А.Н. Скрябина: путь от романтизма до мистицизма.....	114
<i>Невраев А.Н.</i> Влияние культурного кода на этику социальной рекламы.....	121
<i>Лушников Т.Л., Тилинина М.Н.</i> Свето-цветовые решения в пространстве акварельных пейзажей Ричарда Берггольца.....	130

Чжан Шилун От «Украшения» к «Выражению»: исследование эволюции функции вокальных украшений в бельканто романтического периода..... 140

Башилова Е.И., Бакиев А.И., Гусаренко В.В. Литературные журналы России конца XIX – начала XX века как культурно-исторический феномен..... 144

Политология

Терновая Л.О., Чапкин Н.С. Предметное поле антропологии математики в контексте международных отношений..... 153

Нурутдинова А.Р., Фаттахова Н.Н. Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ..... 162

Наисо М.Д., Агирбов Т.Р. Сущность и последствия цифрового неравенства для развития сферы образования..... 179

Бураев Ф.В., Балашова Н.А. Кадровый потенциал муниципального управления..... 187

Брун М.Е. Сетевая структура акторов политического мейнстрима..... 192

Гаева А.В. Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты..... 204

Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Отечественный опыт внедрения урбанистики в градостроительную политику государства..... 219

Фидарова К.К., Калабекова С.В., Кулова М.Л., Погосова К.Л. Первые шаги в науку: исследования студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Северо-Кавказского Федерального округа..... 229

Карпенко А.М. Актуальность казачьей идентичности в современном обществе..... 241

Актуальные вопросы науки и инновации

Ашнокова Л.М., Павельева Т.Ю. Взаимосвязь языка и молодежного менталитета..... 253

Анисимова В.В., Симаев А.К., Башилова Е.И. Искусственный интеллект как фактор трансформации корпоративной культуры в организациях..... 259

Напсо М.Д., Агирбов Т.Р. Принцип компетентности в инновационном развитии образования.....	269
Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И. Бумага как феномен технологической культуры: к вопросу о генезисе и транскультурном трансфере.....	277
Галаганова С.Г., Горохова М.Ю. От «культуры отмены» – к «культуре подмены».....	289
Ещенко Т.В. Применение беспилотных летательных аппаратов в строительной отрасли.....	299
Логачева Е.А. Влияние физической культуры на личностное самосовершенствование студентов.....	304
Медведева О.А. Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса.....	311
Пронина Е.В., Джежелий С.В. Влияние организационной культуры на деятельность организации в агропромышленном комплексе.....	315
Старостина Н.А. Обогащение системы психологической поддержки преподавателей вуза коучинговыми техниками для активизации их творческой деятельности.....	328
Строганов Д.О., Куренкова Е.А. Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве».....	333
Фидарова К.К., Маргиев Д.Ю., Цомартов В.Р., Туаева Ф.А., Алборова А.В. Феномен земской медицины в России: уникальная модель общественного здравоохранения.....	345
Щербань А.В. Изучение BIM технологии в проектировании здания из сборных элементов.....	354
Аннотации	359
Авторы	382

Contents

Culturology

<i>Ulturgasheva N.D., Chebodaeva M.P., Alekseeva A.G.</i> Traditional saddle cloth (kichim) of the Khakass people (19th–early 20th centuries).....	14
<i>Maltseva L.V., Polonnikova A.A.</i> In the modern world: traditions, culture Kuban Cossacks.....	25
<i>Lu Weixi</i> Piano concertos by Johannes Brahms.....	32
<i>Zhang Shilong</i> Explanation of the causes of stage fright in student vocalists and theoretical development of pedagogical intervention strategies....	39
<i>Baksheev A.I., Andrenko O.V., Vergun A.S., Turchina Z.E.</i> The first literary periodical in Siberia, «Irtysh, transforming into Hippocrene»: status and research prospects.....	44
<i>Vasilchenko A.V.</i> The influence of political advertising on public consciousness (based on printed materials).....	52
<i>Vorobeva M.V., Frolova Y.V.</i> Philosophy and symbolism of Chinese monochrome painting.....	62
<i>Voronkova A.S.</i> The pointe technique of ballerina Ilmira Bagavutdinova as an innovative artistic practice.....	69
<i>Gavrilyuk N.P., Dediu E.I.</i> The epistemological and terminological discourse on the genesis of paper in China.....	78
<i>Guo Xuemei</i> Systematic sporting events as part of border culture (the case of Heihe and Blagoveshchensk).....	89
<i>Kalmykova M.V.</i> National gastronomy as an object of intangible cultural heritage: a precedent for the inclusion of Italian cuisine in the UNESCO list...	98
<i>Lu Weixi</i> A.N. Scriabin’s piano sonatas: from romanticism to mysticism...	114
<i>Nevraev A.N.</i> The influence of cultural code on the ethics of social advertising.....	121
<i>Lushnikova T.L., Tilinina M.N.</i> Light and color solutions in the space of Richard Bergholz’s watercolor landscapes.....	130

Zhang Shilong From «Ornament» to «Expression»: a study of the evolution of the function of vocal ornaments in romantic bel canto..... 140

Bashilova E.I., Baksheev A.I., Gusarenko V.V. Literary magazines of Russia in the late 19th – early 20th centuries as a cultural and historical phenomenon..... 144

Political science

Ternovaya L.O., Chapkin N.S. Subject field of the anthropology of mathematics in the context of international relations..... 153

Nurutdinova A.R., Fattakhova N.N. Human rights, cultural identity and globalization in proverbs: a linguo-sensory analysis..... 162

Napso M.D., Agirbov T.R. The nature and implications of the digital divide for educational development..... 179

Buraev F.V., Balashova N.A. Human resources potential of municipal administration..... 187

Brun M.E. Network structure of political mainstream actors..... 192

Gaeva A.V. Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite..... 204

Gusarova M.N., Avakyan D.A. Domestic experience of introducing urbanism into the state’s urban development policy..... 219

Fidarova K.K., Kalabekova S.V., Kulova M.L., Pogosova K.L. First steps into science: research by students, researchers and young scientists of universities North Caucasus Federal district..... 229

Karpenko A.M. The relevance of Cossack identity in modern society..... 241

Current issues of science and innovation

Ashnokova L.M., Pavelieva T.Yu. The Relationship between Language and Youth Mentality..... 253

Anisimova V.V., Simaev A.K., Bashilova E.I. Artificial intelligence as a factor in the transformation of corporate culture in organizations..... 259

<i>Napso M.D., Agirbov T.R.</i> Principle of competence in innovative educational development.....	269
<i>Gavrilyuk N.P., Dediu E.I.</i> Paper as a phenomenon of technological culture: on the question of genesis and transcultural transfer.....	277
<i>Galaganova S.G., Gorokhova M.Yu.</i> From «Cancel Culture» to «Substitution Culture».....	289
<i>Eshchenko T.V.</i> The use of unmanned aerial vehicles in the construction industry.....	299
<i>Logacheva E.A.</i> The impact of physical training on personal self-improvement of university students.....	304
<i>Medvedeva O.A.</i> Use of artificial intelligence in the field of educational process.....	311
<i>Pronina E.V., Dzhezheiy S.V.</i> The influence of organizational culture on the activities of an organization in the agro-industrial complex.....	315
<i>Starostina N.A.</i> Enriching the system of psychological support for university teachers with coaching techniques to enhance their creative work.....	328
<i>Stroganov D.O., Kurenkova E.A.</i> Solar and Lunar Interpretations of Khors in the Context of The Tale of Igor's Campaign.....	333
<i>Fidarova K.K., Margiev D.Y., Tsomartov V.R., Tuaeva F.A., Alborova A.V.</i> The phenomenon of territorial medicine in Russia: a unique model of public healthcare.....	345
<i>Shcherban A.V.</i> The study of BIM technology in the design of buildings from prefabricated elements.....	354
Abstracts	371
Authors	386

Culturology

Культурология

Ултургашева Н.Д.

Доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Чебодаева М.П.

Кандидат искусствоведения, научный сотрудник. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС, г. Абакан.

Алексеева А.Г.

Кандидат культурологии, майор полиции, начальник отдела договорно-правовой работы ОВО по Красносельскому району - филиалу ФГКУ УВО ВНГ Росгвардии по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Традиционный чепрак (кичiм) хакасов (XIX – нач. XX вв.)*

Аннотация. В статье рассматривается традиционный чепрак у хакасов. Основой для исследования послужили музейные коллекции Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Хакасского национального краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея. Автор анализирует научные публикации, вышедшие по данной проблематике в российской науке в разные годы, классификацию чепраков (мужские, женские, свадебные и детские) и технологию декорирования. Чепрак хакасов, бытовавший в Хакасско-Минусинской котловине с древнетюркского и предмонгольского времени, позволяет его считать одним из самых устойчивых элементов в культуре хакасов-кочевников. С другой стороны снаряжение верхового коня хакасов было утрачено в годы советской власти (1930-1950-е гг.).

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство хакасов, чепрак, этнические группы хакасов – качинцы, сагайцы, койбалы, кызыльцы.

Ulturgasheva N.D.

Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture. Kemerovo State Institute of Culture.

Chebodaeva M.P.

PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member, Abakan.

* © Ултургашева Н.Д., Чебодаева М.П., Алексеева А.Г., 2026.

Традиционный чепрак (кичiм) хакасов (XIX – нач. XX вв.)

Alekseeva A.G.

Candidate of Cultural Studies, Police Major, Head of the Department of Contractual and Legal work of the PSB in the Krasnoselsky district - branch of the FGKU UVO VNG of the Rosgvardiya in St. Petersburg and the Leningrad Region.

Traditional saddle cloth (kichim) of the Khakass people (19th–early 20th centuries)

Abstract. This article examines the traditional Khakass saddle cloth. The research is based on museum collections from the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg), the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the Khakass National Museum of Local History, and the Minusinsk Museum of Local History. The author analyzes scientific publications on this issue that have appeared in Russian science in different years, the classification of saddle blankets (men's, women's, wedding and children's) and the technology of decoration. The Khakass saddle cloth, which has been in use in the Khakass-Minusinsk Basin since ancient Turkic and pre-Mongol times, allows it to be considered one of the most stable elements in the culture of the Khakass nomads. On the other hand, the equipment of the Khakass riding horse was lost during the Soviet era (1930-1950s).

Key words: decorative and applied arts of the Khakass people, saddle cloth, ethnic groups of the Khakass people – Kachins, Sagays, Koibals, Kyzyls.

Одной из важных областей декоративно-прикладного искусства хакасов в прошлом было украшение предметов конского снаряжения: седла, чепраков и сбруи. Традиция эта имеет древние корни и связана, в первую очередь, с той огромной и исключительной ролью, которую на протяжении многих тысячелетий играла верховая лошадь в жизни и мировоззрении кочевников Хакаско-Минусинской котловины.

«Конь - есть товарищ, который не опережает своего хозяина и не отстает от него; он есть друг своего хозяина богатыря в сказках», - так гласит старинная хакасская поговорка, и в ней таится глубокий смысл. Лошадь была верным другом и спутником кочевника - воина и скотовода на всех этапах его жизни: от раннего детства, когда он ребенком получал в дар первого жеребенка с полным седельным набором; и до самой кончины, когда любимый конь усопшего, снаряженный в парадную амуницию, выполнял прощальную роль человека с миром в поминально-обрядовом цикле в качестве его верного друга.

В книге «Образцы народной литературы тюркских племен» профессор Н.Ф. Катанов зафиксировал, что когда человек умирал, в могилу клали чепрак: «...если умрет богатый человек, то закальвают лучшего коня, на котором он ездил; этого коня не едят и вместе не хоронят. «Жертвуем тебе коня! Возьми своего коня и едь на своем коне там, куда ты отправ-

ляешься!» говорят (люди) и кладут вместе седло его, потник и все то, что только бывает на коне» [1, с. 204]. Исследователь отметил, что во время погребального обряда в могилу умершего клали у ног покойника и другие предметы конской упряжи: узду и седло.

Материалы по конскому снаряжению у хакасов и их предков енисейских кыргызов, изучались в 1950-2000-х годах археологами и этнографами. В эти годы в различных научных изданиях вышли публикации ученых, посвященные данной проблематике К.М. Патачакова (1958) и И.Д. Ткаченко (2007) и др. [2].

Впервые о конской упряжи хакасов написал этнограф К.М. Патачаков в 1958 году в книге «Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.)». Он писал: «Но основным средством передвижения у хакасов с давних времен была верховая лошадь... Седло снабжалось кожаной подушкой, набитой птичьим пером или травой. Стремена были, как правило, металлическими, иногда деревянными, висящими на ремнях. К седлу прикреплялся нагрудный ремень (кокси паа), подхвостник (хосхын), вьючные ремешки (тирги). Под седло подстиляли войлочный потник (учургу), поверх него – кожаный чепрак (кичім). Сзади к седлу привязывался небольшой чепрак (кичиг кичім), покрывавший круп лошади» [3, с. 40-42].

В настоящее время есть основание полагать, что знакомство с конем и появление седла в Хакасско-Минусинской котловине произошло в таштыкскую археологическую культуру (III-IV века н. э.).

Первые седла с широкими арочными луками, по археологическим данным, имеющими иногда спрямленные очертания сторон, впервые появляются в восточных районах Восточной Азии и были известны по археологическим находкам и рисункам IV-VI веков в Корее и Японии.

Самая ранняя находка подобной формы седла из берестяной обкладки арочной луки седла в Южной Сибири была найдена в Уйбатском чаатасе археологом С.В. Киселевым в 1936-1938-х годах в Хакасской автономной области. Форма седла фиксировала основу луки подпрямоугольных очертаний, сближающихся по форме с обкладками древнекитайских седел начала IV века из Аньяна.

Санкт-Петербургский археолог Д.Г. Савинов предположил, что изображение такого раннего типа седла с жесткой основой мы можем видеть на тепсейских планках, обнаруженных в 1968 году археологическим отрядом Эрмитажа под руководством М.П. Грязновым под горой Тепсей в Усть-Абаканском районе Хакасской автономной области.

В VI в. н. э. в Хакасско-Минусинской котловине сложилось объединение тюркоязычных племен, которые письменные источники называют предков хакасов, именем «кыргыз». Енисейские кыргызы создали свое государство «Кыргызский каганат» с центром в Хакасско-Минусинской кот-

ловине, которое простиралось до Прибайкалья. На сегодняшний день известно два сохранившихся фрагмента седел енисейских кыргызов и одно деревянное цельное. Фрагменты серебряного седла были обнаружены в раскопках с горы Часовенная под Красноярском (Государственный Эрмитаж) и передняя лука седла из кости из Копенского Чаа таса (Государственный исторический музей), и деревянное седло из Узун-Хая (Хакасский национальный краеведческий музей).

В XIX - нач. XX века экипировка коня была важнейшим показателем социального статуса всадника-кочевника и свидетельством его жизненного успеха в местах компактного проживания хакасов в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии. Она же указывала на его родоплеменную принадлежность, ибо каждая этническая группа хакасов (качинцы, сагайцы, кызыльцы и койбалы) имела свои отличительные черты в декоре конской упряжи. Детали верховой упряжи у хакаса-кочевника состояли из: седла (изер); чепрака-потника (кичѳм) и тебеньков; узды с оголовьем (чуген); нагрудника (коксі паа); потфеи подхвостника (хосхын); подпружных ремней; стремян (ізене) и плети (хамчы).

Вероятно, что, основываясь именно на этих наблюдениях из жизни степняков-кочевников, известный исследователь хакасской культуры начала XX века этнограф А.В. Адрианов писал: «Все минусинские и ачинские инородцы - конные. Все без исключения мужчины, женщины и дети ездят верхом. Поэтому седла - мужские и женские составляют необходимой принадлежность каждой семьи. И всегда эти седла, а с ними и их принадлежности, каковы нагрудник, подфея, уздечка украшаются, и чем богаче, тем роскошнее. Передняя и задняя лука у седла, наборы на ремнях узды, нагрудника и подфея обсаживаются (так у автора - Прим. Автора) железными пластинами с насечками из серебра разнообразных фигур или сплошным серебрением с гравировкой орнамента; у богатых инородцев обе луки обсаживаются, кроме того, крупными кораллами, так что стоимость седла в отдельных случаях доводится до 100-150 и более рублей. И для изготовления седел и принадлежностей к ним среди инородцев нет во всем районе ни одного своего мастера. Всю эту работу выполняют 2-3 русских мастера, сумевших приспособиться к вкусам и требованиям инородцев и специализироваться на этом» [4, с. 107].

Сохранившиеся в музейных собраниях предметы экипировки свидетельствуют, что в XIX-нач. XX века седельное дело у хакасов было довольно развито. В северных, центральных и южных районах в Кызыльской, Абаканской и Степной думе разнородных племен были свои мастера по изготовлению седел. С упадком скотоводства и прекращением кочевничества почти перестал существовать и этот вид домашнего ремесла. И все же кое-где мастера-седельщики встречались и в начале XX века, некоторые из них пользовались широкой известностью за пределами своих улусов.

Частично спрос на седла и потники удовлетворялся рынком: богатые хакасы баи могли приобретать седла с богатым убранством. В большинстве же случаев хакасские седла и чепраки были местного значения – домашнего и кустарного – производства.

В хакасском традиционном обществе у отдельных баев в улусах были свои мастера резьбы по дереву, ювелиры, кожевники, которые специально занимались изготовлением предметов быта из дерева, металла и кожи. О таком улусе Чарков написал этнограф П.Е. Островских: «Мне пришлось быть у богатого качинца Петра Чаркова на р. Уйбат. Его громадный двор с большим русским домом, со многими юртами и разными надворными постройками, с многочисленной дворней представляет нечто вроде княжеского двора. Здесь вы находите учителя из поселенцев – он же писмоводитель и т. д., фельдшера, кузнеца, слесаря и нескольких мастеров из коренных сибирских крестьян для более изящных работ (насечки, литья и т. д.). Я не говорю уже о большом количестве пастухов, кожевников, коровниц и т. д. Насечка серебром деревяги и ременных принадлежностей к седлу стоит 40-60 руб.» [5, с. 312].

В условиях кочевничества седла (изер) и чепраки (кичiм) были в обиходе всего взрослого и детского населения. Различались чепраки мужские и женские и свадебные. Чепраки и потники у хакасов изготавливались из кожи, ткани, шелка и войлока. Декорировались раковинами каури, пуговицами и шнуром «чеек». На чепраках делались аппликации с орнаментом пятилистник, который символизировал богиню Огня «От Ине», а орнамент трилистник и мировое древо – символизировали богиню Умай, также на кожаных чепраках делалось тиснение и кисточки.

Несмотря на разнообразие используемых декоративных средств в убранстве мужского и женского чепраков, каждому из них были присущи собственная пластика и графическая передача орнаментов в украшении коня и конской сбруи, которые представляло собой единый, законченный и хорошо продуманный художественный комплекс, рассчитанный на восприятие при ярком свете дня, на фоне зеленых степных трав и чистого синего неба.

Особый художественный интерес у хакасов представляют форма и декор мужских седел и чепраков, являющихся главной эстетической составляющей всего ансамбля убранства верхового коня мужчины. Комплекс мужского чепрака состоял из трех видов: большого, малого и заднего, как и у женщин, но его отличие состояло в использовании материала, он делался из кожи.

В Музее антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) в Санкт-Петербурге в настоящее время сохранились два кожаных чепрака качинцев в коллекциях №5062-34 и №5062-88. Данные предметы поступили в музей в 1931 году от А.В. Харчевникова, директора Минусин-

ского краеведческого музея.

Чепрак качинцев №5062-34, поступил из Тугужекова улуса, с выемкой на верхней стороне и с пришитыми кожаными ремнями, имеет неправильную форму. Края чепрака окаймлены кожаной полосой с зубчиками. Кроме того, края боковых сторон украшены бахромой из кожаных полосок и петлями, чередующимися между собой. В острых углах чепрака сделано теснение с мотивом орнамента «рога барана».

Другой чепрак качинцев, №5062-88 также поступил из Тугужекова улуса, сшит из двух полотнищ трапециевидной формы с выемкой посередине верхней стороны. К краям выемки пришиты тонкие ремешки завязки. Края обшиты двойным слоем кожи, украшены красной суконной каймой. В острых углах чепрака нашиты кожаные аппликации с мотивом орнамента «сердца» из сукна красного цвета.

В фондах Хакасского национального краеведческого музея хранится единственный кожаный чепрак сагайцев №5793/18, который принадлежал Кичегею Майкову из улуса Халарлар Аскизского района. Чепрак сшит из двух полотнищ в виде трапециевидной формы. По краям и углам чепрака сделано тиснение по коже в виде буквы «Т» (Т образный знак, символизировал «молот Тенгри» - бога Неба, известен в Хакасии с кыргызского периода (VI-XII вв.).

Чепраки хакасов украшались тиснением по коже. Поскольку ручное тиснение по коже является достаточно кропотливым, трудоемким и ответственным процессом, то им обычно занимались мужчины. Тиснение по коже требовало иметь большое терпение, хорошие инструменты, а также кожу определенной выделки, предназначенной специально для тиснения. Мастер использовал следующие инструменты необходимые для выполнения тиснения: наборы различных металлических штампов для горячего тиснения; поворотный нож и формы для вырезания изображений на поверхности кожи. Хакасы для тиснения по коже использовали две техники – холодного и горячего тиснения. Такое разделение продиктовано не только разницей в рабочей температуре штампов, но и отличиями в получаемых результатах.

Женский чепрак также состоял из трех видов чепраков (большой, малый и задний) и шился в отличие от мужского из сукна (красного, синего, зеленого и оранжевого цвета) и шелка. Женский чепрак украшали цветной аппликацией, раковинами каури или вышивкой, аппликацией. Особой нарядностью отличались седельные чепраки свадебной лошади невесты.

В 1865 году князь Н.А. Костров в статье «Этнографические заметки о кызыльских татарах» впервые описал свадебный чепрак кызыльцев, когда в день свадьбы жених приезжал за невестой в ее улус. Во время прощания с родителями невесты, молодожены получают их благословение и отправ-

ляются в улус жениха. Он писал следующее по данному поводу: «Они едут верхом на самых лучших конях, убранных в самую лучшую сбрую: седла с серебряной насечкой, шитые шелком чепраки и новые уздечки; подушку, находящиеся на седлах, обшиваются для этого случая шелком и мишурою» [6, с. 107].

В 1894 году посетивший Минусинский уезд по заданию Российской Академии наук студент Императорского Санкт-Петербургского университета П.Е. Островских, описал свадебное женское седло и чепрак качинцев: «Чепрак, обыкновенно из красного сукна, украшен бусами, мелкими моржанами, различными пуговичками и вышит по краю такой же шелковой радужной каймой, как и шуба... Такие свадебные наряды и седло имеются далеко не во всех семьях качинцев; еще того менее их среди инородцев Степной думы, так как минимальная стоимость их не менее 300 руб. Очень богатый костюм (за исключением серег) и седельные принадлежности прислал в подарок музею Академии зимой 1894 г. качинец Е.П. Спирын» [7, с. 318].

Известный этнограф К.М. Патачаков подробно сделал описание женского свадебного седла и чепрака хакасов, отметив, что: «У женщин были особые, так называемые свадебные седла. В отличие от мужского, луки женского седла обильно украшались металлическими пластинами с серебряными насечками. Металлические пластины-украшения (по заказу) привозили русские купцы из г. Минусинска. Свадебные чепраки обычно делались из покупного темно-синего или красного сукна. Края чепрака отделялись вышивкой цветными шелковыми нитками, обычно в три полосы. По углам пришивались раковины каури. К нижним краям чепрака близ углов прикреплялись колокольчики и шелковые кисти» [8, с. 42].

В национальной культуре хакасов XIX-нач. XX века нашли отражение и элементы монгольской культуры, связанные с монгольским завоеванием в XII–XIII веках. Это влияние было значительным и, главным образом, отразилось на традиционном костюме: в покроях безрукавки сигедек, свадебной шубе идектг тон, халате торгы тон, в головном уборе тулгу порик и в линейном орнаменте чеек, который использовался в прикладном искусстве хакасов для декорирования подголовников «пас частыг», женских чепраков на лошадь и женских сумочек нанджик. Подобный линейный орнамент встречается также у алтайцев, калмыков, бурят и тувинцев.

В 1912 году в статье этнографа А.В. Адрианов «Об орнаменте у сибирских инородцев» выделил у минусинских и ачинских инородцев старинный орнамент «линейный» или «чеек». Исследователь писал: «Он (орнамент-прим. автора) состоит в том, что предмет обшивался по краю и параллельно ему тонкими разноцветными шнурками, тесно и параллельно наложенными и образующими полосу около сантиметра шириной. Так

как здесь не накладывался готовый уже шнурок, а он образовался путем густого прошивания материи, то этого рода вышивки представляли чрезвычайно кропотливую, медленную и тяжелую работу, при всей своей простоте и однообразии гораздо более трудную, чем все другие вышивки... Он встречается на вырезанной верхней части левой полы и середине рукавов зимней женской шубы. На проймах сигидека – безрукавки, которую носят замужние женщины поверх шубы, на четырехугольном конце подушки, на кечиме и чепраке женского седла» [9, с. 106].

В 1959 году этнограф Ю.А. Шибаевой зафиксировала во время этнографической экспедиции, что у хакасов были особые мастерицы «чеек салчан кизи» (мастерица по чееку). Впервые в работе Ю.А. Шибаева описала технику изготовления линейного орнамента чеек. По ее мнению: «Чеек представляет собою нашитые вплотную, ряд за рядом, швом «через край» (т. е. швом, называемым по-хакасски чеек), узенькие шнурочки, плетенные на руках из цветного шелка. Две-три нитки одного цвета сначала ссучиваются, потом из них сплетаются узенькие шнурочки, как плетут косы, в три пряди, которые нашивают на ткань, обычно на черный бархат, обязательно по 2 одноцветных шнура рядом. Ряды шнурочков располагаются в порядке цветов радуги, в разных «чееках» в разных вариантах, но всегда в одном и том же на одной и той же одежде» [10, с. 57-58].

Ученый А.В. Адрианов писал также «чеек», что «линейный» орнамент не всегда встречается на женских чепраках, иногда мастерицы делают аппликации с растительным мотивом в виде мирового дерева, стилизованных листьев и цветов. Вырезанные в виде аппликации из кожи, фигуры, простроченные на красном сукне чепрака, выглядели очень эффектно.

В народном искусстве хакасов важную роль играл цвет. Цветными нитками вышивали узоры на рубахах, шубах, сикпенах, рукавицах, кисетах и т. д. Надо отметить, что употребление цветов, цветных ниток носило осмысленный, систематизированный, можно сказать канонизированный характер, что составляло одно из отличий орнамента хакасов.

В 1900 году в книге «Этнографический обзор» Е.К. Яковлев обратил внимание, что инородцы Минусинского и Ачинского округов предпочитают женские чепраки зеленого и красного сукна, которые обшивались в три ряда плисом, цветными поясками, а по углам звездами из раковин (чыланбас) и колокольцами, или обшивались вышитой дорожкой из плиса, раковинами, перламутровыми пуговицами и колокольцами.

Красный цвет у хакасов был связан с обожествлением Солнца. Его семантика сложна и связана с первобытным культом Солнца, который у хакасов прослеживается с окуневской культуры эпохи бронзы. Согласно древними верованиям красный цвет символизирует жизнь, тепло и рождение. Красный цвет радости, веселья, торжества и счастья. С ним связано представление о солнце – источнике всего живого на земле. Солнцу

поклонялись, его обожествляли. Отметим, что хакасы к верхушке головного убора «тулгу пурек» и к женскому чепраку пришивали кисти из шелковых нитей, которые обозначали лучи солнца. А также красные бусины или крупный коралл, который также обозначали солнце.

Семантика зеленого цвета была связана с цветом цветущей земли-степи, признак начала весны, прихода тепла – начала хорошей счастливой жизни, поэтому зеленый цвет – символ счастья родной земли. В иконографии зеленый цвет связан с богиней Умай - богиней-матерью, жизни и женского плодородия и деторождения, символ цветущей степи и вечной жизни.

В отношении синего, голубого цвета то исследователи народного орнамента сообщают, что синий цвет – цвет неба символизирует вечность, постоянство, верность, связывая с верованиями и поклонением хакасов богу Тенгри – вечному синему небу.

Этнограф А.В. Адрианов в статье «Об орнаменте у сибирских инородцев» писал, что: «Любимые цвета инородцев – синий, красный, желтый, реже зеленый и еще реже голубой, фиолетовый, белый. Пользуясь сравнительно небольшой гаммой цветов и оттенков, инородки всегда соблюдают гармонию в сочетании цветов, по крайней мере, я не встречал, при бесконечном варьировании этих сочетаний, ни одной вышивки, исполненной безвкусно» [11, с. 105].

У хакасов бытовали также войлочные чепраки. Сведения о хакасском войлочном ремесле и орнаментации войлочных предметов сохранились в наши дни незначительные. В связи с изменениями в бытовых условиях и, прежде всего, с переходом на оседлость и переселением из кочевых войлочных юрт в избы, где войлочные вещи стали употребляться реже.

В коллекции Музея антропологии и этнографии №2390/28, полученной в 1914 году от этнографа С.Д. Майнагашева сохранился белый войлочный чепрак «киис учургу», украшенный орнаментом «рога барана» «мууз хуча».

В мифологическом мировоззрении хакасов большое место занимал животный мир. Среди них очень часто встречалось орнамент «рога барана» по-хакасски «муус хуча». Изображение рогов - символ основного богатства хакасов - скота, с ним связывались многие народные представления.

Мотивы роговидных очертаний были широко распространены в искусстве народов Центральной Азии (Казахстан, Кыргызстан, Алтай, Бурятия, Тува и Монголия). Орнамент «рога барана» у хакасов назвался «муус хуча», у казахов «кошкар муйиз», кыргызов «кочкарок», башкиров «кускар», каракалпаков «кос муйиз», тувинцев «кошкар мыйызы» и др.

Орнамент «рога барана» «муус хуча» получил большое распространение в декоративно-прикладном искусстве хакасов: войлоковальнии, худо-

жественной обработке коже и в вышивке на одежде. Характерной особенностью узора «рога барана» является его спиральное построение, имеющее от двух до четырех полуокружностей, образующих спираль. В процессе композиции узор «рога баран» очень часто усложняется путем введения других форм хакасского узора. Промежуточная форма узора «рога барана» встречается довольно редко в композициях хакасского узора. Увеличение количества спиралей в этом элементе приводит к рисунку «повторяющийся рог», который встречается в вышивке. Изображение рогов – впоследствии трансформировалось в растительные мотивы.

Таким образом, чепраки хакаса-кочевника, имеют давнее происхождение и свидетельствуют о высоком искусстве и таланте народных мастеров, в области художественной обработки металла, кожи и шитья по ткани, являясь достоянием национальной художественной культуры. Музейные собрания Санкт-Петербурга, Красноярска, Абакана и Минусинска, хранящие в настоящее время предметы конского снаряжения, служат не только важным источником для ее изучения и пропаганды народного искусства, но и представляет собой благодатную почву для его возрождения в Республике Хакасия.

Библиографический список

1. Катанов Н.Ф. Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. – СПб.: 1907, 660 с.
2. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). – Абакан: Хаккнигоиздат. 1958. 104 с.
3. Патачаков К.М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). – Абакан: Хаккнигоиздат. 1958. 104 с.
4. Адрианов А.В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге. – СПб.: 1911-1912. Т. 1. С. 102-108.
5. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – СПб.: 1895. С. 297-348.
6. Костров Н.А. Этнографические заметки о кызыльских татарах // Записки сибирского отдела Императорского Русского географического общества. – Иркутск. 1865. Книга VIII. С. 108.
7. Островских П.Е. Этнографические заметки о тюрках Минусинского края // Живая старина. – СПб.: 1895. С. 297-348.
8. Патачаков К. М. Культура и быт хакасов в свете исторических связей с русским народом (XVIII-XIX вв.). – Абакан: Хаккнигоиздат. 1958. 104 с.
9. Адрианов А.В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге. – СПб.: 1911-1912. Т. 1. С. 102-108.
10. Шиббаева Ю.А. Одежда хакасов. – Сталинабад: М-во просвещения Таджик. ССР. Таджик. гос. ун-т им. В.И. Ленина. 1959. 126 с.
11. Адрианов А.В. Об орнаменте у сибирских инородцев // Труды Всероссийского съезда художников в Петербурге. – СПб.: 1911-1912. Т. 1. С. 102-108.
12. Ткаченко И.Д. Войлок в конском снаряжении у кочевников Центральной Азии (по материалам РЭМ) // Мода и дизайн: исторический опыт, новые технологии. – СПб.: 2007. С. 210-215.
13. Щупленков О.В., Щупленков Н.О. Роль французского капитала в сохранении политического влияния в Сирии и Ливане 1920–1930-е гг. // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 13-26.

References

1. Katanov N.F. "Examples of Folk Literature of the Turkic Tribes," Published by V. Radlov. St. Petersburg: 1907, 660 p.
2. Patachakov K.M. "The Culture and Life of the Khakass People in Light of Historical Ties with the Russian People (18th-19th Centuries)." Abakan: Khakknigoizdat. 1958. 104 p.
3. Patachakov K.M. "The Culture and Life of the Khakass People in Light of Historical Ties with the Russian People (18th-19th Centuries)." Abakan: Khakknigoizdat. 1958. 104 p.
4. Adrianov A.V. "On Ornamentation among Siberian Foreigners." Proceedings of the All-Russian Congress of Artists in St. Petersburg. – St. Petersburg: 1911-1912. Vol. 1. P. 102-108.
5. Ostrovskikh P.E. Ethnographic notes on the Turks of the Minusinsk region // Living antiquity. – St. Petersburg: 1895. P. 297-248.
6. Kostrov N.A. Ethnographic notes on the Kyzyl Tatars // Notes of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society. – Irkutsk. 1865. Book VIII. P. 108.
7. Ostrovskikh P.E. Ethnographic notes on the Turks of the Minusinsk region // Living antiquity. – St. Petersburg: 1895. P. 297-348.
8. Patachakov K.M. Culture and Everyday Life of the Khakass People in Light of Historical Ties with the Russian People (18th-19th Centuries). – Abakan: Khakknigoizdat. 1958. 104 p.
9. Adrianov A.V. On the Ornamentation of Siberian Non-Russians // Proceedings of the All-Russian Congress of Artists in St. Petersburg. – St. Petersburg: 1911-1912. Vol. 1. P. 102-108.
10. Shibaeva Yu.A. Clothing of the Khakass People. – Stalinabad: Ministry of Education of the Tajik SSR. Tajik State University named after V.I. Lenin. 1959. 126 p.
11. Adrianov A.V. On the Ornamentation of Siberian Non-Russians // Proceedings of the All-Russian Congress of Artists in St. Petersburg. – St. Petersburg: 1911-1912. Vol. 1. P. 102-108.
12. Tkachenko I.D. Felt in horse equipment among the nomads of Central Asia (based on materials from the Russian Museum of Economics) // Fashion and design: historical experience, new technologies. – St. Petersburg: 2007. Pp. 210-215.
13. Shchuplenkov O.V., Shchuplenkov N.O. The role of French capital in maintaining political influence in Syria and Lebanon in the 1920s and 1930s // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 13-26.

Мальцева Л.В.

Профессор, доктор педагогических наук, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Полонникова А.А.

Старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

В современном мире: традиции, культура кубанских казаков*

Аннотация. Меняется время, но вечным всегда остается культура, традиции, обычаи своего народа. Необходимо в наше время возрождать традиции, культуру, это позволит сохранить для потомков. Традиционная культура в развитии и воспитании молодежи имеет неограниченное значение.

Традиции, культура, обычаи начинаются там, где человек творит, это раскрывается через образное мышление и овладение творчеством. Овладение этой меркой и есть сущностный признак культуры. Приобщения молодежи к традициям, культуре, обычаям является преподавание искусства, истории. В истории всегда огромную роль играла, и будет играть личность человека. Выдвинутая на передний край она может, не страшась, каких-либо отрицательных последствий, взять на себя всю полноту ответственности. Обучения и воспитания искусству можно значительно повысить качество знаний, умений и навыков, эффективность преподавания.

Ключевые слова: культура, традиции, обычаи, воспитание, искусство, казачество, молодежь, мышление.

Maltseva L.V.

Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Polonnikova A.A.

Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

In the modern world: traditions, culture Kuban Cossacks

Abstract. Times change, but the culture, traditions, and customs of one's people always remain eternal. It is essential to revive traditions and culture in our time; this will preserve them for posterity. Traditional culture is invaluable in the development and education of youth.

Traditions, culture, and customs begin where a person creates; this is revealed through imaginative thinking and the mastery of creativity. Mastering this yardstick is the essential characteristic of culture. Teaching art and history is key to introducing youth to traditions, culture, and customs. The

* © Мальцева Л.В., Полонникова А.А., 2026.

individual has always played, and will continue to play, a vital role in history. When brought to the forefront, the individual can assume full responsibility without fear of any negative consequences. Art education and training can significantly improve the quality of knowledge, skills, and abilities, as well as the effectiveness of teaching.

Key words: culture, traditions, customs, education, art, Cossacks, youth, thinking.

Актуальность данной проблемы заключается в том, что положение искусства в обществе играет большое значение. Изучение изобразительного искусства воспитывает уважение к традициям и культуре своего народа. Творчество, как категория охватывает все виды человеческой деятельности. От трудовой, умственной до духовной. Даже простая повседневная жизнь без этой категории, замрет, станет повседневностью – скучной и бесполезной. Все эти виды творческой деятельности тесно переплетаются, дополняя, и развивая друг друга.

Таким образом выполняя творческую работу, каждый из нас будет чувствовать материал, с которым работает. Накоплен огромный опыт и пользуясь этим опытом, можно воспитывать подрастающее поколение [6].

В каждом уголке нашей страны есть свои: особенности, неповторимая красота природы, художественные промыслы. Традиции, культура, обычаи начинаются там, где мы живем и творим. В нашем Краснодарском крае приобщение молодежи к традиционной культуре казачества происходит на протяжении всей жизни, и передаваться из поколения в поколение. Народное и декоративно-прикладное искусство вводит нас в поэтический мир образа, обогащает художественное восприятие, развивая фантазию и воображение.

В нашем казачьем крае казак не может считать себя казаком, если он не знает и не соблюдает традиции и обычаи своих предков. Возрождая традиции, обычаи, которые имеют уникальные условия мы изучаем национальную культуру кубанских казаков [1].

Семья казака.

Казачья свадьба.

И сегодня каждый желающий может увидеть живые картинки той далекой истории: как казаки воевали, как растили хлеб, как справляли свадьбы. Для этого был построен музей в краснодарском крае под открытым небом с казачьей историей и традициями, на берегу Азовского моря, на полуострове Тамань и дали ему название станица Атамань, где подворья со старинными хатами, и рыночная площадь с бречками и телегами, и часовня, и другие объекты, соответствующие станичным постройкам тех времен [2].

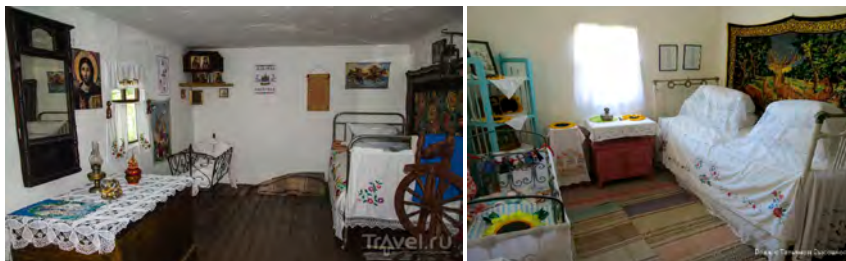
Пословицы и поговорки про казаков.

Подворье казака Подворье рыбака.

Хозяйственные постройки Сторожевая вышка Подворье казака.

Внутреннее убранство хаты казака.

Традиции всегда являлись новым открытием для молодого поколения, несущим в себе объем знаний и опыта, проверенного веками. В нашем крае развивают и поддерживают традиционную культуру кубанских казаков, народные промыслы [6]. Народное искусство – продукт многовекового опыта это: стилизация, трансформация, плоскостность, декоративность, орнаментальность целого и его частей. На современном уровне традиционная культура и воплощаемый в нем эстетический идеал – это будущее, видение будущего в настоящем. Это всегда устремление вперед. Говоря о традиционной культуре Кубани, одновременно показывать подрастающему поколению это будущее в настоящем.

Цели и задачи состоят в том, что нужно изучать изобразительного искусство, историю, культуру своего народа: 1) возрождать народное искусство, народные традиции своего региона, эстетически воспитывать, развивать художественный вкус; 2) обогащать внутренний мир средствами постижения духовной стороны искусства, народной культуры и знаниями в области декоративно-прикладного искусства; 3) способность самореализации, развивать наблюдательность, воображение, пространственное мыш-

Коллаж Вышивка рушников.

Кубанские просторы.

Способности к изобразительному искусству развиваются в упражнениях целенаправленно идти к намеченной цели. Прежде, чем выполнить рисунок, его еще нужно вообразить, увидеть, представить. Воображение помогает создавать последовательность выполнения работы. К этим способностям нужно добавить еще те, которые определяют эмоциональность восприятия – способность наслаждаться наблюдаемым, его ритмом, контрастами, гармонией. Именно они рождают творческий импульс, потребность в воспроизведении своих наблюдений или представлений в рисунке [5].

Каждый человек, увлеченный рисованием, если его поставить в благоприятные условия, то обнаружатся способности понимания мира – в отборе содержания, в трактовке его, в рисунке, цвете, композиции своих творческих работ.

ление, осознавать виденное.

Для современного человека культура общения, культура зрения, цветовое восприятие, значит ничуть не меньше, чем культура речевого общения. Это диктуется ныне необходимостью привести всю систему художественного развития с потребностями сегодняшнего времени [5].

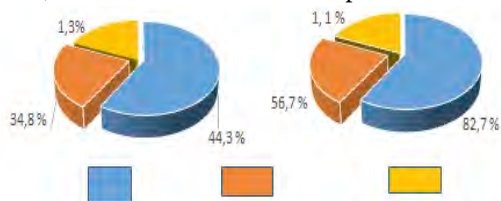
Таблица 1. Контрольные группы Экспериментальные группы.

	Контрольные группы 25 человек – 100 %			Экспериментальные группы 25 человек – 100 %		
	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень	Низкий уровень	Средний уровень	Высокий уровень
1. Валяние (сухое)	1,2	57,4	41,4	1,0	57,5	41,5
2. Валяние (игрушки)	1,4	57,3	41,3	1,2	57,6	41,2

Образный язык декоративного искусства имеет свои особенности: цвет, форму. В процессе изучения цветовых и линейных ритмов, композиционная стройность постепенно осваивается от занятия к занятию. Взаимодействие изобразительного искусства в современных условиях происходит на уровне художественного развития нашего общества. Именно через культуру приобретает целостность, единство, обладающее упорядоченной

структурой. Культура: 1) есть сфера свободной самореализации личности, сфера творчества, вдохновения; 2) ценностное отношение к реальной жизни в обществе; 3) есть искусственный, созданный мыслью, духом и руками человека мир, отличный от природы, которая нас окружает.

Воспитывая молодежь на искусстве, культуре, истории кубанского ка-

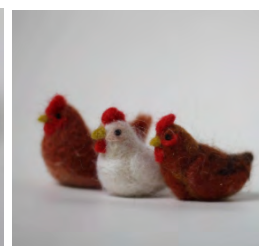
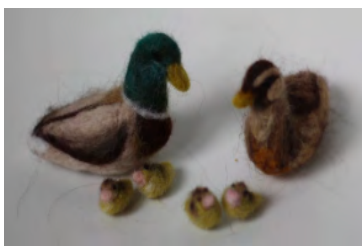

Высокий уровень

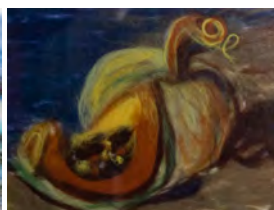
Средний уровень

Низкий уровень

Было задание свалить подворье казака.

Сваленные животные, которые были у казаков на подворье.

Кубанская хата Черное море Осенний урожай.

Керамические вазы на тему казачества выполнены в станице Холмской школы искусств.

зачества – значит мы сохраняем историческую преемственность двух поколений. На переломных этапах современного общества обостряется чувство самосознания, возрастает интерес к искусству, истории, национальной культуре.

Творческое воспитание молодежи с помощью традиций, культуры, обычаев кубанских казаков, искусстве в наше время стало насущной потребностью общества. Оно подходит к интерпретации и социальному, нравственному, эстетическому, духовному формированию человека.

Библиографический список

1. Бондарь Н.И. Традиционная культура кубанского казачества. – Краснодар: Традиция, 1999.
2. История Кубани / под ред. В.Е. Шетнева. – Краснодар: Кубанское книжное издательство, 2004.
3. Кузин В.С. Психология. – Москва: Высшая школа, 1994.
4. Мальцева Л.В. Методика обучения изобразительному искусству. – Краснодар: КубГУ, 2015.
5. Мальцева Л.В. Кубановедение на уроках изобразительного искусства в общеобразовательной школе. – Краснодар: Традиция, 2010.
6. Мальцева Л.В. Развитие художественно-творческих способностей школьников средствами изобразительного искусства (на материале этнохудожественной культуры Краснодарского края). Краснодар: Экоинвест, 2009.
7. Педагогика / Под ред. Л.П. Крившенко. – Москва: Проспект, 2004.
8. Чистов К.В. Кубанские станицы. – Москва: Наука, 1967.
9. Сулейманов А.Р. Постсоветская Евразия в большом евразийском партнёрстве // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 110-115.

References

1. Bondar N.I. Traditional Culture of the Kuban Cossacks. – Krasnodar: Traditsiya, 1999.
2. History of Kuban / edited by V.E. Shchetnev. – Krasnodar: Kuban Book Publishing House, 2004.
3. Kuzin V.S. Psychology. – Moscow: Vysshaya shkola, 1994.
4. Maltseva L.V. Methods of Teaching Fine Arts. – Krasnodar: KubSU, 2015.
5. Maltseva L.V. Kuban Studies in Fine Arts Lessons in Comprehensive Schools. – Krasnodar: Traditsiya, 2010.
6. Maltseva L.V. Development of Artistic and Creative Abilities of Schoolchildren by Means of Fine Arts (Based on the Ethnoartistic Culture of Krasnodar Krai). Krasnodar: Ecoinvest, 2009.
7. Pedagogy / Ed. L.P. Krivshenko. – Moscow: Prospect, 2004.
8. Chistov K.V. Kuban Villages. – Moscow: Nauka, 1967.
9. Suleymanov A.R. Post-soviet Eurasia in the great Eurasian partnership // Ethnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 110-115.

Лу Вэйси

Студент. Шэньянская консерватория, Китайская Народная Республика.

Фортепианные концерты И. Брамса*

Аннотация. Цель данной работы - проанализировать особенности фортепианных концертов Иоганнеса Брамса как синтеза симфонического мышления и фортепианной виртуозности. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- исторический контекст создания концертов;
- их место в развитии жанра фортепианного концерта;
- характерные черты драматургии, формы и оркестровки;
- принципы взаимодействия солиста с оркестром;

Актуальность темы обусловлена интересом к творчеству Брамса как одной из ключевых фигур позднего романтизма. Концерты масштабны по своей мысли и глубине. Изучение фортепианных концертов Брамса позволяет лучше и детальнее понять эволюцию стиля эпохи романтизма, а так же природу взаимодействия солиста и оркестра в музыкальном искусстве второй половины XIX века.

Ключевые слова: И. Брамс, концерт, музыка, фортепиано, достижение, симфония.

Lu Weixi

Student. Shenyang Conservatory of Music, People's Republic of China.

Piano concertos by Johannes Brahms

Abstract. The purpose of this paper is to analyze the characteristics of Johannes Brahms's piano concertos as a synthesis of symphonic thinking and piano virtuosity. To achieve this goal, it is necessary to consider:

- the historical context of the concertos' creation;
- their place in the development of the piano concerto genre;
- characteristic features of dramaturgy, form, and orchestration;
- the principles of interaction between soloist and orchestra;

The relevance of this topic stems from interest in the work of Brahms as one of the key figures of late Romanticism. The concertos are ambitious in their thought and depth. Studying Brahms's piano concertos allows for a better and more detailed understanding of the evolution of style in the Romantic era, as well as the nature of interaction between soloist and orchestra in musical art in the second half of the 19th century.

Key words: J. Brahms, concert, music, piano, achievement, symphony.

* © Лу Вэйси, 2026.

Фортепианные концерты И. Брамса

Введение

Продолжая традиции немецкой симфонической школы, Брамс пошёл к жанру фортепианного концерта не как к демонстрации виртуозности, а как к возможному пути философского высказывания. Его концерты наполнены внутренними переживаниями и драматическими контрастами, так же определенную роль играет процесс взаимодействия фортепиано с оркестром, где каждый является равноправным участником «диалога». Это та черта, которая отличает его подход от блестящей концертности Листа или Шопена, создавая новый тип художественного мышления внутри жанра.

Важное значение для понимания этих произведений имеет исторический контекст. Первый концерт d-moll был создан в период личных переживаний и творческих поисков, тесно связанных с трагическими событиями в жизни композитора и его близкого окружения. Второй концерт B-dur, напротив, относится к зрелому периоду Брамса, когда его профессиональная репутация была уже прочно установлена, а художественные идеи приобрели философскую ясность. Эти два произведения позволяют нам глубже проследить эволюцию его стиля и развитие композиторского языка.

Изучение фортепианных концертов Брамса позволяет не только рассмотреть одну из важнейших страниц в истории романтизма, но и выявить особенности формирования нового типа концертности, в котором выражены принципы его мировоззрения и художественного языка.

Исторический контекст создания концертов

Фортепианные концерты Иоганнеса Брамса возникли в два совершенно разных периода его жизни, они отражают два противоположных эмоциональных состояния композитора. Первый концерт d-moll, op. 15 был написан весной 1857 года – во время, когда Брамс переживал тяжёлое внутреннее потрясение, связанное с трагедией семьи Шуманов. В 1854 году Роберт Шуман, сыгравший в судьбе молодого композитора роль наставника, оказался тяжело болен, из-за чего умер спустя два года. Эти события сильно повлияли на Брамса, который на протяжении всего этого периода находился рядом с Кларой Шуман, поддерживая её и принимая участие в семейных делах.

На фоне этих эмоциональных переживаний был написан Первый концерт. Начинаясь он как камерное произведение - соната для двух фортепиано, однако стремление к более широкому масштабу привело Брамса к мысли о создании фортепианного концерта. Работа над концертом заняла несколько лет и сопровождалась многочисленными переработками. Брамс неоднократно обращался к своему близкому другу, скрипачу Й. Иоахиму с просьбой посмотреть и проверить его сочинение. Иоахим быстро откли-

кался и давал подробные замечания, за которые Брамс искренне благодарил. Советы друга помогали ему учиться и совершенствовать концерт, как он сам говорил [1].

В этом произведении Брамс впервые пробовал соединить фортепианную технику с симфоническими принципами мышления, что стало важным шагом от камерных сочинений, в которых он чувствовал себя более уверенно. Несмотря на холодный приём первых исполнений, именно этот концерт положил начало формированию того типа концертности, в котором солирующий инструмент не противопоставлен оркестру, а становится частью единого [6].

Совершенно иной творческий контекст окружал появление Второго фортепианного концерта B-dur, op. 83, который появился в 1881 году. Между двумя произведениями пролегает промежуток почти в четверть века - время, когда Брамс прошёл путь от талантливого молодого композитора к признанному мастеру. К моменту работы над вторым концертом он уже обладал определенной репутацией симфониста, создал ряд крупных камерных и оркестровых произведений и приобрёл уверенность в собственном стиле. В конце 1870-х годов, после выхода Первой и Второй симфоний, композитор окончательно утвердился как один из центральных представителей немецкой музыкальной школы.

Долгий перерыв между концертами был обусловлен не отсутствием интереса к данному жанру, а лишь развитием творческого языка Брамса. К крупной форме он подходил осторожно, и возвращение к фортепианному концерту произошло только тогда, когда полностью сформировался язык его симфонического письма. Если подумать, то эти два фортепианных концерта Брамса - это не просто два произведения в рамках одного жанра, а две точки жизненного и творческого пути, разделённые долгими годами становления. Первый концерт вырос из личной трагедии, эмоциональной неустойчивости и поиска художественного масштаба, тогда как второй создан на вершине зрелости, в период творческой устойчивости и полного владения формой. Именно сопоставление этих обстоятельств позволяет увидеть внутреннюю логику развития композитора и понять, как менялось его отношение к жанру и к симфоническому мышлению в целом.

Сравнительная характеристика концертов

Фортепианные концерты Брамса демонстрируют наглядную эволюцию его творческого языка, и их сопоставление позволяет глубже понять композиторский подход и особенности его интерпретации жанра. Первый концерт отличается относительно меньшим масштабом по сравнению с вторым концертом, хотя для своего времени он уже считался крупным произведением. Форма трехчастная, длительность около 40 минут. Второй

концерт охватывает значительно большее время - около 50 минут, и состоит из четырёх частей, что усложняет общую драматургию. Разница в масштабе и длительности наглядно отражает эволюцию Брамса как мастера крупной формы и его стремление к более развернутой симфонической мысли. На момент премьеры Второй концерт считался самым продолжительным и технически сложным из всех написанных к тому времени фортепианных концертов [2].

Оркестровка обоих концертов также демонстрирует различные подходы к взаимодействию солиста с оркестром. В первом концерте фортепиано зачастую выступает как ведущий голос, однако композитор избегает чисто виртуозного доминирования, оркестр активно участвует в развитии тем. Второй концерт представляет собой более тонкую оркестровую ткань. Здесь достигается равноправие между солирующим инструментом и оркестром, проявляющееся в постоянной смене ведущих ролей, органическом включении оркестровых групп и широкой палитре тембров. Такое взаимодействие подчёркивает симфонический характер концерта и демонстрирует мастерство Брамса в построении сложных многоголосий [3].

Эволюция композиторского языка между двумя произведениями проявляется и в гармоническом строе, и в развитии тем, и в ритмической структуре. Первый концерт (ранний Брамс): более резкие контрасты, эмоциональная напряжённость, прямолинейная фактура. Второй концерт (зрелый Брамс): гармонии становятся более плавными и выразительными, фактура – прозрачной. В целом, сопоставление этих двух концертов позволяет увидеть, как опыт, личные переживания и творческий рост меняли письмо композитора.

Анализ концерта №1

Первый фортепианный концерт Брамса представляет собой произведение необычайной драматургической силы и ярко демонстрирует влияние классической симфонической традиции, прежде всего наследия Бетховена. Композитор использует здесь масштабные формы и плотную оркестровую фактуру [6].

I часть, *Maestoso*, написана в форме модифицированной сонаты. Здесь можно проследить принцип «героя и конфликта»: музыкальные темы вступают в диалог, чередуя напряжение и лирическое разрешение, что создаёт драматическую основу всей части. Оркестр в экспозиции выполняет почти симфоническую функцию, задавая тон и окраску, а фортепиано вступает постепенно, не доминируя.

II часть, *Adagio*, поражает лирической глубиной и внутренней сосредоточенностью. Эта часть часто рассматривается как музыкальное посвящение Кларе Шуман, и её тихая, почти молитвенная атмосфера создаётся за

счёт умеренного развития тем и «хоровой» фактуры. Фортепиано в этой части выступает как голос, несущий интимное и личное послание, не претендующее на внешнюю демонстрацию мастерства.

III часть, *Allegro non troppo*, служит кульминацией и завершением драматургической линии концерта. Динамика, ритм и акценты создают ощущение движения вперёд и одновременно внутреннего разрешения конфликта, заданного в первой части. Несомненно, одной из ключевых параллелей является знаменитая «тема радости» Бетховена, которая выступает основной темой финальной части Симфонии. Интонационные мотивы этой темы находят своё отражение и развитие в завершающем разделе финала концерта [3].

Концерт №1 d-moll сочетает в себе симфоническую плотность, драматическую силу и виртуозные элементы. Его анализ показывает, как Брамс использует традиционные формы и гармонии для создания индивидуального, эмоционально насыщенного и сложного произведения, задающего новые ориентиры для фортепианной концертной литературы XIX-XX веков.

Анализ концерта №2

Второй фортепианный концерт Брамса представляет собой произведение, которое часто называют «симфонией с фортепиано». Четырёхчастная структура позволяет композитору сделать драматургию более обширной. В отличие от Первого концерта, здесь виртуозность солиста подчинена общему симфоническому замыслу, а каждая часть органично развивается из предыдущей, создавая единое целое.

I часть, *Allegro non troppo*, Здесь, опять таки, композитор не стремится продемонстрировать виртуозность исполнителя, а раскрывает глубокую идею, возникающую в процессе взаимодействия солирующей валторны и фортепиано. Брамс сочетает динамическое напряжение с гармонической ясностью, создавая впечатление уверенности и эмоциональной глубины.

II часть, *Allegro appassionato*, резко контрастирует с предыдущей своей энергией и драматизмом. Она пронизана активным движением и эмоциональной экспрессией, однако эти черты не исключают напевности мелодических линий и даже аккордового склада. Здесь проявляется способность Брамса объединять виртуозность и эмоциональную выразительность в рамках крупной формы.

III часть, *Andante*, представляет собой лирику, контрастирующую с энергией второй части. В этой части можно услышать интонации романса, колыбельной, а также элементы хорала. Все эти компоненты гармонично сочетаются друг с другом, создавая единое музыкальное полотно, представляя собой разные стороны единого художественного образа.

IV часть, *Allegretto grazioso*, имеет форму сонатного рондо. Обилие

музыкальных тем приближает финал к структуре сюиты, особенно заметно это в побочной партии, которая следует за рефреном, включающей несколько мелодий с характерными венгерскими чертами. Важно отметить, что именно в этой части Брамс впервые употребляет обозначение «*grazioso*», ранее использовавшееся лишь в отношении скерцо [7].

Второй концерт *B-dur* демонстрирует сочетание симфонической монументальности и камерной чувствительности, зрелую гармоническую и драматургическую разработку, а также мастерство Брамса в интеграции фортепиано в оркестровую ткань. Каждый из четырёх частей выступает как самостоятельное высказывание, но вместе они образуют завершённое, цельное произведение, являющееся вершиной его концертного наследия.

Значение фортепианных концертов И. Брамса в мировой музыкальной культуре

Фортепианные концерты Брамса оказали значительное воздействие на развитие жанра в XIX–XX столетиях, задав новые ориентиры в области симфонического мышления и формообразования. Они отличаются от концертной традиции ранних романтиков, где главная роль отводилась показательной технике пианиста. Вместо этого Брамс создал образцы симбиоза сольного инструмента и оркестра, ставшие эталонными примерами сочетания напряжённого драматизма, утончённой гармонии и сложной оркестровой ткани, сравнимой по выразительной силе с камерной музыкой. Такой подход оказал сильное влияние на последующие поколения композиторов, таких как Сергей Прокофьев и Дмитрий Шостакович, которые стремились расширить границы симфонизма в рамках фортепианного концерта.

Большое значение имеет глубина содержания самих произведений. Несмотря на разнообразие подходов, очевидно, что каждый звук инструментальной музыки Брамса несёт глубокий смысл, сопоставимый с его вокальными сочинениями, вдохновлёнными поэзией, библейскими текстами и фольклором. Это придаёт его концертам особую силу воздействия, соединяя энергию с чётким структурным строением.

Фортепианные концерты Брамса остаются центральными произведениями мирового репертуара, задающими высокие стандарты симфонического искусства, служащими проверкой профессиональных качеств пианистов и оставляющими значительный след в истории музыкальной культуры [4].

Заключение

Через музыку Брамс стремился передать тонкие грани внутренней жизни. Такая субъективность и лиричность, соединённая с глубокой

рефлексией, остаётся актуальной и ценится в современной культуре по сей день [5].

Фортепианные концерты Иоганнеса Брамса представляют собой уникальное явление в истории музыки XIX века, сочетая симфоническую монументальность, драматическую глубину и виртуозную фортепианную фактуру. Анализ обоих концертов показал, как эволюция творческого языка композитора отражается в оркестровке, драматургии и фактуре произведений. От эмоционально напряжённого и трагически окрашенного Первого концерта d-moll до зрелого, гармонически сбалансированного и многогранного Второго концерта B-dur.

Эти произведения не только развивают жанр фортепианного концерта, но и формируют стандарты для взаимодействия солиста и оркестра, устанавливая высокие требования к техническому и художественному мастерству исполнителя. Концерты Брамса остаются испытанием для пианистов, интересом для музыкальных исследователей и источником вдохновения для поколений слушателей и музыкантов.

Библиографический список

1. Алексей Гвоздев. «Некоторые аспекты творческого содружества И. Брамса и Й. Иоахима». 2016. 32 с.
2. Антон Светличный. «Звучать по-другому. Как и зачем Брамс менял свою музыку, а Двоřак создавал чужую». 2023.
3. Наталья Смирнова. «Особенности фортепианного стиля Й. Брамса». С. 10-12.
4. Полина Захарова. «Блаженство по Иоганнесу: о семантике творчества Иоганнеса Брамса». 2024.
5. Марина Зайцева. «Особенности музыкального мышления Иоганнеса Брамса». 2016. 1.7 стр.
6. «Брамс. Фортепианный концерт No. 1». // URL: https://www.belcanto.ru/brahms_concerto1.html
7. «Брамс. Фортепианный концерт No. 2». // URL: https://www.belcanto.ru/brahms_concerto2.html
8. Мельник С.В. Опыт преподавания дисциплин по тематике межрелигиозного диалога в российских ВУЗах // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 14-26.

References

1. Alexey Gvozdev. "Some Aspects of the Creative Collaboration of J. Brahms and J. Joachim." 2016. 32 p.
2. Anton Svetlichny. "Sounding Differently. How and Why Brahms Changed His Music, and Dvořak Created Someone Else's." 2023.
3. Natalia Smirnova. "Characteristics of J. Brahms's Piano Style." P. 10-12.
4. Polina Zakharova. "Bliss According to Johannes: On the Semantics of Johannes Brahms's Work." 2024.
5. Marina Zaitseva. "Characteristics of Johannes Brahms's Musical Thinking." 2016. 1.7 p.
6. "Brahms. Piano Concerto No. 1." // URL: https://www.belcanto.ru/brahms_concerto1.html
7. "Brahms. Piano Concerto No. 2." // URL: https://www.belcanto.ru/brahms_concerto2.html
8. Melnik S.V. The experience of teaching disciplines on interreligious dialogue in Russian universities // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 14-26.

Чжан Шилун

Студент. Шэньянский педагогический университет, Китайская Народная Республика.

Объяснение причин сценического волнения у вокалистов-учащихся и теоретическое построение стратегий педагогического вмешательства*

Аннотация. Вокальное исполнение, в силу своей телесной природы, где «я есть инструмент», и непосредственной экспозиции эмоций, ставит учащихся перед уникальными психологическими вызовами, делая сценическое волнение распространенным феноменом [2]. Данная работа, основанная на теоретическом анализе и синтезе литературы, предлагает модель возникновения тревоги, основанную на взаимодействии «тело-когниции-контекст» [2, 3, 5]. Её причинами служат: неопределенность контроля над телом-инструментом [2], искаженные оценочные мысли (страх оценки, перфекционизм) [3, 4] и стрессогенная ситуация выступления (экзамены, сцена) [5]. На основе этой модели строится система «когнитивно-поведенческое-телесное» вмешательства для интеграции в учебный процесс, включающая: когнитивную перестройку целей [1], постепенную экспозицию через «исполнительскую лестницу» [5] и психофизическую регуляцию (дыхание [7], центрирование). Исследование предоставляет теоретическую основу и практическую схему для перехода вокальной педагогики от «приоритета техники» к целостному «соразвитию тела и психики» [1].

Ключевые слова: сценическое волнение, теоретическая модель, когнитивная реструктуризация, постепенная экспозиция, психофизическая регуляция.

Zhang Shilong

Student. Shenyang Normal University, People's Republic of China.

Explanation of the causes of stage fright in student vocalists and theoretical development of pedagogical intervention strategies

Abstract. Vocal performance, due to its embodied nature, where “the self is the instrument,” and the direct exposure of emotions, presents students with unique psychological challenges, making stage anxiety a common phenomenon [2]. This study, based on a theoretical analysis and synthesis of literature, proposes a model for the emergence of anxiety grounded in the interaction of “body-cognitions-context” [2, 3, 5]. Its causes include: uncertainty in controlling the body as an instrument [2], distorted evaluative thoughts (fear of judgment, perfectionism) [3, 4], and the stress-inducing performance situation (exams, stage) [5]. Based on this model, a “cognitive-behavioral”

* © Чжан Шилун, 2026.

Объяснение причин сценического волнения у вокалистов-учащихся и теоретическое построение стратегий педагогического вмешательства

ioral-somatic” intervention framework is developed for integration into the educational process, encompassing: cognitive restructuring of goals [1], gradual exposure through a “performance ladder” [5], and psychophysical regulation (breathing [7], centering). The research provides a theoretical foundation and a practical framework for shifting vocal pedagogy from a “priority of technique” to a holistic “co-development of body and psyche” [1].

Key words: stage anxiety, theoretical model, cognitive restructuring, gradual exposure, psychophysical regulation.

Глава 1: Введение – академический фокус: от «дисбаланса навыков» к «психофизическому кризису»

Сущность вокального искусства заключается в выражении эмоций через высококонтролируемое тело. Эта особенность ставит певца перед двойным вызовом: страх перед непредсказуемостью тела как «инструмента» и стресс от экспозиции внутреннего «я» [2]. Традиционная вокальная педагогика долго фокусировалась на внешних навыках (дыхание, резонанс), игнорируя психологический мир исполнителя, что ведет к парадоксу «параллельного роста мастерства и тревоги» [1]. Когда психологический кризис сковывает выражение, системное объяснение причин тревоги и построение синхронной с обучением системы вмешательства становится насущной задачей. Цель главы – обосновать необходимость данного теоретического исследования.

Глава 2: Теоретический фундамент: тройная модель сценического волнения «тело-когниции-контекст»

Цель – углубиться в теоретический генезис тревоги, выйдя за рамки описания симптомов.

2.1 Базовый уровень: «Неопределенность» технического тела

«Инструмент» вокалиста – живое, изменчивое тело. При отсутствии автоматизма контроля внимание рассеивается между техникой дыхания, гортани и т.д. Тело из средства выражения превращается в источник проблем, где малейшая физиологическая флуктуация усиливается сознанием, вызывая базовый страх потери контроля – физиологический корень вокальной тревоги, отличающий ее от инструментальной [2].

2.2 Ключевой уровень: «Искажающий» механизм оценочного познания

Физиологическое возбуждение интерпретируется когнитивной системой, часто патологически искажаясь [3].

Доминирование страха оценки: Вокальное исполнение (особенно в обучении) по сути – акт оценки. Учащиеся часто смешивают «техническую оценку учителя» с «оценкой собственной ценности», создавая иррациональное уравнение «плохо спел = я плохой». Ожидание негативной оценки – ключевой источник давления.

Тирания перфекционизма: Существует разница между художественным стремлением и психологически нездоровым перфекционизмом. Последний – это оковы. Учащиеся усваивают убеждение «техника должна быть безупречной», где малейшая ошибка вызывает катастрофизацию («сорванная нота губит всё произведение»), наполняя процесс самоосуждением и страхом [4].

2.3 Пусковой уровень: «Катализирующий» эффект стрессогенной ситуации

На фоне неустойчивой техники и искаженного мышления конкретная ситуация становится конечным триггером [5].

Важные экзамены/конкурсы: Их прагматические последствия (оценки, поступление) превращают искусство в высокорисковую ставку, крайне активизируя систему стрессового реагирования.

Публичная сцена: Свет, дистанция от зрителей, формальность создают «гетеротопичное» пространство, усиливающее ощущение быть объектом разглядывания и оценки, что внешне проявляет тревогу (дрожь, забывание текста).

(Резюме модели) Сценическое волнение вокалиста – это психологический синдром, неизбежно возникающий, когда учащийся с неустойчивым техническим телом, несущий искаженные оценочные когниции, входит в высокострессовую ситуацию выступления. Три компонента взаимно катализируют друг друга, образуя порочный круг [2, 3, 5].

Глава 3: Построение стратегий: система педагогического вмешательства «когнитивно-поведенческое-телесное»

Вмешательство, основанное на модели, должно системно разбирать и перестраивать все три уровня.

3.1 Уровень когнитивного вмешательства: Переосмысление смысловой рамки исполнения

Тренировка смены цели: Системно направлять в классной речи и оценке с «цели-доказательства» (продемонстрировать умение) на «цель-мастерство» (сфокусироваться на процессе и выражении). Теоретическая основа – теория потока, цель – погружение в деятельность, а не в результат [1].

Упражнения на когнитивную дефузию: Учить различать «у меня есть тревожная мысль» и «я – неудачник». Техника из Терапии принятия и ответственности (АСТ): экстернализация негативных мыслей, их маркировка («О, мой «критик» снова говорит»), чтобы уменьшить связь мыслей с эмоциями [6].

Рамка принятия и ответственности: Направлять учащихся принимать тревогу как естественную психофизическую реакцию, а не врага для уничтожения. Определять ядро исполнения как «выбор вовлеченного выражения несмотря на волнение», а не как «безупречное представление без волнения» [6].

3.2 Уровень поведенческого вмешательства: Обретение контроля через безопасную экспозицию

Структурированное построение «исполнительской лестницы»: Основа классного вмешательства, принцип – систематическая десенсибилизация [5]. Создание предсказуемой последовательности экспозиции к стрессу от низкого к высокому.

Тренировка интеграции ошибок: Преднамеренное создание «безопасных сбоев» в упражнениях (например, указание педагогом, где можно «сорвать» ноту) и отработка «грациозного восстановления», чтобы снизить катастрофический страх ошибки и восстановить чувство контроля над процессом.

3.3 Уровень телесного вмешательства: Восстановление психофизических якорей спокойствия

Техники физиологического успокоения: Обучение и закрепление «успокаивающего дыхания» (например, дыхание 4-7-8 с акцентом на длинном выдохе). Регуляция паттернов дыхания напрямую влияет на вегетативную нервную систему, эффективно снижая уровень физиологического возбуждения [7].

Тренировка сенсорного центрирования: Краткие упражнения перед выступлением (например, ощущение контакта стоп с полом), чтобы вернуть внимание от мыслей к стабильности тела в настоящем моменте. Это упрощенная техника осознанности для прерывания мысленной жвачки.

Ритуализированная разминочная программа: Создание фиксированной «психо-физической» процедуры разминки. Сам ритуал дает предсказуемость, чувство безопасности и контроля, способствуя благоприятному пред-исполнительскому состоянию.

Глава 4: Интеграция и применение: путь от теории к педагогической практике

4.1 Принципы интеграции стратегий в урок

Стратегии не изолированы, а должны пронизывать обучение.

Миниатюризация: Выделять 5-10 минут на уроке для отработки одной стратегии.

Контекстуализация: Связывать психологическую тренировку с конкретным репертуаром и техническими сложностями.

Трансформация роли педагога: Педагог должен стать «психологическим тренером» и «создателем безопасной базы». Его обратная связь должна сместиться от оценки результата к описанию процесса и стратегическим рекомендациям, что требует от педагога понимания основ психологии исполнения [3].

4.2 Логика практической валидации теоретической модели

Хотя традиционный эмпирический метод не используется, эффектив-

ность обосновывается логической связностью:

Эффективность теоретических источников: Каждая стратегия основана на проверенных психологических теориях (КПТ, экспозиционная терапия, снижение стресса на основе осознанности) [5, 6, 7].

Внутренняя логическая согласованность модели: Стратегии вмешательства точно соответствуют модели причин, образуя полный цикл от «диагноза» к «рецепту».

Поддержка индукцией педагогического опыта: Практика многих выдающихся педагогов по сути соответствует данной модели; данная работа систематизирует и делает её эксплицитной.

(Конечная цель) Предлагаемая система направлена не только на «устранение тревоги», но на развитие у учащихся «исполнительской психологической грамотности» – способности сохранять функциональность под давлением, концентрацию в неопределенности и ядро самости при оценке. Это должно стать столь же важным результатом вокального образования, как и прекрасный голос [1].

Заключение

Теоретический анализ показывает, что сценическое волнение вокалистов – не просто эмоциональная проблема, а структурный психологический феномен, укорененный во взаимодействии тела, когнитивных и контекста [2, 3, 5]. Соответственно, эффективное вмешательство требует системной педагогической реконструкции. Предложенная система стратегий «когнитивно-поведенческое-телесное» дает четкую и операционную дорожную карту для синхронного обучения «психологическим навыкам» в рамках обычного вокального урока. Это призыв к глубокой трансформации философии вокального обучения: расширить горизонт от формирования хорошего голоса до воспитания целостного, сильного и гибкого исполнителя [1]. Будущие исследования могут разрабатывать более детальные поэтапные программы и инструменты оценки в рамках данной теоретической схемы.

Библиографический список / References

1. Csikszentmihalyi M. Flow: The Psychology of Optimal Experience. Harper & Row. 1990.
2. Kenny D.T. The Psychology of Music Performance Anxiety. Oxford University Press. 2011.
3. Wilson G.D., Roland D. Performance anxiety. In R. Parncutt & G. E. McPherson (Eds.), *The Science and Psychology of Music Performance* (pp. 47-61). Oxford University Press. 2002.
4. Patston T. Teaching stage fright? Implications for music educators. *British Journal of Music Education*, 2014. № 31 (1). P. 85-98.
5. Papageorgi I., Hallam S., Welch G.F. A conceptual framework for understanding musical performance anxiety. *Research Studies in Music Education*, 2007. № 28 (1). P. 83-107.
6. Hayes S.C., Strosahl K.D., Wilson K.G. *Acceptance and Commitment Therapy: The Process and Practice of Mindful Change* (2nd ed.). Guilford Press. 2012.
7. Lehrer P.M., Gevirtz R. Heart rate variability biofeedback: how and why does it work? *Frontiers in Psychology*, 2014. № 5. P. 756.

Бакшеев А.И.

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Андренко О.В.

Кандидат биологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Вергун А.С.

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Турчина Ж.Е.

Кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Первый периодический литературный журнал Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: состояние и перспективы исследования*

Сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» - периодическое (ежемесячное) издание, выходившее в Тобольске в 1789–1791 годах, основателем которого был Панкратий Платонович Сумароков, можно считать памятником культуры конца XVIII в. Несмотря на непродолжительность издания, журнал по-прежнему вызывает интерес исследователей, сопровождаемый появлением многочисленных трудов. В данной статье представлена информация о периодическом издании и посвященных ему научных публикациях: это библиографические работы, литературоведческие исследования социальной, эстетической и литературной программы, сатирических направлений и переводов произведений западноевропейских авторов. Сделан вывод, что на журнал «Иртыш» следует смотреть, в первую очередь, как на один из первых примеров российской провинциальной журналистики и печати.

Ключевые слова: Тобольск, Панкратий Сумароков, периодическое издание, библиография, литературоведение.

* © Бакшеев А.И., Андренко О.В., Вергун А.С., Турчина Ж.Е., 2026.

Первый периодический литературный журнал Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: состояние и перспективы исследования

Baksheev A.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Andrenko O.V.

Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Vergun A.S.

PhD in History, senior lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Turchina Z.E.

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Nursing and Clinical Care. Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

The first literary periodical in Siberia, “Irtysh, transforming into Hippocrene”: status and research prospects

Abstract. The Siberian journal “The Irtysh Turning into Hippocrene,” a periodical (monthly) publication that was published in Tobolsk from 1789 to 1791, founded by Pankraty Platonovich Sumarokov, can be considered a monument of culture of the late 18th century. Despite the short duration of its publication, the journal continues to attract the interest of researchers, accompanied by the appearance of numerous works. This article presents information about the periodical publication and the scientific publications dedicated to it: these include bibliographic works, literary studies of the social, aesthetic, and literary program, satirical trends, and translations of works by Western European authors. It is concluded that the journal “Irtysh” should be viewed, first and foremost, as one of the first examples of Russian provincial journalism and printing.

Key words: Tobolsk, Pankraty Sumarokov, periodical publication, bibliography, literary studies.

1789 год в Сибири характеризовался рядом важным событий в социально-культурной и литературной жизни: 11 марта состоялось официальное открытие Тобольского Главного народного училища, 5 апреля открылась типография тобольского купца Василия Корнильева, а с сентября того же года по декабрь 1791 года – с перерывом с сентября по декабрь 1790 года – в Тобольске издавался первый в Сибири журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» [1] (далее - «Иртыш»). Эти три события взаимосвя-

заны: «Иртыш» была напечатан в тобольской типографии, как указано на титульном листе, а несколько материалов из первого номера, включая редакционное предисловие, касались новообразованного училища.

Выдающийся русский библиограф А.Н. Неустроев так описал обстоятельства основания журнала: «По открытии в г. Тобольске, 11 марта 1789 года, Тобольского Главного народного училища, пришла мысль Панкратию Платоновичу Сумарокову, вместе с учителями того училища - Тимофеем Воскресенским, Иваном Лафиновым и бывшим тогда тобольским прокурором Иваном Ивановичем Бахтиным - основать периодическое издание от Тобольского Главного народного училища [...] Впоследствии примкнул к этому кружку Василий Прутковский, учитель того же училища» [цит. по 2, С. 134].

Стоит отметить, что девизом журнала стала цитата из знаменитой оды Гаврилы Державина «Фелица» - речь идет о заключительных строках 21-й строфы: «Развязывая ум и руки, / Велит любить торги, науки / И счастье дома находить». На титульной странице журнала, после цитаты из стихотворения Державина 1782 года, размещена ссылка на первую часть журнала «Собеседник любителей русского слова», а редакционное предисловие начиналось словами благодарности Екатерине II за открытие народного училища [3].

Журнал «Иртыш» издавался ежемесячно и насчитывал 24 выпуска. Тираж составлял 300 экземпляров. Журнал доходил до читателей не только Тобольска и других сибирских городов, но и городов европейской части России (Вятка, Пермь и другие), частично по подписке. Однако число подписчиков ежегодно уменьшалось (186 в первый год издания, на 80 меньше во второй).

Наибольшую роль в создании журнала сыграл Панкратий Платонович Сумароков (1765-1814), а его сотрудниками, кроме упомянутых Неустроевым, были Иван Набережнин и Михаил Пушкин, а также Наталья Платоновна Сумарокова, сестра Панкратия, автор эпитафии «Лежащий здесь судья, по имени Дамон...», опубликованной в майском номере 1791 г. и сказки «Лягушка и тростник» [4], опубликованной в следующем номере, а также Софья Андреевна Сумарокова, его жена, из-под пера которой вышли переводы с немецкого и французского [5].

Согласно [6], редакционная работа в журнале носила коллективный характер, но ведущую роль играл именно Сумароков, который был автором многих оригинальных произведений и переводов: героико-комической поэмы «Лишенный зрения Купидон» (Январь, 1791), басен «Кедр» (Январь 1790), «Соловей, попугай, кошка и медведь» (Февраль, 1790), Новизна (Июнь, 1791), статьи «Каким образом познаем мы расстояния...» (Сентябрь, 1789), отрывка из работы Вольтера «Основы философии Ньютона» и многих других. В.А.Кошина отмечает, что Тобольск стал для Сумарокова

своего рода творческой лабораторией, где формировалась его поэтическая личность [6].

В круг авторов, сотрудничавших с журналом, входили не только преподаватели Тобольского училища, такие как Воскресенский или Лафинов, но и студенты, например, Иван Трунин, автор «Оды Иртышу, превращающемуся в Иппокрену» (Январь, 1790). Последняя работа важна тем, что освещает сибирские темы: в ней обсуждается развитие науки и искусства в Сибири и содержится положительная оценка Тобольска. В контексте оригинальной и переводческой литературной деятельности людей, связанных с журналом, стоит процитировать замечание О.В. Зырянова: «доля оригинальных произведений была [...] невелика, большинство создателей журнала выступали в качестве переводчиков, чаще всего с французского; произведения, содержащие «французские» идеи, обычно переводились с других языков» [7, С. 129].

Как оригинальные произведения, так и переводы отличались значительным жанровым разнообразием. Цель издания ежемесячного журнала была представлена в редакционной статье, а также – косвенно – в других публикациях, включая опубликованную в журнале мифическую переписку «От реки Муар к Иртышу, превращающемуся в Иппокрену» (март, 1790), в которой (подобно оде Трунина) упоминалось его название, где один из «адресатов» - Муар – местное название реки Обь, левым притоком которой является Иртыш. Тобольск, основанный в 1587 году, расположен в месте слияния реки Тоболь с Иртышем. Гиппокрена (греческий миф) - один из источников у подножия горы Геликон, посвященный музам, дарующий поэтическое вдохновение тем, кто пьет его воду.

Приведем выдержки из редакционного предисловия, которые проливают свет на цели первого периодического издания, вышедшего в Сибири: «Находя весьма нужным доставить учителям свойственное званью их упражнение, посредством коего и среди исполнения возложенной на них почтенной должности, достигали б и они дальнейших способностей, к вящему усовершенствованию столь изящного заведения, Тобольское Главное народное училище предприняло издавать ежемесячник, наполняя оной всякого рода как сочинениями, так и переводами в стихах и прозе» [цит. по 2, С. 134].

В переписке «От реки Муар к Иртышу, превращающемуся в Иппокрену» про журнал «Иртыш» говорилось следующее: «Ты ... стремишься разгнать тьму невежества, искоренять жестокие его изчадия, грубость и злобу в окрестностях твоих...» [цит. по 8, С. 125].

Вскоре после закрытия журнала «Иртыш» Сумароков начал работать над другим периодическим изданием, которое он назвал «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (1793-1794), о

создании которого он объявил в газете «Санкт-Петербургские ведомости» в 1792 году.

Представленное описание истории и содержания ежемесячного издания «Иртыш» показывает, что оно стало предметом интереса прежде всего библиографов и литературоведов, а также (реже) историков образования и библиологов и исследователей прессы. Таким образом, можно сказать, что исследования в этой области перешли (и должны перейти) от библиографического поиска, направленного на регистрацию и классификацию материалов, к новым интерпретационным контекстам – истории печати, истории литературы, культурологии и т.д.

Исследования в этих направлениях начались уже в XIX веке, и среди библиографов того времени можно упомянуть Николая Лисовского, а среди представителей других областей – Александра Дмитриева-Мамонова и Николая Ядринцева. Уже в XIX веке «Иртыш» считался библиографической редкостью. Особенности стиля письма – часто с отдельными разделами, посвященными Сумарокову и Бахтину – заняли видное место в исследованиях сибирской литературы второй половины XX века. Привлечение представителей многих научных дисциплин к изучению тобольского журнала было обусловлено особенностями самого материала, настолько обширного, что он требует особого междисциплинарного подхода [9].

Вне зависимости от выбранной исследовательской перспективы, исследования рассматриваемого периодического издания всегда затрагивают вопрос о роли и месте провинциальных (местных) культурных инициатив в общем культурном наследии российского государства (или, иными словами, проблему противостояния «центр-периферия» в социально-культурной и литературной жизни).

Вторая половина XVIII века и начало XIX века представляют собой особый период в истории российской провинции, когда изменились ее «состав, стиль и статус», и она постепенно превратилась в «новое ... социокультурное пространство» [10, С. 75]. Термины «провинция» и «провинциальный» как обозначения места издания периодических изданий (а также газет и книг) не имеют того уничижительного значения, которое им часто до сих пор придают, становясь просто синонимами слов «региональный» или «местный».

Рассматривая «Иртыш» с этой точки зрения, исследователи обычно подчеркивают, что это был не только первый периодический журнал, издававшийся в Сибири, но и второй русский областной периодический журнал (после ежемесячного «Уединенного пошехонца», издававшегося в Ярославле в 1786 году и названного «прародителем областных издательств» [3]) и единственный областной периодический журнал, издававшийся в 1789-1791 годах (издание журнала «Уединенный пошехонец» прекратилось в 1789 году). Для полноты картины следует напомнить,

что первой русской региональной газетой была «Тамбовские известия» 1788 года, но фактическое – непрерывное – развитие региональных газет началось лишь в 1811 году, когда стала издаваться газета «Казанские известия».

В XVIII веке в Сибири были созданы три журнала: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» - первый и «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей» (далее – «Библиотека») - третий (центральной фигурой обоих был Сумароков), а между ними (в 1790 г.) «Исторический журнал, или Собрание из разных книг любопытных известий, увеселительных повестей и анекдотов» Д.В. Корнильева. Сам факт создания журнала в Тобольске был важен, поскольку это стало возможным благодаря объединенным усилиям, с одной стороны, предприимчивого купца, основателя типографии, с другой - местной администрации, и, в-третьих, местного литературного сообщества [9], периодически пополняемого людьми, прибывающими из центральной России, важнейшим представителем которого является П.П. Сумароков.

На вопрос о том, в какой степени «Иртыш» характеризуется специфическими чертами, присущими только ему, поскольку они связаны с местом его создания, и в какой степени он демонстрирует общепризнанное сходство с другими периодическими изданиями, выходящими в то время, исследователи обычно отвечают, что этой «местной» специфики в нем относительно мало, поскольку в целом он вписывается в общие тенденции развития периодических изданий своего времени с точки зрения программной направленности и тематического и жанрового отбора.

Исследователи полагают, что, несмотря на кратковременность выхода «Иртыша», журнальная деятельность тобольских литераторов все-таки сыграла известную роль в развитии русской литературы. Знаменателен был сам факт выхода периодических изданий на далекой окраине русского государства. Несмотря на то, что материалы, помещаемые в журналах, были очень мало связаны с сибирской жизнью, все же и в стихах Сумарокова и в некоторых прозаических статьях других авторов можно найти не только наличие откликов на общественные и философские проблемы времени, но и первое в литературе изображение природы и отображение жизни Сибири. Вместе с тем исследователи отмечают, что сотрудничающие с журналом писатели не строили программу журнала исключительно на местном материале, а сделали попытку создания не просто провинциального журнала, но просветительского печатного органа, приобщая сибирского читателя к западноевропейской культуре через образцы светской беллетристики, проповеди идей французских энциклопедистов, нравоучительные философские поучения и научные объяснения законов природы [6].

Перед библиографами первого тобольского периодического издания еще стоит задача подготовки всеобъемлющей библиографии его содержания с высоким уровнем детализации. Можно использовать уже полученные данные, в первую очередь касающиеся переводческой составляющей контента журнала [5].

В рамках библиологических и издательско-исторических исследований представляется оправданным проявить более широкий интерес к проблеме позиционирования журнала «Иртыш» в общем издательском производстве Тобольска (и других провинциальных издательских центров России того времени), а также к роли тобольского журнала в творческих биографиях людей, чьи связи с журналами не ограничивались ежемесячным «Иртышом». Речь идет прежде всего о Сумарокове, который после возвращения из Сибири в центральную Россию редактировал «Журнал приятного, любопытного и забавного чтения» (1802-1804), а в 1804 году возглавил журнал «Вестник Европы», основанный Николаем Карамзиным, а также Иваном Бахтиным, публиковавшим стихи в журнале «Лекарство от скуки и «забот» в 1786 году.

Также в рамках историко-литературоведческого исследования были рассмотрены пять основных вопросов: социально-политические тенденции, отраженные в тобольском ежемесячном журнале, его эстетическая и литературная программа, а также использование традиции сатирических журналов и отбор и характер переводов [1]. С точки зрения эстетико-литературной программы и роли произведений отдельных авторов, особенно Сумарокова, в ее реализации, были также рассмотрены следующие произведения: «Библиотека ученая, экономическая, нравоучительная, историческая и увеселительная в пользу и удовольствие всякого звания читателей». Дальнейшие исследования отражения в тобольском ежемесячном журнале литературных тенденций, прежде всего сентиментализма, а также связей с ним Николая Смирнова (позже известного под псевдонимом Даурец Номохон) и Александра Радищева представляются многообещающими.

Исследователи явлений, впервые возникших в истории, сталкиваются с опасностью односторонней оценки, либо несправедливо заниженной и пренебрежительной, либо, наоборот, переоцененной, что завышает их истинный ранг и значимость. На журнал «Иртыш» следует смотреть не с точки зрения современной литературной критики, но как на один из первых примеров российской провинциальной журналистики и печати.

Библиографический список

1. Выхрыстюк М.С., Кошина В.А. Содержательный план статей журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» // Международный студенческий научный вестник. 2015. № 5. С. 35-36.
2. Дворцова Н.П. «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: поэтический и геокультурный контекст // Филологический дискурс. 2014. № 12. С. 132-139.
3. Ивин А.А. Первые шаги провинциальной печати в России // Вестник Ивановского государ-

- ственного университета. 2013. № 1. С. 70-74.
4. Голубенко Т.В. Журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» как источник для изучения лексико-фразеологического состава языка XVIII века // Современные наукоемкие технологии. 2013. № 7. С. 68-69.
5. Рак В.Д. Переводы в первом сибирском журнале // Очерки литературы и критики Сибири XVIII–XX вв. под ред. Ю.С. Постнова. – Новосибирск: Наука. Сибирское отделение, 1976. С. 31-66.
6. Кошина В.А. Журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: жанрово-тематический репертуар издания // Вестник научных конференций. 2015. № 3 (3-4). С. 89-90.
7. Зырянов О.В. Художественная практика тобольского журнала «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: к вопросу о соотношении регионального и общероссийского в литературном процессе // Книга и литература в культурном пространстве эпох (XI–XX века): сб. науч. ст.; сост. и отв. ред.: О.Н. Фокина, В.Н. Алексеев. – Новосибирск, 2011. С. 119-136.
8. Дворцова Н.П. Миф о книге-реке в журнале «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» // Вестник Тюменского государственного ун-та. Гуманитарные исследования. 2015. № 1 (3). С. 123-131.
9. Горбенко А.Ю. «Особый путь» литературы Сибири? (Опыт реконструкции историософских и литературно-критических источников сибирского областничества) // Сибирский филологический журнал. 2023. № 2. С. 98-111.
10. Зайонц Л.О. «Провинция»: опыт историографии // Отечественные записки. 2006. Т. 32. № 5. С. 70-88.
11. Нестеров О.В. Информационно-аналитические системы как инструмент снижения операционных издержек промышленных предприятий // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 134-143.

References

1. Vykhrystyuk M.S., Koshina V.A. Substantive plan of articles of the journal “Irtysh, transforming into Hippocrene” // International Student Scientific Bulletin. 2015. № 5. P. 35-36.
2. Dvortsova N.P. “Irtysh, transforming into Hippocrene”: poetic and geocultural context // Philological discourse. 2014. № 12. P. 132-139.
3. Ivin A.A. The first steps of provincial press in Russia // Bulletin of Ivanovo State University. 2013. № 1. P. 70-74.
4. Golubenko T.V. The journal “Irtysh, transforming into Hippocrene” as a source for studying the lexical and phraseological composition of the 18th century language // Modern science-intensive technologies. 2013. № 7. P. 68-69.
5. Rak V.D. Translations in the first Siberian journal // Essays on literature and criticism of Siberia in the 18th–20th centuries. edited by Yu.S. Postnov. – Novosibirsk: Nauka. Siberian Branch, 1976. P. 31-66.
6. Koshina V.A. Journal “Irtysh, transforming into Hippocrene”: genre and thematic repertoire of the publication // Bulletin of scientific conferences. 2015. № 3 (3-4). P. 89-90.
7. Zyryanov O.V. Artistic practice of the Tobolsk journal “Irtysh, transforming into Hippocrene”: on the issue of the relationship between the regional and the all-Russian in the literary process // Book and literature in the cultural space of the eras (11th-20th centuries): collection of scientific articles; compiled and edited by O.N. Fokina, V.N. Alekseev. – Novosibirsk, 2011. P. 119-136.
8. Dvortsova N.P. The Myth of the Book-River in the Journal “Irtysh, Transforming into Ippokrena” // Bulletin of Tyumen State University. Humanitarian Studies. 2015. № 1 (3). P. 123-131.
9. Gorbenko A.Yu. “A Special Path” of Siberian Literature? (An Attempt to Reconstruct Historiosophical and Literary-Critical Sources of Siberian Regionalism) // Siberian Philological Journal. 2023. № 2. P. 98-111.
10. Zayonts L.O. “Province”: An Attempt at Historiography // Otechestvennye zapiski. 2006. Vol. 32. № 5. P. 70-88.
11. Nesterov O.V. Information and analytical systems (IAS) as a tool for reducing operating costs of industrial enterprises // Almanac “Crimea”. 2025. № 49. P. 134-143.

Васильченко А.В.

Кандидат культурологии, доцент кафедры «Общество и государство», Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Влияние политической рекламы на общественное сознание (на материале печатной продукции)*

Аннотация. Целью работы являлось исследование основных способов и особенностей влияния политической рекламы на общественное сознание. Рассмотрены цель, способы, особенности и компоненты политической рекламы. Отмечено, что политическая реклама выполняет важную роль в обществе, она является значимым и необходимым инструментом в избирательном процессе. В процессе исследования выявлено, что политическая реклама формирует общественное мнение. Ее использование дает большие возможности донести свои взгляды, принципы и идеи до избирателей.

Ключевые слова: политическая реклама, средства массовой информации, общество, общественное сознание, избиратели, имидж.

Vasilchenko A.V.

Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Society and State, Komsomolsk-on-Amur State University.

The influence of political advertising on public consciousness (based on printed materials)

Abstract. The purpose of this work was to study the main methods and features of the influence of political advertising on public consciousness. The purpose, methods, features, and components of political advertising were examined. It was noted that political advertising plays an important role in society and is a significant and necessary tool in the electoral process. The study revealed that political advertising shapes public opinion. Its use provides great opportunities to convey one's views, principles, and ideas to voters.

Key words: political advertising, mass media, society, public consciousness, voters, image.

Введение

В современном обществе, в эпоху глобализации, особую значимость и **актуальность** приобретает политическая реклама, это обусловлено не-

* © Васильченко А.В., 2026.

Влияние политической рекламы на общественное сознание (на материале печатной продукции)

сколькими факторами. Назовем их.

1 Расширение медиа-пространства и развитие цифровых технологий [3]. Они дают возможность политическим партиям использовать различные каналы коммуникации (СМИ, интернет, социальные сети), что значительно усиливает воздействующий характер политической рекламы на избирателей и на формирование общественного мнения.

2 Изменение поведения потенциальных избирателей, которые стали более критичными, скептическими и требовательными к предоставляемой им информации, они начали сомневаться в ее достоверности, научились проверять факты. В связи с этим, кандидаты на те или иные должности вынуждены адаптироваться к нынешним условиям, создавать более убедительные, интересные, привлекательные рекламные мероприятия и PR-кампании.

3 Увеличение значимости зрительных образов и слоганов. Яркие, привлекательные лозунги, девизы, речевые послы, символы быстро и эффективно привлекают внимание аудитории, они способствуют формированию положительных устойчивых ассоциаций с определенными политическими идеями и программами.

Цель работы: исследовать основные способы и особенности влияния политической рекламы на общественное сознание.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

- раскрыть понятие «политическая реклама», выделить ее цель, компоненты и особенности;
- проанализировать основные способы влияния политической рекламы на формирование общественного сознания;
- исследовать средства выразительности, используемые в политической рекламе в качестве формы воздействия на сознание и чувства избирателей.

В качестве **материала** исследования использовалась печатная продукция, в основном предвыборные листовки, а также буклеты, брошюры и т.д.

Основным **методом** исследования был контент-анализ печатных рекламных материалов. Данный метод использовался для выявления основных проблем, тем, аргументов, образов, форм политической рекламы, а также ее особенностей воздействия на общественное сознание.

Новизна исследования заключается в изучении и анализе основных механизмов и стратегий влияния политической рекламы на общественное сознание в контексте печатных предвыборных материалов. Выявлены новые способы и стратегии воздействия политической рекламы на общественное сознание.

Основная часть

Политическая реклама – это важный и необходимый инструмент, ис-

пользуемый кандидатами, политическими институтами, движениями, партиями, организациями для формирования общественного мнения [2]. Политическая реклама является специфической формой политического воздействия и политической манипуляции в условиях предвыборных отношений. Она способна воздействовать на общественное сознание и изменять его в зависимости от поставленных политических целей и задач.

Политическая реклама включает в себя следующие компоненты:

- **субъект** – это кандидаты на те или иные выборные должности, организации, политические, партии, движения и структуры;
- **объект** – это, в широком смысле, целевая аудитория, а в узком – избиратели.

Главной целью политической рекламы является формирование общественного мнения, оказание существенного влияния на поведение избирателей путем воздействия на их мышление, мировоззрение и эмоциональную сферу.

Рассмотрим **основные способы** влияния политической рекламы на формирование общественного сознания.

1 Формирование положительного, благоприятного образа кандидата на ту или иную выборную должность или политической партии [1]. Реклама активно участвует в формировании положительного имиджа политика, организации, партии и т.п. По мнению Г. И. Усанова, «Культура и имидж оказывают существенное влияние на эффективность предпринимательской деятельности в обществе» [5].

Конструирование привлекательного образа кандидата достигается посредством позитивных характеристик, выраженных в активном использовании слов-эпитетов с положительным значением: *честный, порядочный, успешный, опытный, энергичный, ответственный, достойный, добрый, отзывчивый, способный, умеющий, знающий, владеющий, перспективный, уверенный, коммуникабельный, смелый, настоящий, твердый, патриот, человек дела, активный, целеустремленный, высокий, известный, уважаемый, волевой, трудолюбивый, образованный, профессионал своего дела* и т.п. Приведем несколько примеров.

Он настоящий патриот действия, нацеленный на результат, опытный руководитель, способный решать самые сложные задачи здесь и сейчас, умеющий видеть перспективы развития города». (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Дмитрия Заплутаева).

В Комсомольске-на-Амуре сложилась достойная команда активных и целеустремленных людей – команда губернатора. Ее цель – решать любые самые сложные задачи во благо людей и тем самым подтвердить высокий уровень доверия Президента. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Евгения Вайцешека).

Человек дела, потому что помогал москвичам уменьшить размер квартплаты. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Аркадия Павлинова).

В команду губернатора входят **известные и уважаемые** руководители предприятий и учреждений города, деятели культуры, учителя, социальные работники, предприниматели, участники СВО. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Дмитрия Демешина).

Ольга Тищенко – **энергичный, волевой, целеустремленный человек**. И коллеги, и воспитанники, и просто горожане знают Ольгу Тищенко как человека, который всегда **добивается поставленных перед собой целей**, как бы сложно это не было. Она не только **известная** спортсменка, но и **опытный** руководитель. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Ольги Тищенко).

Активные и ответственные депутаты, **знающие и желающие** добиться реальных перемен к лучшему. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Дмитрия Семешкина).

Смелый журналист. Настоящий коммунист. Ответственный депутат. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Андрея Жирнова).

Таким образом, посредством лексических средств языка, положительных характеристик-эпитетов, формируется имидж депутатов как честных и порядочных лидеров (перемен жизни граждан к лучшему) с необходимым опытом работы и профессиональными качествами.

2 Опора на взгляды и мнения авторитетных личностей в характеристике кандидатов на избираемые должности. Например, в предвыборной рекламной листовке Дмитрия Заплутаева использовалось мнение экс-главы города Комсомольска-на-Амуре Владимира Петровича Михалева, который пользуется большим уважением и авторитетом у горожан, а также является почетным гражданином города Юности: «Сегодня среди всех кандидатов я вижу своего достойного преемника – это Дмитрий Заплутаев. Всех, кто знает меня, доверяет мне, я прошу отдать свои голоса за Дмитрия Зплутаева. Городу Юности нужен такой глава!».

3 Использование речевых форм воздействия на общественное сознание посредством языковых средств выразительности. Наиболее часто используется такой троп, как гипербола, то есть чрезмерное преувеличение качеств, благ, обещаний лучшей жизни, а также решения всех проблем и задач. Данный троп усиливает эмоциональное воздействие на избирателей, придает речи, яркость, образность и экспрессию. Приведём примеры:

- **способный решать самые сложные задачи;**
- **я хочу, чтобы были счастливы и успешны все дети и все семьи города...;**
- **команда губернатора – ее цель решать самые сложные проблемы;**

- **всегда** добивается результата;
- знает **все проблемы** округа;
- **наверстаем** упущенное и сделаем жизнь **лучше**;
- мне не раз задавали вопрос: почему я иду в Московскую городскую думу?

Уверен: я могу сделать **гораздо больше**.

Наряду с гиперболой, в политической рекламе может использоваться и литота, т.е. преуменьшение. Она используется для создания имиджа скромной личности, с минимальными потребностями, близкой к народу, «своего человека».

Также в качестве средства воздействия в политической рекламе используется такой языковой прием, как **антитеза**. Это троп, в основе которого лежит противопоставление. Антитеза строится по типу резкого контраста образов, идей, будущей жизни, перспектив дальнейшего развития и т.п. Также она дает возможность выделить и подчеркнуть главную мысль сообщения, воздействует на эмоциональную сферу избирателей, может вызывать чувства гордости, надежды или, напротив, страха, опасности, угрозы. Приведем примеры.

*Или мы вместе вернем в Комсомольск-на-Амуре **энергию и гордость** поколений первостроителей, или **обречённо** будем наблюдать за **угасанием** городской жизни.*

*На выборах главы Комсомольска-на-Амуре выбор прост: или в город вернуться **порядок и власть**, или будет продолжаться **деградация** городского управления. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Дмитрия Заплутаева).*

*Я за **людей**, а не за **чиновников**. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Аркадия Павлинова).*

*В жизни каждого из нас есть только два пути: **смириться** с тем, что мы имеем **сегодня**, либо взять на себя ответственность за **изменение** своей жизни **к лучшему**. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Александра Некрасова).*

Часто в печатной продукции политической рекламы делается акцент на противопоставлении слов или обещаний реальным действиям или реальной работе. Таким образом подчеркивается важность практической деятельности в противоположность пустым словам или обещаниям. Приведем примеры.

Меньше слов – больше дела!

Не обещаю – делаю!

Я не обещаю – я готов работать!

Не говорить, а работать и зарабатывать!

Реальные дела – родному району!

За словом – дело!

Иногда в политической рекламе в качестве средства выразительности

используется фразеологизмы, афоризмы и крылатые выражения. Их основными задачами являются усиление эмоционального воздействия на избирателей, создание ярких, запоминающихся образов, а главное – выражение основных целей и ценностей той или иной политической программы. Приведем примеры:

- *навести порядок;*
- *стоять на страже интересов народа;*
- *протянуть руку помощи;*
- *если не мы, то кто;*
- *засучив рукава, вытягивать ситуацию;*
- *взять курс на...;*
- *человек из народа;*
- *мы ждем перемен;*
- *добрые помыслы;*
- *за державу обидно;*
- *держат удар;*
- *жить по совести;*
- *почитать старших;*
- *сильная русская женщина* и т.п.

*Я с детства приучен к труду. Если кто-то не справляется, значит нужно помогать или, **засучив рукава, вытягивать ситуацию** самому.* (Материал взят из предвыборной рекламной листовки А.Г. Вихарева).

*Иду к людям с **добрыми помыслами**.* (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Алексея Добрякова).

*Я мзду не беру, мне **за державу обидно!*** (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Дмитрия Сухова).

Также в рекламных текстах активно используется метафора, которая способствует созданию ярких, запоминающихся образов, усиливает эмоциональную окрашенность текста, создает экспрессию. В политической рекламе метафора является эффективным средством привлечения внимания к кандидату на ту или иную должность со стороны избирателей. Приведем примеры использования метафор в политической рекламе:

- *борьба с коррупцией;*
- *не дай украсть твой голос;*
- *шаг к лучшей жизни;*
- *движение к новому;*
- *наш кандидат – светлое будущее для страны;*
- *наша партия – маяк надежды в трудные времена;*
- *болеет душой за свою малую Родину;*
- *мне нужен твой голос;*
- *не будь пешкой в чиновничьих играх;*
- *партия роста;*

- *победим равнодушные;
бюрократическая машина и т.п.*

Еще одним важным средством выразительности в текстах политической рекламы являются повторы, которые способствуют лучшему запоминанию информации, воздействуют на сознание граждан и привлекают их внимание к ключевым идеям сообщения, например, к проблемам развития производства, улучшению жизни села, свободе граждан и т.п. Приведем примеры.

Возродим производство – возродим город!

Будет жить село – будет жить Россия!

Свобода работать. Свобода предпринимать. Свобода жить свободно.

Знаю проблемы – знаю решения!

Во многих рекламных политических слоганах могут использоваться сразу несколько форм воздействия, например, антитеза и фразеологизм или метафора и гипербола. Приведем примеры.

Антитеза и фразеологизм. ***Я не притворяюсь человеком из народа, я стараюсь быть человеком для народа.*** (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Алексея Мисана).

Метафора и гипербола. ***Депутат должен стать той веревкой, что свяжет отдельных неравнодушных людей в метлу, способной вымести любую проблему.*** (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Сергея Манина).

В конечном итоге, все эти средства выразительности должны повлиять на принятие конкретных решений избирателей, то есть они должны отдать свой голос за того или иного кандидата, сумевшего вызвать у них доверие, уважение или симпатию.

4 Воздействие на эмоции и чувства избирателей [4]. В политической рекламе нередко используются драматические события, способные вызвать у людей очень сильные эмоции и переживания, а также всевозможные истории успеха, значимые достижения в общественной деятельности, дается информация о семье кандидата, претендующей на избираемую должность. Приведем примеры.

За 15 лет упорного труда А.Г. Вихарев вывел из кризиса свыше 20 предприятий в разных регионах России, создал 10000 рабочих мест, на базе новейших разработок НИИ внедрил современные технологии обработки материалов, повышающие прочность. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки А.Г. Вихарева).

В 2020 году Евгений Вайцешик стоял у истоков создания и был учредителем Хабаровского регионального отделения всероссийской федерации спорта лиц с интеллектуальными нарушениями. У семьи Евгения Вайцешика здоровый образ жизни в приоритет, главное семейное увлечение – путешествия. Они всегда ищут новые места для отдыха и туризма. Еще

одно любимое занятие – кататься на коньках. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Евгения Вайцешека).

Положительная политическая реклама нацелена на то, чтобы вызвать у избирателей чувство гордости за город, регион или страну, а также ощущение счастья, надежды на лучшее и т. п. Для достижения этой цели в рекламе активно используются слова с положительным лексическим значением: *доблесть, опора, традиции, сила, развитие, счастье, комфорт, работа, забота, развитие, здоровье, мировой уровень, стабильность, процветание, любовь, порядок* и т.п. Приведем примеры.

Комсомольск-на-Амуре – город трудовой **доблести, опоры** всей промышленности Дальнего Востока. Значение нашего города в жизни страны – огромно. Великие трудовые **традиции** не могут быть забыты, историческая **роль** города Юности должна стать той **силой**, которая объединит всех горожан на пути производственного и социального **развития**. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Евгения Вайцешека).

Город Жуковский, жители которого смогли поднять авиастроение на **мировой уровень**. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки А.Г. Вихарева).

Любимому городу – **стабильность и процветание!** Городу нужен **порядок!** (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Владимира Карагодина).

Забота о людях – развитие края! В данном примере также используется такие средства выразительности, как метонимия и обобщение, где забота о людях подразумевает комплексный подход к улучшению жизни граждан и развитию региона в целом (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Натальи Кувшиновой).

5 Привлечение внимания избирателей к ключевым проблемам. Политическая реклама способна активизировать внимание избирателей на конкретных злободневных проблемах. Она делает эти проблемы приоритетными в общественном сознании, и избиратели начинают оценивать кандидатов по предложенным ими решениям конкретных насущных проблем, которые могут быть выражены в виде лозунгов или ключевых посылов. При этом, в них активно используются слова, описывающие качественное, результативное и упорядоченное выполнение тех или иных действий по улучшению жизни села, города, района, области, например: *эффективно, системно, комфортно, качественно, лучше* и т.п.

Считаю, что, став депутатом городской думы, смогу **эффективно** заниматься решение различных проблем в сфере ЖКХ. Нужно выстроить с управляющими компаниями **системную** работу по улучшению условий проживания людей. В Комсомольске-на-Амуре подавляющее число домов **требует** ремонта, замены кровли, а многие дворы находятся в запущенном состоянии...Сегодня нужно менять направление развития города в

сторону **комфортного** проживания людей и создания условий для здорового образа жизни. Силами депутатов городской Думы можно много изменить в родном городе. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Евгения Вайцешика).

У нас с вами есть возможность сделать жизнь лучше. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки Алексея Добрякова).

Нам говорили: у вас ничего не получится. Мы отвечали: если не мы, то кто? И у нас получилось. Важно, чтобы каждый на своём месте качественно выполнял свою работу. (Материал взят из предвыборной рекламной листовки А.Г. Вихарева).

Заключение

В заключение следует отметить, что политическая реклама выполняет важную роль в обществе, она является основным и необходимым инструментом в избирательном процессе. Политическая реклама оказывает значительное влияние на общественное сознание, она формирует отношение к кандидатам, партиям и организациям. Важная роль политической рекламы заключается не только в предоставлении необходимой информации избирателям, но и в конструировании определенного имиджа политиков и партий, формирования доверия и лояльности к ним со стороны общества. Кандидаты продвигаются как лидеры перемен к лучшему, при этом активно подчеркиваются их опыт, знания, профессионализм, положительные достижения и личные качества. Посредством языковых приёмов, лозунгов, эмоционально-окрашенной лексики политическая реклама оказывает существенное воздействие на мировоззрение, чувства и поведение избирателей, а также на их восприятие действительности. Политическая реклама способна подчеркнуть достоинства и скрыть недостатки личностей и организаций. Эта особенность оказывает существенное влияние на формирование первого впечатления и принятия решения о поддержке тех или иных кандидатов или партий. Однако, несмотря на многочисленные способы влияния на сознание избирателей и разнообразный арсенал средств и методов воздействия, политическая реклама должна использовать только достоверную информацию и обязательно учитывать мнения, потребности и ожидания целевой аудитории.

Библиографический список

1. Беляева М.А. Азы имиджологии: имидж личности, организации, территории: учебное пособие для вузов / М.А. Беляева, В.А. Самкова; Урал. гос. пед. ун-т. – Екатеринбург, 2016. 184 с.
2. Васильева К.А. Влияние политической рекламы на изменение общественных стереотипов о политических деятелях // Диалог. 2025. № 4 (34). С. 35-36.
3. Дроняев К.Э. Роль политической рекламы и использование политических интернет технологий в современной России // Научное образование. 2020. № 3 (8). С. 115-118.
4. Медведева Н.А. Взаимодействие вербального и невербального в текстах политической рекламы (на материале политической рекламы Курганской области) / Н.А. Медведева,

Н.В. Иванова // Зырянские чтения: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Курган, 09–10 декабря 2010 года. – Курган: Курганский государственный университет, 2010. С. 177-178.

5. Усанов Г.И. Методологические основы развития организационной культуры бизнеса / Г.И. Усанов, М.А. Финогеев // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2023. № 4 (68). С. 31-37. – DOI 10.17084/20764359-2023-68-31.

6. Байханов И.Б. Корпоративное образование: смыслы и отличия от общего или дополнительного образования // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 298-306.

References

1. Belyaeva M.A. Basics of Imageology: Image of an Individual, Organization, Territory: A Textbook for Universities / M.A. Belyaeva, V.A. Samkova; Ural. State Pedagogical University – Ekaterinburg, 2016. 184 p.

2. Vasilyeva K.A. The Influence of Political Advertising on Changing Public Stereotypes about Politicians // Dialogue. 2025. № 4 (34). P. 35-36.

3. Dronyaev K.E. The Role of Political Advertising and the Use of Political Internet Technologies in Modern Russia // Scientific Education. 2020. № 3 (8). P. 115-118.

4. Medvedeva N.A. Interaction of the verbal and non-verbal in the texts of political advertising (based on political advertising in the Kurgan region) / N.A. Medvedeva, N.V. Ivanova // Zyryanovskie readings: Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference, Kurgan, December 9-10, 2010. – Kurgan: Kurgan State University, 2010. P. 177-178.

5. Usanov G.I. Methodological foundations for the development of organizational business culture / G.I. Usanov, M.A. Finogeev // Scientific notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2023. № 4 (68). P. 31-37. – DOI 10.17084/20764359-2023-68-31.

6. Bayhanov I.B. Corporate education: meanings and differences from general or additional education // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 298-306.

Воробьева М.В.

Кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дизайна ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет».

Фролова Ю.В.

Старший преподаватель кафедры дизайна. ФГПО Мелитопольского государственного университета.

Философия и символизм живописи школы Вэньжэньхуа*

Аннотация. В наши дни в России возрастает интерес к Китайской культуре. Это выражается в увеличении спроса на изучение китайского языка, количестве открывающихся школ и курсов китайской живописи и каллиграфии, моде на чайные церемонии, организации выставок, фестивалей с экспонатами китайского искусства и ремёсел, концертов традиционной музыки и танца и т.п. Но насколько глубоко мы способны осмыслить эту культуру?

Для понимания любого культурного явления необходимо иметь представление о том, в условиях какого философско-идеологического климата оно возникло и формировалось. Эта статья является попыткой осветить один из уникальных и сложных феноменов китайской национальной культуры - живопись направления Вэньжэньхуа - в аспекте его глубокого философского наполнения.

Основным материалом для изучения данной темы служат древние китайские поэтические и философские тексты, обладающие высокой историко-культурной ценностью.

Ключевые слова: Вэньжэньхуа, Се И, китайская философия, китайская живопись, китайская культура.

Vorobeva M. V.

Associate Professor, Head of the Department of Landscape Architecture and Design, Melitopol State University.

Frolova Y. V.

Senior Lecturer, Department of Design, Melitopol State University.

Philosophy and symbolism of Chinese monochrome painting

Abstract. Nowadays, interest in Chinese culture is increasing in Russia. This is reflected in the

* © Воробьева М.В., Фролова Ю.В., 2026.

Философия и символизм живописи школы Вэньжэньхуа

increased demand for learning Chinese, the number of schools and courses of Chinese painting and calligraphy opening, the fashion for tea ceremonies, the organization of exhibitions, and festivals with exhibits of Chinese art and crafts, concerts of traditional music and dance, etc.

However, how deeply are we able to comprehend this culture?

To understand any cultural phenomenon, it is necessary to have an idea of the philosophical and ideological climate in which it arose and was formed. This article is an attempt to highlight one of the unique and complex phenomena of Chinese national culture - the painting «Xie Yi» - in the aspect of its deep philosophical content.

The philosophy and symbolism of Chinese traditional painting by Xie Yi.

Key words: Wenzhenhua, Xie Yi, Chinese philosophy, Chinese painting, Chinese culture.

Введение. Могучая полноводная река традиционной китайской живописи истекает из глубокой древности (Гохуа - букв. «живопись нашей страны») и делится на две ветви - Гунби и Се и.

Гунби (工笔 - «тщательная или прилежная кисть») - живопись, отличающаяся декоративностью и тщательной проработкой деталей, изысканностью и утонченностью.

Се и (写意 - «изображение идеи, сути») - монохромная живопись тушью, характеризующаяся большой степенью условности и недосказанности, небрежностью и экспрессией мазков, пренебрежением законами перспективы, пропорциями. Виртуоз се-и Джан Дацянь писал о назначении данного направления как о передаче «духа предмета и его внутренней сущности».

В начале VIII в., во времена расцвета династии Тан () (618-907 гг. до н. э.), живопись, литература, каллиграфия, музыка высоко ценились знатью и были распространены во дворце, в аристократических кругах. Претенденты на должность высшего чиновника должны были сдать экзамен на стихосложение и хорошо разбираться в живописи и каллиграфии. Многие выдающиеся художники и поэты, имена которых нам известны, состояли на государственной службе (Ван Вэй, Ли Бо, Ду Фу).

Даже сам император Сюань Цзун (712-756), покровитель искусств и наук, основатель китайского театра, сам был не чужд творчеству - писал стихи и музицировал.

В 755 году в результате государственного переворота и смены власти вся китайская интеллигенция вынуждена была бежать из городов в горы, в даосские и чань-буддийские монастыри.

Чем занимались чиновники-интеллектуалы в условиях своего изгнания? Они посвящали себя духовным практикам и не оставляли занятий живописью, каллиграфией и литературой. Таким образом стала зарождаться так называемая «бунтарская» традиция - *вэньжэньхуа* - «искусство интеллектуалов/ученых/литераторов».

Живопись, рожденная в аскетических условиях высокогорных мона-

стырей, обрела предельную упрощенность и была монохромной. Это обусловлено не только отсутствием привычных материалов в арсенале независимых художников (цветная тушь являлась роскошью и завозилась в страну издалека). Пустоту, условность и целую систему философских символов привнесла в дальневосточное искусство традиция даосизма и буддийское учение секты Чань, сложившееся в VI веке под влиянием даосских пантеистических идей и конфуцианства.

Школа живописи Вэньжэньхуа

Название китайской школы буддизма происходит от санскритского термина «дхьяна»¹ - созерцание, которое является основной духовной практикой данной школы. Чань (дзен у японцев) учил пребывать в созерцании, занимаясь любыми видами человеческой деятельности, будь то повседневный физический труд, боевые искусства, стихосложение, или занятия живописью. Результатом этого созерцания должно было стать проникновение в собственную изначальную природу и изначальную природу всех вещей (природу Будды), познание истинной реальности.

Искусство живописи становится частью созерцательной практики и методом достижения состояния просветления - как у художника, так и у зрителя.

Сущность чань, проявляющаяся в равнодушии к форме, обращенности от внешнего мира к внутренней природе, в непосредственности и «свободном движении творческого духа», экспрессии и простоте, становится сутью самого нового искусства. Чань и творчество становятся синонимами.

Принцип первостепенности идеи-сути в изобразительном искусстве стал творческим кредо мастеров круга вэньжэньхуа. Именно они способствовали появлению на свет живописи *се и*. Установка на изображение идеи получает развитие во всех жанрах, главным образом, в пейзаже («горы-воды») и «цветы и птицы».

Если в Европе пейзажная живопись, как таковая, сформировалась после эпохи Ренессанса, то в Китае эстетическое и философское осмысление природы и зарождение пейзажа произошло задолго до европейского средневековья. В этой стране очень рано всё человеческое бытие стало соотноситься с природой, через нее люди пытались постичь законы бытия.

«В творчестве китайского средневекового пейзажиста постоянно дополняли и уравнивали друг друга два исходных начала. Одно из них при-

1 Дхьяна // Православная энциклопедия. – М.: Церковно-научный центр «Православная Энциклопедия», [Дата обращения: 22.12.2025]. // URL: <https://www.pravenc.ru/rubrics/philosophy/dhyana/> (Дата обращения: 22.12.2025).

«Дхьяна» (санскр.; пали; кит. ch'an; япон. Zen) - созерцание, видение умом, интуитивное видение, понятие инд. духовных практик, обозначающее особую сосредоточенность (самдхи) сознания на объекте созерцания. На европейские языки переводится как медитация, трансмедитация или транс, в буддизме ассоциируется с древней практикой восьми последовательных стадий или способов созерцания, приближающих к освобождению (мокша) от страданий и круга рождений.

рода как символ мира в его единстве и цельности, другое - живая природа во всем многообразии ее частных проявлений. В произведениях этого жанра нашла свое отражение философская даосско - буддийская идея «великое в малом», раскрывающая представление о том, что в каждой, даже ничтожно малой неприметной части природы заключена душа Вселенной» [1, с. 9] .

Появление монохромных изображений природы связывают с именем великого китайского поэта Ван Вэя, прекрасно владевшего кистью. Он принадлежал к числу художников-интеллектуалов. Укрывшись в буддийском монастыре, замороженный зимним горным пейзажем, Ван Вэй попытался нарисовать его в монохроме. Вслед за ним и другие художники стали изображать природу в монохромной палитре. Известный исследователь китайского искусства Е.В. Завадская приводит следующие фразы из «Дао дэ цзина», которые легли в основу разработанной теории живописи и музыки: «Пять цветов притупляют зрение. Пять звуков притупляют слух». Поиски сдержанности и лаконизма художественных средств, создание монохромной живописи имеют истоком эту мысль Лао-цзы» [2, с. 9].

В новом пейзаже нашла воплощение буддийская идея пустоты и наполненности, а также более древнее даосское представление об извечном взаимодействии двух начал во Вселенной (темного и светлого, пассивного и активного, женского и мужского - инь и ян), как причине её непостоянства и изменчивости: небо, горы- символы мужского начала, земля, водоемы-женского и т.п. Даже в самой живописной технике художниками осмыслялся элемент диалектики инь и ян. Монах по прозвищу Ши-тао («Горькая тыква») писал: «Союз туши и кисти таков же как единение инь и ян. Лишь приступают писать гору - душа вселяется в гору, пишут воду - вода приходит в движение, пишут деревья - они оживают. Кисть и тушь объединить-начать упорядочивать хаос...». Пейзажист Тан Ди (XIII-XIV вв.) проводил ту же параллель: «Кисть-активное начало, тушь выступает как инь, ибо пассивна. Природа кисти и туши подобна природе Неба и Земли, которые в своем единстве породили всё сущее» [3, с. 9].

Китайский пейзаж никогда не был изображением какой-то конкретной местности и не писался с натуры, каждый элемент на картине имеет символическое значение. Горы для китайца - пристанище духа, опора мироздания, а также - обители бессмертных (сяней) и богов, по горам на землю нисходит благодать Неба. На картинах среди гор часто встречается одинокий путник (с появлением черно-белых изображений природы фигура человека уменьшается и перестает доминировать в пейзаже) - мудрец-философ на пути познания всеобъемлющего закона Дао и слияния с ним. Гроты, навесы, расщелины на картинах - врата в иной мир, лоно Великой Матери (она же - Дао, Первопричина), место воссоединения с самим собой, своим духовным началом.

Сохранилось немало трактатов о живописи, написанных самими ху-

дожниками-интеллектуалами. В них говорится о необходимости выносить в себе идею прежде, чем взяться за кисть. «То, что открылось сердцу - передалось руке, достигнуты высшие ритмы, уловлена духовная сущность, схвачен высший смысл» [там же, с. 9].

Ван Вэй в своих трактатах о живописи писал, что как бы ни изображал ты горы-воды, идея летит впереди кисти.

Жанр «Цветы и птицы» в традиционной китайской живописи — это флора и фауна, к нему относятся изображения цветов и трав, камней, зверей, птиц, насекомых и т.д. В *се и* особенно часто изображались бамбук, дикая слива мэйхуа, хризантема и орхидея - так называемые «*четверо благородных*». Каждое растение символизировало определенные добродетели, качества благородного мужа - цзюньцзы. *Благородный муж* - одно из основных понятий китайской философии, возникшее в конфуцианстве, символ «правильного» состояния, к которому стоит стремиться.

Согласно «Суждениям и беседам» Конфуция, цзюньцзы независим, самонаполнен, прямодушен, человеколюбив. Возвышенная личность цзюньцзы противостоит грубому и ложному» [4, с. 247].

«Если в человеке естественность превосходит воспитанность, он подобен деревенщине. Если же воспитанность превосходит естественность, он подобен учёному-книжнику. После того как воспитанность и естественность в человеке уравниваются друг друга, он становится благородным мужем» [5]. Несомненно, самыми популярными растениями из тетрады «благородных» являются бамбук² и мэйхуа³ - символы китайской культуры. Эти вечнозеленые растения, противостоящие сильным морозам, в традиционной китайской культуре служат ярким символом таких добродетелей, как терпение, выносливость, чистота и благородство [6].

Бамбук представляет качества стойкости и твердости, но гибкости и податливости, когда это необходимо. Также одним из его качеств является пустотность - важное внутреннее свойство как для буддиста, так и для даоса. Внутренняя пустота как аспект природы Будды и как способность резонировать с ритмами Вселенной.

Тема бамбука находит своё отражение в стихах: «Завалит снег — ни-

2 Словарь символов. 2000. [Дата обращения: 22.12.2025]. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/583?ysclid=mjla0pygdu478919252>

Бамбук (竹) - растение олицетворяет хорошее воспитание, долгую дружбу, долголетие и благополучие в преклонном возрасте, что подчеркивается его вечной зеленью. Бамбук – это образ совершенного человека, способного уступить напору стихии, но не сломаться, а вновь подняться. В китайской культуре он также ассоциируется с сыновней почтительностью и почитается как один из трех спутников зимы, наряду со сливой и сосной. Бамбук является важным символом в буддизме - эмблема Будды.

3 *Мэйхуа* (梅花) - символ стойкости и человеческих добродетелей, занимает особое место в китайской культуре, являясь не только символом природной красоты, но и глубоких человеческих качеств. Его способность расцветать посреди зимы, когда мир вокруг скован морозами, делает мэйхуа воплощением негибкости, силы духа и внутренней стойкости.

почем, иней облепит — снесет. // Будто бы в нем сокрыт какой-то особый сплав. // Чистый, полый внутри, гордо вздымается ввысь, // Словно сокрыто в нем идеалов высоких звучанье» [7, с. 5].

Дикая слива *мэйхуа* - символ благородной чистоты и гармонии, жизнестойкости и неприхотливости (растение не только выживает, но и цветет в суровую пору зимы).

Хризантема⁴ - символ возвышенного одиночества ученого-отшельника, а также покоя и бодрости духа.

Орхидея⁵ — это скромность, простота и нежность.

Согласно трактату крупнейшего теоретика искусства и художника XVII-XVIII вв. монаха Ши-Тао (Горькая тыква), художник наделял изображаемые объекты абстрактными добродетелями, данными им Небом и, прежде чем взять в руку кисть, творец должен возвыситься до этих качеств в себе самом, так как в зачатке все они присутствуют в каждом по милости Неба. Открыв в себе определенную добродетель, он способен увидеть её в объекте природы, в котором она тоже таится и самое сокровенное в каллиграфии и живописи — это перекликанье и единение духовных начал и едва ли здесь имеет значение неукоснительное следование форме отмечал Шэнь Гуа, XI в.⁶

Заключение

С течением времени школы «тщательной кисти» (гунби) и «выражения идеи» (се и) пришли к диалогу и взаимообогащению. Воспроизводя мысль нашего современника, художника-искусствоведа Ху То, обе школы, по сути, в равной мере выражают идею-сущность, отличие лишь в формах её передачи - в филигранно-отточенной, либо в подчеркнуто упрощенной и экспрессивной.

Школа живописи Вэньжэньхуа является уникальным культурным феноменом, отражающим глубокую связь с философскими концепциями и символизмом традиционного Китая. Это направление демонстрирует синтез разных видов искусства, в частности поэзии, каллиграфии и живописи. Учения даосизма, конфуцианства и буддизма определяют символическое

4 Словарь символов - хризантема [Дата обращения: 22.12.2025]. // URL: <https://example.com/chrysanthemum-symbolism>

Хризантема (菊花 - júhuā) - цветок в китайской символике означает осень, уход от дел, легкость, холодное величие, ученость, урожай, легкость в манерах, богатство, долголетие или то, что выживает так как выдерживает холод.

Словарь символов. 2000. [Дата обращения: 22.12.2025]. // URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/simvol/583?ysclid=mjla0pygdu478919252>

5 Орхидея (兰花 - lánhuā) – цветок в китайской символике – это совершенный человек, гармония, изысканность, любовь, красота, женское обаяние, затворничество ученого.

6 Shen Kuo, Wikipedia, https://en.wikipedia.org/wiki/Shen_Kuo (Дата обращения: 12.12.2025).

Шен Куо или Шен Гуа (китайский: 沈括; пиньинь: Шен Куо; Уэйд–Джайлс: Шен Куо) (1031-1095), Кунчжун (存 君) и псевдоним Менци Вэн (夢溪翁), был китайским ученым-эрудитом и государственным деятелем династии Сун (960-1279)

значение элементов живописных изображений. Использование монохромной техники передает взаимодействие инь и ян, подчёркивая принцип единства и взаимопроникновения полярных начал бытия. Творчество рассматривается как средство достижения духовного совершенства, позволяющее художнику приблизиться к глубинному пониманию природы-космоса и самого себя.

Библиографический список

1. Виноградова Н.А. Китайская пейзажная живопись. Москва, 1972. 9 с.
2. Завадская Е.В. Эстетические проблемы живописи старого Китая. Москва: Искусство, 1975. 28 с.
3. Соколов-Ремизов С.Н. Литература, каллиграфия, живопись: к проблеме синтеза искусств в художественной культуре Дальнего Востока. Москва, 1985. 247 с.
4. Конфуций. Беседы и суждения (Лунь юй) / Lun yu. Москва: АСТ, серия «Эксклюзивная классика Востока», 2025. 224 с.
5. Ван Синхуа. Роль символического образа в интерпретации национальной картины мира (на примере анализа образа бамбука в китайской лингвокультуре) // Вестник Томского государственного педагогического университета = Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2021. № 4 (216). С. 111-120. // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (Дата обращения: 12.12.2025).
6. Сюаньхэ Хуапун («Каталог картин Сюаньхэ»). Москва, 1972. Т. 2. 5 с.
7. Кривцов В.А. Эстетика даосизма. Москва, 1993. 165 с.
8. Завадская Е.В. «Беседы о живописи» Ши-тао. Москва, 1978. 208 с.
9. Виноградова Н.А. Китайская пейзажная живопись. Москва, 1972. 160 с.
10. Абаев Н.В. Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. Новосибирск, 1989. 174 с.
11. Грибина Г.А., Ермолаева Е.Л., Илюшина Е.С., Федосеева Л.А. Значение цветов сливового дерева и пиона в культуре Китая, в его изобразительном искусстве и литературе // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 12. // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (Дата обращения: 12.12.2025).
12. Wang Yaoting. How to see Chinese painting. China CITIC Press, 2016.
13. Three Thousand Years of Chinese Painting. Yale University Press, 1997.

References

1. Vinogradova, N.A. Chinese Landscape Painting. Moscow, 1972. 9 p.
2. Zavetskaya, E.V. Aesthetic Problems of Old Chinese Painting. Moscow: Iskusstvo, 1975. 28 p.
3. Sokolov-Remizov, S.N. Literature, Calligraphy, Painting: On the Problem of the Synthesis of Arts in the Artistic Culture of the Far East. Moscow, 1985. 247 p.
4. Confucius. Conversations and Judgments (Lun Yu) / Lun yu. Moscow: AST, Exclusive Classics of the East Series, 2025. 224 p.
5. Wang Xinghua. The Role of Symbolic Image in Interpreting the National Worldview (Based on the Analysis of the Image of Bamboo in Chinese Linguistic Culture) // Tomsk State Pedagogical University Bulletin. 2021. № 4 (216). P. 111-120. // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (12.12.2025).
6. Xuanhe Huapu ("Catalog of Xuanhe Paintings"). Moscow, 1972. Vol. 2. 5 p.
7. Krivtsov V.A. Aesthetics of Taoism. Moscow, 1993. 165 p.
8. Zavetskaya E.V. "Conversations on Painting" by Shi-tao. Moscow, 1978. 208 p.
9. Vinogradova N.A. Chinese Landscape Painting. Moscow, 1972. 160 p.
10. Abaev N.V. Chan Buddhism and Cultural-Psychological Traditions in Medieval China. Novosibirsk, 1989. 174 p.
11. Gribina G.A., Ermolaeva E.L., Ilyushina E.S., Fedoseeva L.A. The Meaning of Plum and Peony Flowers in Chinese Culture, Fine Arts, and Literature // Modern Scientific Research and Innovation. 2017. № 12. // URL: <https://web.snauka.ru/issues/2017/12/85155> (Accessed: 12.12.2025).
12. Wang Yaoting. How to See Chinese Painting. China CITIC Press, 2016.
13. Three Thousand Years of Chinese Painting. Yale University Press, 1997.

Воронкова А.С.

Соискатель Санкт-Петербургского института культуры. Руководитель арт-подразделения Общества с ограниченной ответственностью «Кампо Верде Медиа Групп», г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 6905-0479

Пуантизм балерины Ильмиры Багаутдиновой как инновационная художественная практика*

Аннотация. Статья посвящена анализу современной арт-практики «пуантизм» как элемента художественной культуры, исследуемого балериной Мариинского театра Ильмирой Багаутдиновой. Данный метод синтезирует исполнение классического танца на пуантах с созданием в интерактивном режиме живописной композиции на холсте. Основу метода составляет дуализм перформанса и наличие статичного объекта по итогам его завершения. «Пуантизм» позиционируется как интермедийная художественная практика. Его художественная ценность обоснована развитием идей авангардных стратегий конца XIX – XX века – Р. Вагнера, О. Шлеммера, И. Кляйна, Д. Кейджа. Творчество Багаутдиновой соответствует критериям «концептуальной среды», как ключевой категории современного актуального искусства. К ним относятся трансмедийность, динамичность современной конвенциональности, преодоление границ выставочного пространства, агрессивное вторжение в зрительское поле и отказ от иллюзионизма. Предпринята попытка доказать, почему «пуантизм» не является экзотическим действием, но представляет собой последовательную художественную практику с собственной методологией, материально-технической базой и институциональным потенциалом, способным внести значительный вклад в современную художественную практику.

Ключевые слова: пуантизм, Ильмира Багаутдинова, Джон Кейдж, Ив Кляйн, Gesamtkunstwerk, трансмедийность, балет, живопись, перформанс, концептуальная среда.

Voronkova A.S.

PhD researcher, Saint-Petersburg State Institute of Culture. Head of art department, Campo Verde Media Group Ltd., Saint-Petersburg. SPIN-code: 6905-0479

The pointe technique of ballerina Ilmira Bagavutdinova as an innovative artistic practice

Abstract. This article is dedicated to the analysis of the contemporary art practice «Pointe Painting» as an element of artistic culture, explored by Mariinsky Theatre ballerina Ilmira Bagavutdinova. This method synthesizes the performance of classical dance on pointe with the real-time creation of a pictorial composition on canvas. The foundation of the method lies in the dualism

* © Воронкова А.С., 2026.

Пуантизм балерины Ильмиры Багаутдиновой как инновационная художественная практика

of the performance and the existence of a static object upon its completion. « Pointe Painting» is positioned as an intermedial artistic practice. Its artistic value is substantiated by the development of ideas from avant-garde strategies of the late 19th and 20th centuries – R. Wagner, O. Schlemmer, Y. Klein, J. Cage. Bagautdinova's work aligns with the criteria of the «conceptual environment» as a key category of contemporary relevant art. These criteria include transmediality, the dynamism of contemporary conventionality, the overcoming of exhibition space boundaries, aggressive intrusion into the spectator's field, and the rejection of illusionism. An attempt is made to demonstrate why « Pointe Painting» is not an exotic spectacle, but rather a coherent artistic practice with its own methodology, material-technical base, and institutional potential, capable of making a significant contribution to contemporary artistic practice.

Key words: Pointe Painting, Ilmira Bagautdinova, John Cage, Yves Klein, Gesamtkunstwerk, transmediality, ballet, fine art, performance, conceptual environment.

Предметом настоящего исследования является авторская практика балерины Мариинского театра Ильмиры Багаутдиновой, обозначенная как «пуантизм». Этот вид творчества объединяет исполнение классических балетных элементов на пуантах и создание живописной композиции на холсте в интерактивном режиме. Онтология искусства Багаутдиновой определяется его дуальностью – перформативным «здесь-и-сейчас» и автономным живописным результатом, фиксирующим «кинестетическую осознанность» [1, с. 95] и пригодным для дальнейшего экспонирования.

Теоретической базой явились труды Р. Голдберг («Искусство перформанса. От футуризма до наших дней», 2019) и Х. Фостера и Р. Краусс («Искусство с 1900 года. Модернизм. Антимодернизм. Постмодернизм», 2015). Они позволили объяснить, почему критерий качества, применяемый в оценке традиционной живописи и скульптуры, в случае с произведениями «пуантистки» неактуален. С появления в 1960-х годах перформансистов, стало возможным заменять принцип академического качества на понятие интереса [2, с. 13, 16] Практика балерины любопытна, как «сама жизнь с ее совпадениями, случайностями и разнообразием» [3, 121]. Аналитическую базу составили интервью И. Багаутдиновой, ее Манифест, контекстуальные документы (статьи в газетах, журналах; видеорепортажи; цифровые записи выступлений), а также официальный сайт художницы, с размещенными на нем биографией, пресс-материалами, фотографиями и видеозаписями, позволяющими изучать перформансы и их результаты онлайн.

В качестве исследовательских методов были использованы теоретические (анализ, обобщение, наблюдение, сравнение) и обработки данных (интерпретация, классификация, систематизация). Изучена связь искусства балерины с концептуальной традицией. Определены особые концептуальные признаки, свойственные ее творчеству – трансмедialность, конвенциональность, преодоление материальных поверхностей, агрессивное вторжение и отказ от иллюзионизма. Качественный

подход позволил классифицировать творчество художницы с точки зрения опыта субъект-объектных практик О. Шлеммера, театра Баухаус, Д. Кейджа, И. Кляйна, Х. Хансен, а также с позиции Р. Вагнера и его концепции синтеза искусств Gesamtkunstwerk.

Результатом исследования стало аналитическое описание «пуантизма», как интермедиальной практики, совмещающей принципы классического танца, процесс-арта и перформативных искусств. Под интермедиа-практикой мы понимаем художественные проекты, в которых традиционное понимание творчества объединяется с новыми креативными формами, иными словами, когда «высокое искусство» и разнообразные конфигурации новых медиа предстают в едином эстетическом конструкте [4, с. 59-60]. Метод Багаутдиновой разрушает привычное понимание того, что следует считать искусством. Она является наследницей традиции реди-мейдов Марселя Дюшана, поэтому ее творчество должно быть рассмотрено, как практика интерпретации формы и процесса создания этой формы.

Подобная постановка вопроса позволяет говорить о «живописной хореографии», в которой «живое движение» [5, с. 63] приобретает вид изобразительного текста, становящегося результатом телесного жеста, проявляющегося в присутствии зрителя. Определение «пуантизма» Ильмиры Багаутдиновой, как самостоятельного вида искусства, возможно при уточнении терминологии, в соответствии с которой современное искусство – это концептуальное пространство, объединяющее разрозненные идеи, существующие на современном этапе переосмысления различных культурных парадигм. Концептуальное пространство сформировано концептуальными средами, которые расширяют количество видов и форм художественного творчества в искусстве, обогащают художественный обмен, предлагают инструменты борьбы с негативным явлением коммерциализации искусства и проблемами культурной изоляции. Концептуальные среды образуют современные художественные формы, предлагающие аудитории взаимодействовать с объектами, наделенными идейно-художественным содержанием. В рамках формальной эволюции современного искусства они формируют единую внутреннюю логику и преемственность формальных поисков. Современные концептуальные среды, как область символической деятельности в культурной среде, существуют в рамках противоречивых взаимоотношений между символическим искусством и асимволической реальностью, обладающей конвенциональным характером и зависимостью от интерпретации [6, с. 26].

С одной стороны, концептуальные среды, как пространство культурной среды, формируют современное искусство. С другой стороны, в самом современном искусстве формируются концептуальные среды, как явление современной художественной среды. Современному искусству, как концептуальной среде, свойственны особые признаки:

- трансмедиальность (возможность реализовывать художественные задачи, не являющиеся специфичными для определенной среды через создание новых технологических методов в искусстве);
- нарушение символических цепочек в модели форма/содержание (конвенциональность);
- преодоление стенных поверхностей традиционных выставочных пространств;
- агрессивное вторжение арт-объектов в зрительское пространство;
- неприятие иллюзионизма в искусстве и «сближение» искусства с реальностью.

Вышеизложенное соответствует методу пуантизма Багаутдиновой, следовательно, ее творчество относится к современному искусству, когда художественная форма (живопись) возникает в ответ на художественную практику (танец). Кроме того, в визуальном словаре художницы-пуантистки происходит усложнение языка и средств художественной выразительности, а также сближаются различные креативные парадигмы.

Ильмира Багаутдинова наследует исторический опыт субъект-объектных практик в искусстве, которые впервые получили воплощение в концепциях Шлеммера [7, с. 6-8] Кейджа, Кляйна и их последователей: Человек – это инструмент (Оскар Шлеммер «Танец планок» (1928), «Танец с металлами» (1929), «Танец со стеклом» (1929) – все на базе театра Баухаус); «Коллаж из несвязанных действий» [8, с. 70] (Джон Кейдж «Мероприятие «Без названия» (1952), «Water walk» & популярное телешоу «У меня есть секрет» (1960); Произведение, как живописное исполнение и/или как самостоятельный объект (Ив Кляйн «Антропометрии» (1960), последователь – Хизер Хансен (2014).

В контексте данных концепций проясняется специфика пуантизма. Во-первых, отношение к человеку, как к орудию, когда фигура мыслится частью системы, включающей форму, цвет и движение. В методе Багаутдиновой дисциплинированное тело переосмысливается через специализированный инструмент – пуанты. У балерины эта обувь теряет привычное значение и становится носителем новой концепции. Во-вторых, наследование парадигмы, когда событие задаёт условия, формирующие образ. В пуантизме это проявляется как «коллаж несвязанных методов» – танец, живопись действия и документирование функционируют параллельно в едином событии, причём зритель воспринимает перформанс как исполнение музыкальной композиции, а холст как её запись. В-третьих, у Ива Кляйна двойственная каноническая форма «исполнение-объект» [9, с. 2] была получена в «Антропометриях». Эта практика стала предшественницей метода балерины-пуантистки. Перформанс и отпечатки тел у Кляйна, так же, как и у Багаутдиновой, сосуществуют вместе. Наконец, сопоставление произведений балерины с телесной графикой Хизер Хансен выявляет

родство «тела, которое рождает изображение». Хансен создает симметричные рисунки углем с помощью свободных движений всего корпуса (корпусное письмо), а Багаутдинова работает в строго академической технике балета на пуантах, справляясь с риском устойчивости и вертикальным положением живописного инструмента относительно поверхности выбранного медиума (холста).

Кроме субъект-объектных практик искусство пуантизма соответствует логике «концептуальной среды», которая определяется не заранее спроектированной идеей, а внешними порождающими факторами, такими как выбранная палитра, масштаб медиума, особенности балетной обуви, траектория движения и временные обстоятельства перформанса. Ключевой характеристикой практического метода становится его перформативность, когда произведение присутствует как событие, передавая визуальное содержание и телесно-перцептивное значение, основанное на кинестетической эмпатии. В результате картина объединяет физический арт-объект, а также медиафиксацию события, которая становится неотъемлемой частью общей «экологии» работы.

Рождение пуантизма произошло в 2007-м году. Багаутдинова рассказывает в своих интервью, что начиналось все с экспериментов с балетным костюмом и пуантами, покрытыми краской. Задача была в том, чтобы зафиксировать идею «следа движения», как причины появления художественного образа. Целостная форма арт-практики сложилась позднее в процессе репетиционных опытов и их видеодокументирования. Сформировалась двойственная природа перформанса – событийная и живописно-объектная. С начала 2023-го года студийная практика перешла в публичную сферу. Стала формироваться история перформансов и выставок, утвердился термин «пуантизм», формализовалась производственная часть (носитель, краски, балетная обувь в качестве кисти и мастихина, временной интервал проведения сеанса от пятнадцати сценических минут до многочасовой студийной работы, фото- и видеодокументирование).

Процесс создания произведения в технике пуантизма включает следующие элементы – материальное оснащение, организационные мероприятия, техническая часть танца, результат на холсте. Материальная база метода объединяет подготовленный носитель (загрунтованный холст или бумагу), жидкие краски с заранее подобранной палитрой и пуанты как основной инструмент работы с носителем. Принципиальна предперформативная подготовка, когда определяется формат и ориентация основы, вязкость краски, «чистота» площадки, так как именно внешние условия порождают рисунок, а не наоборот. Техника движения переводит кинетические параметры классического танца в визуально-материалистичный след. Пуанты фиксируют переносы центра тяжести (возникновение цветовых акцентов на холсте), вращения (дуги и спирали), прыжки (разрежен-

ные «удары» с брызговой обводкой), скольжения (линейные «строки» переменной ширины). Холст становится «памятью жеста», где линия и пятно сохраняют информацию о времени, усилии и условиях перформанса.

Синтетическая природа «живописной хореографии» художницы может быть определена с точки зрения сформулированного Рихардом Вагнером понятия *Gesamtkunstwerk* (тотального произведения искусства) [10, с. 1], когда, в случае пуантизма, музыка задаёт временной контекст, танец оставляет видимый след, костюм и свет уточняют силуэт и пространственный контраст, а живопись содержит память о событии. Перформанс и объект соотносятся как «событие и след» – две взаимодополняющие части одного произведения. Такая двойственность соответствует перформативной эстетике, когда происходит смещение фокуса от объекта к событию и обратно к объекту, удостоверяющему произошедшее действие. На уровне восприятия зритель проходит путь от состояния стороннего наблюдателя к сопереживающему соучастнику. В момент перформанса у аудитории возникает телесная эмпатия к усилию, балансу и риску балерины, что создаёт пик переживания, а уже в экспозиционном пространстве результат танца на холсте читается как «замороженная музыка» ее траектории движения.

Будучи отдельной концептуальной средой, то есть самостоятельным творческим явлением, уместно говорить о пуантизме не только, как об экзотичном произведении, созданном в рамках перформанса, но и о последовательной художественной системе в современном искусстве. Особенности инновационного метода являются классический танец, который выступает в роли живописного медиума, а также красочный слой, как документ перформативного действия. Стилистическое единство пуантизма, обеспечивается единством принципов создания (приоритетом условий и техники исполнения, доминирующими в работе), материально-технической базой (подготовленный носитель, жидкие краски, пуанты) и моментом рождения формы, как системообразующего начала. Пуантизм, являясь художественным феноменом наделен внутренней логикой отношения «событие-след», что структурирует дуалистичную природу его произведений. Интерактивный формат задает временную форму и кинестетическую силу переживания, тогда как холст обеспечивает длительную интерпретируемость и институциональную адаптивность результата (музей, частная коллекция, выставочная экспозиция в галерее).

Вопрос «степени живописности» в пуантизме, как в перформативном медиуме, получает конструктивный ответ. Многогранная фактура, распределение колористических «плотностей», баланс пустот и контрастов подтверждают самостоятельную композиционную завершенность; когда холст позволяет «прикоснуться» ко времени и танцу, как произведению искусства. Метод Багаутдиновой с дуалистичной позиции включает событие, которое задаёт интенсивность и смысловые координаты, и объект,

обеспечивающий возможность интерпретации и институциональный потенциал – от музейного зала до академической аудитории. В итоге пуантизм предстает устойчивой художественной системой с собственными концептуальными принципами и экспозиционной воспроизводимостью. Выбранная же балериной-художницей философия искренности и жизнеутверждающая интенция формируют тип коммуникации, ориентированный на аккумуляцию доверия между сценой и залом через совместное переживание рождения формы. «Право ног говорить цветом» понимается буквально – как выстраданная профессиональной школой возможность трансформировать опыт в видимый след.

Кроме стремления постичь мастерство «живописной хореографии» с практической точки зрения, пуантизм обладает смысловым значением, получившим выражение в авторском манифесте художницы:

«Моя жизнь – это эмоции. Осознанные и спонтанные, выстраданные и пришедшие, словно, благословение, открытые миру или захлестывающие изнутри. Я дарю их зрителю, благодарно принимаю в ответ, живу в этом тонком духовном взаимодействии, как в бесконечном, ни на минуту не останавливаемом танце. Каждый свой успех я переживаю восторженно и воодушевленно, каждый провал становится для меня раной, каждое стечение обстоятельств – судьбой, рождающей бурю чувств.

Я живу на пределе и во имя одного – достижения профессионального совершенства и творческой реализации. Потому что только здесь – свобода. Только здесь – истина и живая, хрустально чистая жизнь.

Я пребываю во власти искусства с самого детства и ощущаю силу его воздействия все сильнее и сильнее.

Мне кажется, что в моей власти заставить сердце зрителя сжаться от боли или взлететь от восторга. Передать мысль, идею, состояние – без слов, только линией, цветом, движением. Вдохновить. Потрясти. Заставить задуматься.

Мои картины – не просто изображения. Это моменты, вырванные из времени, застывшие, но живые. Они говорят и танцуют о значимом и вечном. О том, что мы забыли, или о том, что ещё не осознали. Они о красоте, странной и неожиданной, о боли, преображённой в свет, о хаосе, обретшем форму.

Пуантизм? Да. Но не только техника – философия!

Самое ценное быть в потоке здесь и сейчас. В той самой минуте творения, ради которой ты работал всю жизнь. Когда пуанты ведут тебя. Когда произведение рождается само, а ты лишь проводник. И потом какое же это счастье – отдать свой дар и танец зрителю. Подарить!

Искренность – единственная мера оригинальности. Без неё искусство мертво.

Я хочу, чтобы зритель не просто увидел, а ощутил. Чтобы через мои ра-

боты он осознал, что эмоции – это не сиюминутные вспышки настроения, а сама суть жизни.

Искусство – не просто украшение. Оно отражает душу, взывает к истинному «я», звучит исповедью и призывом к искренности и чистоте.

И я буду творить столько, сколько мне отведено времени на Земле – потому что не могу иначе!»

Этический вектор – жизнеутверждающая интенция и «право ног говорить цветом» – – первостепенный принцип композиции. «Быть в потоке здесь и сейчас» означает признать импровизационную неопределенность, опираясь на безупречную школу, что отвечает за ясность (как?) и убеждает (что?). В совокупности все вышеописанные факторы позволяют квалифицировать пуантизм как методологию «живописной хореографии» с четкими теоретическими координатами (перформативность, интермедальность, процесс-арт), технологической регламентированностью и институциональной воспроизводимостью – то есть как значимый вклад в современную художественную практику и творческую инфраструктуру.

Библиографический список

1. Гордеева Т.В. Кинестезия в исполнительской практике современного танца [Электронный ресурс] // Вестник Академии русского балета им. А.Я. Вагановой. 2015. № 1 (36). С. 95. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinesteziya-v-ispolnitelskoy-praktike-sovremennogo-tantsa> (Дата обращения: 29.09.2025).
2. Goldberg R. Performance: Live Art Since the 60s. – New York: Thames & Hudson, 2004. 237 p. // URL: https://monoskop.org/images/a/ab/Goldberg_RoseLee_Performance_Live_Art_Since_the_60s_2004.pdf (Дата обращения: 29.09.2025).
3. Goldberg R. Performance Art: From Futurism to the Present. – London: Thames & Hudson, 2001. 240 p.
4. Джумайло О.А. Понятие интермедальности и его эволюция в современном научном знании // Верхневолжский филологический вестник. 2018. № 4. С. 59-60. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-v-sovremennom-nauchnom-znanii> (Дата обращения: 29.09.2025).
5. Сироткина И.Е. Мир как живое движение: Интеллектуальная биография Николая Бернштейна / Отв. ред. А. Г. Асмолов. – М.: Когито-Центр, 2018. 252 с. // URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-01-31/5bb3ce69-bc7a-4a6d-b60a-25709978bf47.pdf> (Дата обращения: 29.09.2025).
6. Воронкова А.С. Создание новых концептуальных сред в искусстве XX – XXI вв.: дисс... магистр. 50.04.03 / Воронкова А. С. – СПб.: 2022. 26 с.
7. Nikolić S. The Bauhaus Theater – Oskar Schlemmer's Design in Motion Concept // SAJ (Serbian Architectural Journal). 2014. Vol. 6. P. 6-8.
8. Cage J. Silence: Lectures and Writings. – Hanover, New Hampshire: Wesleyan University Press, 1961 (1973). 276 p. // URL: https://monoskop.org/images/b/b5/Cage_John_Silence_Lectures_and_Writings.pdf (Дата обращения: 29.09.2025).
9. Brady M. Entering the Void: Representation and Experience in the Work of Yves Klein, With Some Implications for Education // Kyoto University, Япония. 2018. 10 p. // URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10069620/7/Brady_Entering%20the%20Void.%20Representation%20and%20Experience%20in%20the%20Work%20of%20Yves%20Klein%2C%20with%20Some%20Implications%20for%20Education_VoR.pdf (Дата обращения: 29.09.2025).
10. Иванова О.Н. «Синтез» в теоретических и художественных практиках XVIII века как философско-теоретический источник концепции Gesamtkunstwerk П. Вагнера [Электронный

ресурс] // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2007. № 2. С. 196-197. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-v-teoreticheskikh-i-hudozhestvennykh-praktikah-xviii-veka-kak-filosofsko-teoreticheskii-istochnik-kontseptsii-gesamtkunstwerk-r?ysclid=mlh0g0b924994836848> (Дата обращения: 29.09.2025)

11. Лукашенко Д.В. Педагогика высшей школы в эпоху цифровизации: трансформация образовательных практик и роль преподавателя // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 208-212.

References

1. Gordeeva T.V. Kinesthesia in the Performing Practice of Contemporary Dance // Bulletin of the Vaganova Academy of Russian Ballet. 2015. № 1 (36). P. 95. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kinesteziya-v-ispolnitelskoy-praktike-sovremennogo-tantsa> (09.29.2025).
2. Goldberg R. Performance: Live Art Since the 60s. – New York: Thames & Hudson, 2004. 237 p. // URL: https://monoskop.org/images/a/ab/Goldberg_RoseLee_Performance_Live_Art_Since_the_60s_2004.pdf (09.29.2025).
3. Goldberg R. Performance Art: From Futurism to the Present. – London: Thames & Hudson, 2001. 240 p.
4. Dzhumailo O. A. The Concept of Intermediality and Its Evolution in Modern Scientific Knowledge // Verkhnevolzhsky Philological Bulletin. 2018. № 4. P. 59-60. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-intermedialnosti-i-ego-evolyutsiya-v-sovremennom-nauchnom-znanii> (29.09.2025).
5. Sirotkina I. E. The World as a Living Movement: An Intellectual Biography of Nikolai Bernstein / Ed. A. G. Asmolov. – М.: Kogito-Center, 2018. 252 p. // URL: <https://cdn1.tenchat.ru/static/vbc-gostinder/2024-01-31/5bb3ce69-bc7a-4a6d-b60a-25709978bf47.pdf> (29.09.2025).
6. Voronkova A.S. Creation of New Conceptual Environments in the Art of the 20th – 21st Centuries: diss... master's thesis. 50.04.03 / Voronkova A.S. – St. Petersburg: 2022. 26 p.
7. Nikolić S. The Bauhaus Theater – Oskar Schlemmer's Design in Motion Concept // SAJ (Serbian Architectural Journal). 2014. Vol. 6. P. 6-8.
8. Cage J. Silence: Lectures and Writings. – Hanover, New Hampshire: Wesleyan University Press, 1961 (1973). 276 p. // URL: https://monoskop.org/images/b/b5/Cage_John_Silence_Lectures_and_Writings.pdf (09.29.2025).
9. Brady M. Entering the Void: Representation and Experience in the Work of Yves Klein, With Some Implications for Education // Kyoto University, Japan. 2018. 10 p. // URL: https://discovery.ucl.ac.uk/id/eprint/10069620/7/Brady_Entering%20the%20Void.%20Representation%20and%20Experience%20in%20the%20Work%20of%20Yves%20Klein%2C%20with%20Some%20Implications%20for%20Education_VoR.pdf (29.09.2025).
10. Ivanova O.N. "Synthesis" in the theoretical and artistic practices of the 18th century as a philosophical and theoretical source of R. Wagner's Gesamtkunstwerk concept // Bulletin of KSU im. N.A. Nekrasov. 2007. № 2. P. 196-197. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sintez-v-teoreticheskikh-i-hudozhestvennykh-praktikah-xviii-veka-kak-filosofsko-teoreticheskii-istochnik-kontseptsii-gesamtkunstwerk-r?ysclid=mlh0g0b924994836848> (09.29.2025)
11. Lukashenko D.V. Higher school pedagogy in the age of digitalization: the transformation of educational practices and the role of the teacher // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 208-212.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Гносеологический и терминологический дискурс о генезисе бумаги в Китае*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу междисциплинарной научной дискуссии о происхождении и ранней эволюции бумаги в Китае, инициированной археологическими открытиями второй половины XX века. Традиционный нарратив, связывающий изобретение бумаги с именем сановника Цай Луня (ок. 105 г. н.э.), рассматривается как частный случай феномена персонализации технологических инноваций. Отправной точкой полемики стали находки в Бацяо и других памятниках эпохи Западной Хань (II – I вв. до н.э.), оспорившие каноническую хронологию. В работе реконструируется историографический контекст формирования канонической версии, анализируются ключевые археологические свидетельства, исследуются терминологические («чжи») и технологические критерии идентификации древней бумаги.

Центральное внимание уделяется методологическому расколу между сторонниками ревизионистской хронологии (во главе с историком Пань Цзисином) и технологами бумажной промышленности, которые интерпретируют ранние артефакты как примитивные протобумажные формы. Демонстрируется, что научная дискуссия была существенно осложнена идеологическими и политическими факторами. Фигура Цай Луня, выполнявшая функцию консолидирующего национального нарратива, стала объектом защиты со стороны государственных институтов, воспринимавших ревизию как угрозу символическому капиталу культурного приоритета Китая. В итоге авторы приходят к выводу, что роль Цай Луня, вероятно, заключалась не в первичном изобретении, а в систематизации и имплементации технологии в масштабах империи. Показано, что дискуссия о происхождении бумаги является наглядным кейсом взаимодействия науки, идеологии и политики в конструировании исторического знания.

Ключевые слова: Китай, происхождение бумаги, Цай Лунь, Западная Хань, Бацяо, Пань Цзисин, технологический приоритет, идеология и наука, методологический конфликт, «Четыре великих изобретения».

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Dediu E.I.*Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.***The epistemological and terminological discourse on the genesis of paper in China**

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the interdisciplinary scientific debate on the origin and early evolution of paper in China, which was sparked by archaeological discoveries in the second half of the 20th century. The traditional narrative attributing the invention of paper to the official Cai Lun (c. 105 AD) is examined as a specific case of the phenomenon of personalizing technological innovations. The starting point of the controversy was the findings at Baqiao and other sites from the Western Han period (2nd – 1st centuries BC), which challenged the canonical chronology. The work reconstructs the historiographical context of the formation of the canonical version, analyzes key archaeological evidence, and explores the terminological («zhi») and technological criteria for identifying ancient paper.

Central attention is paid to the methodological split between proponents of a revisionist chronology (led by historian Pan Jixing) and paper industry technologists, who interpret early artifacts as primitive proto-paper forms. It is demonstrated that the scientific debate was significantly complicated by ideological and political factors. The figure of Cai Lun, serving as a consolidating national narrative, became an object of protection by state institutions that perceived revision as a threat to the symbolic capital of China's cultural priority. Ultimately, the author concludes that Cai Lun's role likely lay not in the primary invention but in the systematization and implementation of the technology on an imperial scale. It is shown that the debate on the origin of paper is a vivid case study of the interaction between science, ideology, and politics in the construction of historical knowledge.

Key words: China, origin of paper, Cai Lun, Western Han Dynasty, Baqiao, Pan Jixing, technological priority, ideology and science, methodological conflict, «Four Great Inventions».

Проблема происхождения и ранней эволюции фундаментальных технологий является одной из центральных в исторической науке, поскольку затрагивает вопросы не только хронологии и атрибуции, но и методологии конструирования исторического знания. В китайской историографии одним из наиболее ярких примеров подобной проблемы выступает дискуссия о генезисе бумаги – одного из «Четырёх великих изобретений» древнего Китая, традиционно связываемого с именем сановника эпохи Восточная Хань Цай Луна (ок. 105 г. н.э.). Тезис об изобретении бумаги конкретной исторической фигурой представляет собой частный случай общего историографического феномена персонализации технологических инноваций, аналогичного приписыванию изобретения книгопечатания Иоганну Гутенбергу или дизельного двигателя Рудольфу Дизелю. Однако подобная атрибуция часто игнорирует коллективный и эволюционный характер технологического прогресса, что делает её методологически уязвимой.

Актуальность исследования определяется комплексным характером современной полемики, которая была спровоцирована серией археологических открытий второй половины XX века, в первую очередь – находками в Бацяо (возле Сианя). Обнаружение там фрагментов материала, датированных эпохой Западной Хань (II – I вв. до н.э.), оспорило традиционную хронологию и поставило под вопрос исключительную роль Цай Луня как изобретателя. Эта дискуссия из сугубо академической плоскости быстро трансформировалась в междисциплинарный и идеологизированный конфликт, вовлекший археологов, историков техники, химиков-технологов и представителей государственных институтов.

Центральным предметом спора стало не только датирование артефактов, но и сама дефиниция бумаги, её технологические и терминологические границы. С одной стороны, существуют исторические свидетельства о полифункциональном использовании материала «чжи» задолго до II в. н.э., а с другой – технологическое определение бумаги как продукта формирования листа из водной суспензии волокон. Отправную точку конфликта отметил методологический раскол между сторонниками ревизионистской хронологии (во главе с историком Пань Цзисинем), видевшими в находках из Бацяо полноценную бумагу, и их оппонентами из отраслевого Института бумажной промышленности, трактовавшими эти артефакты как примитивные протобумажные формы. Этот спор вышел за рамки научной экспертизы, столкнувшись с мощным идеологическим сопротивлением, поскольку фигура Цай Луня выполняла важную функцию консолидирующего национального нарратива, а его ревизия воспринималась как угроза символическому капиталу китайского культурного приоритета [1].

Целью работы в рамках заявленной темы является комплексный анализ гносеологических, терминологических и методологических аспектов дискуссии о происхождении бумаги в Китае. В *задачи* работы входит:

- Реконструкция историографического контекста формирования канонической версии об изобретении бумаги Цай Лунем;
- Анализ ключевых археологических находок (Бацяо, Фанматань, Сюаньцюань) и их роли в ревизии традиционной хронологии;
- Исследование терминологической семантики понятия «чжи» и технологических критериев идентификации древней бумаги;
- Выявление причин и особенностей методологического раскола между историками и технологами в оценке артефактов;
- Освещение идеологических и институциональных факторов, оказавших влияние на ход и результаты научной полемики в КНР во второй половине XX века.

Таким образом, данное исследование направлено на демонстрацию того, как проблема установления технологического приоритета становится полем столкновения не только различных научных методологий, но и

политических интересов, коллективных идентичностей и стратегий конструирования национальной истории.

Атрибуция изобретения бумаги Цай Луню репрезентирует более общий историографический феномен, при котором каждой значимой инновации стремятся присвоить единственного автора или изобретателя – по аналогии с дизельным двигателем Рудольфа Дизеля или европейским книгопечатанием с подвижными литерами, персонализированным через фигуру Иоганна Гутенберга. Однако известно, что коммерческая реализация двигателя Дизеля стала возможной благодаря инженерным оптимизациям Люсьена-Эжена Иншопа, а успех типографского предприятия Гутенберга был обусловлен вкладом его компаньона Петера Шеффера. Таким образом, не существует методологической необходимости утверждать, что именно высокопоставленный китайский чиновник эпохи Хань лично сконструировал технологический процесс, впоследствии канонизированный на Западе как одно из «Четырёх великих изобретений» древнего Китая наряду с книгопечатанием, компасом и порохом. Каждая из этих инноваций имела трансформационное воздействие на мировую историю, что было отмечено ещё Фрэнсисом Бэконом в XVII веке. Парадоксальным образом, большинство фундаментальных технологических прорывов – включая многие из упомянутых – не имеют однозначно идентифицируемых авторов.

Проблема хронологической и персональной атрибуции изобретения бумаги имеет существенное значение. Она актуализировалась в связи с ревизией традиционной датировки появления бумаги в Китае. Так, в ходе археологических изысканий в Бацяо (пригород Сианя, древней столицы Чанъань) были обнаружены фрагменты материала, интерпретированные как бумага. Контекст находки – погребение, датированное археологами периодом правления императора У-ди (141 – 87 гг. до н.э.) династии Западная Хань. Эта датировка отодвигает свидетельства существования бумаги примерно на три столетия ранее традиционно принятого времени (эпоха Восточная Хань, II в. н.э.), тем самым оспаривая приоритет Цай Луня. Обнаружение артефактов из Бацяо инициировало многолетнюю междисциплинарную дискуссию внутри китайского академического сообщества – полемику, сочетающую текстологический, археологический и историко-технологический анализ и не лишённую идеологических импликаций, продолжающуюся по сей день [1, 2, 3].

Сердцевина этой дискуссии лежит в области определения самой сущности бумаги, её функциональных применений и терминологической семантики. С одной стороны, известно, что лексема «чжи» (紙), стандартно обозначающая бумагу в китайском языке, определяется в «Шовэнь цзецзы» «Изъяснение письмен и толкование иероглифов» (ок. 100 г. н.э.) как «циновка/войлок из отходов шёлкового производства». Не исключено, что данный термин мог в ранний период применяться к определённому

виду ткани. Структурно иероглиф «чжи» состоит из семантического детерминатива «шёлк» (衤). Детерминатив «шёлк» входит в состав лексики, связанной с текстилем, что стало одной из лингвистических основ для концепции бумаги как функционального суррогата шёлка. Исторические источники I в. до н.э. – I в. н.э. свидетельствуют о полифункциональности ранней бумаги: она упоминается как материал для изготовления гигиенических салфеток или масок, упаковки ядовитых веществ и, наконец, как писчий материал для книг императорского собрания наряду с традиционными носителями – шёлком и бамбуковыми планками. Эти нарративы позволяют сделать вывод о существовании бумагоподобных материалов уже в I в. до н.э. и о семантической нестабильности термина «чжи» в ранний период [1, 2, 3, 4, 5].

С технологической точки зрения бумага определяется как листовый материал, сформированный из водной суспензии растительных волокон, которые при высыхании создают прочную волокнистую структуру за счёт межволоконного сцепления. Данное определение не специфицирует вид сырья. В китайской традиции в качестве волокнистого сырья использовались конопля («*Cannabis sativa*»), растения семейства крапивных (рами, «*Boehmeria nivea*»), лубяные волокна, кора бумажной шелковицы («*Broussonetia papyrifera*»), луб белой шелковицы, ротанг, бамбук и солома злаков. В этой связи необходимо уточнить, что широко распространённый термин «рисовая бумага» является терминологической мистификацией: так называемая «рисовая бумага» производится не из соломы риса, а из сердцевины стебля растения «*Tetrapanax papyrifer*» (семейство Аралиевые), произрастающего в Южном Китае [1, 2, 3, 4, 5].

В историографии технологии существовала гипотеза о возможной генетической связи между производством бумаги, использующим как лубяные волокна, так и сердцевину растений, и традицией изготовления тапы – материала, получаемого путём мацерации, скобления и механического размягчения (выколачивания) коры для формирования грубого нетканого полотна. Несмотря на определённые технологические параллели, тезис о влиянии австронезийской практики изготовления тапы, распространённой в Юго-Восточной Азии и на Тайване, на генезис собственно бумагоделательного процесса в Китае не находит убедительных подтверждений и остаётся умозрительным.

Параллельно с теоретическими дискуссиями, существенный вклад в полемику о происхождении бумаги внесли многочисленные археологические находки её фрагментов. Систематические раскопки неоднократно выявляли образцы бумаги в погребальных и поселенческих контекстах. Первая сенсационная находка, предварительно датированная серединой II в. до н.э., была сделана в пустыне Лобнор (Синьцзян-Уйгурский автономный район), однако утрата артефакта привела к маргинализации этого

свидетельства в научном дискурсе. Новый импульс исследованиям придали открытия 1980-х – 1990-х гг., в ходе которых было идентифицировано шесть ключевых комплексов (1985 – 1990 гг.). Географически ареал находок концентрируется в Северном Китае: вблизи бывшей столицы империи Хань и, преимущественно, в западных районах провинции Ганьсу, где аридный климат способствовал исключительной сохранности органических материалов. Хронологический анализ семи основных комплексов позволяет стратифицировать их следующим образом: четыре образца датируются периодом не позднее I в. до н.э.; один – рубежом I в. до н.э. / I в. н.э.; два – I в. н.э. В более поздний период франко-монгольской археологической экспедицией был обнаружен ещё один фрагмент бумаги на территории Монголии, радиоуглеродная датировка которого отнесла его к самому началу нашей эры [Цит. по 2, р. 9].

Несмотря на то, что некоторые из бумажных фрагментов были найдены в ассоциации с инскрибированными деревянными табличками («*mùdǔ*») и даже письменными принадлежностями, лишь на двух из них зафиксированы следы письменности. Речь идёт о находках из Фанматаня и Сюаньцюань, обнаруженных в 1986 и 1990 соответственно. Фрагмент из Фанматаня (примерные размеры 5,6 × 2,6 см.), датируемый серединой II в. до н.э., представляет собой часть картографического документа с контурами речных систем и в настоящее время рассматривается как древнейший известный инскрибированный бумажный артефакт. Образец из Сюаньцюань, несколько бо льшего формата, содержит пять китайских графем и может быть отнесён к I в. до н.э. [Цит. по 2, р. 9].

Совокупность археологических данных позволяет реконструировать возможное бытование бумаги как технологически сформированного материала уже во II веке до н.э. При этом полученные образцы демонстрируют её функциональную пригодность для обоих основных видов графической фиксации – письма и рисования, осуществлявшихся в рамках единого инструментального комплекса (кисть, жидкая тушь, твердая тушечница). Однако данная реконструкция носит гипотетический характер и не получила консенсуального признания в научном сообществе. Проблема интерпретации археологических свидетельств усугубляется влиянием когнитивных и методологических предубеждений, свойственных академическим исследованиям в целом. Аналогичные эпистемологические трудности наблюдаются, например, в современных климатологических дебатах о соотношении антропогенных факторов и естественной изменчивости климатической системы. В ряде случаев подобные дискуссии приобретают выраженную политико-идеологическую окраску.

Интересно отметить асимметрию в восприятии новых данных между западной и китайской академическими традициями. Результаты китайских археологических исследований, указывающие на удревнение даты появле-

ния бумаги как минимум на два с половиной столетия, были в целом беспрепятственно инкорпорированы в западную историографию технологии. Внутри же самого Китая эти данные вызвали неоднозначную реакцию. Доминирующий публичный нарратив, репродуцируемый, в частности, электронными ресурсами, продолжает ассоциировать изобретение бумаги с именем Цай Луня и символической датой 105 г. н.э. Парадоксальным образом наиболее последовательными оппонентами ревизионистской хронологии выступили не историки, а представители химической науки, вступившие в полемику с археологами. Каждое новое обнаружение древних бумажных фрагментов интенсифицировало эту междисциплинарную дискуссию, в которую постепенно вовлекались идеологические и политические факторы, влияющие на формирование национального исторического нарратива [Цит. по 2, р. 9].

Первоначальное обнаружение артефактов в местечке Бачжао вызвало значительное удивление среди исследователей, согласившихся лишь постепенно принять тот факт, что бумага существовала значительно ранее общепринятых датировок. Сообщённое впервые ещё в 1957 году, данное открытие получило детальный анализ и научное обоснование лишь спустя несколько лет благодаря труду известного китайского специалиста по истории технологий и полиграфии Пан Цзисиня. Первая публикация на данную тему появилась позднее, лишь в 1964 году. Замедленная реакция научного сообщества на выводы Пан Цзисиня объясняется социально-политическими обстоятельствами начала периода Великой пролетарской культурной революции, стартовавшей в 1966 году, когда практически вся академическая деятельность оказалась замороженной, за исключением выпуска официальных документов и агитационных материалов. Интеллектуальная элита подвергалась репрессивным мерам вплоть до физического труда в сельской местности либо репрессиям и ликвидации под предлогом участия в контрреволюционной деятельности. Лишь после завершения революционного движения и кончины Мао Цзэдуна в 1976 году возобновились научные дискуссии и вновь начали звучать точки зрения, нередко обусловленные внутренними политическими мотивами и борьбой за влияние [Цит. по 2, р. 10].

Параллельно с общими дискуссиями сформировался конкретный методологический конфликт вокруг артефактов из Бацяо. Пань Цзисин, представляющий Институт истории естественных наук Академии наук КНР, однозначно идентифицирует данные фрагменты как технологически полноценную бумагу. Эта позиция подвергается систематической критике со стороны специалистов Института бумажной промышленности (подведомственного Министерству лёгкой промышленности), оспаривающих как сам статус материала, так и методы его анализа.

Несмотря на консенсус относительно сырьевого состава (волокна

«*Cannabis sativa*» и «*Boehmeria nivea*»), мнения исследователей кардинально расходятся в интерпретации морфологии волокон. Согласно данным Пань Цзисина, микроскопический анализ выявил наличие сегментированных волокон длиной 1 – 5 мм., что, по его мнению, свидетельствует об искусственном резании сырья (природная длина элементарных волокон конопли составляет 10 – 50 мм.). Кроме того, им зафиксированы признаки фибрилляции – расщепления волокон в результате механической обработки (выколачивания, размола), а также их равномерная дисперсия в массе, что соответствует классической технологии формирования бумажного листа.

Оппоненты (Ван Цзюйхуа и Ли Юйхуа) приводят контраргументы: по их наблюдениям, волокна сохраняют бо льшую длину и не демонстрируют следов резания; отсутствие фибрилляции интерпретируется как признак того, что сырье не подвергалось целенаправленной обработке, необходимой для получения бумаги в строгом смысле слова. В их интерпретации артефакты представляют собой либо примитивный упаковочный материал протобумажного типа, либо просто спрессованный слой необработанных растительных волокон [Цит. по 2, р. 10].

Последующие археологические открытия не привели к конвергенции позиций. Группа Пань Цзисина продолжала настаивать на том, что находки являются не только бумагой, но и материалом, пригодным для письма (что становилось неоспоримым при обнаружении инскрибированных фрагментов). Их оппоненты, напротив, классифицировали все домысленные образцы как «зачаточные формы» («*rudimentary forms*»), а в случаях с надписанными фрагментами подвергали сомнению археологическую датировку, предлагая отнести их к более позднему периоду (II, а в отдельных случаях даже к VII в. н.э.). Этот спор, имевший ярко выраженный междисциплинарный характер (история техники vs. технология бумажного производства), постепенно вышел за рамки чисто научной дискуссии, будучи осложнён идеологическими и политическими факторами, которые оказывали деструктивное воздействие на объективность научного анализа.

Тезис об изобретении бумаги Цай Лунем выполнял значимую социокультурную функцию, выступая в качестве консолидирующего нарратива, укреплявшего представления о национальной преемственности. В этой парадигме его ревизия рассматривалась как потенциальный источник идеологической дестабилизации, что нашло отражение в дискурсе эпохи. Вопрос о конкретных позициях и судьбах отдельных лиц в период «культурной революции» остается предметом исследования, однако неоспоримо, что данный период оставил глубокий след в историографии [1, 2, 3, 4, 5].

В 1970-е годы институциональный подход к данному вопросу был продемонстрирован Министерством легкой промышленности, которое моно-

политизировало процедуру аутентификации, систематически проводя экспертизы и контрэкспертизы. В рамках этой деятельности находки бумаги из Бацяо были заявлены как археологическая фальсификация. Для легитимации данной позиции был учрежден профильный комитет по истории бумаги, налажен выпуск специализированного журнала, а также использовались методы дискредитации альтернативных точек зрения. Подобные меры были мотивированы опасениями, что пересмотр роли Цай Луна может привести к утрате символического капитала, связанного с национальным приоритетом в данном изобретении.

На первый взгляд, восприятие подобной ревизии как угрозы национальным основам может показаться гиперболизированным. Однако следует признать, что конструирование исторического нарратива не является исключительной прерогативой профессиональных историков; оно также отражает коллективные ожидания общества и часто инструментализируется политическими режимами для целей легитимации. Особенно ярко это проявляется в отношении фигур изобретателей и ключевых технологий. Наглядной иллюстрацией может служить церемония открытия Олимпийских игр 2008 года в Пекине, где акцент на китайском происхождении бумаги и книгопечатания был представлен как элемент национальной идентичности. Таким образом, для части академического и идеологического сообщества критика тезиса об изобретении бумаги Цай Луном была тождественна попытке оспорить сам китайский приоритет в создании бумаги [Цит. по 2, р. 11].

Данный приоритет, в отличие от вопроса о личности изобретателя, оспаривался редко. Единичным исключением стала публикация в 1970-х годах в журнале Международной ассоциации историков бумаги за авторством индийского специалиста, выдвинувшего гипотезу об индийском происхождении бумаги. Ситуация с ксилографией демонстрирует иную динамику: самые ранние из сохранившихся печатных артефактов (VIII век) были обнаружены на Корейском полуострове и в Японии, что стало основой для конкурирующих национальных нарративов.

В этом контексте сохранение за Цай Луном статуса «святого покровителя» бумажного дела и единоличного изобретателя стало для некоторых групп императивом. При этом современная историческая наука склоняется к тому, что, даже если Цай Лунь не был первооткрывателем бумаги как таковой, его вклад, вероятно, связан с существенным усовершенствованием технологии её производства и последующей широкой стандартизацией, что имело решающее значение для её распространения.

Проведенный анализ дискуссии о генезисе бумаги в Китае демонстрирует, что проблема происхождения ключевых технологий редко ограничивается сугубо техническими или хронологическими рамками. Дебаты, инициированные открытием артефактов из Бацяо и других раннеханьских

памятников, превратились в сложный междисциплинарный конфликт, в котором переплелись методы археологии, историографии, материаловедения и лингвистики. Главным его итогом стала фундаментальная ревизия традиционного нарратива, связывавшего изобретение бумаги исключительно с именем Цай Луня и датой 105 г. н.э. Совокупность археологических данных указывает на существование технологически сформированного бумагоподобного материала уже во II – I вв. до н.э., что отодвигает хронологический рубеж как минимум на два столетия.

Ключевым препятствием для научного консенсуса стал не дефицит эмпирических данных, а методологический раскол в их интерпретации. Конфликт между историком Пань Цзисином, отстаивавшим статус находок как полноценной бумаги на основании морфологии волокон, и технологами из Института бумажной промышленности, видевшими в них лишь примитивные «зачаточные формы», выявил отсутствие единых, универсально принятых критериев для идентификации древнейшей бумаги. Этот спор подчеркнул эпистемологические различия между дисциплинами, ориентированными на реконструкцию исторического процесса, и дисциплинами, опирающимися на строгие технологические стандарты современного производства.

Как показало исследование, научная дискуссия о происхождении бумаги была существенно деформирована внешними, идеологическими и политическими факторами. В условиях, когда фигура Цай Луня и связанный с ним нарратив выполняли важную социокультурную функцию, укрепляя представления о национальной преемственности и технологическом приоритете, любая ревизионистская гипотеза воспринималась как потенциальная угроза. Институциональные меры, предпринятые в 1970-е годы Министерством лёгкой промышленности для дискредитации находок из Бацяо, ярко иллюстрируют, как государственные структуры могут стремиться монополизировать право на аутентификацию исторического знания для защиты символического капитала нации. Таким образом, полемика о бумаге стала наглядным кейсом взаимодействия науки, идеологии и политики в КНР второй половины XX века.

В свете полученных данных фигура Цай Луня требует переосмысления. Современная историческая наука, отказываясь от упрощенной модели «единоличного изобретателя», склоняется к тому, что его историческая роль, вероятно, заключалась не в первичном изобретении, а в систематизации, усовершенствовании и, что наиболее важно, в официальной стандартизации и имплементации технологии бумажного производства в масштабах империи. Именно этот вклад мог закрепить за ним статус ключевой фигуры в исторической памяти.

Перспективы дальнейших исследований видятся в нескольких направлениях. Во-первых, необходима разработка более четких и общепринятых

междисциплинарных протоколов для анализа и атрибуции древнейших бумажных артефактов, которые учитывали бы как технологические параметры, так и археологический контекст. Во-вторых, представляет интерес сравнительное изучение процессов конструирования аналогичных «изобретательских мифов» вокруг других ключевых технологий как в китайской, так и в мировой историографии. Наконец, данный кейс является плодотворной основой для исследований в области социологии знания и политической истории науки, изучающих механизмы формирования, защиты и трансформации национальных исторических нарративов под влиянием новых эмпирических открытий.

Подводя итог, можно утверждать, что дискуссия о происхождении бумаги в Китае вышла далеко за пределы вопроса о датировке конкретной технологии. Она обнажила глубокие взаимосвязи между научным знанием, коллективной идентичностью и политической властью, продемонстрировав, что история фундаментальных изобретений – это всегда история не только технологий, но и тех смыслов, которые общество в них вкладывает и которые оно стремится защитить.

Библиографический список / References

1. Drège Jean-Pierre, *Le Papier dans la Chine impériale: Origine, fabrication, usages*. – Paris: Les Belles Lettres, 2017. 462 p.
2. Drège Jean-Pierre, *L'interminable controverse sur les origines du papier en Chine // Claude Laroque (dir.), Autour des papiers asiatiques, actes des colloques D'Est en Ouest: relations bilatérales autour du papier entre l'Extrême-Orient et l'Occident (organisé le 10 octobre 2014) et Papiers et protopapiers: les supports de l'écrit ou de la peinture (organisé le 30 octobre 2015)*, – Paris. 2017. P. 7-12.
3. Hunter Dard, *A Papermaking Pilgrimage to Japan, Korea and China*. – New York: Pynson Printers, 1936. 148 p.
4. Hunter Dard, *Papermaking: The History and Technique of an Ancient Craft*. – New York: Courier Corporation, 1978. 611 p.
5. Hunter Dard, *Papermaking through eighteen centuries*. – New York: W.E. Rudge, 1930. 358 p.

Го Сюемэй

Аспирант. Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Систематичность спортивных мероприятий как части приграничной культуры (на примере г. Хэйхэ и г. Благовещенск)*

Аннотация. Данная статья посвящена спортивно-культурному обмену между городами Хэйхэ и Благовещенск, «городами-побратимами» на китайско-российской границе. На основе полевых исследований, анализа литературы и тематических исследований в статье анализируются достижения в области сотрудничества и существующие проблемы между двумя городами в сфере спортивных мероприятий, молодежных обменов и народных видов спорта, а также предлагаются целенаправленные рекомендации по оптимизации, которые послужат ориентиром для содействия устойчивому развитию обменов между двумя городами и углублению дружественных отношений между Китаем и Россией.

Ключевые слова: китайско-российская граница, спортивные и культурные обмены, Хэйхэ, Благовещенск.

Guo Xuemei

Graduate student of the Faculty of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Systematic sporting events as part of border culture (the case of Heihe and Blagoveshchensk)

Abstract. This article examines sports and cultural exchanges between Heihe and Blagoveshchensk, cities on the Russian-Chinese border. It analyzes the current status and achievements of sports events and cooperation in youth and mass sports between the two cities, highlighting issues such as insufficient branding for events. It also proposes measures to optimize policies and deepen youth exchanges, serving as a guide for the sustainable development of exchanges between the two cities and the strengthening of Sino-Russian friendship.

Key words: Sino-Russian border, sports and cultural exchanges, Heihe, Blagoveshchensk.

1. Введение

В процессе глобализации и региональной интеграции дружественные

* © Го Сюемэй, 2026.

Систематичность спортивных мероприятий как части приграничной культуры (на примере г. Хэйхэ и г. Благовещенск)

отношения между Китаем и Россией углубились во многих областях. Роль приграничных городов в качестве лидеров обменов стала заметной и получила поддержку со стороны политики. Города Хэйхэ и Благовещенск разделены рекой, географически близки и обладают богатым культурным наследием. Долгосрочное экономическое и торгово-культурное сотрудничество заложило прочную основу для спортивного и культурного обмена¹. Данное исследование берет за отправную точку спортивный и культурный обмен между двумя городами. Оно может предоставить новые исследовательские перспективы и примеры для таких областей культурологии, как региональная культура, массовая культура, физическая культура. Оно также может обеспечить стратегическое руководство для углубления и координации спортивного обмена между двумя городами путем анализа текущей ситуации, решения проблем и выработки предложений. В то же время оно может способствовать укреплению дружбы между китайским и российским народами, продвижению культурной интеграции, поддержанию стабильности границ и построению нового типа отношений между крупными державами. Основные исследовательские вопросы включают: основные формы и характеристики спортивного и культурного обмена между двумя городами, его роль в китайско-российской дружбе, а также существующие проблемы и пути их решения.

2. Основной текст

2.1 Исторический контекст

Китайско-российский культурный обмен имеет более чем 400-летнюю историю². Спортивные обмены стали все более частыми с момента основания Нового Китая. Такие мероприятия, как Год китайско-российского спортивного обмена, придали импульс сотрудничеству³. Спортивно-культурные обмены между городами Хэйхэ и Благовещенск начались в 1990-х годах и постепенно развивались от спорадических товарищеских матчей до регулярных обменов с отличительными брендовыми мероприятиями.

2.2 Текущее состояние обменов

2.2.1 Сотрудничество в спортивных мероприятиях

Мероприятия являются основным носителем обменов. В обоих городах проводится множество разнообразных мероприятий, и их органи-

1 Li Zhaotang, Luo Yan, Zhang Jun. Functional Monitoring and Analysis of Border Cities – Using the Case of Heihe City // *Geodesy, Cartography and Spatial-Geographical Information*. 2024. № 47 (S1). P. 108-111.

2 Лю Дунлэй, Ван Цзуню. Анализ ценности, текущего состояния и пути китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // *Журнал Шаньдунского института физического воспитания*. 2020. № 36 (2). С. 18-25.

3 Гу Сюмин. Исследование стратегии развития китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // *Шаньдунская спортивная наука и технология*. 2024. № 46 (6). С. 33-36.

зация становится все более стандартизированной⁴. Масштаб и влияние Международного хоккейного турнира дружбы на реке Хэйлунцзян между Китаем и Россией продолжают расти. После возобновления мероприятий по пересечению реки Хэйлунцзян они стали традиционным проектом китайско-российского культурного сотрудничества⁵. Международные соревнования по зимнему плаванию на реке Зея, добавленные в 2025 году, в сочетании с культурным взаимодействием, расширили опыт обмена⁶. Кроме того, широко проводятся игры с мячом, а также массовые мероприятия по физической подготовке, такие как марафоны и пешие походы.

2.2.2 Молодежный спортивный обмен

Молодежь – это будущее и надежда спортивного и культурного обмена. В обеих странах был проведен ряд мероприятий в рамках молодежного спортивного обмена, таких как товарищеские матчи и тренировочные сборы по футболу, настольному теннису, бадминтону и другим видам спорта. Благодаря этим мероприятиям молодежь двух стран не только улучшила свои спортивные навыки, но и укрепила взаимопонимание и дружбу.

2.2.3 Народный спортивный обмен

Характеристики китайско-российского спортивного обмена менялись в зависимости от национальных дипломатических стратегий и внутренней и внешней обстановки в разные исторические периоды⁷. Благодаря высокому уровню внимания и продвижению культурных обменов, включая спортивные, со стороны высшего руководства Китая и России, спонтанно формировались организации народного культурного обмена, а спорт стал важным носителем обменов⁸. Роль неправительственных спортивных организаций в спортивно-культурном обмене между городами Хэйхэ и Благовещенск имеет решающее значение. Разнообразные и широко распространенные мероприятия, такие как народные танцы и спорт для пожилых людей, не только обогащают культурную жизнь жителей приграничных районов, но и способствуют интеграции китайской и русской культур⁹.

4 Лю Дунлэй, Ван Цзиню. Анализ ценности, текущего состояния и пути китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал Шаньдунского института физического воспитания. 2020. № 36 (2). С. 18-25.

5 Ван Цзиню. Цветок дружбы расцветает в «китайско-российских городах-побратимах». Хэйхэ Дэйли. 2024-09-03(001).

6 Вэнь Хао. Торжественное открытие китайско-российской международной серии соревнований по зимним видам спорта 2025 года. Heihe Daily, 2025-02-24(001).

7 Чэнь Цзэган, Хо Хун. История и отражение китайско-российских (советских) спортивных обменов за последние 70 лет // Журнал Чэндуского университета физического воспитания. 2021. № 47 (6). С. 62–66+96.

8 Лю Дунлэй, Ван Цзиню. Анализ ценности, текущего состояния и пути китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал Шаньдунского института физического воспитания. 2020. № 36 (2). С. 18-25.

9 Бурашиников Д.Ю. Специфика взаимодействия двух культур в пространстве приграничных городов: Благовещенска (Россия), Хэйхэ (КНР) // Ученые записки Комсомольско-

2.3 Характеристики и роль спортивно-культурных обменов

2.3.1 Анализ характеристик

Географические преимущества значительны. Два места расположено близко друг к другу и имеют удобную транспортную доступность, что обеспечивает естественное удобство для трансграничных культурных обменов¹⁰. Спортивные проекты и мероприятия разнообразны, охватывая ледовые и зимние виды спорта, водные виды спорта, игры с мячом и национальную физическую подготовку, что соответствует потребностям различных групп населения; участие населения высокое, организации и общественность активно участвуют, создавая благоприятную социальную атмосферу.

2.3.2 Анализ роли

Спортивно-культурные обмены способствуют экономическим обменам и взаимному политическому доверию между странами¹¹ и являются важной частью стратегического партнерства между Китаем и Россией. В настоящее время спортивные обмены между двумя сторонами значительно расширились по масштабу, охвату и влиянию¹². Как важная форма народной дипломатии, она укрепляет взаимопонимание и дружбу между народами двух стран и формирует общественное мнение о китайско-русской дружбе. Она стимулирует развитие туризма, общественного питания и других смежных отраслей, а также придает импульс местной экономике. В то же время она способствует культурному обмену, снижает барьеры и укрепляет доверие¹³.

2.4 Проблемы спортивного культурного обмена

2.4.1 Недостаточный брендинг мероприятий

В обоих регионах наблюдаются явные недостатки в создании бренда, рекламе и продвижении, а также в расширении коммерческой ценности характерных спортивных мероприятий. Большинству мероприятий не хватает единого имиджа бренда и систематической рекламы, что приводит к ограниченной популярности. Кроме того, существуют такие проблемы,

го-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т.2. № 8. С. 50-54.

10 *Валль Е.С., Чжао П.* Граница России и Китая: влияние приграничных городов двух стран // Форум молодёжной науки. 2022. Т. 3. № 3. С. 25-28.

11 *Лю Дунлэй, Ван Цзинь.* Анализ ценности, текущего состояния и пути китайско-русского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал Шаньдунского института физического воспитания. 2020. № 36 (2). С. 18-25.

12 *Чэнь Цзэан, Хо Хун.* История и отражение китайско-русских (советских) спортивных обменов за последние 70 лет // Журнал Чэндуского университета физического воспитания. 2021. № 47 (6). С. 62-66+96.

13 *Рогожкина Д.В., Гончарова Е.В.* Спорт как средство культурного обмена: примеры международных спортивных событий и их роль в укреплении межкультурных связей // Языковая картина мира, культура и перевод: Материалы XVII Региональной научно-практической студенческой конференции, Хабаровск, 25 апреля 2025 года. – Хабаровск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. С. 208-210.

как недостаточное предложение мероприятий, однотипность, устаревшие формы работы и слабая узнаваемость бренда¹⁴, что приводит к растрате ресурсов, недостаточному влиянию в обществе и трудностям в привлечении спонсоров и зрителей.

2.4.2 Несовершенный механизм молодежного обмена

Молодежные спортивные обмены между двумя регионами не имеют долгосрочного планирования и систематической подготовки. Мероприятия носят в значительной степени случайный и временный характер, а языковые и культурные различия также создают препятствия для обменов¹⁵.

2.4.3 Недостаточная устойчивость обменов в сфере массового спорта

Обмены в основном зависят от государственного руководства. Существует мало общественных организаций на низовом уровне, и их сила слаба. Платформы сотрудничества не имеют эффективного планирования, что приводит к ограниченным формам обмена и неэффективному использованию имеющихся региональных ресурсов¹⁶. Мероприятия по обмену на низовом уровне в основном организуются спонтанно, им не хватает стабильной финансовой поддержки и политических гарантий. Кроме того, наращивание потенциала организаций массового спорта отстает, что затрудняет проведение крупномасштабных обменов высокого уровня¹⁷.

2.5 Стратегии и предложения по оптимизации

2.5.1 Брендинг мероприятий и международное развитие

Укрепить создание бренда мероприятия, разработать единый имидж бренда и стратегию продвижения, а также всесторонне продвигать его по нескольким каналам. Внедрить передовой международный опыт организации мероприятий, повысить качество организации и услуг, а также расширить коммерческую ценность для привлечения спонсоров и аудитории. Укрепить сотрудничество с международными спортивными организациями, способствовать интернационализации мероприятий и усилить международное влияние¹⁸. В то же время, цифровые медиатехнологии могут

14 Чжан Вэй. Дилемма развития китайско-российских массовых спортивных мероприятий в провинции Хэйлунцзян // Современная спортивная наука и технология. 2020. № 10 (26). С. 180-182.

15 Haroon Ashraf. Cross-culture communication needed. The Lancet, 1999. March 13. Vol. 353. P. 910.

16 Изосимов А.Н. Сотрудничество вузов приграничных территорий ДВФО и КНР в области физической культуры и спорта // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 77-80.

17 Сунь Я. Морозова В.С. Принцип диалогичности культур в приграничном межкультурном взаимодействии Китая и России // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации: Материалы XI Международной научно-практической конференции, Чита, 27 марта 2019 года / Ответственный редактор Т.Н. Кучинская. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 123-128.

18 Сунь Х, Ли Ч, Чжан М, Исследование текущей ситуации в области спортивных и культурных обменов между Китаем и Россией в перспективе «Пояса и пути» // Успехи гума-

быть использованы для осуществления трансграничной коммуникации и повышения узнаваемости бренда¹⁹.

2.5.2 Углубление обмена в сфере молодежного спорта

Улучшить долгосрочный механизм обмена в сфере молодежного спорта и разработать долгосрочные планы и программы обучения. Укрепить сотрудничество между спортивными учебными заведениями и обмениваться спортивными достижениями²⁰. Проводить разнообразные мероприятия, такие как летние лагеря и обменные соревнования, а также укреплять языковую и культурную подготовку для преодоления коммуникационных барьеров.

2.5.3 Содействие устойчивому развитию обмена в сфере гражданского спорта

Создать долгосрочный китайско-российский механизм обмена и сотрудничества в сфере спорта, расширить число гражданских спортивных организаций, обогатить формы обмена, а также исследовать и развивать разнообразные мероприятия для расширения участия общественности²¹. Увеличить финансовую и политическую поддержку и улучшить механизм финансирования. Укрепить наращивание потенциала гражданских спортивных организаций и проводить профессиональную подготовку и руководство. Поощрять сотрудничество с предприятиями и общественными организациями для расширения каналов финансирования. Модель «государственного руководства + участие предприятий» города Фуянь может служить ориентиром для содействия интеграции промышленности²² и обеспечения устойчивого развития²³.

2.5.4 Оптимизация политики и ресурсной поддержки

Улучшение системы политической поддержки спортивных обменов

итарных наук. 2024. № 4. С. 296-303.

19 Wenyang Zhong, Yaqian Zhang. Research on Cross-Border Integration and Strategy of Digital Media Technology in Artistic Creation and Communication. Journal of Cases on Information Technology, 2025. April. Vol 2. Issue 1. 3.

20 Изосимов А.Н. Сотрудничество вузов приграничных территорий ДВФО и КНР в области физической культуры и спорта // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 77-80.

21 Се Х. Китайско-монгольско-российское культурное, спортивное и туристическое сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты : Материалы международной научной конференции, посвящённой 60-летию юбилею кафедры китайского языка, Чита, 02 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.А. Юйшина. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 98-102.

22 Ван Явэй, Ван Цзюань, Сунь Фууй. Исследование стратегии интеграции спорта и туризма в приграничных районах проживания этнических меньшинств для содействия возрождению Северо-Восточного Китая – на примере города Фуянь // Вестник спортивной науки и технологий. 2024. № 32 (7). С. 122-125.

23 Чжан В, Ву Т. Пути развития спортивно-массовых мероприятий в рамках российско-китайских отношений (на примере провинции Хэйлунцзян) // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 1 (50). С. 98-103.

между правительствами Китая и России, усиление координации и коммуникации в политике, а также создание благоприятной среды для обмена²⁴. Полное использование руководящей роли правительства, поддержка строительства спортивных сооружений и организации мероприятий посредством инвестиционной поддержки и налоговых льгот, а также выполнение обязанностей по надзору и координации для обеспечения общественного порядка²⁵. Увеличение инвестиций в такие ресурсы, как фонды, таланты и площадки, для обеспечения надежной гарантии обмена²⁶.

3. Заключение

Спортивно-культурные обмены между городами Хэйхэ и Благовещенск достигли замечательных результатов в укреплении китайско-российской дружбы, стимулировании местной экономики и укреплении народной дружбы²⁷. Однако они по-прежнему сталкиваются с такими проблемами, как недостаточная ориентация мероприятий на брендинг, неэффективный механизм молодежных обменов и слабая устойчивость обменов между людьми. Данное исследование обогащает теоретические исследования межрегиональных спортивных обменов и предоставляет стратегическое руководство для сотрудничества между двумя регионами на практике. В будущем, с улучшением китайско-российских отношений и усилением политической поддержки, ожидается, что спортивные и культурные обмены между двумя регионами достигнут большего развития во многих областях. Дальнейшие исследования могут дать больше идей для развития приграничных районов.

Библиографический список

1. Бурашников Д.Ю. Специфика взаимодействия двух культур в пространстве приграничных городов: Благовещенска (Россия), Хэйхэ (КНР) // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. 2011. Т. 2. № 8. С. 50-54.
2. Валь Е.С., Чжао П. Граница России и Китая: влияние приграничных городов двух стран // Форум молодежной науки. 2022. Т. 3. № 3. С. 25-28.
3. Ван Цзинмо. Цветок дружбы расцветает в «китайско-российских городах-побратимах». Хэйхэ Дэйли. 2024-09-03(001). – DOI: 10.28342/n.cnki.nhhfb.2024.001105.
4. Ван Явэй, Ван Цзуопэн, Сунь Фууй. Исследование стратегии интеграции спорта и туризма в приграничных районах проживания этнических меньшинств для содействия возрождению Северо-Восточного Китая – на примере города Фуюань // Вестник спортивной науки и технологий. 2024. № 32 (7). С. 122-125.
5. Вэнь Хао. Торжественное открытие китайско-российской международной серии соревно-

24 Валь Е.С., Чжао П. Граница России и Китая: влияние приграничных городов двух стран // Форум молодежной науки. 2022. Т. 3. № 3. С. 25–28.

25 Чжан Вэй. О роли правительства в развитии массовых спортивных брендовых мероприятий в Китае и России // Современная спортивная наука и технологии. 2020. № 10(31). С. 220-221+226.

26 Хасанишин А.Р. Эволюция спортивных обменов между Россией и Китаем // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 6-2. С. 164-165.

27 Рисухина О.Н. Развитие культурных связей российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (середина 80–х гг. XX в. – начало XXI в.) // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 38-52.

- ваний по зимним видам спорта 2025 года. Heihe Daily, 2025-02-24(001). – DOI: 10.28342/n.cnki.nhhrb.2025.000271.
6. Гу Сюмин. Исследование стратегии развития китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Шаньдунская спортивная наука и технология. 2024. № 46 (6). С. 33-36.
7. Изосимов А.Н. Сотрудничество вузов приграничных территорий ДВФО и КНР в области физической культуры и спорта // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2023. № 26. С. 77-80.
8. Ли Чжаотун, Ло Янь, Чжан Цзюнь. Функциональный мониторинг и анализ приграничных городов – на примере города Хэйхэ // Геодезия, картография и пространственно-географическая информация. 2024. № 47 (S1). С. 108-111.
9. Лю Дунлэй, Ван Цзигу. Анализ ценности, текущего состояния и пути китайско-российского спортивно-культурного обмена в рамках инициативы «Один пояс, один путь» // Журнал Шаньдунского института физического воспитания. 2020. № 36 (2). С. 18-25.
10. Рисухина О.Н. Развитие культурных связей российского Дальнего Востока и Северо-Восточного Китая (середина 80–х гг. XX в. – начало XXI в.) // Россия и АТР. 2014. № 3 (85). С. 38-52.
11. Рогожкина Д.В., Гончарова Е.В. Спорт как средство культурного обмена: примеры международных спортивных событий и их роль в укреплении межкультурных связей // Языковая картина мира, культура и перевод: Материалы XVII Региональной научно-практической студенческой конференции, Хабаровск, 25 апреля 2025 года. – Хабаровск: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2025. С. 208-210.
12. Се Х. Китайско-монгольско-российское культурное, спортивное и туристическое сотрудничество в рамках проекта «Один пояс, один путь» // Китайский язык: лингвистические и методические аспекты: Материалы международной научной конференции, посвящённой 60-летию юбилею кафедры китайского языка, Чита, 02 ноября 2021 года / Отв. редактор Е.А. Юйшина. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2021. С. 98-102.
13. Сунь Х, Ли Ч, Чжан М, Исследование текущей ситуации в области спортивных и культурных обменов между Китаем и Россией в перспективе «Пояса и пути» // Успехи гуманитарных наук. 2024. № 4. С. 296-303. – DOI: 10.58224/2618-7175-2024-4-296-303.
14. Сунь Я. Морозова В.С. Принцип диалогичности культур в приграничном межкультурном взаимодействии Китая и России // Актуальные проблемы развития КНР в процессе её регионализации и глобализации : Материалы XI Международной научно-практической конференции, Чита, 27 марта 2019 года / Ответственный редактор Т.Н. Кучинская. – Чита: Забайкальский государственный университет, 2019. С. 123-128.
15. Хасаншин А.Р. Эволюция спортивных обменов между Россией и Китаем // Символ науки: международный научный журнал. 2024. № 6-2. С. 164-165.
16. Чжан Вэй. Дилемма развития китайско-российских массовых спортивных мероприятий в провинции Хэйлунцзян // Современная спортивная наука и технология. 2020. № 10 (26). С. 180-182.
17. Чжан Вэй. О роли правительства в развитии массовых спортивных брендовых мероприятий в Китае и России // Современная спортивная наука и технологии. 2020. № 10 (31). С. 220-221+226.
18. Чжан В, Ву Т. Пути развития спортивно-массовых мероприятий в рамках российско-китайских отношений (на примере провинции Хэйлунцзян) // Миссия конфессий. 2021. Т. 10. № 1 (50). С. 98-103.
19. Чэнь Цзэган, Хо Хун. История и отражение китайско-российских (советских) спортивных обменов за последние 70 лет // Журнал Чэндуского университета физического воспитания. 2021. № 47 (6). С. 62-66+96.
20. Haroon Ashraf. Cross-culture communication needed. The Lancet, 1999. March 13. Vol 353. P. 910.
21. Wenyang Zhong, Yaqian Zhang. Research on Cross-Border Integration and Strategy of Digital Media Technology in Artistic Creation and Communication. Journal of Cases on Information Technology, 2025. April. Vol 2. Issue 1. 3.

References

1. Burashnikov D.Yu. Specifics of Interaction between Two Cultures in the Space of Border Cities: Blagoveshchensk (Russia), Heihe (China) // Scientific Notes of Komsomolsk-on-Amur State Technical University. 2011. Vol. 2. № 8. P. 50-54.

2. Wall E.S., Zhao P. The Border of Russia and China: The Influence of Border Cities of the Two Countries // Youth Science Forum. 2022. Vol. 3. № 3. P. 25-28.
3. Wang Jingmo. The Flower of Friendship Blooms in the "Sino-Russian Twin Cities". Heihe Daily. 2024-09-03(001). – DOI: 10.28342/n.cnki.nhhrb.2024.001105.
4. Wang Yawei, Wang Zuopeng, Sun Fuyu. Research on the Strategy of Integrating Sports and Tourism in Ethnic Border Areas to Promote the Revitalization of Northeast China – The Case of Fuyuan City // Bulletin of Sports Science and Technology. 2024. № 32 (7). P. 122-125.
5. Wen Hao. Opening Ceremony of the 2025 China-Russia International Winter Sports Competition Series. Heihe Daily, 2025-02-24(001). – DOI: 10.28342/n.cnki.nhhrb.2025.000271.
6. Gu Xiuming. A Study on the Development Strategy of Chinese-Russian Sports and Cultural Exchange within the Framework of the Belt and Road Initiative // Shandong Sports Science and Technology. 2024. № 46 (6). P. 33-36.
7. Izosimov A.N. Cooperation of Universities in the Border Territories of the Far Eastern Federal District and China in the Field of Physical Culture and Sports // Russia and China: Problems of Strategic Interaction: Collection of the Eastern Center. 2023. № 26. P. 77-80.
8. Li Zhaotong, Luo Yan, Zhang Jun. Functional Monitoring and Analysis of Border Cities - Using the Example of Heihe City // Geodesy, Cartography and Spatial-Geographical Information. 2024. № 47 (S1). P. 108-111.
9. Liu Donglei, Wang Jipu. Analysis of the Value, Current Status, and Path of Chinese-Russian Sports and Cultural Exchange within the Framework of the Belt and Road Initiative // Journal of Shandong Institute of Physical Education. 2020. № 36 (2). P. 18-25.
10. Risukhina O. N. Development of Cultural Ties between the Russian Far East and Northeast China (mid-1980s – early 21st century) // Russia and Asia Pacific Region. 2014. № 3 (85). P. 38-52.
11. Rogozhkina D. V., Goncharova E. V. Sport as a Means of Cultural Exchange: Examples of International Sports Events and Their Role in Strengthening Intercultural Ties // Language Picture of the World, Culture and Translation: Proceedings of the XVII Regional Scientific and Practical Student Conference, Khabarovsk, April 25, 2025. – Khabarovsk: Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, 2025. P. 208-210.
12. Xie H. Chinese-Mongolian-Russian Cultural, Sports and Tourism Cooperation within the Framework of the "One Belt, One Road" Project // Chinese Language: Linguistic and Methodological Aspects: Proceedings of the International Scientific Conference Dedicated to the 60th Anniversary of the Chinese Language Department, Chita, November 2, 2021 / Editor-in-Chief E.A. Yushina. – Chita: Transbaikal State University, 2021. P. 98-102.
13. Sun H, Li Z, Zhang M. Research on the Current Situation in the Field of Sports and Cultural Exchanges between China and Russia in the Perspective of the "Belt and Road" // Successes of the Humanities. 2024. № 4. P. 296-303. – DOI: 10.58224/2618-7175-2024-4-296-303.
14. Sun Ya. Morozova V.S. The principle of dialogicity of cultures in cross-border intercultural interaction between China and Russia // Actual problems of the development of the PRC in the process of its regionalization and globalization: Proceedings of the XI International scientific and practical conference, Chita, March 27, 2019 / Editor-in-chief T.N. Kuchinskaya. – Chita: Transbaikal State University, 2019. P. 123-128.
15. Khasanshin A.R. Evolution of sports exchanges between Russia and China // Symbol of Science: international scientific journal. 2024. № 6-2. P. 164-165.
16. Zhang Wei. The Dilemma of Developing Chinese-Russian Mass Sports Events in Heilongjiang Province // Modern Sports Science and Technology. 2020. № 10 (26). P. 180-182.
17. Zhang Wei. On the Role of the Government in Developing Mass Sports Brand Events in China and Russia // Modern Sports Science and Technology. 2020. № 10 (31). P. 220-221+226.
18. Zhang W, Wu T. Paths for Developing Mass Sports Events in the Framework of Russian-Chinese Relations (using Heilongjiang Province as an Example) // Mission of Confessions. 2021. Vol. 10. № 1 (50). P. 98-103.
19. Chen Zegang, Ho Hong. History and reflection of Chinese-Russian (Soviet) sports exchanges over the past 70 years // Journal of Chengdu University of Physical Education. 2021. № 47 (6). P. 62-66+96.
20. Haroon Ashraf. Cross-culture communication needed. The Lancet, 1999, March 13. Vol 353. P. 910.
21. Wenyan Zhong, Yaqian Zhang. Research on Cross-Border Integration and Strategy of Digital Media Technology in Artistic Creation and Communication. Journal of Cases on Information Technology, 2025. April. Vol 2. Issue 1. 3.

Калмыкова М.В.

Кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Национальная гастрономия как объект нематериального культурного наследия: прецедент включения итальянской кухни в список ЮНЕСКО*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу прецедентного включения итальянской кухни в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО в 2025 году. Объектом охраны наследия стала не отдельная гастрономическая практика, а целостная национальная кухня, рассмотренная как система социокультурных ценностей и повседневных практик. Исследование выявляет методологическую новизну номинации, основанной на концепции «культурной экосистемы», которая преодолела традиционную для ЮНЕСКО дилемму между региональным разнообразием и национальной целостностью. Термин «культурная экосистема» – концептуальный, центральный в диалектике исследования – объединении региональной фрагментированности в целостный объект.

На основе междисциплинарного подхода (культурология, антропология, экономика, история) проанализированы ключевые этапы подготовки заявки (2023–2025 гг.), ее концептуальные основания, структура участников и аргументация. Особое внимание уделено переосмыслению роли базовых элементов кухни – от акцента на сезонности и локальности продуктов до ритуалов совместной трапезы и межпоколенной передачи знаний.

В статье также оцениваются непосредственные и прогнозируемые последствия признания: трансформация профессиональной идентичности шеф-поваров, динамика гастрономического туризма и рынка аутентичных продуктов, а также влияние статуса и авторитета ЮНЕСКО на внутренние дискуссии о здоровье, экологии и сохранении традиций в условиях глобализации. Кейс итальянской кухни представлен как новый формат культурной дипломатии и модель для будущих номинаций, расширяющая инструментарий охраны живого наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО, итальянская кухня, гастрономические практики, культурная экосистема, региональное разнообразие, социокультурные ценности, гастрономический туризм, сохранение традиций.

Kalmykova M. V.

Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Philological Faculty of Shenzhen MSU-BIT University.

* © Калмыкова М.В., 2026.

Национальная гастрономия как объект нематериального культурного наследия: прецедент включения итальянской кухни в список ЮНЕСКО

National gastronomy as an object of intangible cultural heritage: a precedent for the inclusion of Italian cuisine in the UNESCO list

The article is devoted to a comprehensive analysis of the precedent inclusion of Italian cuisine in the UNESCO Representative List of Intangible Cultural Heritage of Humanity in 2025. The object of heritage protection was not a separate gastronomic practice, but an integral national cuisine, considered as a system of socio-cultural values and everyday practices. The study reveals the methodological novelty of the nomination, based on the concept of a «cultural ecosystem» that overcame UNESCO's traditional dilemma between regional diversity and national integrity. The term «cultural ecosystem» is a conceptual term central to the dialectic of research – combining regional fragmentation into an integrated object.

Based on an interdisciplinary approach (cultural studies, anthropology, economics, history), the key stages of the preparation of the application (2023-2025), its conceptual foundations, the structure of participants and argumentation are analyzed. Special attention is paid to rethinking the role of the basic elements of cuisine, from the emphasis on seasonality and locality of products to the rituals of eating together and intergenerational knowledge transfer.

The article also evaluates the immediate and predictable consequences of recognition: the transformation of the professional identity of chefs, the dynamics of gastronomic tourism and the market of authentic products, as well as the impact of UNESCO's status and authority on internal discussions about health, ecology and the preservation of traditions in the context of globalization. The case of Italian cuisine is presented as a new format of cultural diplomacy and a model for future nominations, expanding the toolkit for the protection of living heritage.

Key words: intangible cultural heritage, UNESCO, Italian cuisine, gastronomic practices, cultural ecosystem, regional diversity, socio-cultural values, gastronomic tourism, preservation of traditions.

Итальянская кухня официально включена в Список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО 10 декабря 2025 г. Решение было принято на заседании Межправительственного комитета по охране нематериального культурного наследия в Нью-Дели (Индия). Национальная кухня европейской страны как целостное явление была признана ЮНЕСКО.

Премьер-министр Италии Джорджа Мелони заявила, что страна стала первой в мире, чья кулинария получила подобное признание. По её словам, для итальянцев кулинария – это не просто еда или набор рецептов, а культура, традиции, труд и богатство¹.

Основой для начала включения нематериальных практик, связанных с пищей, стало принятие «Конвенции ЮНЕСКО о сохранении нематериального культурного наследия» 17 октября 2003 г. Эта конвенция определила, что «нематериальное наследие» включает «живые практики, представления, выражения, знания и навыки, а также связанные с ними инструмен-

¹ Italian cuisine becomes world's first to be awarded UNESCO status. // URL: <https://edition.cnn.com/2025/12/10/travel/italian-cuisine-unesco-status> (Дата обращения: 21.01.2026).

ты, объекты, артефакты и культурные пространства, которые сообщества, группы и в отдельных случаях – отдельные лица признают частью своего культурного наследия». Фокус сместился от материального к живому культурному опыту.

После вступления Конвенции в силу в 2006 г. ЮНЕСКО создала основные списки для нематериального наследия: репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества и список объектов нематериального наследия, требующих немедленных мер по охране. Еще один (дополнительный список с очевидным функциональным значением) – Реестр лучших охранных практик.

Первый шаг позволил рассматривать традиции питания как культурные процессы, а не просто как объекты материальной культуры.

В 2010 году на Репрезентативный список впервые были включены элементы, связанные с кухней, свидетельствующие о том, что ЮНЕСКО признала пищу как часть культурной идентичности:

- 1) традиционная кухня Мексики (Traditional Mexican cuisine) – одна из первых гастрономических традиций, включённых в список;
- 2) гастрономическая трапеза французов (Le repas gastronomique des Français) – как социальный ритуал.
- 3) Средиземноморская диета (Mediterranean Diet) – как образ жизни и система питания, объединяющая несколько стран.

Эти включения стали первым поворотным моментом: ЮНЕСКО официально признало, что кулинарные практики могут быть объектами нематериального культурного наследия².

В материалах ЮНЕСКО подчёркивается, что пищевые практики – это не просто приготовление и употребление еды, а культурные процессы, которые:

- передаются из поколения в поколение;
- способствуют укреплению социальных связей и семейной идентичности;
- отражают отношения с природой, территорией и сезонностью продуктов;
- служат способом выражения истории, традиций и образа жизни.

Как говорится в публикации ЮНЕСКО о пище и нематериальном наследии: «Традиционные кулинарные практики, связанные с повседневной жизнью или со специальными событиями, составляют важную часть нематериального наследия во всём мире»³.

2 UNESCO Intangible Cultural Heritage and World Cuisines. // URL: <https://sk.sagepub.com/ency/edvol/the-sage-encyclopedia-of-food-issues/chpt/unesco-intangible-cultural-heritage-world-cuisines> (Дата обращения: 21.01.2026).

3 Food and intangible heritage, a flavourful relationship. // URL: <https://unesco.org/6y7vll> (Дата обращения: 21.01.2026).

Конвенция и включение пищевых практик рассматриваются как ответ на глобализацию, в ходе которой растёт унификация пищевых привычек, исчезают локальные знания и навыки. ЮНЕСКО таким образом стремится способствовать тому, чтобы уникальные кулинарные практики сохранялись как элементы культурной устойчивости, поскольку они:

- отражают экологические знания (связь с территорией);
- защищают биокультурное разнообразие;
- поддерживают разнообразие культурных выражений.

Вопрос «что считать кухней?»

До начала включений в 2010 г. эксперты ЮНЕСКО выражали сомнения в том, можно ли считать кухню в целом (то есть все продукты, рецепты и практики питания большой группы людей) объектом нематериального наследия, поскольку:

- кухня может быть слишком широкой и неоднородной по форме;
- она включает слишком много элементов: рецепты, традиции, символы, ритуалы, социальные процессы;
- было неясно, как отделить традиционные элементы от адаптаций, связанных с миграцией, технологиями, рынком.

Эти вопросы требовали разработки методологии, позволяющей включать не только конкретные обычаи (как в случае с французской трапезой), но и широкие кухни, представляющие целостные культурные системы.

ЮНЕСКО включила «гастрономическую трапезу французов» (*Le repas gastronomique des Français*) в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества – не всю французскую кухню, а конкретный социальный ритуал трапезы со строго определённой структурой приема пищи⁴.

Основные характеристики включённого объекта французской кухни: традиционный многокурсный обед (аперитив, минимум четыре блюда, сыр, десерт и дигестив) как способ празднования важных событий и укрепления социальных связей; чёткая структура трапезы, где важны последовательность блюд, сочетание продуктов и вина, оформление стола; ключевой элемент – ритуал совместного приёма пищи как культурной практики⁵.

Эта номинация отражала образ французского застолья как *ritualised meal*, где важен порядок блюд, сочетание продуктов и вина, а также обряды вокруг еды как таковые⁶.

4 *Le repas gastronomique des Français // Gastronomic meal of the French.* – Paris : UNESCO, 2010. // URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/gastronomic-meal-of-the-french-00437> (Дата обращения: 21.01.2026).

5 *Nomination file No. 00437: Gastronomic meal of the French : official dossier.* – Paris : UNESCO, 2010. // URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/17331-EN.pdf> (Дата обращения: 21.01.2026).

6 *The French meal listed by UNESCO: what it really means // The Connexion.* 2010. //

Таблица 1. Характеристики включённых объектов признания ЮНЕСКО французской и итальянской кухонь.

Особенность	Французская трапеза (2010)	Итальянская кухня (2025)
Объект признания	Социальный ритуал <i>традиционной трапезы</i>	Целостная <i>национальная гастрономическая традиция</i>
Фокус	Структура обеда, сочетание блюд и вина (ритуал)	Социальные практики приготовления и употребления пищи, межпоколенные связи
Объём кухни	Конкретный ритуал	Все кулинарные практики внутри страны
Региональность	Не акцентирована	В основе — союз множества локальных кухонь и практик

Мексика - объект: традиционная мексиканская кухня, год включения: 2010. Мексиканская заявка была основана на: локальных продуктах (кукуруза, фасоль, чили), доколониальных техниках, роли общины и женщин в передаче знаний. Ключевая особенность: это пример локально укоренённой, этнокультурной модели, где кухня трактуется как элемент исторической памяти и социальной устойчивости. Это уже целостная кухня как культурная система. Не «часть» и не «аспект».

Еще один пример Японии. Объект: *washoku* – традиционная японская кухня, год включения: 2013. Японская модель строится вокруг: сезонности, эстетики подачи, баланса вкусов, связи питания с природным циклом. Ключевая особенность: *washoku* оформлена как экологически и философски мотивированная система питания, тесно связанная с национальной идентичностью и традиционным мировоззрением. Это также целостная национальная кухня, просто описанная через ценности и принципы.

Средиземноморская диета, объект: *Mediterranean diet*, год включения: 2010. Объект представлен сразу несколькими странами, включая Италию. Фокус сделан на: модели питания, здоровье, совместном приеме пищи, сельском образе жизни. Ключевая особенность: это наднациональная модель, где кухня понимается как образ жизни, а не как национальный бренд.

Кандидатура Италии была подготовлена и подана правительством

URL: <https://www.connexionfrance.com/news/the-french-meal-listed-by-unesco/604836> (Дата обращения: 21.01.2026).

этой страны – 23 марта 2023 г. в формате «Cucina italiana, tra sostenibilità e diversità bioculturale» («Итальянская кухня между устойчивостью и биокультурным разнообразием»). Важным отличием заявки явилось то, что объектом номинации стала «не отдельная техника или блюдо, а совокупность гастрономических практик как отражение социокультурных ценностей, социальной связи и устойчивого отношения к продуктам и среде». (masaf.gov.it)⁷

Основные участники и структура работы над заявкой: Министерство сельского хозяйства, продовольственной суверенитет и лесного хозяйства Италии и Министерство культуры Италии инициировали кампанию подачи. Экспертная поддержка предоставлялась академиками и исследователями, в том числе координатором заявки был Pier Luigi Petrillo, заведующий кафедрой ЮНЕСКО по нематериальному культурному наследию и сравнительному праву в Università Unitelma Sapienza в Риме и один из наиболее опытных специалистов по UNESCO-номинациям⁸.

В разработке досье участвовали также Accademia della Cucina Italiana, Casa Artusi и журнал La Cucina Italiana. (accademiaitalianadellacucina.it)

Содержание и ценности, подчеркнутые в заявке: делался акцент на том, что итальянская кухня является социальной практикой, объединяющей поколения и сообщества; она характеризуется межпоколенной передачей кулинарных навыков; ценностью сезонных, локальных ингредиентов; устойчивым и бережным подходом к приготовлению пищи; разнообразием региональных традиций и ритуалов приёма пищи, способствующих социальной интеграции⁹.

Подготовительный этап (2023–2025):

Включение итальянской кухни в список ЮНЕСКО стало результатом научно-обоснованной заявки, подчёркивающей традицию как социальный феномен, а не просто кулинарию.

Процесс занял около трёх лет (2023–2025) из-за необходимости собрать этнографический материал, согласовать позицию государственных и экспертных структур и пройти международную оценку. Необходимо было собрать доказательства того, что кухня действительно представляет собой «живую традицию», а не просто набор блюд. Это включало полевые исследования, историко-этнографический материал, документированные ритуалы и обряды.

7 Italian government. Italian cuisine candidate for unesco heritage: Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity Roma: Ministry of Agriculture, Food, Sovereignty and Forests & Ministry of Culture, 2025. 78 с. (masaf.gov.it)

8 Petrillo P.L. Nota biografica // URL: https://www.unitelmasapienza.it/wp-content/uploads/2024/02/cv_pierluigi_petrillo_eng.pdf (Дата обращения: январь 2026)

9 UNESCO. Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity // URL: ich.unesco.org/en/RL/italian-cooking-between-sustainability-and-biocultural-diversity-02093 (Дата обращения: январь 2026)

Согласование между институциями: участие нескольких государственных министерств и общественных организаций требовало разработки комплексного досье в соответствии с Руководством ЮНЕСКО по включению объектов в список нематериального культурного наследия.

Оценка на международном уровне: комитет состоит из представителей 24 государств, каждая номинация проходит этапы технического рассмотрения, затем – экспертной оценки и голосования.

Поскольку это была заявка на целостную национальную кухню, процесс включал дополнительные консультации по критериям и формату заявки. (masaf.gov.it)¹⁰

Цитата из официального досье: «Кандидатура не касается одного блюда или рецепта, а представляет собой общее культурное и социальное сочетание кулинарных традиций, включающее совместные практики, сознательный выбор сырья, совместные ритуалы приёма пищи, передачу знаний новым поколениям и учет сезонности и территориальности ингредиентов.» Досье Италии на UNESCO, 2023. (masaf.gov.it)¹¹

В отличие от французского включения, итальянская заявка не ограничилась одним элементом ритуала приема пищи или структурой меню. Итальянская кухня признана ЮНЕСКО как комплексная культурная система питания, включающая в себя: целостное восприятие кухни – не только способ есть, но и социальная практика, включающая формирование семейных и общественных традиций приготовления и приема пищи, межпоколенную передачу кулинарных знаний и навыков, устойчивый и биокультурный подход к ингредиентам (сезонность, местные продукты). Не отдельный обряд или блюда, а национальная кухня во всей её полноте – от ежедневных семейных трапез до региональных ритуалов сбора и приготовления пищи. UNESCO отметила итальянскую кухню как «культурное и социальное сочетание кулинарных традиций», средство выражения любви и заботы, способ рассказать свою историю миру¹².

Другими словами, предметом охраны стал не набор еды или трапеза как таковая, а метод, способ жизни и коммуникации, заложенный в кулинарных традициях во всей их полноте¹³.

10 Italian government. Italian cuisine candidate for unesco heritage: Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity Roma: Ministry of Agriculture, Food, Sovereignty and Forests & Ministry of Culture, 2025. (masaf.gov.it)

11 Italian government. ITALIAN CUISINE CANDIDATE FOR UNESCO HERITAGE: Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity Roma: Ministry of Agriculture, Food, Sovereignty and Forests & Ministry of Culture, 2025. (masaf.gov.it)

12 Итальянская кухня вошла в список нематериального наследия ЮНЕСКО // Euronews. 2025. // URL: <https://ru.euronews.com/culture/2025/12/10/italian-cuisine-unesco-list> (Дата обращения: 21.01.2026).

13 Italian Cuisine Becomes UNESCO Intangible Cultural Heritage of Humanity // Food & Wine. 2025. // URL: <https://www.foodandwine.com/italian-cuisine-unesco-intangible-cultural-heritage-of-humanity-11867833> (Дата обращения: 21.01.2026).

Французская номинация требует конкретной последовательности блюд и ритуала застолья – аперитив → закуска → основное → сыр → десерт → дижестив, где важна именно структура¹⁴.

Итальянская номинация подчёркивает семейные традиции и сезонные практики, например, совместное приготовление пасты, воскресный ужин с семьёй, ритуалы сбора урожая, использование локальных продуктов и др., без фиксированных блюд и последовательности.

Италия предложила модель:

- кухни как совокупности региональных практик;
- повседневного, а не праздничного питания;
- семейной и межпоколенной передачи;
- гибкой системы, способной к адаптации.

Фактически речь идёт о признании мозаичной, регионально неоднородной кухни, что ранее считалось проблемой для включения в список ЮНЕСКО.

Итальянская кухня продолжает линию признания национальных кулинарных систем как форм нематериального культурного наследия, ранее реализованную в номинациях традиционной мексиканской кухни и японской культуры питания *washoku*. Отличие итальянского кейса заключается не в методологии включения, а в акценте на повседневности, региональном плюрализме и медийной репрезентации объекта.

Таблица 2. Сравнение формулировок объектов нематериального культурного наследия ЮНЕСКО, связанных с кулинарией.

Страна	Официальное наименование объекта ЮНЕСКО	Год включения	Ключевая формулировка объекта	Что именно признаётся
Франция	Gastronomic meal of the French	2010	social practice for celebrating important moments	Социальный ритуал трапезы, порядок, сервировка, сочетание еды и вина
Мексика	Traditional Mexican cuisine – ancestral, ongoing community culture	2010	comprehensive cultural model rooted in indigenous traditions	Целостная кухня как система практик, продуктов, знаний
Япония	Washoku, traditional dietary cultures of the Japanese	2013	social practice based on respect for nature	Национальная кухня как философия питания и образ жизни

¹⁴ Nomination file No. 00437: Gastronomic meal of the French : official dossier. – Paris : UNESCO, 2010. // URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/17331-EN.pdf> (Дата обращения: 21.01.2026).

Средиземноморская диета	Mediterranean diet	2010	set of skills, knowledge, rituals	Наднациональная модель питания и образа жизни
Италия	The Italian cuisine: knowledge, practices and traditions	номинация 2023–2025	collective practices rooted in regional diversity	Национальная кухня как совокупность региональных традиций

В медийном дискурсе распространено утверждение о том, что итальянская кухня стала первой «национальной кухней», целиком включённой в Список нематериального культурного наследия ЮНЕСКО. Однако данная интерпретация нуждается в коррекции, отвечающей в большей степени институциональной логике ЮНЕСКО.

Ранее в список уже были включены традиционная мексиканская кухня и японская культура питания *washoku*, которые в официальных документах трактуются как целостные национальные кулинарные системы, включающие повседневные и праздничные практики, локальные продукты, способы приготовления пищи и механизмы межпоколенной передачи знаний.

Таким образом, итальянский кейс следует рассматривать не как методологически уникальный, а как развитие уже существующей модели признания национальных кулинарных традиций. Его специфика заключается прежде всего в подчёркнутом акценте на региональной неоднородности и в активной публичной репрезентации объекта, что способствовало формированию образа «исключительности» в общественном и журналистском дискурсе.

Итальянская кухня оказалась уникальной именно потому, что:

- не сводится к одному ритуалу
- не фиксируется жёстким каноном
- сохраняет региональное многообразие
- существует в условиях глобализации

ЮНЕСКО фактически признало право культурной практики быть изменчивой, если сохраняется культурное ядро.

Итальянская номинация расширяет рамки ЮНЕСКО от узкоспецифических ритуалов к широкой концепции кухни как живого культурного наследия, в котором участвуют все слои общества – от фермеров до семейных трапез.

P.L. Petrillo анализирует эволюцию подходов ЮНЕСКО к нематериальному наследию и подчёркивает, что кухня может рассматриваться как комплекс социальных практик, а не как набор рецептов. Особое внимание уделено подготовке итальянской заявки и юридическим трудностям признания национальной кухни как целостного феномена. Автор указывает,

что основным препятствием являлась региональная фрагментированность итальянской гастрономии и необходимость доказать существование общего культурного ядра.

М. Montanari, крупнейший историк питания, подчёркивает, что итальянская кухня сформировалась как результат исторического диалога регионов, а не как унифицированная система. Автор рассматривает заявку в ЮНЕСКО как попытку зафиксировать именно культурную модель питания, а не гастрономический канон¹⁵.

J.P. Poulain сравнивает французский гастрономический приём пищи и итальянскую модель питания. Отмечается, что Италия поздно подала заявку из-за опасений утраты региональной автономии и опасности символического доминирования отдельных кухонь. Автор подчёркивает, что итальянская заявка принципиально отличается от французской, так как строится на идее повседневности, а не праздничного ритуала¹⁶.

Авторы анализируют влияние глобализации на традиционные кухни и рассматривают итальянскую заявку как пример успешного баланса между глобальным рынком и локальными практиками. ЮНЕСКО опасалась превращения итальянской кухни в маркетинговый бренд. Италия сумела представить кухню как живую практику, а не коммерческий продукт¹⁷.

Именно антропологическое обоснование позволило Италии добиться включения в список ЮНЕСКО¹⁸.

F. Parasecoli анализирует международный имидж итальянской кухни и подчёркивает, что ЮНЕСКО рассматривала заявку с осторожностью из-за глобального распространения упрощённых версий блюд. Указывается, что признание ЮНЕСКО стало попыткой защитить подлинные практики от стандартизации. Включение в список ЮНЕСКО является инструментом культурной защиты¹⁹.

Все исследователи сходятся во мнении, что основной проблемой являлась региональная разнородность итальянской кухни.

Международные агентства и крупные западные СМИ освещают признание итальянской кухни как важный культурный шаг. В сообщении Reuters подчёркивается уникальность признания и то, что заявка была подана ещё в 2023 году, а Италия стремится подчеркнуть роль кухни как

15 *Montanari M.* Il cibo come cultura. Bari: Laterza, 2010. P. 141-158.

16 *Poulain J.P.* Sociologies de l'alimentation. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. P. 203-219, 288.

17 *Bessière J., Tibère L.* Patrimoine alimentaire et mondialisation. Toulouse: Éditions Universitaires du Sud, 2011. P. 161-181

18 *Counihan C.A., Van Esterik P.* Food and Culture: A Reader. New York: Routledge, 2012. P. 412-428.

19 *Parasecoli F.* Food, Identity and Cultural Globalization. Oxford: Berg Publishers, 2014. P. 89-104.

социального ритуала, объединяющего семьи и сообщества²⁰.

Аналитики отмечают, что решение ЮНЕСКО рассматривается не только как культурное, но и как потенциально туристическое достижение, способное усилить привлекательность Италии для путешественников и укрепить её брендовую идентичность. (Global Banking | Finance)²¹

Зарубежные аналитические статьи подчёркивают, что признание произошло в условиях активной национальной кампании, инициированной итальянским правительством, и рассматривают это как элемент культурной дипломатии.

Однако в других медиа встречается критика решения. Так, политический обозреватель в российском СМИ передаёт недовольство части британской прессы (The Times), где признание итальянской кухни характеризуют как ошибочное и вызывающее возмущение, с призывом защитить местные кулинарные ценности.

Публикации в англоязычных СМИ с реакциями представителей гастрономической профессии показывают широкое одобрение среди профессиональных шефов. Известные итальянские шеф-повара отмечают, что признание ЮНЕСКО подчеркивает ценность искусства вкуса, устойчивости и межпоколенной передачи знаний; для них это стимул к сохранению традиций и одновременно к инновациям с уважением к корням. (ANSA.it)²²

Другие повара видят в признании шанс для туристической отрасли и увеличения потока клиентов, а также для повышения статуса кухни на международной гастрономической арене. (ANSA.it)

Анализ обсуждений на Reddit показывает, что среди потребителей и энтузиастов кухни мнение разнообразно:

- часть выражает радость и гордость за итальянскую кухню, поддерживает признание как важный шаг по сохранению культурных традиций; (Reddit)
- другие пользователи скептически, указывают на возможные противоречия и переоцененность статуса (Reddit)
- встречаются комментарии с критикой западных институтов и обсуж-

20 Reuters. Nonna was right! Italian cuisine wins a place on UNESCO's cultural heritage list. – London: Reuters, December 10, 2025. // URL: <https://www.reuters.com/lifestyle/italys-rich-culinary-legacy-earns-place-unesco-cultural-heritage-list-2025-12-10/> (Дата обращения: 21.01.2026).

21 Global Banking & Finance Review. UNESCO recognition fuels Italy's culinary pride despite fears of tourist trap. – London: GBFR, December 10, 2025. // URL: <https://www.globalbankingandfinance.com/italy-cuisine-unesco-reaction-zero/> (Дата обращения: 21.01.2026). (Global Banking | Finance)

22 ANSA English Desk. Chefs hail UNESCO status for Italian cuisine. – Rome: ANSA, December 10, 2025. // URL: https://www.ansa.it/english/news/lifestyle/arts/2025/12/10/chefs-hail-unesco-status-for-italian-cuisine_9e2d34b7-0343-4a22-85d7-a13b13d23df9.html (Дата обращения: 21.01.2026). (ANSA.it)

дения того, что ЮНЕСКО воспринимается как западная организация с претензиями на доминирующее влияние; (Reddit)

- отдельные участники обсуждений подчёркивают региональные различия кухни и сомневаются, что понятие «итальянская кухня» соответствует реальности; (Reddit)²³

Представители ресторанного и агропродовольственного сектора в Италии в подавляющем большинстве положительно оценивают решение ЮНЕСКО. По данным *Confederazione Nazionale dell'Artigianato e della Piccola e Media Impresa*, статус ЮНЕСКО усиливает доверие потребителей к традиционным форматам питания и ремесленным продуктам.

В научных работах последних лет включение гастрономических практик в список ЮНЕСКО рассматривается как инструмент символического капитала и мягкой силы государства. Итальянский случай анализируется в контексте ранее включённых в списки ЮНЕСКО французской гастрономической трапезы и средиземноморской диеты.

Итальянские исследователи подчёркивают, что основное последствие признания заключается не в фиксации рецептур, а в институционализации культурной модели питания. Кухня приобретает статус охраняемой социальной практики, что усиливает её нормативное значение.

Экономисты отмечают, что эффект ЮНЕСКО проявляется не мгновенно, а в среднесрочной перспективе за счёт роста гастрономического туризма, повышения доверия к продуктам с защищённым происхождением и усиления экспорта.

Так, например, Сантагата В. подчёркивает, что гастрономическое наследие выступает связующим элементом между малым бизнесом, сельскими территориями и туризмом. Включение кухни в список ЮНЕСКО усиливает устойчивость локальных экономик²⁴.

Ассоциации рестораторов подчёркивают, что признание способствует росту интереса к трапезиям, семейным остериям и региональной кухне, в отличие от сетевых форматов. При этом бизнес выражает опасения, связанные с возможным усилением бюрократического контроля и формализации рецептов.

Согласно аналитическим материалам итальянского Института сельскохозяйственной экономики ISMEA, ожидаемые эффекты включают рост гастрономического туризма на 8–12 процентов в течение пяти лет увеличение экспорта продуктов с географическими указаниями расширение занятости в секторе HoReCa и агропроизводства.

23 Reddit. Italian cuisine is officially a UNESCO World Heritage Site! – [r/mangiaitalia](https://www.reddit.com/r/mangiaitalia/comments/1p1xe23/italian_cuisine_is_officially_a_unesco_world/). – December 11, 2025. // URL: https://www.reddit.com/r/mangiaitalia/comments/1p1xe23/italian_cuisine_is_officially_a_unesco_world/ (Дата обращения: 21.01.2026).

24 Santagata W. *Cultural Capital and Economic Development*. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. P. 173-189.

Прямые государственные расходы на подготовку и продвижение заявки оцениваются как умеренные по сравнению с потенциальным мультипликативным эффектом. Общие расходы Италии на подготовку заявки и продвижение: порядка 1,5–2 млн евро (публикации, мероприятия, международные эксперты).

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ИТОГИ РЕШЕНИЯ ЮНЕСКО

В международных отчетах, подготовленных профильными организациями, приводятся первые количественные оценки влияния признания итальянской кухни ЮНЕСКО на туристический поток и экономику страны. Аналитическая оценка от Fierpet Confesercenti, Банка Италии, Unioncamere и Movimprese указывает, что включение кухни в список ЮНЕСКО может способствовать росту общей посещаемости туристов на 6–8 % в первые годы после признания, что эквивалентно примерно 18 млн дополнительных туристических визитов в течение двух лет после включения в список. Такое увеличение посетителей дополнительно влияет на ночёвки, потребительские расходы и общую привлекательность Италии как гастрономического направления. (ANSA.it)

В 2024 г. иностранные туристы потратили в Италии около 12,08 млрд евро на рестораны, бары и другие публичные заведения питания, что на 7,5 % больше, чем в 2023 г.; предварительные данные на 2025 г. демонстрируют дальнейший рост до примерно 12,68 млрд евро (+5 %). Прямые расходы на гастрономический туризм оцениваются в около 9 млрд евро в год. (ANSA.it)

Эти данные позволяют утверждать, что гастрономическая составляющая уже является частью общего дохода от туризма и может дополнительно стимулировать развитие сопутствующих услуг (транспорт, проживание, развлечения) за счёт эффекта мультипликатора.

Прогноз экономического эффекта: рост туристического потока, интерес к гастрономическим маршрутам и локальным продуктам, увеличение спроса на аутентичные рестораны.

Сходные случаи включения гастрономических практик в список ЮНЕСКО демонстрируют заметные изменения в образовательной и профессиональной инфраструктуре. Так, после включения искусства неаполитанского pizzaiuolo в список практик ЮНЕСКО в 2017 г. наблюдалось рост числа профессиональных курсов по приготовлению пиццы на 283 %, а количество школ, предлагающих соответствующее обучение, увеличилось на 420 % по всему миру, особенно за пределами Италии. Эти данные получены на основе анализа деятельности ЮНЕСКО кандидатской кафедры в Университете Unitelma Sapienza Рима. (ANSA.it)

Анализ также свидетельствует о том, что объекты ЮНЕСКО, такие как виноградники Проксёкко (горы Конельяно и Вальдобьядене), которые получили исторический статус в 2019 г., зарегистрировали рост туристичес-

ческих объектов на +45,4 % и увеличение жилья на +35,4 %, существенно опережая средние показатели аналогичных локаций (+3 % и +8,2 % соответственно). (ANSA.it)

Наука рассматривает признание ЮНЕСКО как форму институционального закрепления культурной модели питания. Признание ЮНЕСКО усиливает культурный статус кухни и потенциал её экономической отдачи, сочетая социальные и экономические эффекты на разных уровнях.

Экономический эффект выражается прежде всего в туризме и экспорте. Бизнес поддерживает решение, но опасается стандартизации и чрезмерного регулирования.

Итальянский случай подтверждает, что гастрономическое наследие может быть фактором устойчивого развития.

В досье и сопроводительных экспертных материалах регулярно упоминаются следующие группы элементов.

Основные продукты: оливковое масло первого отжима, пшеница и твёрдые сорта зерна, вино как элемент повседневной культуры, овощи и бобовые, сыры традиционного производства.

Базовые практики приготовление пасты в домашних условиях, медленное приготовление соусов, использование остатков пищи без отходов, совместное приготовление и совместная трапеза

Символические блюда как примеры, а не канон: паста и соусы регионального происхождения, хлеб и хлебные изделия, супы на основе сезонных овощей, простые блюда крестьянской кухни.

Научные эксперты подчёркивают, что эти элементы приводятся исключительно как иллюстрации культурной логики, а не как закрытый список.

Итальянские и зарубежные специалисты подчёркивают, что включение единой кухни возможно только при отказе от рецептурного подхода. В научной литературе подчёркивается, что итальянская кухня является надрегиональной моделью, объединённой следующими принципами приоритет сырья над сложной техникой, уважение к сезонности, социальная значимость еды, непрерывная межпоколенная передача.

Именно эти принципы, а не гастрономическое единообразие, стали основанием для признания ЮНЕСКО.

Историки питания подчёркивают, что итальянская кухня не утратила целостность из-за региональности, а напротив, сформировала культурную идентичность через разнообразие.

Антропологи отмечают, что попытка выделить единую кухню вне регионов была бы методологически ошибочной и противоречила бы концепции нематериального наследия.

Юристы в сфере культурного наследия подчёркивают, что итальянская заявка стала прецедентом, так как предложила модель признания кухни как культурного процесса.

Включение итальянской кухни в решение ЮНЕСКО представляет собой новый этап в осмыслении гастрономии как объекта наследия. Оно подтверждает правомерность междисциплинарного подхода, объединяющего культурологию, антропологию, историю, экономику и право. Итальянская модель – кухня как открытая, ценностно-ориентированная система социальных практик – создаёт методологические и технологические предпосылки для других стран, стремящихся представить свои сложные, полирегиональные гастрономические традиции в рамках Конвенции 2003 года.

Таким образом, признание итальянской кухни объектом всемирного наследия – это не только триумф национальной культуры, но и важная веха в развитии международной системы охраны нематериального наследия. Оно знаменует переход от охраны отдельных элементов к защите целостных культурных ландшафтов, в которых гастрономия выступает ключевым связующим звеном между природой, историей, обществом и экономикой, формируя основу для представления о гармоничном будущем.

Библиографический список / References

1. ANSA English Desk. Chefs hail UNESCO status for Italian cuisine. – Rome: ANSA, December 10, 2025. // URL: https://www.ansa.it/english/news/lifestyle/arts/2025/12/10/chefs-hail-unesco-status-for-italian-cuisine_9e2d34b7-0343-4a22-85d7-a13b13d23df9.html (Дата обращения: 21.01.2026).
2. Bessière J., Tibère L. Patrimoine alimentaire et mondialisation. Toulouse: Éditions Universitaires du Sud, 2011. 256 p.
3. Counihan C. A., Van Esterik P. Food and Culture: A Reader. – New York: Routledge, 2012. 631 p.
4. Global Banking & Finance Review. UNESCO recognition fuels Italy's culinary pride despite fears of tourist trap. – London: GBFR, December 10, 2025. // URL: <https://www.globalbankingandfinance.com/italy-cuisine-unesco-reaction-zero/> (Дата обращения: 21.01.2026).
5. FoodAffairs.eu. La cucina italiana è ufficialmente Patrimonio culturale immateriale dell'Unesco. – Milano: Food Affairs, December 10, 2025. // URL: <https://www.foodaffairs.it/2025/12/10/la-cucina-italiana-e-ufficialmente-patrimonio-culturale-immateriale-dellunesco/> (Дата обращения: 21.01.2026). (Food Affairs)
6. Food and intangible heritage, a flavourful relationship. // URL: <https://unesco.org/6yville> (Дата обращения: 21.01.2026).
7. Italian cuisine becomes world's first to be awarded UNESCO status // URL: <https://edition.cnn.com/2025/12/10/travel/italian-cuisine-unesco-status> (Дата обращения: 21.01.2026).
8. Italian Cuisine Becomes UNESCO Intangible Cultural Heritage of Humanity // Food & Wine. 2025. // URL: <https://www.foodandwine.com/italian-cuisine-unesco-intangible-cultural-heritage-of-humanity-11867833> (Дата обращения: 21.01.2026).
9. Italian government. Italian cuisine candidate for unesco heritage: Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity Roma: Ministry of Agriculture, Food, Sovereignty and Forests & Ministry of Culture, 2025.
10. Italy's cuisine recognised by UNESCO as intangible cultural heritage // The Guardian. 2025. // URL: <https://www.theguardian.com/world/2025/dec/10/italy-cuisine-first-unesco-heritage-recognition> (Дата обращения: 21.01.2026).
11. Le repas gastronomique des Français // Intangible Cultural Heritage of Humanity. – Paris: UNESCO, 2010. // URL: <https://ich.unesco.org/en/RL/gastronomic-meal-of-the-french-00437> (Дата обращения: 21.01.2026).
12. Montanari M. Il cibo come cultura. Bari: Laterza, 2010. 184 p.

13. Nomination file No. 00437: Gastronomic meal of the French: official dossier. – Paris : UNESCO, 2010. // URL: <https://ich.unesco.org/doc/src/17331-EN.pdf> (Дата обращения: 21.01.2026).
14. Parasecoli F. Food, Identity and Cultural Globalization. – Oxford: Berg Publishers, 2014. 232 p.
15. Petrillo P.L. Nota biografica // URL: https://www.unitelmasapienza.it/wp-content/uploads/2024/02/cv_pierluigi_petrillo_eng.pdf (Дата обращения: январь 2026)
16. Petrillo P.L. Patrimonio culturale immateriale e cucina italiana. Roma: Giappichelli Editore, 2021. 214 p.
17. Poulain J.P. Sociologies de l'alimentation. Paris: Presses Universitaires de France, 2017. 288 p.
18. Reddit. Italian cuisine is officially a UNESCO World Heritage Site! – r/mangiaitalia. – December 11, 2025. // URL: https://www.reddit.com/r/mangiaitalia/comments/1pjxe23/italian_cuisine_is_officially_a_unesco_world/ (Дата обращения: 21.01.2026). (Reddit)
19. Reuters. Nonna was right! Italian cuisine wins a place on UNESCO's cultural heritage list. – London: Reuters, December 10, 2025. // URL: <https://www.reuters.com/lifestyle/italys-rich-culinary-legacy-earns-place-unesco-cultural-heritage-list-2025-12-10/> (Дата обращения: 21.01.2026).
20. Santagata W. Cultural Capital and Economic Development. Cheltenham: Edward Elgar, 2009. 256 p.
21. The French meal listed by UNESCO: what it really means // The Connexion. 2010. // URL: <https://www.connexionfrance.com/news/the-french-meal-listed-by-unesco/604836> (Дата обращения: 21.01.2026).
22. UNESCO Intangible Cultural Heritage and World Cuisines. // URL: <https://sk.sagepub.com/ency/edvol/the-sage-encyclopedia-of-food-issues/chpt/unesco-intangible-cultural-heritage-world-cuisines> (Дата обращения: 21.01.2026).
23. UNESCO. Italian cooking, between sustainability and biocultural diversity // URL: ich.unesco.org/en/RL/italian-cooking-between-sustainability-and-biocultural-diversity-02093 (Дата обращения: январь 2026)
24. Итальянская кухня вошла в список нематериального наследия ЮНЕСКО // Euronews. 2025. // URL: <https://ru.euronews.com/culture/2025/12/10/italian-cuisine-unesco-list> (Дата обращения: 21.01.2026).
25. Нематериальное культурное наследие. 2022. // URL: <https://www.unesco.org/ru/intangible-cultural-heritage> (Дата обращения: 21.01.2026).

Лу Вэйси*Студент. Шэньянская консерватория, Китайская Народная Республика.***Фортепианные сонаты А.Н. Скрябина: путь от романтизма до мистицизма***

Аннотация. Цель данной работы - проанализировать эволюцию фортепианных сонат Александра Скрябина как пути от романтической эстетики к философско-мистическому мировоззрению, воплощенному в его позднем творчестве. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- историко-стилистические условия формирования стиля композитора;
- особенности гармонического языка, формы и фактуры в произведениях разных периодов;
- изменения эстетики, связанные с переходом от романтизма к символизму и далее - к мистическому мировоззрению Скрябина.

Актуальность темы обусловлена устойчивым интересом исследователей и исполнителей к творчеству Скрябина, к его уникальной роли в становлении модернизма и поиске нового звучания, а также к философскому содержанию поздних сонат, в которых музыкальный язык становится средством выражения метафизических идей. Понимание эволюции сонатного стиля композитора позволяет не только раскрыть специфику его мышления, но и проследить общие тенденции развития музыкального искусства рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: А.Н. Скрябин, мистицизм, эстетик, проиведение, соната, фортепиано.

Lu Weixi*Student. Shenyang Conservatory of Music, People's Republic of China.***A.N. Scriabin's piano sonatas: from romanticism to mysticism**

Abstract. The goal of this work is to analyze the evolution of Alexander Scriabin's piano sonatas as a path from romantic aesthetics to the philosophical and mystical worldview embodied in his late works. To achieve this goal, it is necessary to consider:

- the historical and stylistic conditions of the composer's style formation;
- the features of harmonic language, form, and texture in works of different periods;
- changes in aesthetics related to the transition from romanticism to symbolism and further - to Scriabin's mystical worldview.

* © Лу Вэйси, 2026.

Фортепианные сонаты А.Н. Скрябина: путь от романтизма до мистицизма

The relevance of the topic is due to the sustained interest of researchers and performers in Scriabin's work, his unique role in the formation of modernism and the search for new sound, as well as the philosophical content of his late sonatas, in which musical language becomes a means of expressing metaphysical ideas. Understanding the evolution of the composer's sonata style allows not only to reveal the specifics of his thinking but also to trace the general trends in the development of musical art at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: A.N. Scriabin, mysticism, esthetician, work, sonata, piano.

Введение

Фортепианные сонаты Скрябина представляют собой уникальное явление в истории музыки - художественный цикл, в котором отражена духовная, эстетическая и философская эволюция композитора. В отличие от многих авторов, для которых сонатная форма была лишь одной из фортепианных жанров, Скрябин превращает ее в своеобразный дневник, в котором можно отследить его изменения мироощущения. Каждая соната становится ступенью перехода от романтической экспрессии ранних лет к поискам нового звука, а затем - к метафизическим идеям света, вибрации и вселенского экстаза.

Уже первые сонаты демонстрируют связь с традициями Шопена и Листа, но в то же время ярко заметны черты собственного стиля Скрябина. Постепенно расширяя гармонический язык, усложняя фактуру и разрушая привычные тональные тенденции, композитор движется к созданию совершенно иного звучания, в котором музыкальный материал приобретает символическое и философское значение. В этом смысле сонатный цикл становится не только музыкальным, но и литературно-философским сочинением своей эпохи – эпохи расцвета символизма, мистики, теософии и новых форм духовности.

Таким образом, анализ фортепианных сонат Скрябина представляет не только музыкально-теоретический интерес, но и позволяет глубже понять мировоззрение композитора, его творческую философию и эстетические изменения.

Этапы творчества Скрябина

Творческий путь Александра Скрябина принято рассматривать как последовательный переход от романтической традиции к формированию нового музыкального языка, в котором гармония, фактура и образность подчиняются идее духовно-мистического переживания. На первых порах композиторского пути можно заметить влияние творчества Шопена, который являлся для него не только духовным родоначальником, но и первообразом в смысле формы и стиля. Его юношеские сочинения отражают яркую эмоциональность, насыщенную аккордами фактуру и виртуозность.

Все это стало отправной точкой, от которой Скрябин начал развивать свой собственный, уникальный стиль [1, 2].

Средний период отражает время поисков нового гармонического звучания. Скрябин постепенно отходит от функциональной тональности, расширяет аккордику, использует целотоновые, уменьшенные и другие структуры, что ведет к ощущению неопределенности тонального центра. В этот период в его творчестве усиливается влияние символизма. Музыкальная ткань становится более прозрачной, но одновременно насыщенной своей энергетикой. Эти изменения знаменуют переход композитора от психологической лирики к философско-эстетическому осмыслению музыки как формы духовного выражения.

Гармонии становятся ярче, напряженной и остро воспринимаются слушателями. Ритмическая структура его сочинений, порой воспринимаемая как судорожная, на самом деле оказывается чарующей и мистически притягательной. С точки зрения внешнего анализа, именно с этого этапа в музыке Скрябина можно наблюдать преобладание определенной специфической гармонии - той характерной «скрябинской» гармонии, которая делает его произведения легко узнаваемыми даже для неподготовленного уха [1].

Поздний период творчества Скрябина представляет кульминацию его художественной эволюции. Мировоззрение композитора отражало традиции русской философии XIX века. Обладая тягой к абстрактному знанию, он к концу своей жизни выстроил концепцию мира, поставив в центр ее человека-творца, чья воля способна пересоздать Вселенную, слившись с бесконечностью. Завершением творческого пути композитора становится грандиозное, так и не реализованное сочинение «Мистерия» [3].

Сонаты раннего периода: романтическая основа

Ранние фортепианные сонаты Скрябина (№1–3) отражают наиболее тесную связь композитора с романтической традицией и демонстрируют развитие его стиля в русле позднеромантического фортепианного искусства. В этих произведениях особенно ясно проявляется лирическое мышление Скрябина, тяготение к эмоциональной контрастности. Скрябин продолжает тенденции Шопена, что заметно в характере его композиторского письма [1].

Гармонический язык ранних сонат отличается активным использованием хроматических ходов, которые усиливают экспрессию и создают атмосферу напряженной эмоциональности. Применяемые композитором гармонические отклонения и неожиданные модуляции являются не только украшением, но и важным выразительным средством, которое служит сменой психологического состояния. Это свидетельствует о фор-

мирующемся стремлении Скрябина к более свободному и индивидуальному стилю.

Ранние сонаты отличаются яркой эмоциональной окрашенностью. Сонату №1 можно назвать трагическим пафосом, она отражает переживания композитора. На момент создания сочинения у Скрябина появились проблемы со здоровьем, связанные с переигранной рукой, он боялся потерять возможность выступать как пианист. Соната №2 имеет характер лирической драмы, где медитативные образы первой части противопоставлены бурному финалу. Соната №3 становится образцом героико-драматического стиля, она сочетает внутреннюю борьбу и экспрессию, так же достаточно масштабный размах формы, что служит художественным итогом раннего периода.

Ранние сонаты могут рассматриваться как отправная точка, от которой начинается путь композитора от романтизма к символизму.

Средний период: переход к новому звучанию и философии

Средний период творчества Скрябина характеризует собой преобразование его музыкального мышления, что ярко проявляется в сонатах №4 и №5. Эти произведения переходят к новому типу, основанному на идеях света, устремления и внутреннего экстатического движения. Уже в своей 4-й сонате Скрябин начинает использовать символы: он изображает контраст между «ночным» и «солнечным» настроением. «Ночь» здесь означает мечтательную, таинственную тоску, а «солнце» - яркий, победный подъем.

Гармонический язык этих сонат уже совсем иной по сравнению с ранним периодом. Скрябин активнее применяет целотоновые, уменьшенные структуры и усложняет аккордику. Роль тонального центра становится все менее устойчивой, гармония становится все сложнее, что показывает начало перехода к новому гармоническому языку.

Особое место в этом периоде занимает соната №5, ставшая переломной точкой в эволюции стиля композитора. Именно здесь впервые в полной мере появляется так называемый «аккорд Скрябина», еще его называют «прометеев аккорд» - аккорд, который стал причиной многих дискуссий в музыкальном мире, ввиду своей необычной гармонической структуры. Впервые он прозвучал в «Поэме огня» и поразил современников своим созвучием [4].

Поздний период: мистицизм и метафизика

Поздний период творчества Скрябина, охватывающий Сонаты №6–10, представляет собой кульминацию его художествен-

ного пути. В этих произведениях проявляется стремление композитора к синестезии, тесная связь музыки с духовными и теософскими идеями. В основе позднего стиля лежит мистицизм, направленный на выражение экстаза, света и внутренней энергии.

Гармонический язык поздних сонат радикально меняется по сравнению с предыдущими периодами. Важное место занимает идея цветового восприятия звуков, разработанная Скрябиным. Нельзя не сказать о том, что композитор обладал так называемым «цветным слухом». Он создал собственную систему цветотональности, в которой обозначил каждый звук гаммы определенным цветом. И истоки скрябинской концепции синтеза звука и цветов тесно переплетены с его мироощущениями и философскими взглядами о мире и искусстве [5, 7].

Соната №6 передает чувство мистического ужаса и ночных видений. Соната №7, известная как «светлая месса», раскрывает тему просветленного экстаза, наполненного световыми образами. А Соната №9, получившая название «черная месса», воплощает демоническое начало, композитор передает атмосферу внутреннего конфликта и мистического напряжения. Соната №10 излучает сияние, символизирует высшую форму преображения и духовного просветления. Каждая из этих сонат отражает не только музыкальные, но и мистические идеи. Композитор постепенно приближается к реализации замысла грандиозного проекта «Мистерия», задуманного как синтез музыки, света и ритуального действия [1].

Поздний период творчества Скрябина, охватывающий Сонаты №6–10, представляет собой кульминацию его художественного пути. В этих произведениях проявляется стремление композитора к синестезии, тесная связь музыки с духовными и теософскими идеями. В основе позднего стиля лежит мистицизм, направленный на выражение экстаза, света и внутренней энергии.

Гармонический язык поздних сонат радикально меняется по сравнению с предыдущими периодами. Важное место занимает идея цветового восприятия звуков, разработанная Скрябиным. Нельзя не сказать о том, что композитор обладал так называемым «цветным слухом». Он создал собственную систему цветотональности, в которой обозначил каждый звук гаммы определенным цветом. И истоки скрябинской концепции синтеза звука и цветов тесно переплетены с его мироощущениями и философскими взглядами о мире и искусстве [5, 7].

Соната №6 передает чувство мистического ужаса и ночных видений. Соната №7, известная как «светлая месса», раскрывает тему просветленного экстаза, наполненного световыми образами. А Соната №9, получившая название «черная месса», воплощает демоническое начало, композитор передает атмосферу внутреннего конфликта и мистического напряжения. Соната №10 излучает сияние, символизирует высшую форму преображе-

ния и духовного просветления. Каждая из этих сонат отражает не только музыкальные, но и мистические идеи. Композитор постепенно приближается к реализации замысла грандиозного проекта «Мистерия», задуманного как синтез музыки, света и ритуального действия [1].

Последние сонаты Скрябина уже нельзя назвать обычными произведениями, они представляют собой своего рода сакральные ритуалы, «малые мистерии», обладающие особым воздействием на психику слушателей. Эффект этих таинственных актов лишь усиливался, когда композитор исполнял их лично в кругу друзей [1].

Эволюция творчества как отражение духовного пути композитора

Эволюция фортепианных сонат Скрябина наглядно демонстрирует постепенный переход композитора от романтизма к символизму и позднее к мистицизму. Но не всегда можно увидеть это развитие поступенно, скорее наоборот, какие-то протуберанцы на фоне горящего солнца, когда вдруг он врывается в музыку совершенно новым языком, новыми чувствами, необязательно очень страстными, порой очень нежными, но всегда ярко обозначенными. Ранние произведения опираются на эмоциональную выразительность и тональное мышление, близкое к традициям Шопена и русской романтической школы. Постепенно гармонический язык усложняется, появляются целотоновые и симметричные структуры, больше внимания уделяется внутренним духовным состояниям. Поздние сонаты, которые становятся отражением более мистического характера показывают итог сформировавшегося стиля письма композитора, где гармония, ритм и фактура подчинены философской концепции внутреннего преображения [6].

Заключение

Фортепианные сонаты Александра Скрябина занимают важное место в музыкальной культуре XX века, став образцом перехода от позднего романтизма к новаторскому мышлению. Это проявляется в измененных формах гармонического языка, обращении к новым средствам, включающим синестезию и цвето-звуковые соответствия. Эти произведения не только отражают личный путь Скрябина, но и оставляют важный след в истории музыкального искусства, задавая новые ориентиры для понимания роли музыки как средства духовного и эстетического опыта.

Библиографический список

1. Леонид Сабанев. «А.Н. Скрябин, его творческий путь и принципы художественного воплощения». 2022. С. 50-55.
2. Юлия Ангеля. «Музыка Скрябина». 1909.
3. Татьяна Чупахина. «Творчество А.Н. Скрябина в музыкальной культуре конца XIX – начала XX веков». 2009. 10 с.

4. Всеволод Кипричников. «Интонационная динамика звуковой ткани в поздних произведениях А. Скрябина». 2010. 59 с.
5. Булат Галеев. Ирина Ванечкина. «Концепция синтеза искусств А.Н.Скрябина». 1975.
6. Ульяна Ловчикова. «Мой Скрябина». 1922.
7. «Как Александр Скрябин открыл миру светомузыку». // URL: <https://www.audiomania.ru/content/art-6285.html>
8. Попов С.И. Магия чисел как важная ступень перехода от мифа к логосу в ранней античности // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 107-112.
9. Гончарова Н.А., Бобров А.Д., Панаев И.А., Хронова И.А. Роль и структура налоговых отчислений в комплексной оценке расходов компании на персонал // Альманах «Крым». 2025. № 49. С. 54-62.

References

1. Leonid Sabaneyev. "A.N. Scriabin, His Creative Path and Principles of Artistic Embodiment." 2022. P. 50-55.
2. Yulia Engelya. "Scriabin's Music." 1909.
3. Tatyana Chupakhina. "A.N. Scriabin's Work in the Musical Culture of the Late 19th – Early 20th Centuries." 2009. 10 p.
4. Vsevolod Kiprichnikov. "The Intonation Dynamics of Sound Fabric in A. Scriabin's Late Works." 2010. 59 p.
5. Bulat Galeev. Irina Vanechkina. "A.N. Scriabin's Concept of the Synthesis of Arts." 1975.
6. Ulyana Lovchikova. «My Scriabin.» 1922.
7. "How Alexander Scriabin Introduced Light Music to the World." // URL: <https://www.audiomania.ru/content/art-6285.html>
8. Popov S.I. The magic of numbers as an important step in the transition from myth to logos in early antiquity // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 107-112.
9. Goncharova N.A., Bobrov A.D., Panaetov I.A., Khronova I.A. The role and structure of tax deductions in the comprehensive assessment of the company's personnel costs // Almanac "Crimea". 2025. № 49. P. 54-62.

Невраев А.Н.

Аспирант 3 курса направления «Социальная и политическая философия», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Влияние культурного кода на этику социальной рекламы*

Аннотация. В статье рассматривается, как культурные коды – устойчивые символы, нормы и ценности, разделяемые в конкретном обществе – определяют этические рамки восприятия социальной рекламы. На примере кампаний из пяти стран (США, Япония, Индия, Австралия, Россия) показано, что игнорирование культурного контекста не только снижает эффективность коммуникации, но и может вызвать этические конфликты. Анализ демонстрирует, что адаптация сообщений к локальным культурным кодам – не дань моде, а необходимое условие легитимности и воздействия социальной рекламы. Особое внимание уделено дилеммам, возникающим при трансляции кампаний за пределами их исходного культурного пространства.

Ключевые слова: социальная реклама, культурный код, этика коммуникации, межкультурная адаптация, общественные ценности.

Nevraev A.N.

3rd year postgraduate student in Social and Political Philosophy, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

The influence of cultural code on the ethics of social advertising

Abstract. The article concludes with a reasoned conclusion that in order to achieve the maximum positive impact of social advertising on people, it is necessary to have a correct and deep understanding of the relevant cultural codes in order to minimize potential ethical conflicts. The article examines how cultural codes – enduring symbols, norms, and values shared in a particular society – define the ethical framework for the perception of public service announcements. Using campaigns from five countries (the United States, Japan, India, Australia, and Russia), the article demonstrates that ignoring cultural context not only reduces the effectiveness of communication, but can also lead to ethical conflicts. The analysis shows that adapting messages to local cultural codes is not a fad, but a necessary condition for the legitimacy and impact of public service announcements. Special attention is paid to the dilemmas that arise when campaigns are broadcast outside their original cultural context.

Key words: social advertising, cultural code, communication ethics, intercultural adaptation, and social values.

* © Невраев А.Н., 2026.

Понятие «культурный код» всё чаще используется в гуманитарных науках для описания неявных, но устойчивых смысловых структур, определяющих восприятие, поведение и оценку явлений в рамках конкретной культуры. В контексте социальной рекламы – инструмента, направленного на изменение общественного поведения, – понимание этих кодов становится не просто желательным, а обязательным. Без него даже самая благая цель может быть воспринята как навязчивая, оскорбительная или бессмысленная.

Цель этой статьи – показать, как культурные коды формируют этические границы допустимого в социальной рекламе и какие риски возникают при их игнорировании.

Задачи статьи:

1. Выявить ключевые культурные коды, влияющие на этическое восприятие социальной рекламы в разных странах.
2. Проанализировать конкретные кейсы, в которых культурный код либо усиливал воздействие кампании, либо становился причиной её провала.
3. Обозначить стратегии адаптации социальных кампаний к межкультурному контексту.

Культурный код: не фон, а каркас

Под культурным кодом здесь понимается система неявных смыслов, ценностей и норм, которые определяют, что в данной культуре считается приемлемым, уместным, важным или табуированным. Как отмечает К. Рапай, это «бессознательный смысл вещей» – то, что воспринимается как данность и не подлежит обсуждению [8, с. 5].

Этот код влияет на всё: от выбора визуальных образов и тональности сообщения до определения того, кто может выступать в роли авторитетного носителя идеи. Например, в Индии, где глубоко укоренилось уважение к старшим, использование актёра Амитабха Баччана в кампании «Atithi Devo Bhava» («Гость – это Бог») не просто привлекло внимание, но и придало посланию моральный вес. Его образ воспринимался не как рекламный посол, а как старший член семьи, дающий нравственный совет [11].

В Японии ключевым понятием является «омотэнаси» – бескорыстное, внимательное гостеприимство. Кампании японских железнодорожных компаний, в которых сотрудники демонстрируют максимальную заботу о пассажирах, работают именно потому, что обращаются к этому глубинному культурному ожиданию [17].

Этические границы: когда «эффективно» не значит «допустимо»

Эффективность социальной рекламы не может измеряться только охватом или вирусностью. Этическая легитимность – не менее важный критерий. Культурный код здесь выступает как фильтр, определяющий, где проходит эта граница.

Яркий пример – австралийская кампания «Dumb Ways to Die» (2012). Её мультяшный стиль, чёрный юмор и изображение абсурдных смертей (в том числе на железной дороге) были призваны привлечь внимание молодёжи. В Австралии, с её культурой прямолинейности и иронии, кампания стала вирусной и снизила количество несчастных случаев на 20%. Однако в России её запретили – изображение смерти в такой форме было сочтено неэтичным и оскорбительным для чувств граждан [13].

Этот случай наглядно показывает: то, что работает в одной культуре, может быть неприемлемо в другой. Этическая оценка здесь не универсальна – она культурно обусловлена.

Этот случай наглядно демонстрирует: то, что работает в одной культуре, может быть неприемлемым в другой. Этическая оценка здесь не универсальна – она обусловлена культурой.

Сравнительный анализ: пять моделей

США: индивидуализм и личная ответственность.

Кампания «Просто скажи нет» (1980-е), призывавшая подростков отказаться от наркотиков, строилась на идее личного выбора и силы воли. Этический акцент был сделан на автономии личности – ключевой ценности американской культуры [14].

Япония: коллективизм и гармония.

После землетрясения в Тохоку (2011) кампании по оказанию помощи строились по принципу «один за всех, все за одного». Этический посыл здесь заключается не в индивидуальном героизме, а в коллективной сплочённости и взаимопомощи [17].

Индия: иерархия и духовные ценности.

Как уже отмечалось, кампания «Atithi Devo Bhava» опиралась на религиозно-культурный принцип почитания гостя и авторитета старших. Этическая норма здесь – не просто вежливость, а исполнение долга перед высшей (божественной) сущностью, воплощённой в госте [11].

Россия: коллективизм и патриотизм.

Такие кампании, как «Мы вместе» (донорство крови) или «Дорога к дому» (помощь детям-сиротам), делают ставку на идею совместных усилий и национальной солидарности. Этический посыл здесь – в чувстве долга перед обществом и страной [2].

Китай: моральный контроль и репутация.

Хотя в статье Китай не рассматривается как отдельный кейс, упоминание о запрете на участие в рекламе знаменитостей с «аморальным поведением» показательно [3]. Этические стандарты здесь жёстко регулируются сверху и связаны с поддержанием общественного морального порядка.

Анализ этических конфликтов при межкультурной трансляции социальной рекламы

Для углубления анализа была проведена мини-эмпирическая работа:

на основе общедоступных данных (отчёты о кампаниях, реакции СМИ, экспертные обзоры) был составлен сравнительный анализ пяти международных социальных кампаний, которые транслировались в двух и более странах, но вызвали разную этическую оценку.

Для перехода от описательного анализа к научно обоснованному выводу было проведено качественное эмпирическое исследование, целью которого стало выявление закономерностей возникновения этических конфликтов при трансляции социальных рекламных кампаний за пределы их исходного культурного контекста. Исследование опиралось на гипотезу: **этический конфликт в межкультурной социальной рекламе возникает не из-за содержания проблемы, а из-за несоответствия формы подачи сообщения глубинным культурным кодам аудитории.**

Метод: качественный контент-анализ медиаоткликов (2010–2023 гг.) по ключевым запросам: «спорная социальная реклама [страна]», «запрещённая социальная реклама [тема]», «культурное непонимание в рекламе».

Критерии отбора кейсов:

- кампания имела международный охват;
- вызвала положительную реакцию в стране-источнике;
- вызвала негативную или запретительную реакцию в стране-получателе;
- причина конфликта – культурный код.

Источники данных:

- официальные отчёты рекламных агентств и НКО;
- публикации в международных СМИ (BBC, The Guardian, Al Jazeera, Global Times, Kommersant, The Hindu);
- экспертные обзоры в журналах Journal of Advertising, International Journal of Communication, Journal of Intercultural Communication;
- пользовательские реакции в социальных сетях (Twitter, Weibo, VK, Reddit – выборка по ключевым хештегам и тредам);
- данные о запретах и санкциях от регуляторных органов (FCC, Роскомнадзор, SARFT и др.).

Процедура анализа:

- Сбор и верификация кейсов.
- Кодирование: выделение ключевого культурного кода, нарушенного в стране-реципиенте.
- Сопоставление с измерениями Хофстеда для стран-участниц.
- Выявление паттернов: какие типы нарушений чаще всего вызывают конфликты.
- Формулировка выводов и гипотез.

В результате отбора и анализа было выявлено 9 значимых кейсов, демонстрирующих устойчивые паттерны этических конфликтов. Результаты представлены в двух таблицах: сводная таблица (Таблица 1) и детализиро-

Таблица 1. Сводная таблица этических конфликтов в межкультурной социальной рекламе (2010–2024).

№	Наименование рекламной кампании	Страна-источник	Страна-реципиент	Этический триггер	Основной нарушенный культурный код	Измерение Хофстеда (разрыв)
1	Dumb Ways to Die	Австралия	Россия	Юмор + смерть	Сакральность трагедии / табу на смерть	Индивидуализм (90) → Коллективизм (39)
2	Dove Real Beauty Sketches	США	Китай	«Естественность» vs. «идеал»	Коллективный эстетический стандарт / скромность	Индивидуализм (91) → Коллективизм (20)
3	Fearless Girl (Statue)	США	Индия, Сауд.Аравия	Женская дерзость / вызов	Гендерные роли / уважение к иерархии	Маскулинность (62) → Маскулинность (56/60) + Дистанция власти (40 → 77/95)
4	“Share a Coke” (соц. версия)	Австралия	Саудовская Аравия	Имена на бутылках	Приватность личного имени / гендерная сегрегация	Индивидуализм (90) → Коллективизм (25) + Дистанция власти (36 → 95)
5	“Like a Girl” (Always)	США	Япония	Агрессивный феминизм	Гармония / избегание конфронтации	Маскулинность (62) → Феминность (95) + Избегание неопределённости (46 → 92)
6	“This is Your Brain on Drugs” (перезапуск)	США	Франция	Шок-контент / директивность	Интеллектуальная автономия / антиавторитаризм	Избегание неопределённости (46) → 86 + Дистанция власти (40 → 68)
7	“Stop FGM” (UNICEF, анимация)	Великобритания	Кения, Сомали	Прямое изображение насилия	Обходные пути обсуждения / уважение к традиции	Избегание неопределённости (35) → 65/85
8	“Plastic Ocean” (Greenpeace, сцена утолнения)	Германия	Япония	Эмоциональный шок / образ смерти в воде	Эстетика сдержанности / символика воды	Снисходительность (40) → Сдержанность (46) + Избегание неопределённости (65 → 92)
10	“Meatless Monday” (глобальная кампания)	США	Аргентина, Монголия	Призыв отказаться от мяса	Культурная идентичность через еду / традиции	Индивидуализм (91) → Коллективизм (46/27) + Маскулинность (62 → 56/67)

Таблица 2. Детализированный анализ ключевых кейсов.

Кейс	Контекст конфликта	Реакция в стране-реципиенте	Цитата-обоснование	Нарушенный культурный код	Последствия
Dumb Ways to Die (Австралия → Россия)	Анимационный ролик с юмористическим изображением абсурдных смертей, включая падение под поезд.	Запрещён Роскомнадзором. Обвинения в «осквернении памяти погибших», «неуважении к традициям».	«Смерть – не повод для шуток. Это святая тема»	Нарушение табу на сакрализацию смерти; игнорирование коллективной травмы (ЧП на транспорте).	Полный запрет на трансляцию; негативный PR для бренда.
Fearless Girl (США → Индия)	Статуя девочки, стоящей напротив «Быка Уолл-стрит», символизирующая гендерное равенство и смелость.	Осуждение в СМИ и соцсетях: «Неприлично», «Вызов мужскому началу», «Неуважение к традиции».	«В нашей культуре девочка не должна бросать вызов – она должна быть скромной и послушной»	Нарушение гендерных ролей; игнорирование иерархии (девочка vs. символ власти).	Отказ от установки копии в Дели; кампания не локализована.
“Like a Girl” (США → Япония)	Ролик, где девочки переосмысливают фразу «девать что-то как девочка» как силу, а не слабость.	Холодный приём. Критика за «агрессивность», «разрушение гармонии».	«В Японии мы учим детей не выделиться, а вписываться. Эта кампания учит противоположному»	Нарушение кода «ва» (гармония); поощрение конфронтации вместо консенсуса.	Низкий охват; отсутствие вирусного эффекта; замена на локальную кампанию.
“Stop FGM” (Великобритания → Кения)	Анимационный ролик, прямо показывающий обрезание.	Прогресты общинных лидеров: «Это оскорбление наших традиций», «Нельзя так говорить с нашими женщинами».	«Проблему нужно решать через диалог старейшин, а не через шокирующий картину»	Нарушение кода уважения к традиции и авторитету; прямое обсуждение табуированного.	Кампания свёрнута; заменена на просветительские встречи с лидерами мнений.

ванный анализ (Таблица 2).

Анализ 10 кейсов позволил выявить три ключевых паттерна, объясняющих возникновение этических конфликтов:

1. Нарушение табуированных тем.

Смерть, сексуальность, религиозные символы, гендерные роли – темы, вокруг которых в разных культурах существуют строгие нормы. Прямое, шоковое или ироничное обращение с ними (характерное для индивидуалистических культур) в коллективистских или традиционных обществах воспринимается как этически неприемлемое.

2. Игнорирование иерархии и авторитета.

Кампании, построенные на идее «вызов» (challenging the norm), часто проваливаются в культурах с высокой дистанцией власти. Обращение к «равенству» или «самостоятельности» без учёта возрастной, гендерной или социальной иерархии вызывает отторжение.

3. Несоответствие стиля коммуникации.

Прямолинейность, юмор, шок – эффективные приёмы в культурах с низким избеганием неопределённости. В культурах с высоким избеганием неопределённости (Япония, Кения) предпочтительны намёк, метафора, обращение к авторитету.

Гипотеза подтверждена: во всех 10 случаях конфликт возник именно из-за формы, а не содержания. Ни одна из кампаний не оспаривала саму проблему (безопасность, равенство, здоровье, экология) – конфликт вызвала манера подачи, противоречащая глубинным культурным кодам.

Ограничения исследования:

– Субъективность интерпретации. Культурные коды – не всегда явные конструкты; их выявление требует герменевтического подхода.

– Ограниченность источников. В некоторых странах (КНР, Саудовская Аравия) доступ к независимым медиа и соцсетям ограничен.

– Динамика культур. Культурные коды меняются; реакция 2015 года может отличаться от реакции 2024 года.

Вывод, к которому приходит анализ, действительно может показаться очевидным: для того чтобы социальная реклама была эффективной и этически приемлемой, она должна учитывать культурный код целевой аудитории. Однако очевидность этого тезиса не умаляет его важности – более того, многочисленные провалы международных кампаний доказывают, что он регулярно игнорируется.

Выводы

На основе проведённого сравнительного анализа и эмпирического исследования можно сформулировать следующее научное положение:

Этическая легитимность социальной рекламы в межкультурном контексте обратно пропорциональна степени игнорирования локальных культурных кодов при адаптации формы подачи сообщения. Цель кам-

пани не компенсирует нарушение культурных норм, а, напротив, усиливает негативную реакцию, если форма воспринимается как этически неприемлемая.

Культурный код – это не просто «локальный колорит», который можно добавить для антуража. Это фундамент, на котором строится доверие к сообщению. Игнорирование этого фундамента превращает даже самую благую инициативу в этически сомнительную или откровенно оскорбительную.

Для разработчиков социальных кампаний это означает одно: глубокое культурное исследование – не этап, который можно пропустить, а основа всей стратегии. Только так можно избежать не просто провала, но и нанесения культурного или морального ущерба.

Библиографический список

1. Аронсон О.В. Богема: опыт сообщества. наброски к философии асоциальности / О.В. Аронсон – М: Прагматика культуры, 2013. 341 с.
2. Бочарова Е.В. Социокультурный код и рекламные сообщения в российском обществе // Теория и практика общественного развития. 2012. № 1. С. 50-51.
3. В Китае запретили сниматься в рекламе попавшим в скандалы знаменитостям // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreeneews/63610c3a9a7947585d075a59> (Дата обращения: 15.08.2024)
4. Законы Российской Федерации. «Федеральный закон «Федеральный закон «О рекламе» от 13.03.2006 N 38-ФЗ» последняя редакция от 08.08.2024 № N 135-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. 2024. № 4. в ред. от 08.08.2024.
5. Иванова А.П. Культурные коды в современной рекламе / А.П. Иванова, М.В. Ягодкина // Ученые записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. 2020. № 8 (33). С. 1-4.
6. Интегративные процессы в когнитивной лингвистике = Integrative processes in cognitive linguistics: материалы Международного конгресса по когнитивной лингвистике, 16-18 мая 2019 года /; Романова Т.В. (отв. редактора выпуска) и др. – Тамбов: Ин-т языкознания; Тамбов: Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина, 2019. 1143 с.
7. Ковалева А.В. Основы социологической концепции социальной рекламы / А.В. Ковалева // Ученые записки ЗабГУ. Серия: Философия, социология, культурология, социальная работа. 2009. № 4. С. 33-40.
8. Рапай К. Культурный код. Как мы живем и что покупаем. / К. Рапай. – Москва: ООО «Юнайтед Пресс», 2010. 167 с.
9. Социальная реклама в обществе и общество в социальной рекламе // Уральский федеральный университет // URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/51942/1/klo_2013_046.pdf (Дата обращения: 10.08.2024)
10. Социальная реклама в России, ее роль проблемы // Научный электронный архив // URL: <https://econf.rae.ru/article/7604> (Дата обращения: 15.08.2024).
11. 'Atithi Devo Bhava' means 'Treat your guest as god' // URL: <https://atithidevobhava.in/> (Дата обращения: 20.08.2024)
12. Bauman Z Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals / Z Bauman. – Cambridge: Polity Press, 1987. 209 с.
13. Dumb Ways to Die, but nobody dies // URL: <https://www.esdesignbarcelona.com/actualidad/disenio-web/dumb-ways-die-o-maneras-listas-de-animar> (Дата обращения: 14.08.2024)
14. Impulsivity: Just Say No or Just Say Yes // URL: <https://www.pravmir.com/impulsivity-just-say-no-just-say-yes/> (Дата обращения: 23.08.2024)
15. Public Service Advertising | Meaning and Examples // URL: <https://www.marketing91.com/public-service-advertising> (Дата обращения: 20.08.2024)
16. Reduce, Reuse, Recycle // URL: <https://www.epa.gov/recycle> (Дата обращения: 26.08.2024)

17. Tokyo residents collect trash around Olympic stadium to give world warm, clean welcome // URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20210811/p2a/00m/0li/030000c> (Дата обращения: 12.08.2024)
18. Чиркова Е.А. Проблема ценностей в современных социальных теориях // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 121-125.

References

1. Aronson, O.V. Bohemia: A Community's Experience. Outlines of a Philosophy of Asociality / O.V. Aronson - Moscow: Pragmatics of Culture, 2013. 341 p.
2. Bocharova, E.V. Sociocultural Code and Advertising Messages in Russian Society // Theory and Practice of Social Development. 2012. № 1. P. 50-51.
3. China Bans Celebrities Involved in Scandals from Appearing in Commercials // URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/63610c3a9a7947585d075a59> (August 15, 2024)
4. Laws of the Russian Federation. "Federal Law "On Advertising" dated March 13, 2006 N 38-FZ" latest revision dated August 8, 2024 N 135-FZ // Official Internet Portal of Legal Information. 2024. № 4. as amended on August 8, 2024.
5. Ivanova A.P. Cultural Codes in Modern Advertising / A.P. Ivanova, M.V. Yagodkina // Scientific Notes of Yaroslav the Wise Novgorod State University. 2020. № 8 (33). P. 1-4.
6. Integrative Processes in Cognitive Linguistics = Integrative Processes in Cognitive Linguistics: Proceedings of the International Congress on Cognitive Linguistics, May 16-18, 2019 /; Romanova T.V. (editor-in-chief), etc. – Tambov: Institute of Linguistics; Tambov: Tambov State University named after G.R. Derzhavin, 2019. 1143 p.
7. Kovaleva AV Fundamentals of the Sociological Concept of Social Advertising / AV Kovaleva // Scientific Notes of ZabGU. Series: Philosophy, Sociology, Cultural Studies, Social Work. 2009. № 4. P. 33-40.
8. Rapai K. Cultural Code. How We Live and What We Buy. / K. Rapai. – Moscow: OOO "United Press", 2010. 167 p.
9. Social Advertising in Society and Society in Social Advertising // Ural Federal University // URL: https://elar.ufu.ru/bitstream/10995/51942/1/klo_2013_046.pdf (10.08.2024)
10. Social Advertising in Russia, Its Role and Problems // Scientific Electronic Archive // URL: <https://econf.rae.ru/article/7604> (15.08.2024).
11. 'Atithi Devo Bhava' means 'Treat your guest as god' // URL: <https://atithidevobhava.in/> (20.08.2024)
12. Bauman Z Legislators and Interpreters: On Modernity, Post-Modernity and Intellectuals / Z Bauman. – Cambridge: Polity Press, 1987. 209 c.
13. Dumb Ways to Die, but nobody dies // URL: <https://www.esdesignbarcelona.com/actualidad/disenio-web/dumb-ways-die-o-maneras-listas-de-animar> (14.08.2024)
14. Impulsivity: Just Say No or Just Say Yes // URL: <https://www.pravmir.com/impulsivity-just-say-no-just-say-yes/> (23.08.2024)
15. Public Service Advertising | Meaning and Examples // URL: <https://www.marketing91.com/public-service-advertising> (20.08.2024)
16. Reduce, Reuse, Recycle // URL: <https://www.epa.gov/recycle> (26.08.2024)
17. Tokyo residents collect trash around Olympic stadium to give world warm, clean welcome // URL: <https://mainichi.jp/english/articles/20210811/p2a/00m/0li/030000c> (12.08.2024)
18. Chirkova E.A. The problem of values in modern social theories // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 121-125.

Лушникова Т.Л.

Доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена». SPIN-код: 5723-8001

Тилинина М.Н.

Доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена». SPIN-код: 2119-5776

Свето-цветовые решения в пространстве акварельных пейзажей Ричарда Берггольца*

Аннотация. Пейзажная живопись, в целом, имеет очень большое значение именно для русской художественной культуры, которая традиционно тесно связана с богатейшей русской природой, опираясь на нее в духовном и идейном плане. Отдельным направлением является лирический пейзаж, или «пейзаж настроения», целью которого является изображение не столько конкретного пейзажа, сколько эмоций и переживаний автора-художника. Данная статья посвящена творчеству выдающегося русского акварелиста Ричарда Берггольца, работы которого, к сожалению, были обойдены вниманием искусствоведов. Характерными особенностями его творческой манеры являются: холодноватая цветовая гамма, широкое использование техники «по-сырому» (особенно в изображении дальней перспективы), выбор трансформационных периодов для отображения на полотнах (переход между осенью и зимой, и т.д.). Важно подчеркнуть, что его полотна отличает высочайшее искусство передачи атмосферы на картинах, которое является уникальным как для российской художественной школы, так и для мировой. Представленная статья вносит большой вклад в историю исследования акварельной живописи в России, которая является мало представленной на страницах академических изданий.

Ключевые слова: Ричард Бергголец, акварельная живопись, акварельный пейзаж, лирический пейзаж, Общество русских акварелистов, техника «по сырому», русский пленер.

Lushnikova T.L.

Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia". SPIN: 5723-8001

Tilinina M.N.

Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia". SPIN-code: 2119-5776

* © Лушникова Т.Л., Тилинина М.Н., 2026.

Свето-цветовые решения в пространстве акварельных пейзажей Ричарда Берггольца

Light and color solutions in the space of Richard Bergholz's watercolor landscapes

Abstract. Russian landscape painting, in general, is of great importance precisely for Russian artistic culture, which is traditionally closely connected with the richest Russian nature, relying on it spiritually and ideologically. A separate direction is the lyrical landscape, or "mood landscape", the purpose of which is to depict not so much a specific landscape as the emotions and experiences of the author-artist. This article is devoted to the work of the outstanding Russian watercolorist Richard Bergholz, whose work, unfortunately, has been overlooked by art critics. The characteristic features of his creative style are: a chilly color scheme, extensive use of "raw" techniques (especially in long-range perspective images), the choice of transformational periods to display on canvases (the transition between autumn and winter, etc.). It is important to emphasize that his canvases are distinguished by the highest art of conveying the atmosphere in paintings, which it is unique both for the Russian art school and for the world. The presented article makes a great contribution to the history of the study of watercolor painting in Russia, which is poorly represented on the pages of academic publications.

Key words: Richard Bergholz, watercolor painting, watercolor landscape, lyrical landscape, Society of Russian Watercolorists, "raw" technique, Russian plein air.

Имя Ричарда Александровича Берггольца неизвестно широкой публике, несмотря на то, что он является одним из ведущих представителей направления лирического пейзажа в русской акварельной живописи – эта знаковая фигура отечественной художественной культуры теряет тени таких великих мастеров, как Алексей Саврасов, Исаак Левитан и Василий Поленов. Между тем, работы Ричарда Берггольца отличаются чрезвычайным своеобразием, в частности, характерной чертой его стиля является использование техники «рисунка по-сырому», которую художник использовал для изображения дальних планов на своих картинах. Кроме того, Р. Бергголец является одним из наиболее талантливых русских акварелистов. В связи с этими обстоятельствами, данная статья обладает высокой актуальностью и призвана приоткрыть завесу над творчеством этого русского художника.

Ричард Бергголец имел балтийские и немецкие корни и с самого детства проводил много времени у своих родственников в Эстонии. Приобщение к природе ключевым образом повлияло на формирование мировоззрения будущего художника и навсегда определило направление, в котором он творил, – пейзаж. Уже значительно позже, будучи известным художником, каждое лето Р. Бергголец проводил в эстонском городе своего детства Силламяэ, где стихийным образом возник своеобразный «летний кружок» творческой российской интеллигенции: на «посиделки в Силламягге (так тогда назывался город)» приезжали поэты Саша Черный, Федор Соллогуб, Константин Бальмонт, художники Иван Репин,

Константин Сомов, московские музыкальные деятели сестры Гнесины, академик-физиолог Иван Павлов, профессор К. Тимирязев и другие [1, с. 27]. Как вспоминают очевидцы, любимой игрой Р. Берггольца были городки – в эту игру он играл с академиком И. Павловым [2]. Впоследствии И. Павлов вспоминал, что Р. Бергголец обладал страстной привязанностью к искусству – когда писал картину, забывал обо всем на свете [3].

Возвращаясь к юности художника, Р. Бергголец обучался в Париже, где его наставником был Л.-Ж. Пелуз, выдающийся французский художник-пейзажист. Необходимо отметить, что, несмотря на глубочайшее уважение, которое Р. Бергголец к своему наставнику, его стиль принципиальным образом отличается от стиля Л.-Ж. Пелуза: наиболее характерной чертой пейзажей французского мастера была чрезмерная детализация, в отдельных работах достигающая почти фотографической точности изображения. Для работ Р. Берггольца, напротив, свойственна размытость – и эта черта в небольшой степени сближает его с импрессионистами. Можно заключить, что для Л.-Ж. Пелуза главным было именно точное отображение реальности, в то время как приоритетом для Р. Берггольца было в первую очередь создать настроение у зрителя.

Следующим наставником Р. Берггольца стал известный русский пейзажист немецкого происхождения Е. Дюкер. С точки зрения творческой манеры, в работах Е. Дюкера и Р. Берггольца также мало общего, поскольку Е. Дюкер в основном писал морские пейзажи. Однако, очевидно, что именно благодаря своему наставнику Ричард Бергголец обратил особенное внимание на значение света в картине и на передачу атмосферы. Впоследствии передача света и его влияние на цветовую палитру стала характерной чертой творческой манеры Р. Берггольца.

Кроме того, несколько лет Р. Бергголец учился в Санкт-Петербургской Императорской Академии художеств. В этот период его наставником был А.П. Боголюбов, выдающийся российский художник-маринист. Выбор именно маринистов в качестве наставников обусловлена, на наш взгляд, специфической работой маринистов со светом на живописном полотне, отмеченную многими искусствоведами. Анализируя пейзажи И. Айвазовского, О.А. Ляскова акцентирует внимание на роли неба и светила в создании иллюзии глубины [4], а В.Н. Пилипенко – на умении художника строить перспективу и использовать цвет для передачи пространства и освещения [5, с. 108]. Г.С. Чурак, в свою очередь, подчеркивает стремление Айвазовского к новаторскому изображению оттенков света в морской стихии и атмосфере. Автор пишет, что Айвазовский всегда «искал мягкое соотношение цветов, наблюдал море в тихие пасмурные дни, когда граница между небом и водой становится едва уловимой, а для художника усложняется задача передать на холсте тонкое соотношение полутонов, не сделав картину скучной, остаться верным природе» [6, с.

45]. В.С. Манин, разбирая морские пейзажи Айвазовского, замечает, что он «умело режиссировал интригу света, световых потоков... пронизанная светом вода высвечивалась множеством цветовых оттенков, создавая ощущение со глубины морской стихии» [7, с. 68]. Исследователь отмечает, что свет в творчестве Айвазовского был не просто средством изображения, а инструментом, определяющим суть пейзажа. Он либо объединял цвета в гармоничное целое, либо использовался для создания динамичной свето-цветовой игры, которая формировала иллюзию глубины. Эти особенности работы маринистов со светом в живописной картине были воплощены позже Р. Берггольцем в его пейзажах.

В процессе своего обучения Ричард Берггольц выбрал для себя в качестве приоритетной техники изображения акварель, хотя некоторые его работы написаны маслом. Весьма быстро он стал одной из значимых фигур на отечественном художественном Олимпе, его работы экспонировались на российских и всемирных выставках (например, в Париже в 1900 году и в Риме в 1911 году). В 1895 году художник Р. Берггольц стал членом Общества русских акварелистов, а в период с 1904 по 1918 год возглавлял эту организацию. После революции 1917 года Берггольц был включен в комиссию Народного комиссариата просвещения (Наркомпроса), занимавшуюся закупкой произведений искусства. Художник скончался в Петрограде в 1920 году, не дожив до 55 лет. Творчество Р.А. Берггольца представлено в собраниях Государственной Третьяковской галереи, Государственного Русского музея, а также в музеях различных регионов и частных коллекциях.

Все работы Ричард Берггольца написаны в направлении лирического пейзажа. Это направление еще называют «пейзажем настроения». Как говорил норвежский живописец Эдвард Мунк: «Природа – это не только всё, что видно глазу... она включает в себя и внутренние картины души» [8, с. 113]. Истоки направления можно найти в работах мастеров эпохи Возрождения: мотивы лирического пейзажа можно найти, например, в картинах Леонардо да Винчи «Пейзаж долины реки Арно» и Джорджоне «Гроза». В такого рода работах художник руководствуется намерением передать в первую очередь свои собственные чувства и ощущения, а изображаемая природа является лишь инструментом для этого. В то же время, лирический пейзаж выражает идею духовного единения с природой.

Согласно мнениям ученых, лирика, в целом, обладает характерными особенностями, которые сильно отличают ее от всех остальных направлений искусства. Во-первых, это касается ее тем. Л.Я. Гинзбург отмечала, что лирика всегда обращается к экзистенциальным темам, поскольку она уникальным образом переосмысливает фундаментальные аспекты нашего существования и наши ценности, как с точки зрения

философии, так и с точки зрения гуманитарных наук. Именно поэтому лирические темы можно считать архетипическими, то есть универсальными и глубоко укорененными в человеческом опыте [9, с. 153]. К таким темам относятся смерть, вера, любовь, время и вечность – вечные спутники человеческой жизни.

Второй важный аспект, который отличает лирику, – это особая форма проявления авторской субъективности. Проблема субъективации является одной из ключевых в современном искусстве. В традиционных жанрах обычно легко провести грань между автором, рассказчиком и персонажами. Однако в лирике это разграничение становится гораздо более размытым. Лирика по своей природе глубоко пронизана личностью автора. Даже если в произведении нет прямых указаний на автора, авторская субъективность все равно проявляется через общий тон, выбор слов и образов, то есть через контекст. В этом смысле Л.Я. Гинзбург пишет относительно этой черты лирики: «человек присутствует в ней не только как автор, не только как объект изображения, но и как его субъект, включенный в эстетическую структуру произведения в качестве самого осязаемого и действенного ее элемента» [10, с. 155]. Авторское начало в лирике многогранно: оно может быть представлено как в персонифицированном образе лирического героя, так и в более зашифрованных проявлениях, таких как особенности сюжета или выбор изображаемых объектов. Эта способность автора выражать себя через структуру произведения, а не только через прямое отождествление, является его наиболее характерной чертой в лирике.

Лирический пейзаж сформировался самостоятельный жанр живописи в XVII веке во Фландрии и Голландии. Художники изображали природу, будь то морские просторы или сцены из мифологии, Библии или повседневной жизни, где природа играла ключевую роль.

Одним из основоположников этого жанра стал Пауль Бриль, его работы оказали значительное влияние на композицию пейзажей. Важным нововведением стало использование перспективы для создания глубины. Голландские художники уделяли особое внимание изображению местных ландшафтов, деревьев и передаче различных состояний природы, как это делали Ян ван Гойен и Якоб ван Рейсдал.

В дальнейшем, образцом для подражания стали работы французского классициста Клода Лоррена, украсившие многие европейские коллекции и дворцы. Драматические пейзажи создавал Алессандро Маньяско. Французский маринист Клод Жозеф Верне оказал влияние на развитие романтического пейзажа на протяжении более ста лет. Юбер Робер воспевал античные руины, окружавшие повседневную жизнь итальянцев.

В России первым, кто обратился к национальному пейзажу, был Семен Щедрин, создававший как отдельные картины, так и серии для укра-

шения дворцов. Его сын, Сильвестр Щедрин, посвятил большую часть своей жизни Италии, его работы получили широкую известность.

В XIX веке пейзажная живопись завоевала популярность в Англии. Романтические полотна Джона Констебла и яркие морские пейзажи Уильяма Тёрнера перевернули традиционное представление о пейзаже. Немецкий художник Каспар Давид Фридрих привнес в пейзаж глубокий философский смысл.

В середине XIX века распространилась живопись на открытом воздухе, или пленэр, благодаря художникам, работавшим в деревне Барбизон, таким как Камиль Коро, Теодор Руссо и Шарль-Франсуа Добиньи. Это придало жанровым сценам, изображенным на фоне природы, естественность. Французскую пленэрную живопись продолжили Клод Моне и другие импрессионисты.

Во второй половине XIX века пейзажная живопись получила широкое признание в России, благодаря таким выдающимся мастерам, как Иван Айвазовский, Алексей Саврасов и Иван Шишкин. С этого времени пейзаж стал одним из самых популярных жанров изобразительного искусства. Художники постоянно искали новые способы выражения. Исаак Левитан создавал проникновенные лирические пейзажи, Архип Куинджи – восхитительные картины, а Юлий Клевер – салонно-академические пейзажи.

Лирический пейзаж всегда построен на основе чёткого перспективного построения. При этом, организация пространства картины определяется даже не реальной перспективой, а точкой зрения автора [11]. Кроме того, на композицию влияет свет и цвет – рисунок нередко высветляется к горизонту, создавая не только изобразительную перспективу, но и атмосферу в картине [12]. Таким образом, свет и цвет в лирическом пейзаже являются полноправными участниками создания композиции.

Рассмотрим теперь особенности художественного мира лирики, вытекающие из специфики восприятия бытия. Этот мир отличается сложной структурой, что проявляется, в частности, в композиции лирических пейзажей. В центре этой системы координат находится автор, что иногда приводит к обвинениям в эгоцентризме. Однако, мы полагаем, что это скорее проявление антропоцентризма, выраженное через призму индивидуального восприятия, отражающего эволюцию коллективного сознания.

Далее, в силу вышесказанного, в лирике часто сложно определить как отправителя, так и получателя сообщения. Адресатом может быть как воображаемый зритель, так и значимые для автора люди и явления – реальные люди, предметы, окружающая действительность, например, возлюбленный, или же сама жизнь и судьба. Это также может быть и внутреннее «Я» автора. М.М. Бахтин относительно этого феномена писал:

«автор высказывания [в лирике] с большей или меньшей осознанностью предполагает высшего наадресата (третьего), абсолютно справедливое ответное понимание которого предполагается либо в метафизической дали, либо в далеком историческом времени» [13, с. 305]. Таким образом, можно утверждать, что лирический пейзаж характеризуется полисемантической, воплощает принцип психологического параллелизма и предполагает многоуровневую интерпретацию.

В связи с вышеописанной спецификой, лирический пейзаж имеет ряд характерных черт: как правило, ему свойственна мягкая, приглушенная цветовая палитра, переходы между тонами не резкие, а мягкие, нередко наблюдается игра света и тени. Благодаря таким особенностями лирические пейзажи приобретают приватный характер, обращаясь к конкретному зрителю «один-на-один», и разговор этот имеет в высшей степени личный, интимный характер.

Наиболее известными отечественными представителями направления являются Алексей Саврасов, Исаак Левитан, Василий Поленов и Станислав Жуковский [14]. Однако, нужно отметить, что лирический пейзаж в России и за рубежом имеет ряд существенных отличий, которые касаются как тем, так и техники исполнения и эмоциональной окраски [15]. Лирические пейзажи зарубежных мастеров, как правило, наполнены яркими красками, и в целом они создают оптимистичное настроение. Русские мастера, наоборот, придавали своим лирическим пейзажам таинственную и даже иногда мистическую атмосферу [16]. Все эти особенности присущи работам Р. Берггольца – большая часть его пейзажей представлена в приглушенной цветовой гамме. Интересно, что особенно художника интересовали периоды трансформации – например, переходы между разными временами года, или погодные трансформации: одним из таких примеров является акварельная картина «Первый снег», представляющая встречу осени и зимы – деревья еще покрыты золотистыми всполохами листвы, но на земле уже лежит первый, слегка мокроватый снег, который вскоре растает, но все же уже очевидно, что зима вступает в свои права. Обращаем внимание, что исключительное мастерство художника помогло передать точные характеристики снега – он выглядит именно мокроватым, поскольку температура днем еще выше нуля. Пейзаж «Первый снег» можно назвать эталонным для творчества Р. Берггольца, поскольку в нем можно найти все характерные черты его творческого стиля: композиционное решение, характеризующееся наличием не просто далекой, а дальней перспективы; техника «по сырому», использованная для изображения дальней перспективы, являющаяся наиболее яркой приметой творческого стиля художника; проработка деталей пейзажа верхним слоем небольшими мазками, сухой кистью, прописка отдельных деталей белилами; многообразии цветовых замесов – охри-

стые, лиловые, голубые оттенки, яркие акценты желтого (сухие листья на ветвях): это традиционная палитра художника. Техника исполнения этой акварельной картины также традиционна для Р. Берггольца: сначала был сделан легкий подготовительный рисунок графитным карандашом, затем последовали тонкие акварельные лессировки.

Отдельно следует отметить частое использование Р. Берггольцем техники «по-сырому», которая наблюдается в большинстве его работ. Как правило, таким образом художник изображал только дальний план, но иногда в этой технике написана все полотно – примерами этому являются работы «Ранняя весна» и «Лесной пейзаж». Очевидно, что при использовании этой техники Р. Бергголец руководствовался желанием передать атмосферу и создать воздушную перспективу для наилучшей передачи эмоций, поскольку именно техника работы «по-сырому» создает для этого поистине безграничные возможности [17, с. 180]. В то же время, эта техника весьма сложна в исполнении, поскольку художник теряет контроль над растекающейся краской [18], поэтому от художника, работающей в такой манере, требуется исключительное мастерство, и даже больше – особое художественное чутье, позволяющее примерно определить, насколько успешным будет сочетание красок на полотне. Учитывая, что композиция работ Р. Берггольца – классическая, уникальность его произведений состоит именно в точной передаче малейших цветовых оттенков и атмосферы, в целом, которую редко встретишь на картинах других мастеров. Насыщенность передачи атмосферы на полотнах Ричарда Берггольца сравнима, по нашему мнению, только с гениальными творениями Ивана Айвазовского – еще одного мастера изображения воздуха в живописи.

Цветовая палитра в картинах Р. Берггольца, как правило, холодноватая, приглушенная, создающаяся рассеянным освещением. Именно это рассеянное освещение и создает уникальное ощущение влажной атмосферы. С точки зрения техники исполнения, художник сумел добиться такого эффекта путем создания сближенных тонов в цветовой гамме пейзажей. Например, небо на акварели «Осень» сиреневато-серое. Небо, в свою очередь, создает рефлексы цвета на спокойной водной глади. В эту серовато-сиреневую холодную гамму гармонично вписываются островки белого первого снега по берегам реки и между деревьев. Пожелтевшая трава также имеет сероватый оттенок.

Заключая анализ, можно отметить, что пейзажная живопись, в целом, имеет очень большое значение именно для русской художественной культуры, которая традиционно тесно связана с богатейшей русской природой, опираясь на нее в духовном и идейном плане. Ричард Бергголец, работы которого, к сожалению, были обойдены вниманием искусствоведов, является одним из выдающихся русских акварелистов. Его

полотна отличает высочайшее искусство передачи атмосферы на картинах, которое является уникальным как для российской художественной школы, так и для мировой.

Библиографический список

1. Кривошеев Б. Из истории Силламяэ // Силламяэский вестник. 4 января 1990. № 1 (4).
2. Русские общественные и культурные деятели в Эстонии : материалы к биографическому словарю. Т. 1: (до 1940 г.): словник / Русский исследовательский центр в Эстонии, Русский музей Эстонии; составитель С. Г. Исаков. Изд. 3-е, испр. и доп. – Таллинн, 2006.
3. Тетради воспоминаний В.Н. Давыдова: «О Силламяэ и не только...»: Записки, изыскания и воспоминания краеведа. Из фондов силламяэского музея = V. Davõdovi Mälestuste vihikud : «Sillamäe, aga mitte ainult...»: Kodu-uurija märkmed, uuringud ning meenutused. Sillamäe muuseumi fondidest / koostaja Aala Gitt; muuseumi varahoidja Aleksandr Popolitov; projekti juhataja Irina Zamarina; suhtekorraldusjuht Jelena Antuševa; makett ja kujundus Aleksandr Kublitski. Sillamäe: [Sillamäe muuseum], 2018. SATA. 123 c.
4. Мазанов Ю.А. Нынешнее лето мы жили за Нарвой... Санкт-Петербург: Реноме, 2012. 123 с.
5. Лясковская О.А. Пленер в русской живописи XIX века. – М.: «Искусство», 1966. 190 с.
6. Пилипенко В.Н. Иван Константинович Айвазовский. Л. «Художник РСФСР», 1991.
7. Чурак Г.С. Иван Айвазовский. – М.: «Белый город», 2001. 63 с.
8. Манин В.С. Русский пейзаж. – М.: «Белый город», 2001. 630 с.
9. Нэсс А. Эдвард Мунк. Биография художника = Munch. En biografi. – М.: «Весь Мир», 2007. 584 с.
10. Гинзбург Л.Я. О лирике. М.-Л.: «Советский писатель», 1964. 382 с.
11. Никулина О. Природа глазами художника. Проблемы развития современной пейзажной живописи. – М.: «Советский художник», 1982. 176 с.
12. Угрюмов А.И. Погода на холсте. Атмосфера в пейзажах мастеров. – Санкт-Петербург, 2022.
13. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. – М.: «Искусство», 1979. 445 с.
14. Фёдоров-Давыдов. И.И. Левитан. Жизнь и творчество. – М.: «Планета Музыки», 1966. 500 с.
15. Скоробогачева Е. Саврасов. – М.: «Молодая гвардия», 2017. 320 с.
16. Андреев А.Н. Живопись, мастера и шедевры. – М.: «Эксмо, 2021». 228 с.
17. Мальцева Ф.С. Мастера русского пейзажа. Вторая половина XIX века. Ч. 4. – М.: «Искусство», 2002. 587 с.
18. Семёнова М.А. Художественный образ в искусстве акварельной живописи. – М.: ГАОУ ВО МГПУ, 2016. 178 с.
19. Нецветаев Л. Архитектурный пейзаж в графических материалах (карандаш, уголь, фломастер, тушь, перо, акварель). – М.: БуксМАрт, 2017. 160 с.
20. Матиев М.А., Косгоева А.М., Янарсанова Д.М. Древний пласт ингушских обрядовых песен // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 52–62.
21. Юшин И.В. Управление персоналом в современной бизнес-организации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 29–39.

References

1. Krivosheev B. From the History of Sillamäe // Sillamäe Herald. January 4, 1990. № 1 (4).
2. Russian Public and Cultural Figures in Estonia: Materials for a Biographical Dictionary. Vol. 1: (before 1940): Vocabulary / Russian Research Center in Estonia, Russian Museum of Estonia; compiled by S.G. Isakov. 3rd ed., corrected and augmented. – Tallinn, 2006.
3. Notebooks of memories of V.N. Davydov: “About Sillamäe and not only...”: Notes, research, and recollections of a local historian. From the collections of the Sillamäe Museum = V. Davõdovi Mälestuste vihikud : “Sillamäe, aga mitte ainult...”: Kodu-uurija märkmed, uuringud ning meenutused. Sillamäe muuseumi fondidest / koostaja Aala Gitt; muuseumi varahoidja Aleksandr Popolitov; projekti juhataja Irina Zamarina; suhtekorraldusjuht Jelena Antuševa; makett ja kujundus Aleksandr Kublitski. Sillamäe: [Sillamäe muuseum], 2018. SATA. 123 p.
4. Mazanov Yu.A. This summer we lived outside Narva... – St. Petersburg: Renome, 2012. 123 p.
5. Lyaskovskaya O.A. Plein Air in Russian Painting of the 19th Century. – M.: Iskusstvo, 1966. 190 p.

6. Pilipenko V. N. Ivan Konstantinovich Aivazovsky. – Leningrad: Artist of the RSFSR, 1991.
7. Churak G. S. Ivan Aivazovsky. – M.: Bely Gorod, 2001. 63 p.
8. Manin V. S. Russian Landscape. – M.: Bely Gorod, 2001. 630 p.
9. Ness A. Edvard Munch. Biography of the Artist = Munch. En biografi. – M.: Ves Mir, 2007. 584 p.
10. Ginzburg L.Ya. On Lyrics. Moscow-Leningrad: Sovetsky Pisatel, 1964. 382 p.
11. Nikulina O. Nature through the Eyes of an Artist. Problems of the Development of Contemporary Landscape Painting. – M.: Sovetsky Khudozhnik, 1982. 176 p.
12. Ugryumov A.I. Weather on Canvas. Atmosphere in the Landscapes of the Masters. Saint Petersburg, 2022.
13. Bakhtin M.M. Aesthetics of Verbal Creativity. – M.: Iskusstvo, 1979. 445 p.
14. Fedorov-Davydov I.I. Levitan. Life and Work. – M.: Planet of Music, 1966. 500 p.
15. Skorobogacheva, E. Savrasov. – M.: Molodaya Gvardiya, 2017. 320 p.
16. Andreev A.N. Painting, Masters, and Masterpieces. – M.: Eksmo, 2021. 228 p.
17. Maltseva F.S. Masters of Russian Landscape. The Second Half of the 19th Century. Part 4. – M.: Iskusstvo, 2002. 587 p.
18. Semenova M.A. Artistic Image in the Art of Watercolor Painting. – M.: GAOU VO MGPU, 2016. 178 p.
19. Netsvetaev L. Architectural Landscape in Graphic Materials (Pencil, Charcoal, Felt-tip Pen, Ink, Pen, Watercolor). – M.: BuksMArt, 2017. 160 p.
20. Matiev M.A., Kostoeva A.M., Yanarsanova D.M. The ancient layer of Ingush ritual songs // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 52-62.
21. Yushin I.V. HR management in a modern business organization // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 29-39.

Чжан Шилун

Студент. Шэньянский педагогический университет, Китайская Народная Республика.

От «Украшения» к «Выражению»: исследование эволюции функции вокальных украшений в бельканто романтического периода*

Аннотация. Данное исследование фокусируется на фундаментальной трансформации функции вокальных украшений (орнаментики) в развитии искусства бельканто в XIX веке [1]. Посредством сравнительного анализа использования украшений в операх Россини и Верди раскрывается переход их основной функции от вспомогательного украшения, служащего демонстрации вокальной красоты, к ключевому средству драматической выразительности. Исследование показывает, что в операх Россини украшения преимущественно импровизировались певцами с целью подчеркнуть великолепие и техническое мастерство голоса, в то время как в творчестве Верди они стали строго предписанными композитором в партитуре, органичным элементом для раскрытия психологии персонажа. Эта эволюция знаменует исторический сдвиг эстетической парадигмы в бельканто – от абстрактного культа «прекрасного пения» к конкретному воплощению драматической правды.

Ключевые слова: бельканто, вокальные украшения, Россини, Верди, романтизм, драматическая выразительность, эволюция функции.

Zhang Shilong

Student. Shenyang Normal University, People's Republic of China.

From “Ornament” to “Expression”: a study of the evolution of the function of vocal ornaments in romantic bel canto

Abstract. This research focuses on the fundamental transformation of the function of vocal ornamentation in the development of the bel canto art during the 19th century [1]. Through a comparative analysis of the use of ornamentation in the operas of Rossini and Verdi, it reveals a shift in its core function from a supplementary embellishment serving to demonstrate vocal beauty to a key means of dramatic expression. The study shows that in Rossini's operas, ornamentation was primarily improvised by singers to highlight the splendor and technical mastery of the voice, while in Verdi's works, it became strictly prescribed by the composer in the score, an organic element for revealing a character's psychology. This evolution marks a historical shift

* © Чжан Шилун, 2026.

От «Украшения» к «Выражению»: исследование эволюции функции вокальных украшений в бельканто романтического периода

in the aesthetic paradigm of bel canto—from an abstract cult of “beautiful singing” to a concrete embodiment of dramatic truth.

Key words: bel canto, vocal ornamentation, Rossini, Verdi, Romanticism, dramatic expressiveness, evolution of function.

I. Традиционная парадигма: функция украшений как «звукового орнамента» в эпоху Россини

Эстетические основы и особенности композиции.

В операх Россини сущность «бельканто» заключалась в создании красивого, связного и гибкого звучания [2]. Основная функция украшений состояла в том, чтобы видоизменять и облагораживать вокальную линию. Их создание характеризовалось следующей чертой: в повторяющихся разделах *da capo* арий украшения преимущественно импровизировались певцом, исходя из его личных возможностей, следуя принципу «украшения мелодии» [3]. Типы украшений были относительно стандартизированы, а их применение было направлено на усиление ощущения роскоши и плавности мелодии.

Анализ конкретного примера.

В качестве примера рассмотрим арию Розины «Una voce poco fa» из оперы Россини «Севильский цирюльник». Несмотря на обилие украшений в партии, можно заметить закономерность в их расположении: виртуозные пассажи чаще всего появляются на ферматах в конце фраз или в местах повторения разделов. Эти украшения подобны драгоценностям, инкрустированным в мелодический каркас: они добавляют музыке пикантности и повышают техническую сложность исполнения, но при этом не меняют базовую эмоциональную окраску фразы. Остроумный и живой характер Розины уже полностью раскрыт в основной мелодии; украшения служат его «усилению», а не «определению» [4].

II. Движущие силы трансформации: новые требования драматической эстетики романтизма

Утверждение авторитета композитора и стремление к драматической правде.

Композиторы-романтики, такие как Верди, обладали более сильным сознанием целостного контроля над музыкальной драмой [5]. Они стремились к прямой эмоциональности и драматической непрерывности, отвергая произвольность, которую могла привнести импровизация. Следовательно, необходимые украшения стали явно прописываться в партитуре, становясь неотъемлемой органической частью произведения. Одновременно психологическая глубина и сложность оперных персонажей

беспрецедентно возросли, потребовав, чтобы каждый музыкальный элемент стал прямым воплощением их внутренней жизни.

Доказательства функционального сдвига в нотном тексте.

Этот переход находит отражение в партитуре: украшения стали тесно связываться с семантикой текста, словесным ударением и интонацией [6]. Например, украшения, изображающие «дрожь» или «восторг», прописывались непосредственно под соответствующими словами. Форма украшений также стала более разнообразной и менее регулярной: появилось множество хроматических ходов, несимметричных ритмических комбинаций, призванных имитировать речевую интонацию или эмоциональные колебания.

III. Новая парадигма: функция украшений как «драматического выражения» в эпоху Верди

Как тонкий инструмент психологической характеристики.

В операх Верди украшения напрямую используются для раскрытия мгновенных, сложных внутренних состояний персонажа. В финале первого акта «Травиаты», когда Виолетта поет фразу «A quell'amor ch'è palpito», в партитуре предписана череда быстрых, легких и слегка неуверенных восходящих хроматических украшений [7]. Эти ноты точно передают её нервное, головокружительное состояние, учащённое дыхание, вызванное внезапно нахлынувшей любовью. Здесь украшения прямо становятся звуковым символом «сердцебиения».

Как средство усиления драматического конфликта и структуры.

Украшения также начинают выполнять функцию усиления драматического напряжения. В сцене сомнамбулизма леди Макбет из оперы «Макбет», мелодия её арии перемежается резкими, диссонирующими украшениями. В сочетании с её бессвязным бредом эти звуковые элементы совместно создают атмосферу кошмара и ужаса [8]. На этом этапе украшения трансформировались из внешнего «элемента украшения» во внутреннюю «составную часть» самой драматической атмосферы.

IV. Вывод: Глубинная трансформация от техники к языку

Проследив эволюцию от Россини к Верди, можно констатировать, что вокальные украшения в бельканто претерпели коренное изменение своей сущности: от «декоративной техники», принадлежащей певцу и служащей мелодии, к «выразительному языку», принадлежащему композитору и служащему драме [9].

В основе этой трансформации лежит исторический сдвиг эстетических приоритетов в романтической опере: от культа «прекрасного звука» в классическую эпоху к стремлению к «подлинной человечности» и «драматической силе». Эволюция функции вокальных украшений становится

ключевым индикатором, позволяющим наблюдать переход вокального искусства XIX века от «искусства пения» к «драматическому вокальному искусству» [10].

Библиографический список / References

1. Crutchfield W. Vocal Ornamentation in Verdi: The Phonographic Evidence. 19th-Century Music. 1983.
2. Rosselli J. Singers of Italian Opera: The History of a Profession. Cambridge University Press. 1992.
3. Garcia M. Traité complet de l'art du chant. Paris. 1847.
4. Balthazar S.L. The Cambridge Companion to Rossini. Cambridge University Press. 2004.
5. Budden J. The Operas of Verdi (3 vols.). Oxford University Press. 1973-1981.
6. Lawton D. On the "Banda" in Verdi's Operas. Journal of the American Musicological Society. 1981.
7. Verdi G. La Traviata. Critical Edition. 1853.
8. Verdi G. Macbeth. Critical Edition. 1847/1865.
9. Potter J. Vocal Authority: Singing Style and Ideology. Cambridge University Press. 2006.
10. Dahlhaus C. Nineteenth-Century Music. University of California Press. 1989.

Башилова Е.И.

Кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет.

Бакшеев А.И.

Кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Гусаренко В.В.

Старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Литературные журналы России конца XIX – начала XX века как культурно-исторический феномен*

Аннотация. В статье рассмотрены культурно-исторические особенности литературных журналов в России в конце XIX начале XX вв. Автором осуществлен анализ публикаций произведений российских писателей в литературных журналах рассматриваемого периода. Отдельное внимание в статье уделено таким российским литературным журналам как «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий», «Современный мир», «Современник», «Летопись». По результатам исследования сделаны выводы об основных культурно-исторических особенностях литературных журналов в России в конце XIX начале XX вв.

Ключевые слова: литературный журнал, русская литература, беллетристика, публицистика.

Bashilova E.I.

Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University.

Baksheev A.I.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasensky, Krasnoyarsk.

Gusarenko V.V.

Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasensky, Krasnoyarsk.

* © Башилова Е.И., Бакшеев А.И., Гусаренко В.В., 2026.

Literary magazines of Russia in the late 19th – early 20th centuries as a cultural and historical phenomenon

Abstract. This article examines the cultural and historical characteristics of literary journals in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The author analyzes publications of Russian writers' works in literary journals during this period. Particular attention is given to such Russian literary journals as *Vestnik Evropy* (Bulletin of Europe), *Russkoye Bogatstvo* (Russian Wealth), *Mir Bozhii* (World of God), *Sovremenny Mir* (Modern World), *Sovremennik* (Contemporary), and *Letopis* (Chronicle). Based on the research, conclusions are drawn regarding the main cultural and historical characteristics of literary journals in Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Key words: literary magazine, Russian literature, fiction, journalism.

Введение

Российская пресса прошлого - важный исторический источник исследований общественно-политической, экономической и культурной жизни государства и народа. Как отмечает Н.В. Жилиякова, пресса - это источник «своеобразного и многопланового не только по содержанию, но и по структуре опубликованного фактического материала. Большую ценность имеют напечатанные тексты..., факты - правдивые свидетельства эпохи, «живые» документы, с помощью которых современные исследователи таких отраслей духовной жизнедеятельности народа, как историография и источниковедение, философия и социология, критика и литературно-художественный процесс, могут составить объективную правдивую картину прошлого» [1, с. 16-17].

История становления и развития российских литературных журналов конца XIX - начала XX века, во многом определяющих целостный облик литературного процесса в России, привлекала внимание многих исследователей, как истории литературы, так и истории журналистики. Так, российские литературные журналы - среди них, в частности журналы «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий», «Журнал для всех», «Современный мир», «Русская мысль», «Современник», «Летопись» и другие, содержащие оригинальные произведения русской литературы, а также статьи в сферах культуры, образования, политической мысли - исследовали О.Г. Шильникова [2, 3], Н.В. Шевцов [4], В.А. Капустина [5], Ю.А. Головин [6] и др.

Цель статьи - осветить культурно-исторические особенности литературных журналов в России в конце XIX начале XX вв. в контексте анализа публикаций произведений российских писателей, культурно-просветительских и общественных деятелей.

Основное содержание статьи

Российские литературные журналы конца XIX - начала XX вв. - это важная страница становления и развития российской прессы. Они играли заметную роль в формировании новых общественно-политических идей и настроений населения Российской империи. В России с ее обширными территориями, которая на тот момент характеризовалась редкими очагами культуры, недостаточностью путей сообщения и ограниченной доступностью книг, именно журнал был порой единственным источником как художественной литературы, так и сведений об актуальных событиях и научных достижениях.

Некоторые из литературных журналов имели исключительно местный характер, другие приобрели общероссийское значение и поддерживались деятелями культуры и литературы России. К их числу относятся прежде всего такие журналы, как «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий», «Журнал для всех», «Современный мир», «Русская мысль», «Современник».

Исследователи отмечают, что вторая половина XIX века характеризуется неоспоримым преобладанием среди российской печатной периодики литературного журнала, задававшего тон общественной жизни и одновременно являвшегося генератором литературного процесса. При всем тематическом разнообразии каждый конкретный литературный журнал демонстрировал единство подхода к оценке действительности, а художественное начало было подчинено тому или иному идеологическому и политическому направлению [7].

После закрытия в 1866 году журнала «Современник», в том же 1866 г. по инициативе профессоров Петербургского университета - М.М. Стасюлевича, К.Д. Кавелина, А.Н. Пыпина, В.Д. Спасовича и Б.И. Утина – был воссоздан в сотый год рождения своего основателя Н.М. Карамзина закрытый в 1830 г. журнал «Вестник Европы».

Журнал охватывал почти весь круг проблем, стоявших в те времена перед российским обществом. Сосредотачиваясь, прежде всего, на общественно-политическом дискурсе, журнал печатал таких известных русских писателей как М.Е. Салтыков-Щедрин, опубликовавший в «Вестнике Европы» автобиографический роман «Пошехонская старина» (1887–1889), Д.Н. Мамин-Сибиряк, И.Н. Потапенко, А.И. Эртеля. В журнале впервые были опубликованы переводы ряда произведений таких зарубежных писателей как Б. Ауэрбах, Ф. Шпильгаген, Б. Гарт, Р.Л. Стивенсон, Э. Золя, Г. де Мопассан, Э. Ожешко, Г. Ибсен. В начале XX века благодаря активной роли в «Вестнике Европы» одного из ведущих российских литературоведов академика Д.Н. Овсянико-Куликовского, ставшего в 1913 г. соредактором журнала, в «Вестнике Европы» появляются произведения А.М. Горького и И.А. Бунина.

Более пятидесяти лет «Вестник Европы» был всероссийским печатным органом, концентрированным проявлением русской культуры как в сфере беллетристики, так и общественно-политической мысли и литературоведческих студий и искусствоведческих исследований. Журнал пытался поддерживать политическую и культурную соборность России и единство русского народа. Опубликованные в «Вестнике Европы» материалы сыграли исключительную роль в развитии современной российской литературы.

Отметим, что на 80-90-е гг. XIX века приходится первый кризис литературного журнала, характеризующийся окончанием его неоспоримого лидерства в средствах массовой информации России.

И несмотря на то, что такие известные литературные журналы как «Вестник Европы» и «Русское богатство» оставались популярными, общественно-политическая и литературная ситуации значительно изменились. Народничество и умеренный либерализм, как основные идеологии XIX в., уже не пользовались популярностью, недавно появившиеся социал-демократия и марксизм все еще были в процессе становления, а потому интеллигенция, как основная читательская аудитория литературных журналов, находилась в состоянии поиска ответов на волнующие ее коллизии [8].

Отразились на издании литературных журналов и перемены в общей структуре российского рынка печатных изданий. Экономический рост и научно-технический прогресс привели к значительному увеличению количества читающей публики и ее демократизации в целом, что привело к необходимости в появлении изданий нового типа.

Литературный журнал терял свою аудиторию и вследствие развития издательского дела, появления на рынке недорогих книг по истории, культуре, доступных собраний сочинений многих русских писателей, и даже дешевых книг для простонародья, доступных самому массовому читателю [9].

В этой ситуации во многих литературных журналах, созданных в 80-90-е гг. XIX века, происходит смена редакции, определявшей идеологическую направленность издания, что особенно характерно на примере журнала «Русское богатство», новым редактором которого после смерти в 1904 г. Н.К. Михайловского, одного из виднейших публицистов, стал В.Г. Короленко.

Журнальный номер по-прежнему состоял из двух основных разделов, в первом из которых печатались литературные произведения и научно-популярные статьи, во втором, т.н. «корпусном», - публицистика. При этом, в целом отобранный для публикации материал должен был соответствовать темам основных статей «корпусного» раздела, т.е. беллетристика должна была как бы дополнять публицистические материалы, что определяло отношение к ней в журнале. Художественная литература, принимаемая

к печати, первостепенной роли не играла и должна была соответствовать идеологическим установкам «Русского богатства», пусть даже в ущерб художественной ценности. В.Г. Короленко как редактор отдела беллетристики, сам много писал для «Русского богатства», опубликовав в нем в т.ч. «Историю моего современника».

Первым литературным журналом, ориентированным на более широкие и менее образованные слои населения, стал журнал «Мир божий». В нем печатались произведения российских писателей и поэтов, переводы, литературоведческие статьи, а также статьи по истории, общественной экономике, искусствоведению, естественным наукам и другим отраслям знаний, которые занимали в журнале иногда до половины объема.

Анализируя значение журнала «Мир божий» и деятельность его неофициального редактора и известного публициста А.И. Богдановича, Н.В. Шевцов отмечает, что «вне публицистических страниц, содержащих ряд статей, вышедших из-под острого пера самого редактора,... журнал представил читателям немало ценных произведений художественной литературы, в частности молодых писателей» [4, с. 67].

После его закрытия в августе 1906 г. в октябре того же года редакция журнала «Мир божий» с теми же сотрудниками начала выпускать журнал «Современный мир», из которого была почти полностью исключена научная составляющая, хотя объем печатавшейся художественной литературы все же уступал политической публицистике.

Анализ содержания «Современного мира» свидетельствует не только о его политико-общественной, но и о культурной значимости. Популяризируя лучшие художественные произведения разножанрового характера, разного художественного направления, журнал не только способствовал развитию русской литературы, но и одновременно знакомил читателей с европейской литературой.

Здесь печатались произведения М. Горького, И.А. Бунина Л.Н. Андреева, В.В. Вересаева, С.Н. Сергеев-Ценского, И.С. Шмелева, А.С. Серафимовича, Е.Н. Чирикова и многих других писателей. Широким спектром имен представлены переводы, среди которых произведения А. Доде, А. Франса, Эдгара По, Э. Золя и других.

Опубликованная на страницах «Современного мира» публицистика социал-демократического направления освещала широкий круг тем и проблем: историческое прошлое России, канонические дела церкви, экономический строй государства и т.п.

Много лет душой «Современного мира» был Г.В. Плеханов, ставший одним из основных авторов журнала. В журнале печатались его философские и культурно-исторические работы. Журнал публиковал обзоры текущей российской жизни, проблемы школьного и внешкольного образования.

В 1911 г. вышел ежемесячный журнал «Современник», название которого вызывало ассоциации со знаменитым журналом Н.А. Некрасова. Инициатором создания нового «Современника» был А.В. Амфитеатров, который хотел воссоздать дух некрасовского оппозиционного «Современника».

Несмотря на то, что журнал просуществовал всего четыре года, он оставил заметный след в истории журналистики и литературы. В феврале 1912 года журнал было предложено возглавить А.М. Горькому, который в качестве сотрудника пригласил Г.В. Плеханова и предложил по-своему перестроить журнал.

Особые надежды А.М. Горький возлагал на отдел беллетристики, но одним из основных также считал отдел под названием «Летопись областной жизни», в котором должны были освещаться проблемы российской провинции.

План перестройки «Современника» не удалось претворить в жизнь, и в 1913 г. Горький ушел из журнала, а в декабре 1915 г. по его инициативе был создан журнал «Летопись», первый номер которого открывался статьей Горького «Две души», вызвавшей резкую критику социал-демократов. В советской литературе эта статья часто упоминалась, но ее всегда называли ошибочной и ни в одно из «полных» собраний сочинений писателя она никогда не включалась.

В целом, рассматривая культурно-исторические особенности литературных журналов конца XIX - начала XX вв., необходимо отметить, что литературный журнал представлял собой совокупность одновременно литературы и журналистики, публикуя беллетристику, публицистику, документалистику и т.д., в связи с чем характеризовался многоуровневостью, многообразием дискурсов и функциональных стилей [10].

Подводя итоги проведенного анализа литературных журналов России конца XIX - начала XX вв. можно сделать следующие выводы.

1. Русский литературный журнал характеризуется трехкомпонентной структурой, объединяя в своем содержании беллетристику (прозу, драматургию, поэзию), публицистику (общественно-политическую, научно-популярную, философскую и т.п.) и критику (критические статьи, литературные обзоры и т.п.).

2. Редакции литературных журналов при выборе произведений для публикации делали основную ставку на их общественную актуальность, на соответствие общественной позиции автора общему направлению журнала.

3. Литературные журналы являлись центрами притяжения и проводниками новых политических идеологий, возникающих в среде передовой российской интеллигенции

4. Каждый конкретный литературный журнал, как правило, выступал

идеологом определенных социально-политических течений.

5. Российский литературный журнал характеризовался образовательной направленностью, был нацелен на просвещение своей аудитории.

6. Стремление литературных журналов к идейному единству представляло аудитории журнала не только свой собственный взгляд на литературные и общественно-социальные проблемы, но и формировало читательский взгляд на окружающую действительность, соответствующий мировоззрению редакции журнала.

Заключение

Всестороннее и основательное изучение материалов русских литературных журналов позволяет углублять знания тем, кто изучает историю русской литературы, образования, культуры, исторические особенности литературоведения.

Изучение литературного журнала является актуальным в условиях развития филологического образования в России в XXI в. Публикации русских литературных журналов целесообразно использовать в ходе профессиональной подготовки учителей русской литературы, они дают возможность углублять знания студента по курсам русской литературы и соответствующим спецкурсам.

Обращение к первоисточникам по истории и теории литературы, российской педагогической мысли, которые содержит журнал, имеет исключительное значение в формировании педагогической культуры будущих учителей, развитии их научно-педагогического мышления, педагогического мировоззрения, выработке подхода к использованию исторического материала в практической деятельности.

Библиографический список

1. Жиялкова Н.В. История отечественной журналистики конца XIX-начала XX веков: учебное пособие для вузов. 2-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. 236 с.
2. Шильникова О.Г. Типологический алгоритм «толстого» журнала в России XIX-XX веков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2008. № 4. С. 6-77.
3. Шильникова О.Г. «Авторский» литературно-художественный журнал: генезис, типологические модели, специфика журнального контекста // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 8: Литературоведение. Журналистика. 2018. № 1 (17). С. 42-56.
4. Шевцов Н.В. Журнал «Мир Божий» и русская культура конца XIX – начала XX столетий // Концепт: философия, религия, культура. 2020. Т. 4. № 2 (14). С. 63-70. – DOI: 10.24833/2541-8831-2020-2-14-63-70
5. Капустина В.А. «Толстые» журналы: прошлое, настоящее и будущее // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2007. Т. 13. № 3. С. 105-107.
6. Головин Ю.А. Российские литературно-художественные журналы как форма реализации культурной политики: монография. – М.: МГУКИ, 2010. 269 с.
7. Лизунова И.В., Метельков А.С. Литературно-художественные журналы – «Властители дум» в контексте эпох XIX–XXI вв. // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 1. С. 195-199.
8. Петрова Г.В. Модернистский журнал-манифест и его читатели (к истории эстетической коммуникации в России) // Русская литература. 2021. № 2. С. 14-25. – DOI: 10.31860/0131-

6095-2021-2-14-25

9. Метельков А.С. Толстые журналы в книгоиздательском процессе // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2016. Т. 6. № 1. С. 208-210.

10. Снигирева Т.А., Подчиненов А.В. Феномен российского литературно-художественного журнала: учеб. пособие. – Екатеринбург: Изд-во Урал. Ун-та, 2018. 143 с.

11. Ананченкова П.И. Возраст как предмет философского дискурса // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 78-86.

References

1. Zhilyakova N.V. History of Russian Journalism in the Late 19th-Early 20th Centuries: A Textbook for Universities. 2nd ed., corrected and supplemented. – Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 236 p.

2. Shilnikova O.G. Typological Algorithm of a “Thick” Magazine in Russia in the 19th-20th Centuries // Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism. Journalism. 2008. № 4. P. 6-77.

3. Shilnikova O.G. “Author’s” Literary and Artistic Magazine: Genesis, Typological Models, and Specifics of the Magazine Context // Bulletin of Volgograd State University. Series 8: Literary Criticism. Journalism. 2018. № 1 (17). P. 42-56.

4. Shevtsov N.V. The magazine “World of God” and Russian culture of the late 19th – early 20th centuries // Concept: philosophy, religion, culture. 2020. Vol. 4. № 2 (14). P. 63-70. – DOI: 10.24833/2541-8831-2020-2-14-63-70

5. Kapustina V.A. “Thick” magazines: past, present, and future // Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov. 2007. Vol. 13. № 3. P. 105-107.

6. Golovin Yu.A. Russian literary and art magazines as a form of cultural policy implementation: monograph. – Moscow: MGUKI, 2010. 269 p.

7. Lizunova I.V., Metelkov A.S. Literary and art magazines – “Masters of Thoughts” in the context of the 19th–21st centuries // Inter Expo Geo-Siberia. 2016. Vol. 6. № 1. P. 195–199.

8. Petrova G.V. Modernist magazine-manifesto and its readers (on the history of aesthetic communication in Russia) // Russian Literature. 2021. № 2. P. 14-25. – DOI: 10.31860/0131-6095-2021-2-14-25

9. Metelkov A.S. Thick magazines in the publishing process // Inter Expo Geo-Siberia. 2016. Vol. 6. № 1. P. 208-210.

10. Snigireva T.A., Podchinenov A.V. The Phenomenon of the Russian Literary and Artistic Magazine: A Textbook. – Yekaterinburg: Ural University Publishing House, 2018. 143 p.

11. Ananchenkova P.I. Age as a subject of philosophical discourse // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 78-86.

Political science

Политология

Терновая Л.О.

Доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти».

Чапкин Н.С.

Старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Предметное поле антропологии математики в контексте международных отношений*

Аннотация. Статья посвящена антропологическому подходу к математике, рассматривает его развитие через призму исторических событий, фигур и культурных контекстов от XVII в. до современности. Авторы анализируют влияние математики на войну, политику, экономику и прогнозирование международных отношений, ссылаясь на ключевые события каждого исторического периода, например возникновения первой системы международных отношений в 1648 г. после Тридцатилетней войны и Нидерландской революции, эпохи протоголобализации последней треть XIX столетия. с антропологической точки зрения обсуждаются биографии известных математиков (Гаусс, Гаусс, Пуанкаре), роль математики в идеологических битвах, войнах и современных вызовах.

Ключевые слова: антропология математики, история математики, математика и война, международное прогнозирование, модернизация, криптография.

Ternovaya L.O.

Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power".

Chapkin N.S.

Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Russian Economic University named after G.V. Plekhanov". Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

* © Терновая Л.О., Чапкин Н.С., 2026.

Subject field of the anthropology of mathematics in the context of international relations

Abstract. This article explores the anthropological approach to mathematics, examining its development through the lens of historical events, figures, and cultural contexts from the 17th century to the present day. The authors analyze the influence of mathematics on war, politics, economics, and forecasting in international relations, citing key events in each historical period, such as the emergence of the first system of international relations in 1648 following the Thirty Years' War and the Dutch Revolution, and the proto-globalization era of the last third of the 19th century. Biographies of famous mathematicians (Gauss, Gauss, Poincaré), and the role of mathematics in ideological battles, wars, and contemporary challenges are discussed from an anthropological perspective.

Key words: anthropology of mathematics, history of mathematics, mathematics and war, international forecasting, modernization, cryptography.

Формированию предметного поля антропологии математики помимо развития собственно антропологической ветви науки способствовали математические открытия, которые изменили мир. Они позволили сформировать основу всей современной цивилизации, изменив способы нашего мышления, вычислений и понимания Вселенной. Каждое крупное математическое достижение, начиная от древних систем счисления до революционных теорий XX столетия, открывало новые возможности для науки, технологий и человеческого прогресса.

Одним из величайших математических открытий стало изобретение нуля в Древней Индии. В VII в. математик Брахмагупта формализовал использование нуля как числа, определив правила арифметических операций с ним. До этого люди были вынуждены использовать громоздкие системы счисления, которые серьезно ограничивали вычислительные возможности. Изобретение нуля позволило создать позиционную систему счисления, которая легла в основу современной математики. Это открытие распространилось через арабский мир в Европу, где стало известно как арабо-индийская система счисления. Концепция нуля революционизировала торговлю, астрономию и инженерию, сделав возможными точные вычисления и сложные математические операции.

Во многом не только краеугольным камнем геометрии, но такой же точкой отчета всего видимого мироздания явилась теорема Пифагора. Датируемая 530 г. до н.э., она стала одним из самых влиятельных математических открытий. Утверждение о том, что квадрат гипотенузы прямоугольного треугольника равен сумме квадратов его катетов, заложило основы геометрии и связало ее с алгеброй. Эта теорема, превратившись в фундамент для тригонометрии, сделала возможными точную геодезию,

картографию и навигацию. Без нее передвижение человека по миру напоминало бы блуждание слепца. Разрозненные группы людей очень быстро бы погибли в своих замкнутых мирах. Не происходил бы обмен опытом, не было бы стремления не только покорить соседей, но и стать лучше них. Это научное открытие мы и сейчас используем в системах навигации для определения точного местоположения, демонстрируя непреходящую важность древнего математического знания.

Любопытно, что следующие математические шаги, резко расширившие возможности человечества, были сделаны в XVII столетии. Именно тогда после двух масштабных международных процессов, которыми были Нидерландская революция или Восемидесятилетняя война (нид. *Nederlandse Opstand*, исп. *Revoluta de los Países Bajos*) и война Тридцатилетняя (1618 – 1648) был заключен мир и создана первая в истории система международных отношений. Если пользоваться предыдущим образом, то ее краеугольным камнем было понятие суверенитета. Центральным образом Вестфальской модели международных отношений системы выступала система взаимодействующих единиц (государств) с четкими границами (территориями). Эти единицы были формально равны и являлись основными акторами. Однако на практике все обстояло гораздо сложнее.

Такую сложность продемонстрировало изобретение дифференциального и интегрального исчисления, независимо разработанное английским физиком, математиком, механиком и астрономом Исааком Ньютоном (1642 – 1727) и немецким философом, логиком, математиком, механиком, физиком, юристом Готфридом Лейбницем (1646 – 1716). Это был величайший прогрессом в математике со времен Архимеда. Но открытие привело к знаменитому спору о приоритете: Ньютон начал работу над исчислением в 1666 г. в возрасте 24 лет, однако, не публиковал свои работы до 1737 г., а Лейбниц опубликовал свою версию в 1684 г. Этот спор показал, что несмотря на математическую четкость модели, ее доказательство способно вызывать сомнения и споры, что приближает математику к к обычной жизни.

Новые возможности исчисления революционизировали понимание изменений и движения, нашло применение в физике, химии, биологии, экономике, инженерии и многих других областях, подтолкнув Промышленную революцию. Все проблемы, в которых величина изменяется как функция времени, решаются с помощью исчисления, что делает его незаменимым инструментом современной науки и технологий.

В математике, как и в реальной жизни, идет постоянный поиск упрощения сложных вычислений. В 1614 г. шотландский математик Джон Непер (1555 – 1616) опубликовал свои таблицы логарифмов. Логарифмы кардинально упростили вычисления, что особенно было ценно в астрономии. Иоганн Кеплер (1571 – 1630), немецкий математик, астроном, механик, оп-

тик, открывший законы движения планет Солнечной системы, применил логарифмы Непера для анализа данных, полученных датским астрономом, астрологом и алхимиком Тихо Браге (1556 – 1601). Это открытие привело к формулировке законов движения планет. Картина мира, перестраивающаяся по шаблонам Вестфальской модели, получила логическое завершение в виде системного понимания не только земного, но и космического порядка. Частичным отражением таких взглядов было почтительное обращение к французскому королю Людовику XIV (1638 – 1715) — «король-солнце» (фр. *Louis XIV Le Roi Soleil*).

Благодаря таким математическим и социально-политическим достижениям мир стремительно преобразовывался. Одной из главных характеристики была индустриализация, которая превращала повседневность из единичной в массовую. Росли производства, города, потребности людей. Древняя мечта об изобилии, воплощенная в средневековом европейском образе мифической страны Кокань (фр. *Pays de Cocagne*), реализовывалась массовым производством товаров. Неудивительно, что этот процесс технологического скачка совпал с появлением основы теории множеств, которую заложил немецкий математик Георг Кантор (1845 – 1919) в 1874 г. Он предположил, что существуют различные размеры бесконечности. Отметим, что Кантор стал первым президентом Германского математического общества (нем. *Deutsche Mathematiker-Vereinigung, DMV*) и инициировал создание Международного конгресса математиков (англ. *International Congress of Mathematicians, ICM*), основанного в 1897 г. Образование подобных национальных и международных организаций постепенно меняло состав участников международных отношений, расширяя социальную базу тех акторов, кто мог влиять на принятие решений.

Несмотря на то, что мир устремлялся в перед со скоростью новых средств связи и коммуникации, линейное видение его развития, которое во многих государствах напоминало железнодорожную колею, у наиболее прозорливых умов вызывало все больше вопросов, а с ними и опасений¹. И в технике, и в социальных науках формировался запрос на новое понимание пространства. Развитие неевклидовых геометрий в XVIII – XIX столетиях математиками Карлом Фридрихом Гауссом (1777 – 1855), Яношем Бойяи (1802 – 1860) и Николаем Лобачевским (1792 – 1856) изменило не просто восприятие пространства, а позволило изменить мир. Не случайно именно так – «Измеряя мир» (нем. *Die Vermessung der Welt*, 2012) был назван фильм о Гауссе и Александра фон Гумбольдта, снятый в Германии по одноименному интеллектуальному бестселлеру писателя Даниэля Кельмана р. 1975)².

1 Терновая Л.О. Модернизационное значение железных дорог для экономики, геополитики и жизни // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 2. № 16. С. 155-167.

2 Кельман Д. Измеряя мир / пер. с нем. Г. Косарик. – СПб.: Амфора, 2009.

Неевклидова геометрия нашла свое применение в общей теории относительности Альберта Эйнштейна (1879 – 1955). Следует заметить, что эта математическая модель отразилась даже на названии работ Эйнштейна, которые были своеобразными политическим размышлениями, например, «Почему социализм?» (англ. *Why Socialism?*), или опубликованной по инициативе Комитета по интеллектуальному сотрудничеству Лиги Наций переписке с Зигмундом Фрейдом (1856 – 1939) «Неизбежна ли война? (нем. *Warum Krieg?*).

Международные отношения хотя и строятся на строгом учете в первую очередь национальных интересов, не могут не допускать неожиданностей в своем течении. Более того, чем ближе к нашему времени, тем хаотичнее становится состояние таких взаимодействий. В самом начале 2026 г. заместитель председателя Совбеза РФ Дмитрий Медведев в своем Telegram-канале констатировал, что международные отношения превратились в форменный бедлам. Можно ли в таком беспорядке как-то ориентироваться? Здесь на помощь международным акторам может прийти знание теории вероятностей.

Основы современной теории вероятностей заложила еще в 1654 г. переписка между французским математиком, механиком, физиком, литератором и философом Блезом Паскалем (1623 – 1662) и математиком-самоучкой, полиглотом, одним из создателей аналитической геометрии и математического анализа Пьером де Ферма (1607 – 1665), касающаяся задачи о разделе ставок. Предложенное решение проблемы честного разделения ставок в прерванной игре породило концепцию математического ожидания и систематический метод расчета вероятностей будущих событий. Данное открытие было исключительно значимым для статистики, актуарных таблиц, теории игр и современного анализа рисков в финансах и страховании. Появление теории вероятностей изменило подход исследователей к неопределенности, превратило интуицию в точные вычисления, что безусловно, повлияло на развитие прогнозирования международных отношений и даже появлении теории международного прогнозирования³.

Международные отношения не только плохо предсказуемые, но еще и наполненные тайнами. И здесь математика незаменима. Так, теория чисел, изучение целых чисел и их свойств, является основой современной криптографии. Алгоритм RSA (аббревиатура от фамилий *Rivest, Shamir u Adleman*⁴), основанный на сложности факторизации больших

3 Ли В.Ф. Теория международного прогнозирования = *Theory of international forecasting: Theory of international forecasting* / Дипломатическая академия МИД России; Кафедра внешней политики и международных отношений, Институт актуальных международных проблем. – М.: Научная книга, 2002; *Литоватая М.С. Способы прогнозирования международных отношений // Коммуникология. 2016. Том 4. № 4. С. 158-165.*

4 *Rivest R., Shamir A., Adleman L. A method for obtaining digital signatures and pub-*

чисел, стал одним из наиболее широко используемых криптографических систем. Модульная арифметика и теория простых чисел формируют ядро генерации ключей RSA, процессов шифрования и дешифрования. На концепцию теории чисел опираются протоколы обмена ключами Диффи-Хеллмана, цифровые подписи и криптография эллиптических кривых. В современном все более взаимосвязанном мире такие математические решения обеспечивают конфиденциальность, целостность и подлинность цифровых коммуникаций.

Этот мир во многом является наследником математических открытий, которые создали каскадный эффект прогресса в науке и технологиях. Каждое новое крупное математическое достижение открывало другие горизонты человеческого знания, от древних геометрических принципов, используемых в строительстве пирамид, до современных алгоритмов, управляющих интернетом. Эволюция математики как науки и языка общения влияет на формирование будущего, предоставляя человечеству инструменты для решения текущих проблем и завтрашних открытий.

Антропология математики формируется на стыке математики и изучения человеческого общества. Она представляет собой междисциплинарную область исследований, изучающую математику не как универсальную и неизменную систему знаний, а как культурный и социальный феномен. В этом ракурсе раскрываются особенности того, как математические понятия, практики и идеи производятся, передаются, используются и осмысливаются в различных обществах и культурах, как они помогают им формулировать представления о собственной идентичности и находить общий язык для коммуникации с другим обществами и культурами.

Основной вопрос, который ставит антропология математики звучит так: «Что значит, знать и практиковать математические действия в том или ином культурном контексте?» Это — его широкая формулировка, но она имеет множество более узких уточнений. Определение этого вопроса в контексте пересечения математики и международных отношений нельзя назвать одним из точечных изложений его сути, поскольку международные отношения в современном мире и понимаются как международное общение в самом широком социально-культурном контексте⁵.

Исключительно ценно, что антропология математики оспаривает традиционный взгляд на математику как на чисто абстрактную и объективную истину, открываемую гениями-одиночками, и показывает, что математика укоренена в человеческой деятельности, языке, телесных практиках и

lic-key cryptosystems // Communications of the ACM. – New York City: Association for Computing Machinery, 1978. Vol. 21. Iss. 2. P. 120-126.

5 Терновая Л.О., Нигматуллина Т.А. Международное общение: культура, искусство, наука... [Текст] / Л.О. Терновая, Т.А. Нигматуллина. – Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП Во АТиСо, 2025. 270 с.

социальных структурах. При этом у антропологии математики нет единственного «отца-основателя», как, например, у теории относительности. Ее формирование стало заслугой многих исследователей, представляющих разные дисциплины.

Вместе с тем, можно выделить некоторые имена. Британский антрополог и эволюционный психолог Робин Данбар (р. 1947), несмотря на то, что более известен своим «числом Данбара», касающимся ограничения на количество постоянных социальных связей, которые человек может поддерживать, отметил также своими работами о когнитивных ограничениях человеческого мозга, как эти ограничения формировали социальные, а также потенциально, математические структуры в группах древних людей, показал, что человеческие математические способности тесно связаны с социальной эволюцией.

Американский антрополог Жан Лаве (р. 1939), отметившаяся исследованиями математики на практике, изучала, как люди, например, портные или покупатели в супермаркетах, используют математические расчеты в повседневной жизни, и показала, что это сильно отличается от того, как математика преподается в абстрактной форме в школах.

С 1990-х гг. антропологи начали активно применять методы полевых исследований к современным математическим сообществам, в частности, к группам ученых в исследовательских институтах. Математику в таком ракурсе предстает как культура, обладающая своими ритуалами, практиками, языком и способами передачи знаний. Несомненное влияние на развитие антропологии математики оказали австрийско-британский философ, специализировавшийся в том числе в области логики и философии математики Людвиг Витгенштейн (1889 – 1951) и немецкий философ, основатель феноменологии Эдмунд Гуссерль (1859 – 1938). Несмотря на то, что они не были антропологами, их философские труды о природе языка, логики и сознания составили фундамент для понимания математики как человеческой деятельности, а не божественной воли или платонической реальности.

Поле исследований антропологии математики очень широко. Оно включает ряд сегментов, среди которых можно выделить:

- этноматематику, изучающую математические системы и практики различных культур, например, системы счисления, календари, геометрические орнаменты, методы навигации;

- социологию математических практик, пытающуюся разобраться в том, как функционируют современные математические сообщества, как авторитет и признание влияют на развитие математических идей, как осуществляется процедура рассмотрения научных статей (англ. *peer review*) и т.д.;

- материальную культуру математики, в которой акцентируется вни-

мание на роли инструментов — от пальцев и абаков до калькуляторов и компьютеров, а также анализируется, каким образом эти инструменты формируют само математическое мышление;

- историю математики через антропологическую призму, касающуюся понимания древних математических текстов, передающих информацию о совершенно иных образах мышления и наборов практик;

- математическое образование в культурно-историческом контексте, раскрывающее духовные причины преуспевания в обучении математике, влияния культурного бэкграунда учеников на восприятие ими математических концептов;

- когнитивную антропологию математики, изучающую процесс изменения мозга человека для счета и решения пространственных задач, анализирующую, разные культуры осмысливают пространство, время и количество, чтобы выявить универсальные и культурно-специфические механизмы человеческого сознания.

Антропология математики относится к перспективным междисциплинарным областям. В значительной степени они связаны с развитием искусственного интеллекта (ИИ), которое требует углубления понимания того, как человеческий разум создает и манипулирует абстрактными концептами. Это критически важно для создания ИИ, который мог бы не просто вычислять, но и по-настоящему «творить» в математическом пространстве. Антропология математики может помочь смоделировать когнитивные и социальные процессы, лежащие в основе математического творчества. Исследования в этой сфере способны радикально изменить подход к преподаванию математики, предложить изучать ее через погружение в культурный контекст, с использованием телесного опыта и практических задач, отвечающих опыту каждого ученика. Обладая прогностическими способностями, антропология математики становится частью футурологии, при этом она сохраняет тесную связь с философией.

Таким образом, антропология математики за сравнительно короткий срок своего существования утвердилась как динамично развивающаяся область, заставляющая специалистов разных направлений пересмотреть свои представления о том, что такое математика и как она связана с человеческой природой. Поскольку ее перспективы лежат не в замене традиционной математики, а в обогащении нашего понимания ее как неотъемлемой части человеческой культуры и разума, то она имеет самое прямое отношение ко всем аспектам человеческих взаимодействий, включая международные отношения.

Библиографический список

1. Кельман Д. Измеряя мир / пер. с нем. Г. Косарик. – СПб.: Амфора, 2009. 317 с.
2. Ли В.Ф. Теория международного прогнозирования = Theory of international forecasting:

- Theory of international forecasting / Дипломатическая академия МИД России; Кафедра внешней политики и международных отношений, Институт актуальных международных проблем. – М.: Научная книга, 2002. 287 с.
3. Липоватая М.С. Способы прогнозирования международных отношений // Коммуникология. 2016. Том 4. № 4. С. 158-165.
 4. Терновская Л.О. Модернизационное значение железных дорог для экономики, геополитики и жизни // Власть истории и история власти. 2019. Том 5. Часть 2. № 16. С. 155-167.
 5. Терновская Л.О., Нигматуллина Т.А. Международное общение: культура, искусство, наука... – Уфа: Изд-во БИСТ (филиала) ОУП Во АТиСо, 2025. 270 с.
 6. Rivest R., Shamir A., Adleman L. A method for obtaining digital signatures and public-key cryptosystems // Communications of the ACM. – New York City: Association for Computing Machinery, 1978. Vol. 21. Iss. 2. P. 120-126.

References

1. Kelman D. Measuring the World / translated from German by G. Kosarik. – St. Petersburg: Amphora, 2009. 317 p.
2. Li V.F. Theory of international forecasting = Theory of international forecasting: Theory of international forecasting / Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia; Department of Foreign Policy and International Relations, Institute of Current International Problems. – Moscow: Nauchnaya kniga, 2002. 287 p.
3. Lipovataya M.S. Methods of Forecasting International Relations // Communicology. 2016. Vol. 4. № 4. P. 158-165.
4. Ternovskaya L.O. The modernization significance of railways for the economy, geopolitics and life // The Power of History and the History of Power. 2019. Vol. 5. Part 2. № 16. P. 155-167.
5. Ternovskaya L.O., Nigmatullina T.A. International communication: culture, art, science... - Ufa: Publishing house of BIST (branch) of OUP Vo ATiSo, 2025. 270 p.
6. Rivest R., Shamir A., Adleman L. A method for obtaining digital signatures and public-key cryptosystems // Communications of the ACM. - New York City: Association for Computing Machinery, 1978. Vol. 21. Iss. 2. P. 120-126.

Нурутдинова А.Р.

Кандидат педагогических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Фаттахова Н.Н.

Доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ*

Аннотация. Статья посвящена анализу репрезентации ключевых социально-философских концептов – прав человека, культурной идентичности и глобализации – в русском паремиологическом фонде. Цель исследования заключается в выявлении глубинных лингвосенсорных моделей, которые опосредуют восприятие этих абстрактных проблем через призму телесного и чувственного опыта, закрепленного в языке. Методологическую основу составляет интегративный лингвосенсорный подход, синтезирующий методы семантико-когнитивного анализа паремий, контекстуальной интерпретации и лингвокультурологии. Центральным объектом анализа выступают соматические компоненты (телесные метафоры вкуса, осязания, пространства, боли), которые выступают в качестве ключей к расшифровке архаичных, но устойчивых культурных кодов. Доказано, что проблематика прав человека в русских паремиях кодируется преимущественно через оппозиции «воли/неволи» и «правды/кривды», выражаемые сенсорикой физического действия, ограничения и этического чувства. Процессы глобализации и взаимодействие с «другим» репрезентируются через бинарную оппозицию «свой/чужой», материализованную в сенсорных кодах пищи (свое vs. чуждое), боли (угроза) и освоенного vs. чужого пространства. Автор утверждает, что паремии функционируют как стабильные накопители коллективного чувственного опыта, через которые культура осмысляет и концептуализирует сложные социальные явления. Лингвосенсорный анализ признается эффективным инструментом для критической деконструкции современных международных, политических и образовательных дискурсов, позволяющим вскрыть их неочевидные культурно-обусловленные основания. Результаты исследования имеют практическую значимость: они могут быть применены для повышения эффективности межкультурной коммуникации, в практике перевода, а также при разработке образовательных программ в области культурологии, политологии и лингвистики, способствуя преодолению методологического этноцентризма и учета культурной специфики восприятия.

Ключевые слова: лингвосенсорика, паремиология, соматический код, культурная концептология, русский язык, права человека, глобализация, культурная идентичность.

Nurutdinova A.R.

PhD in Education, Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University.

* © Нурутдинова А.Р., Фаттахова Н.Н., 2026.

Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ

Fattakhova N.N.*Doctor of Philological Sciences, Professor of Philology. Kazan (Volga Region) Federal University.***Human rights, cultural identity and globalization in proverbs: a linguo-sensory analysis**

Abstract. The article is devoted to the analysis of the representation of key socio-philosophical concepts – human rights, cultural identity, and globalization – in the Russian paremiological fund (proverbs and sayings). The aim of the study is to identify deep-seated linguo-sensory models that mediate the perception of these abstract problems through the prism of bodily and sensory experience embedded in language. The methodological foundation is an integrative linguo-sensory approach synthesizing methods of semantic-cognitive analysis of paremias, contextual interpretation, and linguoculturology. The central objects of analysis are somatic components (bodily metaphors of taste, touch, space, pain), which serve as keys to deciphering archaic yet enduring cultural codes. It is proven that the issue of human rights in Russian paremias is encoded primarily through the oppositions “volya/nevolya” (freedom/bondage) and “pravda/krivda” (truth/falsehood), expressed by the sensorics of physical action, restriction, and ethical feeling. Globalization processes and interaction with the “other” are represented through the binary opposition “svoi/chuzhoi” (one’s own/alien), materialized in the sensory codes of food (familiar vs. alien), pain (threat), and mastered vs. alien space. The author argues that paremias function as stable repositories of collective sensory experience through which culture comprehends and conceptualizes complex social phenomena. Linguo-sensory analysis is recognized as an effective tool for the critical deconstruction of contemporary international, political, and educational discourses, allowing for the revelation of their non-obvious culturally conditioned foundations. The results of the study have practical significance: they can be applied to enhance the effectiveness of intercultural communication, in translation practice, as well as in the development of educational programs in the fields of cultural studies, political science, and linguistics, contributing to overcoming methodological ethnocentrism and accounting for cultural specificity of perception.

Key words: linguosensorics, paremiology, somatic code, cultural conceptology, Russian language, human rights, globalization, cultural identity.

Благодарности: Работа выполнена за счет гранта, предоставленного Академией наук Республики Татарстан образовательным организациям высшего образования, научным и иным организациям на поддержку планов развития кадрового потенциала в части стимулирования их научных и научно-педагогических работников к защите докторских диссертаций и выполнению научно-исследовательских работ (Соглашение от 22.12.2025 № 12/2025-ПД-КФУ).

Введение

В условиях глобализации, сопровождающейся универсализацией дискурсов о правах человека, международном взаимодействии и культурной идентичности, особую актуальность приобретает обращение к архаичным

пластам коллективного сознания, зафиксированным в языке. Современные социально-политические и образовательные дискурсы, доминирующие в международном пространстве, зачастую игнорируют глубинные, чувственно-телесные основания культурного мировосприятия, что ведет к методологическим упрощениям и межкультурным барьерам. Актуальность исследования обусловлена тремя ключевыми факторами:

– **Теоретико-методологическая потребность** в инструментах, позволяющих деконструировать универсалистские дискурсы (о правах, свободе, глобализации) и выявить их скрытую культурную обусловленность.

– **Практическая значимость для межкультурной коммуникации и образования**, где игнорирование культурно-специфичных кодов ведет к непониманию и конфликтам. Результаты анализа могут быть использованы при разработке учебных программ, тренингов и адаптации международных документов.

– **Необходимость сохранения и осмысления культурной идентичности** в эпоху глобальных трансформаций. Лингвосенсорный анализ паремий позволяет реконструировать «телесную матрицу» культуры, определяющую её реакцию на вызовы современности.

Вопросы взаимосвязи языка, культуры и телесности разрабатываются в лингвокультурологии [4; 25] и соматической лингвистике [30]. Специфику паремий как культурных знаков детально изучает паремиология [16; 21]. Однако кросс-культурный анализ репрезентации базовых социальных концептов в паремиях через призму **лингвосенсорики** остается недостаточно разработанным. Существующие исследования, как правило, сосредотачиваются на семантике или ценностях вне системного чувственно-телесного подхода.

Паремии мы рассматриваем как первичный объект анализа, поскольку они представляют собой «концентрированное выражение коллективного опыта, закреплённое в языковой форме» [21]. Они не просто передают моральные нормы, но и хранят *архаичные модели мировосприятия*, закодированные в чувственно-образных формулах. Г.Л. Пермяков справедливо называл паремии «клише житейской философии», которые отражают типичные ситуации через призму культурно-обусловленных смыслов [21]. Такой статус делает паремиологический фонд уникальным материалом для реконструкции глубинных, нерелексированных культурных установок, в том числе касающихся прав, свободы и взаимодействия с «другими». Телесный и чувственный опыт формирует базовые представления о личных правах и свободе в русской паремиологической картине мира [3; 5]. Посредством соматического кода – системы телесно-ориентированных метафор – эти культуры концептуализируют абстрактные правовые и этические категории, такие как свобода, граница и долг, проецируя их на физические действия, пространственные ощущения и тактильные пе-

реживания [11].

Методологической основой работы выступает лингвосенсорный подход, который интегрирует принципы анализа языка, телесного опыта и культурных смыслов. Сенсорные восприятия (вкус, осязание, зрение) и соматические переживания (действие, движение, пространственное расположение) формируют базис для концептуализации абстрактных идей [14, с. 67]. Ключевыми являются понятия «соматического кода» как системы телесно-ориентированных знаков культуры и «телесной метафоры», которая проецирует физический опыт на ментальные и социальные сферы [2, с. 112]. Как отмечает В.А. Маслова, «язык помнит весь путь чувственного освоения мира человеком» [14, с. 70], что делает лингвосенсорный анализ релевантным для изучения культурных архетипов.

Целью данной статьи является выявление лингвосенсорных моделей, опосредующих восприятие и вербализацию концептов прав человека, культурной идентичности и глобализации в русской паремиологической картине мира. **Для достижения цели решаются следующие задачи:**

1. Определить методологические основы лингвосенсорного подхода применительно к анализу паремий.

2. Выявить и систематизировать ключевые соматические коды (телесные метафоры), формирующие семантическое поле «воли/неволи» в русских паремиях.

3. Проанализировать, как оппозиция «свой/чужой» и феномен глобализации концептуализируются через сенсорные коды пищи, боли и пространства.

4. Обосновать практическую значимость полученных результатов для современных гуманитарных практик.

Материалом исследования выступает корпус русских пословиц и поговорок, отобранных из паремиологических сборников (В.И. Даля, В.М. Мокиенко, П. С. Дронова, В.П. Жукова и др.).

Основное содержание

Соматические коды концепта «воля/неволя» как основа восприятия свободы и права. В русской паремиологической картине мира абстрактные концепты личной свободы («воля») и высшей справедливости («правда») концептуализируются через комплексный *соматический код физического действия, напряжения и его внешнего или внутреннего ограничения*. Код является их чувственно-телесным основанием, формируя архаичный, но устойчивый культурный архетип. Соматизмы в фольклоре выступают носителями системно организованных культурных смыслов, репрезентируя глубинные ценности и страхи коллектива [24]. Анализ предоставленного корпуса пословиц позволяет выделить несколько взаимосвязанных кодов.

Код насильственного принуждения и подчинения: ШЕЯ / ГОРЛО /

ХОМУТ. Прямой образ НЕВОЛИ создается через соматизмы, связанные с *насильственным ограничением подвижности и удушением*. ШЕЯ – не просто анатомическая часть тела, а ключевой семантический компонент, маркирующий состояние полной зависимости и уязвимости. ШЕЯ как объект агрессии, точка приложения порабощающей силы – «Аркан – не таракан: зубов нет, а шею ест» [7] – безобидный таракан (*символ мелкой бытовой неприятности*) контрастирует с арканом (*орудием поимки и усмирения скота*) через метафору – и человека. Глагол ЕСТ активизирует сенсорный комплекс: тактильное ощущение давления и боли, и вкусовая метафора уничтожения, где свобода СЪЕДАЕТСЯ внешним принуждением. В этом образе ВОЛЯ как субъектное состояние полностью нивелируется, превращаясь в объект потребления враждебной силой.

«Была бы шея, а хомут найдется» [15, с. 112], раскрывает фаталистический аспект, где ШЕЯ – это пассивный атрибут для наложения ярма (ХОМУТА). Конструкция «была бы ... найдется» указывает на предопределенность: существование шеи (человека) гарантирует неизбежность появления сковывающей его доли. Хомут – это не внезапная агрессия аркана, а *институционализованная форма несвободы*, рутинное, бытовое ярмо, которое в наличии для того, кто готов (или обречен) его принять [19]. ШЕЯ – это локус внешнего захвата. ГОРЛО – метафора *подавления внутренней, жизненной силы* – голоса, дыхания, возможности существовать. «Наступи на горло, да по доброй воле» [28, с. 98] описывает парадоксальную ситуацию *инсценировки свободы выбора в условиях абсолютного физического принуждения*. Тактильное переживание удушья становится телесным аналогом морального насилия.

Таким образом, детализация соматического кода ШЕЯ/ГОРЛО/ХОМУТ позволяет утверждать, что концепт НЕВОЛИ формируется как *переживание физического страдания от внешнего, насильственного ограничения жизненно важных функций* (дыхание, речь, движение). Код служит чувственной основой для понимания права как *отсутствия насильственного принуждения*. Свобода (ВОЛЯ) как *способность дышать, говорить и действовать без угрозы «аркана» или «хомута»*. Глубинный, архаичный код, взаимодействуя с другими соматическими моделями продолжает влиять на современные представления о свободе и справедливости в русской лингвокультуре [3].

Код немоты и подавления речи: РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС. В системе соматических кодов русской паремиологии, формирующих семантическое поле НЕВОЛИ, метафоры, связанные с речевым аппаратом занимают центральное место. Если лексемы ШЕЯ / ГОРЛО / ХОМУТ репрезентируют физическое порабощение тела, то лексемы РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС символизируют *порабощение личности через подавление ее самовыражения*. Свобода слова ВОЛЯ МОЛВИТЬ осмысляется как неотъемлемая и чув-

ственно переживаемая часть личной свободы в целом, а её отсутствие как одно из унижительных проявлений несвободы [5].

Можно выделить два основных вектора: 1) *внешнее насильственное подавление речи* и 2) *внутренняя, природная неспособность к выражению*.

– Вектор *внешнего подавления* представлен в пословицах, где желание говорить сталкивается с прямым внешним запретом. «Долог у коровы язык, да не велят (не дают) говорить» [7, с. 145] построена на контрасте между физической возможностью ДОЛОГ ЯЗЫК и социально навязанной невозможностью НЕ ВЕЛЯТ. Субъектом действия выступает агент принуждения, выраженный глаголом **ВЕЛЕТЬ** – создаёт образ *непосредственного властного вмешательства*, блокирующего естественную функцию. «Как тут говорить, где не дадут рта отворить» [28, с. 152] актуализирует сцену полного подчинения, где базовое физическое действие «открыть рот» требует разрешения извне. «На чужой роток не накинешь платок» [12, с. 234] фиксирует *признание принципиальной неконтролируемости чужой речи*. «Чужой рот – не свои ворота, не затворишь» [12, с. 234] маркируют границу собственной воли, признавая автономию другого. «Чужой рот» – символ *иной, автономной воли*, которую невозможно окончательно подчинить, как невозможно физически управлять частью чужого тела [20]. Соматизм **РОТ** метонимически замещает всю личность, а попытка его ЗАКРЫТЬ (*платком*) или ЗАТВОРИТЬ (*как ворота*) оценивается как тщетная. Код немоты включает в себя и *имплицитное право другого на голос*, что делает картину свободы сложной [6].

– Вектор *внутренней неспособности* смещает акцент на *внутренний недостаток, делающий речь невозможной*. Соматизм ГОЛОС – как данная свыше способность. Пословица «Спела б и рыбка песенку, когда б голос был» [15, с. 188] – создаёт метафору *экзистенциальной немоты, глубокого молчания природы*, а «Голосу нет, а любит петь» [7] констатируется разрыв между *внутренним порывом и внешней реализацией*. Внутренняя неспособность сближает данный код с кодом физического бессилия «близок локоть, да не укусишь»: но если там речь идёт о моторной функции, то здесь о *коммуникативно-творческой*. Отсутствие голоса становится метафорой личной неполноценности или отсутствия дара, что воспринимается как форма несвободы, но уже надрациональная, фатальная [18].

Соматизм ЯЗЫК – как *символ действенного выражения воли или мысли*. «Ум есть сладко съест, да язык короток» [28, с. 265] – здесь УМ (потенциал, желание) противопоставлен КОРОТКОМУ ЯЗЫКУ – *неспособности это желание реализовать, дотянуться до предмета хотения*. Язык метафорически наделяется функцией конечности, органа хватания, а его «короткость» делает волю тщетной [20]. Антиподом несвободы выступает «Что на уме, то и на языке» [7, с. 380], представляющая идеал речевой свободы как *прямого и беспрепятственного канала между внутренним ми-*

ром УМ и его внешним воплощением ЯЗЫК. Отсутствие канала (когда язык «короток» или ему «не велят») и есть суть речевой «неволи».

Таким образом, соматизмы РОТ / ЯЗЫК / ГОЛОС детализируют концепт «неволи» через призму коммуникативного насилия и экзистенциальной неспособности. Он показывает, что в русской языковой картине мира свобода осмысляется не только как *отсутствие физических оков (хомута на шее)*, но и как *наличие возможности свободного звучания своего голоса*. Подавление этой возможности («не дадут рта отворить») равноценно акту удушения, а внутренняя немота («голосу нет») воспринимается как природный удел, родственный фатальной «доле». Этот код в системе с другими соматическими моделями формирует целостное представление о том, что *подлинная ВОЛЯ реализуется лишь там, где мысль, не встречая внешних преград и внутренних недостатков, находит своё полное и прямое выражение в слове* [23].

Код фатализма и принятия: ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ как соматические пределы воли. Лексемы ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ – *метафизический предел* для человеческой воли, сводя ВОЛЮ в сферу *предопределённого удела*. ГОЛОВА – *символ необратимой судьбы* [19] «Другой головы не приставишь» и «Сняв голову, не приставишь» [7, с. 93] констатируют невозможность изменить свою сущность. «Не мудрено голову срубить, мудрено приставить» [15, с. 102; 16] – вводит оппозицию легкого деструктивного действия СРУБИТЬ и невозможного созидательного ПРИСТАВИТЬ. ВОЛЯ может разрушить СРУБИТЬ, но не способна восстановить утраченную целостность. ГОЛОВА становится метафорой хрупкого и уникального жизненного порядка, который не подлежит восстановлению простым волевым актом [11].

Лексема ДОЛИ (участи, судьбы, жребия) является смысловым стержнем и рассматривается как нечто, *данное свыше и принимаемое всем телом*, помимо желания. «Хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому» [28, с. 298] активное, но тщетное действие «кричи, рычи» противопоставлено пассивному, но неизбежному состоянию «*быть... такому*». Фатализм проецируется на сферу социальной несправедливости «*Всех мимо, а Мину (или: а меня) в рыло*» [7, с. 345]. Судьба – это *неравный, болезненный удар* в РЫЛО, который достаётся конкретному человеку, когда других он минует; ДОЛЯ – как *физически переживаемая несправедливость*, которую воля не в силах отвести [29].

ЛОБ символизирует *врождённый, природный предел* человеческих возможностей и амбиций. «*Выше лба уши не растут*» [12, с. 58] маркирует *естественную, анатомическую границу роста*, переносимую на социальную и личную сферы: *нельзя превзойти отведённую тебе природой или судьбой меру*. Воля, стремящаяся к тому, что *ВЫШЕ ЛБА*, заведомо тщетна. Этот же код *естественного предела* работает в поговорке «*Нога ногу мину-*

ет, а голова головы не минует» [7, с. 228]. Части тела могут избежать друг друга «нога ногу минует», но своей собственной судьбы «голова головы» не избежать, где ГОЛОВА метонимически замещает целое через часть: твоя собственная голова (твоя личность, твоя судьба) всегда с тобой, ты не можешь от неё убежать, как можешь переставить ноги [1].

ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ служит мировоззренческим фундаментом: фатальности ДОЛИ делает внешнее принуждение ШЕЯ / ХОМУТ проявлением высшего порядка («Была бы шея, а хомут найдется»), а немоту – свойством самой природы. «По чужу голову идти – свою нести» [17] устанавливает этический предел воле, караемой принятием тяжкой ответственности и расплаты – новую ДОЛЮ. Лексемы ГОЛОВА / ДОЛЯ / ЛОБ вводят в концепт «неволи» измерение судьбы и естественного предела. Они смягчают трагизм кодов насильственного принуждения и немоты, переводя их в плоскость фаталистического принятия. ВОЛЯ оказывается способностью действовать внутри онтологически данных границ своей ДОЛИ, своего ЛБА, своей неповторимой и неотчуждаемой ГОЛОВЫ. Глубинная установка формирует специфически русский взгляд на свободу как на пространство манёвра внутри заведомо данных обстоятельств, а не как на их абсолютное отрицание или правовую защиту от них [5].

Код недостижимости и тщетности усилий: ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА. Лексемы ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА представляют внутренний, имманентный крах волевого усилия как парадоксальную немощь: тело, обладающее всеми органами действия и восприятия, оказывается способно выполнить простейшую операцию по отношению к самому себе или близко расположенному объекту [13]. Лексемы концептуализируют ВОЛЮ через её саморазрушение в момент реализации, формируя семантику фрустрации и экзистенциального тупика [22].

Ядром является конфликт между тактильной близостью объекта и моторной невозможностью. «Близко локоть, да не укусишь»; «Своего локтя не укусишь»; «Подмышку близко, да зуб неймет» [7, с. 25, 345] моделируют ситуацию абсурдной самоблокировки, где структура тела становится непреодолимым барьером для ВОЛИ. ЛОКОТЬ и ПОДМЫШКА – это части собственного тела, максимально близкие, доступные тактильному ощущению, но при этом онтологически недоступные для рта и зубов как органов захвата и потребления [26]. НЕВОЛЯ – это структурный дефект системы «желание–действие». ВОЛЯ наталкивается на имманентное ограничение тела. Данный код отличается от фатализма ГОЛОВЫ / ДОЛИ: если там предел задан извне (судьбой), то здесь заложен внутри самой природы тела.

Другой аспект фиксирует сенсорно-моторный разрыв (между восприятием и действием, между видением и овладением). [25] «Око видит, да зуб неймет»; «Видит глаз, да рука не сягнет» [28] противопоставляет успеш-

ное восприятие бессилию действия (глаголы НЕЙМЕТ и НЕ СЯГНЕТ). Семантический разрыв создаёт образ *мучительной привилегии зрения*: человек обречён видеть то, что никогда не сможет получить [11]. ВОЛЯ становится источником страдания и взаимодействует с концептом правды: «*Правда глаза колет*» [15] переводит физическую недостижимость в *регистр болезненного воздействия истины*. Если в первом случае глаз пассивен и бессилён, то во втором он становится объектом агрессивного внешнего воздействия (КОЛЕТ). *Невозможность действия* (ЗУБ НЕЙМЕТ) превращается в *невыносимость созерцания* (ГЛАЗА КОЛЕТ).

Утрата волевого контроля над телесной реакцией – «*Рад бы заплакал, да слез нету; не рад и смеху, так рот ведет*» [7, с. 320], где РОТ действует автономно, вопреки желанию субъекта («не рад и смеху») – высшая степень внутренней несвободы: тело не просто не может выполнить приказ воли (как локоть или рука), оно *активно действует наперекор ей*. Данный образ переключается с кодом немоты (ГОЛОСУ НЕТ): но если там *проблема в отсутствии инструмента для выражения*, то здесь – в *неподконтрольности самого инструмента*, что уже не просто отсутствие голоса, а *измена собственного тела*, что является глубокой формой НЕВОЛИ [9].

Данный код является *промежуточным звеном* между активным страданием и фаталистическим принятием. [22] Они *подготавливает почву для кода фатализма* (ГОЛОВА/ДОЛЯ). Постоянный опыт тщетности усилий (ЗУБ НЕЙМЕТ, РУКА НЕ СЯГНЕТ) логически ведёт к выводу о *предопределённости* («*Хоть кричи, хоть рычи, а быть Пахому такому*») [20]. Бессилие рационализируется как судьба. Они *контрастирует с кодом насильственного принуждения*. Если там воля *подавлена извне* (аркан ест шею), то здесь она *исчерпывается изнутри*, не встретив сопротивления. Они *обнажает основу для «кривды»*. Пассивность и бессилие («рука не сягнет») могут трактоваться как неспособность добиться своей «правды», что создаёт почву для несправедливых решений («*У кого руки подлиннее, тот и правее*» – [12, с. 210]. Моторное бессилие одной РУКИ оправдывает силовое преимущество другой, подменяя право силой.

Таким образом, ЛОКОТЬ / ЗУБ / ГЛАЗ / РУКА вербализуют концепт «неволи» как *внутренний «коллапс» волевого акта*. [20] Несвобода коренится не только во внешнем насилии или небесном предопределении, но и в *фундаментальном несовпадении человеческого желания с возможностями его телесного воплощения* [27]. Воля – терпит поражение потому, что она, столкнувшись с близостью цели, *обнаруживает собственную немощь*. Код формирует глубоко пессимистический пласт в русской языковой картине мира, где право на действие и обладание постоянно ставится под сомнение *ограниченностью самого инструмента действия* – человеческого тела. [22; 25; 27].

Анализ соматических кодов, формирующих концепт ВОЛИ / НЕВО-

ЛИ, позволяет перейти к исследованию того, как *кодируются межгрупповые отношения, коллективная идентичность и восприятие ДРУГОГО через сенсорный опыт*. [22] Проблематика культурного взаимодействия находит глубинные прототипы в архаичных моделях осмысления границы между СВОИМ и ЧУЖИМ, где она материализуется, приобретая вкус, вес, тактильные свойства и пространственную локализацию, формируя сложную систему лингвосенсорных кодов [26]. В основе различения СВОЕГО / ЧУЖОГО лежит *соматический код телесной инкорпорации и дистанции*. СВОЕ переживается как неотъемлемая, болезненно чувствительная часть собственного тела, тогда как ЧУЖОЕ воспринимается как внешнее, неосязаемое или нечувствительное и реализуется через несколько ключевых моделей.

Код органической близости и боли: соматизация границы через эмпатию и ее отсутствие кодирует культурную идентичность и социальную дистанцию через *фундаментальную дихотомию физически ощущаемой и отрицаемой боли*. В её основе лежит соматическая метафора, где СВОЕ как прямое продолжение собственного тела, чье повреждение вызывает непосредственное сенсорное и эмоциональное страдание. ЧУЖОЕ существует за пределами зоны телесной эмпатии, что создает психологическую и этическую основу для отстраненности. Телесный опыт служит универсальным языком для описания социальных связей [22]. Связь между физическим ощущением и эмоциональной привязанностью устанавливается через прямые аналогии *«Что к огню ближе, то жарче; что к сердцу ближе, то больнее»* [7, с. 350]. Культурно и эмоционально близкое («к сердцу») уподобляется источнику физического чувства – жару / боли от пламени, локализуя СВОЕ в эпицентре телесного восприятия. *«Своя болячка – велик желвак»; «Чужая болячка – не своя боль»* (Фелицына, Прохоров, 1988, с. 45) – нормативная установка, предписывающая разную степень включенности.

Примеры с использованием интенсивных, локализованных видов боли, выступающих сенсорным эталоном для разграничения внутреннего и внешнего миров [6]. Зубная боль, как один из самых острых и личных опытов, маркирует границу *«Болен зуб у себя во рту»*, тогда как *«За чужой щекой зуб не болит»* [15]. Принцип сенсорного отрицания распространяется и метонимически на целостность чужой жизни. *«Чужая икура не болит»* [7, с. 380] использует «шкуру» как символ физической оболочки и чужой субъектности; утверждение «не болит» снимает моральную ответственность, поскольку чужая телесность не является рецепторным полем субъекта [9]. Потенциально позитивное взаимодействие с «другим» лишается экзистенциальной глубины *«Чужие руки легки, да не к сердцу»* [7, с. 380] – помощь извне (РУКИ) остается функциональной, но не достигает эмоционально-телесного центра Я, оставаясь внешней и менее значимой

[6]. Модель подчеркивает непреодолимую разницу субъективных миров «Что у тебя болит, то у друга не свербит» [12, с. 58]. Даже друг, как близкий ЧУЖОЙ, не может разделить специфику навязчивого, раздражающего дискомфорта (СВЕРБЕТЬ). Онтологическая разделенность оправдывает императивные запреты на вмешательство, выраженные через отталкивающие биологические метафоры: «Не зализывай чужих ран своими слюнями» [28, с. 152]. Чужая рана (проблема) и собственная слюна (ресурс, усилие) представлены как физиологически несовместимые, а их соединение – как социально некорректное [31].

Модель служит основой для описания социальной эксплуатации и насилия «На чужой спине ремешки драть» [7, с. 225] проецирует модель внешнего воздействия, причиняющего боль, на социальные отношения. СПИНА символизирует уязвимость, а ДРАТЬ РЕМЕШКИ – акт насильственного извлечения выгоды. Пассивность чужой СПИНЫ к боли в восприятии субъекта, её нахождение вне зоны собственной соматической эмпатии, делает такое действие не только мыслимым, но и социально допустимым в рамках этой картины мира [13]. Таким образом, через язык телесных ощущений культура конструирует и легитимирует этические границы между «своим» и «чужим».

Гастрономический код: вкус, усвояемость и пищевые табу как маркеры идентичности. Принадлежность к сообществу и дистанция по отношению к ЧУЖОМУ кодируются через фундаментальные метафоры пищеварения, вкуса и актов потребления. Культурная ассимиляция осмысливается как способность «усвоить» или «переварить», а граница между СВОИМ и ЧУЖИМ поддерживается системой пищевых табу и запретов на присвоение.

СВОЕ оценивается как вкусное, сытное и усвояемое в прямом и переносном смысле. «Свой хлеб сытнее» [15], где базовый пищевой и культурный символ «хлеб» в сочетании со сравнительной степенью «сытнее» указывает не на объективную питательность, а на глубинное субъективное чувство насыщения и удовлетворения, даруемое именно аутентичным, своим. Противопоставление усугубляется на уровне физиологической реакции «Своя болячка с калачом в горло нейдет», в то время как «Чужую печаль и с хлебом съешь» [7, с. 350] – контраст построен на возможности / невозможности акта глотания: чужая проблема метафорически «съедаема», то есть принимаема и преодолима, тогда как своя вызывает рефлекс физиологического отторжения «приправленной» лучшим («калачом») [9].

ЧУЖОЕ предстает недоступным, опасным, принципиально несъедобным объектом. «На чужой каравай рот не разевай» [28, с. 205] – это сенсомоторный запрет, пресекающий саму физическую готовность («разевать рот») к присвоению чужой собственности. «Не точи зубки на чужие куски» (там же) вводит агрессивно-пищеварительную метафору,

где «точить зубки» символизирует вынашивание желания и подготовку к захвату, что предписывается подавлять [20]. «*На чужое пиво не надуйшь рыла*» [7, с. 380], где «рыло» как образ алчного человека подчеркивает бесплодность и неприличие попытки смешать свою природу с чужим продуктом [13]. При этом сознание фиксирует *перцептивную иллюзию привлекательности чужого*, основанную на дистанции «*В чужой руке кус и дольше и толще*» [12, с. 89] – сама констатация служит предостережением от доверия подобным ощущениям. ЧУЖОЕ есть объективно качественное – «*Хороша рыба*» – но его системная чуждость и непринадлежность субъекту маркируется контекстом «*да на чужом она блюде*» [7, с. 380]. «Блюдо» выступает символом целостного культурного уклада. Темпоральная и экзистенциальная перспектива «*Чужим хлебом веку не прожить*» [7, с. 380] – зависимость от внешнего, чужого источника питания осмысливается как принципиально несостоятельная, неспособная обеспечить непрерывность и устойчивость существования. Гастрономические метафоры легитимируют этические и социальные границы.

Код пространственного ареала и естественного места: таксис и граница как закон. Культурная идентичность и межгрупповые отношения вербализируются через пространственные метафоры, где СВОЕ осмысливается как экологическая ниша / естественное, предписанное место, а ЧУЖОЕ – как территория за его границами. Культурная норма предписывает пребывание в своем локусе и ненарушение чужих пределов, что превращает пространственный таксис в этический закон. Базовый принцип сформулирован в зооморфной метафоре «*Всяк кулик свое болото хвалит*» [12, с. 89] – важно не объективное качество «болота», которое может быть и некомфортным, а сам акт вербальной и экзистенциальной солидарности с ним «хвалит». Идея конкретизируется в прямом императиве строго определенного места в домашней иерархии «*Знай, сверчок, свой шесток!*» [7, с. 145] – выход за эти границы равносильен утрате идентичности.

Социальный принцип заключается в ответственности за свое пространство и невмешательстве в чужое, что выражено в повелительной формуле, превращающей бытовое действие в этическую максиму «*Мети всяк перед своими воротами!*» [7, с. 145], где «ворота» выступают символом границы между приватным, своим, и публичным, общим. Аналогичный запрет, но в сфере социальных ролей и компетенций «*Не в свои сани не садись!*» [16, с. 102], где присвоение чужого средства передвижения (атрибута статуса) влечет за собой неизбежную дисфункцию. При вхождении в чужую культурную среду требуется отказ от попыток навязывания собственных норм, что отражено «*В чужой монастырь со своим уставом не ходят*» [7, с. 225] – «монастырь» как закрытое сообщество с жесткими внутренними правилами становится прообразом любой культурной системы, требующей адаптации.

Граница между внутренним пространством группы и внешним миром охраняется, что иллюстрируют зооморфные метафоры. Конфликт внутри «своей» общности легитимен «*Свои собаки грызутся*», но любое вмешательство извне категорически табуировано – «*чужая не приставай!*» [28, с. 265]. Право на защиту своего пространства от деструктивного внешнего вмешательства, даже под благовидным предлогом, утверждается в яркой аллегории «*В чужой огород не пускают козла полоть*» [7, с. 225], где «огород» символизирует частную, утилитарную территорию, а «козел» некомпетентную и разрушительную силу. Паремии содержат протомодели процессов, актуальных для эпохи глобализации: универсализации, гибридации и сопротивления им. Императив «*Живи всяк своим умом да своим горбом!*» [15, с. 134] противопоставляет самодостаточность зависимости от «чужого ума» или «чужого хлеба», которые оцениваются как ненадежные «*Чужим умом недолго проживешь*», «*Чужая одежда не надежа*» [16].

Логическим пределом развития модели пространственной идентичности становится стратегия сознательной самоизоляции, выраженная в формуле «*Моя хата с краю, я ничего не знаю*» [15, с. 134]. «Хата с краю» – это топографическая метафора гипертрофированной локализации, где защита приватного пространства и личной безопасности достигается ценой отказа от социальной ответственности и осознанного знания. Культурная идентичность соматизируется как пребывание в правильно очерченном, СВОЕМ пространстве – будь то *тело, дом, шесток* или *болото*, – выход за пределы которого грозит утратой себя и конфликтом с другими [6].

Три лингвосенсорные модели (*органической близости/боли, гастрономическая, пространственно-ареальная*) образуют согласованную систему репрезентации культурной идентичности. Они переводят абстрактные понятия «свой/чужой» на язык *непосредственного телесного опыта: боли и ее отсутствия, голода и насыщения, тактильного дискомфорта от нарушения границ*. Модели не просто описывают статичное состояние, а задают *нормативные поведенческие программы: чувствовать только свою боль, не желать чужой пищи, оставаться в своем месте*. Через эти сенсорные коды паремиологический фонд артикулирует *консервативную, охранительную стратегию культурного взаимодействия*, где принятие ЧУЖОГО возможно лишь через его *полную ассимиляцию* («переваривание») или при *четком соблюдении границ* («чужого устава») [5]. Глубинные языковые структуры формируют архаичный каркас для восприятия современных процессов глобализации, которая видится либо как угроза целостности «тела-пищи-территории», либо как вызов, требующий крайней избирательной и осторожной реакции [4].

Заключение

Проведенное исследование подтвердило ценность лингвосенсорного подхода для анализа глубинных культурных кодов, запечатленных в па-

ремиологическом фонде русской лингвокультуры. На материале русских пословиц была реконструирована *чувственно-телесная матрица*, опосредующая восприятие ключевых социальных концептов.

Основные результаты работы сводятся к следующему:

1. Свобода и право в русской языковой картине мира концептуализируются не как абстрактные юридические категории, а как *пространство для манёвра, отвоеванное у обстоятельств*, что отражается в комплексе соматических моделей. Модели образуют семантическое поле «воли/неволи», включающее коды: а) внешнего принуждения, б) подавления речи, в) фаталистического принятия и г) имманентной тщетности усилий.

2. **Культурная идентичность и отношение к «другому»** формируются через систему сенсорных фильтров: дихотомию ощущаемой/неощущаемой боли, пищевые табу и пространственные границы. Система кодирует охранительную, осторожную стратегию межкультурного взаимодействия, где «чужое» оценивается как потенциально опасное или неусвояемое.

3. **Лингвосенсорный анализ паремий** доказал эффективность как инструмент деконструкции современных дискурсов и позволил выявить преемственность между архаичными телесными метафорами и современной риторикой в сферах политики, права и образования, где такие понятия, как «давление», «голос», «боль» или «несъедобное решение», имеют глубокие культурные корни.

Перспективы практического применения полученных результатов видятся в следующих областях:

– **Межкультурная коммуникация и дипломатия** для прогнозирования и смягчения культурных конфликтов, интерпретации реакций на международные инициативы.

– **Лингводидактика и перевод** для разработки методик обучения русскому языку как иностранному, углубленного понимания культурных коннотаций и адекватного перевода идиоматики.

– **Анализ дискурса и медиа** для критического осмысления публичных высказываний, политической риторики и медиатекстов, выявления скрытых культурных установок.

Таким образом, паремиологический фонд предстает как *живая система координат*, ключ к пониманию глубинных механизмов культурного восприятия, продолжающих влиять на коллективное сознание в условиях современных глобальных вызовов.

Библиографический список

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37-67.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н. Д. Арутюнова. - 2-е изд., испр. - Москва: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
3. Воркачев С.Г. Правды ищи: идея справедливости в русской лингвокультуре: монография.

- Волгоград: Парадигма, 2009. 190 с.
4. Воркачев С.Г. Специфичность универсального: идея справедливости в лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2010. 299 с.
 5. Воркачев С.Г. Идея патриотизма в русской лингвокультуре: монография. Волгоград: Парадигма, 2008. 199 с.
 6. Гудков Д.Б. Телесный код русской культуры: материалы к словарю / Д.Б. Гудков, М.Л. Ковшова. – Москва: Гнозис, 2007. 288 с.
 7. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1996. Т. 1. 431 с.
 8. Дронов П.С. Академический словарь русской фразеологии / Баранов А.Н., Вознесенская М.М., Добровольский Д.О., Киселева К.Л., Козеренко А.Д. - 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык в научном освещении. 2015. № 2 (30). С. 260-261.
 9. Дронов П.С. В чью шкуру может рядиться волк: лексические модификации фразеологизма волка в овечьей шкуре в русском и английском языках // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19. С. 427-434.
 10. Дронов П.С. Глаза из орбит и глаза на лоб: об одном симптоматическом движении во фразеологии // Эмоциональная сфера человека в языке и коммуникации: синхрония и диахрония – 2020: Материалы международной конференции, Москва, 27 октября 2020 года. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. С. 13-19.
 11. Дронов П.С. Употребление и лексико-грамматические изменения идиом с соматическими компонентами глава 'голова', vrat 'шея' в сербском и хорватском языках: корпусное исследование // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. 2020. Т. 2. № 16. С. 77-101. – DOI: 10.30842/alp2306573716204.
 12. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок: около 1200 пословиц и поговорок / В.П. Жуков. 5-е изд., стер. – Москва: Русский язык, 2000. 544 с.
 13. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии. Коды культуры / М.Л. Ковшова. – Москва: Либроком, 2012. 456 с.
 14. Маслова В.А. Лингвокультурология: учебное пособие для вузов / В.А. Маслова. 2-е изд., стер. – Москва: Академия, 2018. 208 с.
 15. Мокиенко В.М. Большой словарь русских поговорок: более 40000 образных выражений / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина; Междунар. ассоц. преподавателей рус. языка и литературы; Рос. о-во преподавателей рус. языка и литературы; С.-Петербург. гос. ун-т, Межкаф. словар. каб. им. проф. Б.А. Ларина – М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 783 с.
 16. Мокиенко В.М. Славянская фразеология: учебное пособие / В.М. Мокиенко. 2-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 2015. 343 с.
 17. Мокиенко В.М. Словарь русской паремиологии: пословицы, поговорки, крылатые слова, библеизмы / В.М. Мокиенко, К.П. Сидоренко. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПбГУ, 2007. 752 с.
 18. Ничипорчик Е.В. Актуальные проблемы современной паремиологии: практическое пособие / Е. В. Ничипорчик, И. Г. Гомонова. – Гомель: ГТУ им. Ф. Скорины, 2023. 45 с.
 19. Нурутдинова А.Р. Семантика и прагматика концептоферсы лексемы «голова» в разноструктурных языках: когнитивные модели, пословичные контексты и соматическая метафорика // Проблемы семантики и прагматики языковых единиц разных уровней в эпоху больших языковых данных : Сборник трудов Международной научной конференции, посвященной памяти доктора филологических наук, профессора Ольги Павловны Ермаковой, Калуга, 28–30 июня 2025 года. – Калуга: ФГБОУ ВО «Калужский государственный университет им. К.Э.Циолковского», 2025. С. 284-292.
 20. Нурутдинова А.Р. Сравнительно-сопоставительная параметризация соматических презентаций через периферийные локусы (зубы / язык) в рамках паремиологического фонда трех лингвокультур // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). С. 43-62.
 21. Пермяков Г.Л. Избранные пословицы и поговорки народов Востока / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 2019. 672 с.
 22. Представление эмоциональной сферы человека на материале разных языков : Коллективная монография / Е.Р. Иоанесян, Н.К. Рябцева, М.Л. Ковшова [и др.]. – Москва: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт языкознания Российской академии наук, 2020. 190 с.

наук, 2020. 244 с.

23. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. 824 с.
24. Сычёва Н.А. Соматический код паремий русского языка в славянском этнолингвистическом контексте: автореф. дис.... канд. филол. наук: 10.02.01 / Н.А. Сычёва. – Москва, 2022. 24 с.
25. Телия В.Н. Культурно-языковая компетенция в зеркале русской фразеологии // Вопросы языкознания. 2018. № 5.
26. Телия В.Н. Русская фразеология: Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – Москва: Языки русской культуры, 1996. 288 с.
27. Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического / В.Н. Топоров. – Москва: Прогресс, 1995. 624 с.
28. Фелицына В.П. Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения: лингвострановедческий словарь / В.П. Фелицына, Ю.Е. Прохоров; под ред. Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова. – Москва: Русский язык, 1988. 272 с.
29. Хайруллина Р.Х., Леднева А.В. Языковая природа паремий и их роль в формировании языкового мировидения народа // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008> (Дата обращения: 22.01.2026).
30. Шабес В.Я. Событие и текст / В.Я. Шабес. – Москва: Высшая школа, 2019. 176 с.
31. Шанский Н.М. Фразеология современного русского языка: учебное пособие / Н. М. Шанский. 3-е изд., испр. и доп. – Москва: Высшая школа, 1985. 160 с.
32. Язык. Человек. Культура: Сборник научных трудов, посвященный юбилею Марии Львовны Ковшовой. – Москва: Канцлер, 2022. 340 с.
33. Королёва Э.В., Волынчук Я.А. Конструирование имиджа «политического лица» // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 62-73.
34. Даль В.И. Пословицы русского народа: в 2 т. / В.И. Даль. – Москва: Художественная литература, 1996. Т. 2. 447 с.

References

1. Apresyan Yu.D. The Image of Man Based on Language Data: An Attempt at a Systematic Description // *Voprosy yazykoznaniiya* [Problems of Linguistics]. 1995. № 1. P. 37-67.
2. Arutyunova N.D. Language and the World of Man / N. D. Arutyunova. 2nd ed., corrected. – Moscow: Languages of Russian Culture, 1999. 896 p.
3. Vorkachev S.G. Seek the Truth: The Idea of Justice in Russian Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2009. 190 p.
4. Vorkachev S.G. Specificity of the Universal: The Idea of Justice in Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2010. 299 p.
5. Vorkachev S.G. The Idea of Patriotism in Russian Linguistic Culture: A Monograph. – Volgograd: Paradigma, 2008. 199 p.
6. Gudkov D.B. The Body Code of Russian Culture: Materials for a Dictionary. – Moscow: Gnosis, 2007. 288 p.
7. Dahl V.I. Proverbs of the Russian People. – Moscow: Khudozhestvennaya Literatura, 1996. Vol. 1. 431 p.
8. Dronov P.S. Academic Dictionary of Russian Phraseology. Baranov, A.N., Voznesenskaya, M.M., Dobrovolsky, D.O., Kiseleva, K.L., Kozerenko, A.D. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Russian Language in Scientific Understanding, 2015. № 2 (30). P. 260-261.
9. Dronov P.S. In whose skin can a wolf disguise itself: lexical modifications of the phraseological unit “a wolf in sheep’s clothing” in Russian and English // *Cognitive Studies of Language*. 2014. № 19. P. 427-434.
10. Dronov P.S. Eyes from their sockets and eyes on the forehead: on one symptomatic movement in phraseology // *The human emotional sphere in language and communication: synchrony and diachrony – 2020: Proceedings of the international conference, Moscow, October 27, 2020.* – Moscow: Federal State Budgetary Scientific Institution Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020. P. 13-19.
11. Dronov P.S. Use and lexical and grammatical changes of idioms with the somatic components *glava* ‘head’, *vrat* ‘neck’ in Serbian and Croatian: a corpus study // *Acta Linguistica Petropolitana. Proceedings of the Institute of Linguistic Research*. 2020. Vol. 2. № 16. P. 77-101. – DOI: 10.30842/

alp2306573716204.

12. Zhukov V.P. Dictionary of Russian proverbs and sayings: about 1200 proverbs and sayings / V.P. Zhukov. 5th ed., reprinted. – Moscow: Russkiy Yazyk, 2000. 544 p.
13. Kovshova M.L. Lingvocultural method in phraseology. Codes of culture / M.L. Kovshova. – Moscow: Librokom, 2012. 456 p.
14. Maslova V.A. Lingvoculturology: a textbook for universities / V.A. Maslova. 2nd ed., reprinted. – Moscow: Academy, 2018. 208 p.
15. Mokienko V.M. Large dictionary of Russian proverbs: more than 40,000 figurative expressions / V.M. Mokienko, T.G. Nikitina; International Association of Teachers of Russian Language and Literature; Russian Society of Teachers of Russian Language and Literature; St. Petersburg State University, Interdepartmental Dictionary named after prof. B.A. Larin – Moscow: OLMA Media Group, 2008. 783 p.
16. Mokienko V.M. Slavic Phraseology: A Textbook / V.M. Mokienko. 2nd ed., corrected and enlarged. – Moscow: Vysshaya shkola, 2015. 343 p.
17. Mokienko V.M. Dictionary of Russian Paremiology: Proverbs, Sayings, Catchphrases, Biblical Quotes / V.M. Mokienko, K.P. Sidorenko. – Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University, 2007. 752 p.
18. Nichiporchik E.V. Actual Problems of Modern Paremiology: A Practical Guide / E.V. Nichiporchik, I.G. Gomonova. – Gomel: GSU named after F. Skorina, 2023. 45 p.
19. Nurutdinova A.R. Semantics and pragmatics of the conceptofser lexeme “head” in languages with different structures: cognitive models, proverbial contexts, and somatic metaphors // Problems of semantics and pragmatics of linguistic units of different levels in the era of big language data: Proceedings of the International scientific conference dedicated to the memory of Doctor of Philology, Professor Olga Pavlovna Ermakova, Kaluga, June 28–30, 2025. – Kaluga: Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky, 2025. P. 284–292.
20. Nurutdinova A.R. Comparative-contrastive parameterization of somatic representations through peripheral loci (teeth/tongue) within the framework of the paremiological fund of three linguocultures // Libri Magistri. 2025. № 3 (33). P. 43–62.
21. Permyakov G.L. Selected proverbs and sayings of the peoples of the East / G.L. Permyakov. – Moscow: Nauka, 2019. 672 p.
22. Representation of the emotional sphere of a person based on the material of different languages: Collective monograph / E.R. Ioanesyan, N.K. Ryabtseva, M.L. Kovshova [and others]. – Moscow: Federal State Budgetary Institution of Science Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, 2020. 244 p.
23. Stepanov Yu.S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience / Yu.S. Stepanov. – Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1997. 824 p.
24. Sycheva N.A. Somatic code of proverbs of the Russian language in the Slavic ethnolinguistic context: author’s abstract. dis.... cand. Philol. Sciences: 10.02.01 / N.A. Sycheva. – Moscow, 2022. 24 p.
25. Telia, V.N. Cultural and Linguistic Competence in the Mirror of Russian Phraseology. Voprosy yazykoznaniya. 2018. № 5.
26. Telia, V.N. Russian Phraseology: Semantic, Pragmatic, and Linguocultural Aspects. Moscow: Languages of Russian Culture, 1996. 288 p.
27. Toporov V.N. Myth. Ritual. Symbol. Image: Research in the Field of Mythopoeic Studies. Moscow: Progress, 1995. 624 p.
28. Felitsyna V.P. Russian Proverbs, Sayings, and Catchphrases: A Linguistic and Cultural Dictionary. Edited by E.M. Vereshchagin, V.G. – Moscow: Russian language, 1988. 272 p.
29. Khairullina R.Kh., Ledneva A.V. The linguistic nature of proverbs and their role in the formation of the linguistic worldview of the people // Modern problems of science and education. 2015. № 1-1. // URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=19008> (01.22.2026).
30. Shabes V.Ya. Event and text / V.Ya. Shabes. – Moscow: Higher School, 2019. 176 p.
31. Shansky N.M. Phraseology of the modern Russian language: textbook / N.M. Shansky. 3rd ed., rev. and additional – Moscow: Higher School, 1985. 160 p.
32. Language. Human. Culture: A collection of scientific papers dedicated to the anniversary of Maria Lvovna Kovshova. – Moscow: Kanzler, 2022. 340 p.
33. Koroleva E.V., Volynchuk Y.A. Constructing the image of a “political person” // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 62–73.
34. Dahl V.I. Proverbs of the Russian people: in 2 volumes / V.I. Dahl. – Moscow: Fiction, 1996. V. 2. 447 p.

Напсо М.Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.

Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Сущность и последствия цифрового неравенства для развития сферы образования*

Аннотация. В статье рассматриваются сущность и последствия цифрового неравенства для развития системы образования. Обращается внимание на то, что цифровое неравенство является следствием множества взаимосвязанных факторов – социально-экономических и культурных. Подчеркивается, что цифровое неравенство является объективной реальностью, результатом процессов цифровизации экономики в первую очередь, которая предъявляет сфере образования повышенные требования. Рассматриваются характеристики цифрового неравенства, анализируются вызываемые им последствия как негативно-го, так и позитивного свойства. Анализируются способы преодоления цифрового неравенства в образовательной среде.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровая инфраструктура, цифровая грамотность, цифровые компетенции, цифровой капитал, цифровая социализация, социальная эксклюзия.

Napso M.D.

Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Agirbov T.R.

Student, North-Caucasus state academy.

The nature and implications of the digital divide for educational development

Abstract. The article considers the essence and consequences of digital inequality for the development of the education system. It draws attention to the fact that digital inequality is a consequence of many interrelated factors - socio-economic and cultural. It is emphasised that digital inequality

* © Напсо М.Д., Агирбов Т.Р., 2026.

Сущность и последствия цифрового неравенства для развития сферы образования

is an objective reality, the result of the processes of digitalisation of the economy in the first place, which places increased demands on the sphere of education. The characteristics of digital inequality are considered, and the consequences caused by it, both negative and positive, are analysed. The ways of overcoming digital inequality in the educational environment are analysed.

Key words: digital inequality, digital infrastructure, digital literacy, digital competences, digital capital, digital socialisation, social exclusion.

Ведение. Цифровые технологии, их проникновение во все сферы человеческой жизнедеятельности кардинальным образом изменили природу и вектор развития социальных процессов, специфику функционирования социальных институтов, привели к возникновению явлений, требующих всестороннего исследования. Появился феномен цифрового неравенства, являющийся частью социального неравенства, и в этом качестве он представляет научный и практический интерес. Преимущества цифровизации очевидны, ее качество и степень включенности в пространство социума создают условия для такого социально-экономического и технологического развития, которое позволяет идти в ногу со временем. «Успехи» диджитализации в значительной степени зависят от системы образования, которая должна быть ориентирована на выработку соответствующих цифровых знаний и компетенций, благодаря которым возможны технологические прорывы.

Проблематика исследования. Цифровое неравенство, в том числе в сфере образования, является объектом исследования различных отраслей научного знания, являясь по своей сути междисциплинарной проблемой. Разброс мнений достаточно широк, но все единодушны в том, что цифровое неравенство, выступая в различных ипостасях, проявляется в ряде трендов, сходных и отличных друг от друга. Основное поле исследований сосредотачивается на анализе проблем, связанных с возникновением цифровых барьеров, с доступом к цифровым ресурсам, с неоднозначными проявлениями цифровизации, которые пронизывают всю область социальных отношений, а также на исследовании возможных рисков и угроз, порождаемых цифровизацией. Несмотря на широкое применение IT-технологий, проблема доступа к ним все еще остается актуальной. Растут масштабы цифрового неравенства, оно воспроизводит себя, и это приводит к мысли о том, что оно непреодолимо, тем более что социальное неравенство, существующее в обществе, усиливает цифровые разрывы между индивидами. Но одного доступа к Интернету недостаточно для характеристики цифрового неравенства – не меньшее значение имеют навыки работы с IT-инструментами, зрелость цифрового и человеческого капитала, оснащенность цифровой инфраструктурой, развитие которой в значительной мере определяется наличием специалистов высокой циф-

ровой квалификации. Использование электронных и информационных ресурсов, «не подкрепленное формированием навыков их применения в социальной и бытовой жизни, приведет к расширению цифровых разрывов внутри общества» [1, с. 8] и государства, а также к усилению межстрановых барьеров в сфере образования, которые наблюдаются в различных регионах мира. Все это позволяет говорить о том, что цифровое неравенство, будучи порожденным различными причинами социально-экономического и культурного характера, является сложным и многоаспектным явлением, требующим междисциплинарного анализа.

Цифровизация привела к возникновению многих понятий, таких как цифровая социализация и адаптация, цифровая инклюзия и эксклюзия, цифровые разрывы и барьеры, «цифровые мигранты» и «цифровые аборигены», цифровое неравенство. Как отмечается в Большой российской энциклопедии, цифровое неравенство – это «неравенство между социальными группами и индивидами, обладающими доступом к новейшим цифровым технологиям и коммуникациям, и теми, у кого такого доступа нет либо он затруднён» [2]. Одним из путей преодоления цифрового неравенства в сфере образования является степень включенности образовательных учреждений, а также всех участников образовательного процесса в инфопространство. Качество интеграции в IT-контекст во многом определяется факторами, которые минимизируют риски, проистекающие на основе цифрового неравенства. Речь идет о таких составляющих, как цифровая грамотность и компетентность, мотивация, готовность к переобучению, что особенно актуально в свете динамичного развития и технологического совершенствования виртуальных инструментов. Данные факторы, взятые в единстве, «действуют» на протяжении жизни индивида, способствуя его социальному и профессиональному росту. В такой ситуации возникают условия накопления т. н. цифрового капитала, который является одним из условий преодоления цифрового неравенства. Его возникновение обусловлено объективными процессами, которые связаны с расширением пространства цифровых технологий. Будучи частью человеческого капитала, цифровой капитал является самостоятельным феноменом, который в современных условиях во многом обуславливает эффективность человеческой деятельности. Это актуализирует проблему функционирования сферы образования в условиях применения цифровых технологий, важными становятся вопросы, связанные с установлением коммуникаций в пространстве сетевых взаимодействий, в чем особая роль принадлежит образовательным учреждениям. В противном случае усиливаются риски появления разных форм цифрового неравенства, что негативно сказывается в целом на процессах диджитализации, и не только в сфере образования.

Цифровое неравенство принимает некие универсальные черты, по-

сколькx пронизывает общество по горизонтали и вертикали, все сферы человеческой деятельности, классы и социальные страты. Формируется цифровой образовательный мир, развитие которого зависит во многом от качества знаний и компетенций, необходимых для вхождения индивида в инфопространство. Исследователи пишут о процессах социализации (соответственно инклюзии) и адаптации к условиям образовательной среды, инновационный характер которой утверждается с помощью различных инструментов, в том числе через механизмы диджитализации. Чем выше уровень социальной инклюзии, тем выше вероятность преодоления цифрового неравенства, которое наблюдается и в системе образования. Речь идет не только о разрывах в доступе к электронным ресурсам – умение грамотно пользоваться Интернетом, мотивационные стимулы являются не менее важными.

Трактовки понятия цифрового неравенства, анализ условий его возникновения и характера воздействия на социальные процессы и отношения разнятся. Но исследователи единодушны в том, что цифровое неравенство усиливает социальное неравенство, расширяет границы социальной эксклюзии, в пространстве которой оказываются не только уязвимые или социально неблагополучные группы или лица, но и вполне успешные, оказавшиеся по тем или иным причинам в подобной ситуации. Некоторые видят выход в ограничении влияния «цифры», поскольку она создает условия для появления ряда феноменов, таких как «цифровое слабоумие (М. Шпитцер), цифровой (виртуальный) аутизм (М. Замфир), цифровая пещера (В.В. Миронов)» [3, с. 26-27] и даже цифровой луддизм. О негативном влиянии цифровых технологий на сознание молодых людей говорят и пишут многие, поскольку при чрезмерности использования они могут приводить к ослаблению памяти, ухудшению когнитивных способностей. Цифровые нагрузки отражаются на функционировании головного мозга, использование исключительно электронных носителей как основной образовательной платформы разрушает психику, затрудняет процессы запоминания материала, формирует т. н. клиповое мышление.

Как всякое неравенство, цифровое неравенство имеет как позитивные, так и негативные последствия. Плюсы цифрового неравенства состоят в том, что оно является стимулом для дальнейшего развития, фактором преодоления цифровых барьеров. Поскольку цифровизация является одним из признаков социальной стратификации, она в определенном смысле способствует нивелированию социальных различий – представители различных социальных слоев имеют возможности социального роста, повышения социального статуса и престижа. Цифровое неравенство усиливает свойство образования быть социальным лифтом, поскольку расширяет пространство возможностей индивида, нацеленность на освоение современных ИТ-технологий становится доминирующим трендом. Чем выше

уровень цифрового образования, тем выше социальные шансы, тем эффективнее и продуктивнее те или иные формы деятельности, поскольку Интернет является для образованных людей не площадкой для развлечений, а средством интеллектуального роста. Цифровое неравенство, таким образом, нередко выступает в качестве личного драйвера.

Одновременно цифровое неравенство является тормозом социально-экономического и культурного развития. Цифровые разрывы касаются не только ограничений в доступе к Интернету, они существуют в пространстве социума в его различных сферах и структурах – региональных, территориальных, образовательных, возрастных, гендерных и т. д. Кроме того, цифровое неравенство определяется и таким факторами, как оснащенность цифровой инфраструктурой, уровень цифровой грамотности, владения ИТ-инструментами и соответствующими навыками. Применительно к сфере образования ИТ-компетентность важна, поскольку она предполагает не только грамотное использование ИТ-технологий в учебном процессе, но и умение оперировать цифровым контентом, осуществлять поиск и отбор необходимой знаниевой информации. Для реализации образовательных целей необходим достаточно высокий уровень владения цифровыми компетенциями, которые позволяют улучшить качество обучения. Использование ИТ-инструментов способствует минимизированию некоторых негативных последствий, которые могут возникать в процессе обучения, поскольку они расширяют возможности, связанные с реализацией индивидуального подхода, формированием креативности, – в решении как конкретных задач, требуемых образовательной ситуацией, так и перспективных. Методы виртуальной реальности позволяют индивиду шире взглянуть на проблематику изучаемых явлений, соединить в единое целое теоретические знания и практические навыки.

Возможности использования цифровых практик в онлайн-обучении сильно расходятся, и это создает условия для цифрового неравенства, по причине чего возникают сложности для всех участников образовательного процесса. Для этого необходимы свободный физический доступ к ИТ-ресурсам, а также набор цифровых умений, благодаря которым можно своевременно получать необходимые знания, а также устанавливать коммуникации для коллективного сотрудничества. Многочисленные опросы, проведенные в разных регионах, свидетельствуют о наличии множества факторов, которые приводят к появлению цифрового неравенства. Это, безусловно, низкий или недостаточный уровень владения цифровой грамотностью, повышение которой в значительной степени зависит от уровня материально-технической (цифровой) оснащенности образовательных учреждений, от доступности цифровых учебных материалов, образовательных программ, методических и дидактических средств, направленных на повышение цифровой компетентности, которая является одним из ин-

инструментов минимизирования рисков цифровой неравенства.

Российская система образования стоит перед необходимостью глубокой трансформации, поскольку реальность демонстрирует существование цифровых разрывов, которые можно определить как технологическую «неготовность образовательных организаций к развертыванию цифровых инфраструктур» [4, с. 10], и данное обстоятельство может стать «драйвером» цифрового неравенства, тем более что цифровые разрывы могут облекаться в различные формы. Исследователи ведут речь о таких разрывах, как инструментальный, под которым понимается слабая оснащенность цифровыми возможностями; технологический, касающийся отсутствия или недостаточной развитости цифровых компетенций участников образовательного процесса. Трансформация образования в контексте цифровизации возможна исключительно на основе применения новых подходов, которые касаются не только методики и дидактики обучения, но и организационных и управленческих решений, адекватных цифровому времени, с одной стороны, а с другой – приближающие сферу образования к требованиям современной инновационной экономики. Речь идет также и о пересмотре прежней образовательной парадигмы, формировании новой, которая соответствовала бы не только цифровым трендам, но и требованиям, связанным с развитием личностно-ориентированного образования, нацеленного на формирование креативности.

Цифровые разрывы обнаруживают себя повсюду, становясь признаком социальной дифференциации. Нидерландский социолог Ян ван Дейк рассматривает три уровня цифрового неравенства: первый уровень, по мнению ученого, связан с доступом в пространство ИКТ. Когда обеспечен доступ в пространство технологий, в действие вступает второй уровень, когда востребованными становятся операциональные навыки работы с электронными ресурсами, которые помогают эффективнее выполнять задачи и операции во всех видах человеческой деятельности. Одновременно формируются навыки информационной компетентности, необходимые для поиска и обработки информации, а также навыки стратегического мышления, с помощью которых можно выстраивать собственную траекторию развития. Необходимость эффективного применения цифровых инструментов более чем актуальна, поскольку инновационная экономика базируется на использовании IT-технологий, а некоторые отрасли не могут обходиться без них. В таких условиях процесс обучения должен быть выстроен таким образом, чтобы отвечать на потребности современного производства, а значит – быть ориентированным на формирование таких компетенций, которые позволяют максимально продуктивно интегрироваться в пространство цифрового мира. Кроме того, преимущества использования виртуальных инструментов очевидны, что подтверждается социальной практикой.

Объединяющим моментом для всех типов цифрового неравенства является, безусловно, степень доступности к ИТ-ресурсам. По данному показателю существуют глубокие разрывы между странами, и это отражается на специфике функционирования образовательных систем. В ходе процессов глобализации наблюдаются тенденции, связанные с дифференциацией, в том числе и в области цифровизации. В цифровом отношении страны выстраиваются по принципу лидерства и аутсайдерства, что еще больше углубляет цифровое неравенство. Поскольку развитие современного производства возможно на основе применения научных знаний, в том числе посредством цифровизации образования, возникают проблемы, обусловленные низким уровнем интеграции науки, образования и сферы экономики. Данное обстоятельство является более чем важным, т. к. «на первый план выходят...знания в явном, «чистом» виде как основной ресурс индустриально-технологического и общественного развития» [5, с. 74]. Исследователи отмечают возникший парадокс, суть которого состоит в возникновении разрыва «между социальным научением в духе «глобальных компетенций» и десакрализацией традиционного мышления» [6, с. 56], которое в значительной степени формировалось применением традиционных образовательных практик, являющихся сегодня периферийными в сравнении с цифровыми методиками обучения. Находясь в пространстве различных медиаструктур, обучающийся испытывает на себе их противоречивое воздействие, в результате чего оказывается под диктатом соответствующих социальных норм и нравственных установок.

Таким образом, цифровое неравенство является противоречивым феноменом, имеющим множество оснований – социальных, экономических, культурных. Широкое применение ИКТ в системе образования привело к возникновению цифрового неравенства, которое выражается в неравноправном доступе к электронным ресурсам, недостаточном уровне цифровой оснащенности образовательных учреждений, в наличии ограничений с точки зрения владения и применения цифровых инструментов. Следствием цифрового неравенства в образовании становится расширение пространства социальной дифференциации, и это позволяет говорить о нем как об одном из признаков социальной стратификации. Цифровое неравенство ведет к цифровым разрывам, что отрицательно сказывается на развитии индивида, групп индивидов и общества в целом.

Библиографический список

1. Вартанова Е.Л., Гладкова А.А. Цифровое неравенство, цифровой капитал, цифровая включенность: динамика теоретических подходов и политических решений // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2021. № 1. С. 3-29. // URL: <https://istina.cemi-ras.ru/publications/article/359305563/> (Дата посещения: 22.12.2024).
2. Федоренко С.Н. Цифровое неравенство // Большая российская энциклопедия // <https://bigenc.ru/c/tsifrovoe-neravenstvo-23d28c> URL: <https://bigenc.ru/c/tsifrovoe-neravenstvo-23d28c>

(Дата посещения: 22.12.2024).

3. Ефремов О.А. Месседжерная коммуникация и клиповое мышление в условиях цифровизации // Философия и общество. 2023. № 1. С. 23-41. // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3460310/> (Дата посещения: 23.12.2024).
4. Добринская Д.Е., Мартыненко Т.С. Перспективы российского информационного общества: уровни цифрового разрыва // Вестник РУДН. Серия: Социология. 2019. Т. 19. №1. С. 108-120. // URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/178314714/> (Дата посещения: 23.12.2024).
5. Бодрунов С.Д. Ноономика. – М.: 2018. 432 с.
6. Тесленко А.Н. «Информационные пузыри» молодежного сознания // Северный регион: наука, образование, культура. 2023. № 2 (54). С. 54-62. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-puzыri-molodezhnogo-soznaniya> (Дата посещения: 23.12.2024).
7. Никитина Ю.С. Психологические аспекты эффективного обучения в системе высшего образования // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 89-92.

References

1. Vartanova E.L., Gladkova A.A. Digital Inequality, Digital Capital, Digital Inclusion: Dynamics of Theoretical Approaches and Political Decisions // Bulletin of Moscow University. Series 10. Journalism. 2021. № 1. P. 3-29. // URL: <https://istina.cemi-ras.ru/publications/article/359305563/> (12.22.2024).
2. Fedorenko S.N. Digital Inequality // The Great Russian Encyclopedia // URL: <https://bigenc.ru/c/tsifrovoe-neravenstvo-23d28c> (12.22.2024).
3. Efremov O.A. Messenger Communication and Clip Thinking in the Context of Digitalization // Philosophy and Society. 2023. № 1. P. 23-41. // URL: <https://www.socionauki.ru/journal/articles/3460310> (23.12.2024).
4. Dobrinskaya D.E., Martynenko T.S. Prospects of the Russian Information Society: Levels of the Digital Divide // Bulletin of RUDN. Series: Sociology. 2019. Vol. 19. № 1. P. 108-120. // URL: <https://istina.msu.ru/publications/article/178314714/> (23.12.2024).
5. Bodrunov S.D. Noonomics. – M.:2018. 432 p.
6. Teslenko A.N. “Information bubbles” of youth consciousness // Northern region: science, education, culture. 2023. № 2 (54). P. 54-62. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-puzыri-molodezhnogo-soznaniya> (12.23.2024).
7. Nikitina Y.S. Psychological aspects of effective learning in higher education // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 89-92.

Бураев Ф.В.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры юриспруденция. АНОВО «Московский Международный Университет». Доцент кафедры Теории менеджмента и бизнес-технологий, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Доцент кафедры Управления АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского.

Балашова Н.А.

Магистрант. АНОВО «Московский Международный Университет».

Кадровый потенциал муниципального управления*

Аннотация. Проблема кадрового обеспечения органов местного самоуправления является одной из актуальных задач, стоящих на повестке дня. В статье рассмотрены причины и решения проблемы, в частности, в виде комплексной работы, связанной с оптимизацией, развитием и эффективностью человеческих ресурсов (кадров), а также с деятельностью органов власти и управления.

Ключевые слова: кадровый потенциал, государственное управление, муниципальное управление, квалификация, мобильность кадров, мотивация, государственная служба.

Buraev F. V.

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Moscow International University. Associate Professor, Department of Management Theory and Business Technologies, Plekhanov Russian University of Economics. Associate Professor, Department of Management, Zhirinovsky University of World Civilizations.

Balashova N.A.

Master's Student, Moscow International University.

Human resources potential of municipal administration

Abstract. The issue of staffing local governments is a pressing issue. This article examines the causes and solutions, particularly through comprehensive efforts related to the optimization, development, and effectiveness of human resources (personnel), as well as the activities of government and administrative bodies.

Key words: human resources, public administration, municipal administration, qualifications, personnel mobility, motivation, civil service.

* © Бураев Ф.В., Балашова Н.А., 2026.

Кадровый потенциал муниципального управления

Кадровое обеспечение муниципального управления является одним из ключевых факторов эффективного функционирования местных органов власти и реализации публичной политики. Квалифицированные и мотивированные кадры обеспечивают стабильность, прозрачность и качество принимаемых решений, а дефицит специалистов или высокий уровень текучести кадров создают угрозы для устойчивости муниципальной системы. В современных условиях, когда муниципальные органы сталкиваются с растущими административными и социальными нагрузками, особую актуальность приобретает анализ состояния кадрового потенциала, выявление проблем и поиск механизмов их решения.

Анализ структуры кадров муниципальных органов показывает наличие ряда системных проблем. В первую очередь, наблюдается дефицит квалифицированных специалистов в сфере управления, финансов, юриспруденции и информационных технологий. Согласно данным Минэкономразвития РФ, более 40 % муниципальных образований испытывают трудности с подбором кадров, способных решать комплексные управленческие задачи. При этом численность сотрудников муниципальной службы не всегда соответствует объему функций и обязанностей, возложенных на органы местного самоуправления.

Второй важной проблемой является текучесть кадров. Высокий уровень увольнений обусловлен как объективными факторами (низкая заработная плата, ограниченные возможности карьерного роста), так и субъективными (недостаточная мотивация, низкая престижность муниципальной службы). Текучесть кадров снижает эффективность работы муниципальных органов и приводит к потере институциональной памяти, что особенно заметно при реализации долгосрочных проектов и стратегических программ.

Особое внимание уделяется проблемам профессиональной квалификации и непрерывного обучения. В большинстве муниципальных образований отсутствуют системные программы повышения квалификации, адаптированные под специфические задачи местного самоуправления. Это приводит к формированию кадрового потенциала, не полностью соответствующего требованиям современного муниципального управления. Кроме того, выявляется значительный разрыв между подготовкой специалистов в образовательных учреждениях и практическими требованиями муниципальной службы.

Важной проблемой является также недостаточная регламентация мотивационных механизмов. Существующие инструменты стимулирования сотрудников, включая материальное поощрение и возможности карьерного роста, часто оказываются недостаточными или непрозрачными. Отсутствие прозрачной системы оценки эффективности работы и справедливого распределения поощрений формирует недоверие к руководству и

снижает профессиональную мотивацию сотрудников.

С учетом выявленных проблем, можно выделить несколько направлений совершенствования кадрового обеспечения муниципального управления. С учетом выявленных проблем совершенствование кадрового обеспечения муниципального управления требует комплексного подхода, ориентированного на региональные особенности и специфику муниципальных задач. Комплексная кадровая политика должна учитывать не только общие принципы службы, но и численность населения, уровень бюджета, отраслевую структуру функций муниципалитета и степень урбанизации территории. Например, в сельских муниципальных образованиях остро ощущается дефицит специалистов в сфере информационных технологий, финансового контроля и социальной работы, в то время как крупные городские органы власти сталкиваются с перегрузкой административного аппарата и сложностью управления большим числом сотрудников. Эффективная кадровая политика предполагает системное планирование потребности в кадрах, разработку прозрачных карьерных траекторий с учетом квалификации и опыта сотрудников, а также регионально адаптированные меры стимулирования, учитывающие локальные особенности рынка труда и социального пакета. Такой подход позволяет не только снижать дефицит специалистов, но и повышать привлекательность муниципальной службы для квалифицированных кадров.

Важным направлением является усиление системы профессиональной подготовки и повышения квалификации муниципальных служащих. На практике существует разрыв между теоретической подготовкой кадров и практическими задачами, стоящими перед органами местного самоуправления, что снижает эффективность работы. Для его устранения необходимо внедрение комплексных программ обучения, ориентированных на реальные функции муниципалитета. Регулярные курсы повышения квалификации, стажировки в других муниципальных образованиях и государственных органах позволяют перенимать опыт и адаптировать лучшие практики. Особое значение приобретает обучение современным цифровым инструментам, включая системы электронного документооборота и HR-аналитику, что способствует оптимизации рабочих процессов и сокращению рутинных задач. Важным элементом является обмен опытом между муниципальными образованиями через конференции, вебинары и рабочие встречи, создающий сеть знаний, которая помогает эффективно решать схожие управленческие задачи. Дополнительно, формирование индивидуальных образовательных траекторий с учетом компетенций, опыта и карьерных целей сотрудников повышает мотивацию и приверженность работе, обеспечивая непрерывное профессиональное развитие и формирование высококвалифицированного кадрового потенциала.

Не менее значимой является разработка эффективных мотивационных механизмов, направленных на удержание квалифицированных специалистов и повышение их продуктивности. На практике часто наблюдается низкий уровень материальной и нематериальной мотивации, что способствует текучести кадров и снижению качества работы муниципальных органов. Для повышения мотивации необходимо внедрять прозрачные системы оценки эффективности, основанные на объективных критериях, регулярной аттестации и обратной связи, а также обеспечивать реальные карьерные перспективы через четкие схемы продвижения и должностные уровни. Материальное стимулирование, включая премии за достижения, надбавки за сложность работы и участие в проектах повышенной ответственности, должно дополняться нематериальными формами мотивации, такими как признание заслуг сотрудников, награды, возможность участия в интересных проектах, гибкий график работы и доступ к дополнительным образовательным программам. Внедрение систем внутренних рейтингов и конкурсов профессионального мастерства способствует формированию духа здоровой конкуренции, обмену лучшими практиками и повышению профессиональной культуры. Реализация этих мер позволяет создавать мотивированную команду, способную эффективно решать управленческие задачи, улучшать качество муниципальных услуг и повышать доверие населения к органам местного самоуправления.

Не менее важным является внедрение цифровых инструментов кадрового управления. Использование электронных систем управления персоналом позволяет более точно планировать потребности в кадрах, отслеживать результаты работы, анализировать компетенции сотрудников и оперативно реагировать на кадровые дефициты.

Таким образом, состояние кадрового потенциала муниципальных органов управления характеризуется рядом системных проблем, связанных с дефицитом квалифицированных специалистов, высокой текучестью кадров, недостаточной подготовкой и мотивацией сотрудников. Решение этих проблем требует комплексного подхода: разработки регионально адаптированной кадровой политики, повышения профессиональной подготовки, внедрения эффективных мотивационных систем и цифровых инструментов управления персоналом. Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность муниципального управления, укрепить институциональную устойчивость органов местного самоуправления и улучшить качество предоставляемых населению государственных и муниципальных услуг.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями)// СЗ РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 20.03.2025) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»// СЗ РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.
3. Андруник А.П., Суглобов А.Е., Руденко М.Н. Кадровая безопасность. инновационные технологии управления персоналом. Учебное пособие. 2-е изд. – М.: Дашков и Ко. 2020. 508 с.
4. Базаров Т.Ю. Психология управления персоналом. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 381 с.
5. Боговиз А.В., Вукович Г.Г. Совершенствование кадровой политики предприятия как основа эффективного кадрового менеджмента // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2013. № 32. С. 46-50.
6. Коноплева Г.И., Борщенко А.С. Понятие кадрового потенциала и стратегия его развития // Альманах современной науки и образования. 2014. № 2. С. 86-88.
7. Лапшова О.А. Управление человеческими ресурсами. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 406 с.
8. Литвинюк А.А. Управление персоналом – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 498 с.
9. Максимцев И.А. Управление человеческими ресурсами: учебник для вузов. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 467 с.
10. Масалова Ю.А. Инновационный менеджмент в управлении персоналом. – Москва: Издательство Юрайт, 2020. 191 с.
11. Гольцов А.Н., Дедиу Е.И. Экономико-политический симбиоз: британский империализм и идеология свободной торговли как элементы единого национального проекта (вторая половина XIX века – первая треть XX века) // Альманах «Крым». 2025. № 50. С. 21-33.

References

1. Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, as amended) // Collected Legislation of the Russian Federation. 2014. № 31. Article 4398.
2. Federal Law of 06.10.2003 No. 131-FZ (as amended on 20.03.2025) “On the General Principles of Organization of Local Self-Government in the Russian Federation” // Collected Legislation of the Russian Federation. 2003. № 40. Article 3822.
3. Andrunik A.P., Suglobov A.E., Rudenko M.N. Personnel Security. Innovative Technologies of HR Management. Study Guide. 2nd ed. – Moscow: Dashkov i Co. 2020. 508 p.
4. Bazarov T.Yu. Psychology of HR Management. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 381 p.
5. Bogoviz AV, Vukovich GG. Improving the enterprise’s HR policy as a basis for effective HR management // Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law. 2013. № 32. P. 46-50.
6. Konopleva GI, Borshchenko AS. The concept of human resources potential and the strategy for its development // Almanac of modern science and education. 2014. № 2. P. 86-88.
7. Lapshova OA. Human resources management. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 406 p.
8. Litvinyuk AA. Personnel management – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 498 p.
9. Maksimtsev IA. Human Resource Management: A Textbook for Universities. Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 467 p.
10. Masalova, Yu. A. Innovative Management in Personnel Management. – Moscow: Yurait Publishing House, 2020. 191 p.
11. Goltsov A.N., Dediу E.I. Economic-political symbiosis: British imperialism and the ideology of free trade as elements of a unified national project (second half of the XIX century – first third of the XX century) // Almanac “Crimea”. 2025. № 50. P. 21-33.

Брун М.Е.

Аспирант факультета политических и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет».

Сетевая структура акторов политического мейнстрима*

Аннотация. В статье исследуется трансформация политического процесса через призму сетевого подхода и акторно-сетевой теории в условиях цифровизации коммуникационного пространства. Актуальность работы определяется противоречием между массовизацией цифровых практик (82% населения России - регулярные пользователи интернета) и низкой политической активностью в социальных медиа (лишь 2-3% пользователей обращаются к ним для политической коммуникации), что требует переосмысления роли сетевых структур в политическом процессе. Классические социологические подходы, разработанные в эпоху массовых коммуникаций и централизованных институтов, оказываются недостаточными для объяснения феноменов сетевого общества, где возникают новые типы акторов - от инфлюенсеров до алгоритмических систем. Цель исследования состоит в разработке концептуальной рамки для анализа сетевой структуры акторов политического мейнстрима с учётом принципиальной гетерогенности участников политического процесса. Методологическая основа интегрирует акторно-сетевую теорию Б. Латура, концепцию сетевого общества М. Кастельса и российские исследования цифровой политической коммуникации. Теоретический анализ позволил концептуализировать ключевые понятия «политический мейнстрим», «сетевая структура» и «актор», выявить механизмы сетевого взаимодействия и обосновать необходимость включения в аналитическую рамку нечеловеческих акторов - технологических платформ, алгоритмов ранжирования и интерфейсов социальных сетей. Показано, что современный политический мейнстрим организован по сетевому принципу с децентрализацией власти и множественностью центров влияния, а цифровизация представляет собой не появление новых технологий, но фундаментальную трансформацию природы политического взаимодействия через сопряжение онлайн- и офлайн-пространств. Российская специфика определяется особенностями дискурсивных практик, государственным регулированием цифровой среды и поляризацией онлайн-дискурса. Результаты исследования могут быть применены для разработки стратегий политической коммуникации и регулирования цифровых платформ с учётом роли нечеловеческих акторов в формировании политической повестки.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, политический мейнстрим, сетевая структура, цифровизация политики, нечеловеческие акторы.

Brun M.E.

Postgraduate Student of the Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University.

* © Брун М.Е., 2026.

Network structure of political mainstream actors

The article examines the transformation of the political process through the lens of network approach and actor-network theory in the context of digitalization of communication space. The relevance of the work is determined by the contradiction between the massification of digital practices (82% of Russia's population are regular Internet users) and low political activity in social media (only 2-3% of users turn to them for political communication), which requires rethinking the role of network structures in the political process. Classical sociological approaches developed during the era of mass communications and centralized institutions prove insufficient to explain network society phenomena, where new types of actors emerge - from influencers to algorithmic systems. The research aims to develop a conceptual framework for analyzing the network structure of political mainstream actors, accounting for the fundamental heterogeneity of political process participants. The methodological foundation integrates B. Latour's actor-network theory, M. Castells' network society concept, and Russian studies of digital political communication. Theoretical analysis enabled conceptualization of key concepts - «political mainstream», «network structure», and «actor» - identification of network interaction mechanisms, and substantiation of the necessity to include non-human actors in the analytical framework: technological platforms, ranking algorithms, and social network interfaces. It is demonstrated that the modern political mainstream is organized according to network principles with power decentralization and multiple centers of influence, while digitalization represents not the emergence of new technologies but a fundamental transformation of political interaction through the convergence of online and offline spaces. Russian specificity is determined by distinctive discursive practices, state regulation of the digital environment, and polarization of online discourse. Research results can be applied to develop political communication strategies and digital platform regulation accounting for the role of non-human actors in shaping the political agenda.

Key words: actor-network theory, political mainstream, network structure, digitalization of politics, non-human actors.

Введение

Политический процесс последних десятилетий демонстрирует трансформацию организационных форм взаимодействия между субъектами власти, институтами и гражданами. Традиционные иерархические модели, длительное время определявшие конфигурацию политических отношений, постепенно уступают место более гибким, децентрализованным структурам. Цифровизация коммуникационного пространства, стремительное распространение социальных медиа, трансформация публичной сферы - эти процессы изменяют не только технологический ландшафт политики, но и саму природу политического взаимодействия. По нашему мнению, анализ современной политики нуждается в новых теоретических инструментах, способных отразить усложняющуюся архитектуру властных отношений.

Феномен сопряжения сетевого пространства и политической реальности [Носиков, 2021] выступает одной из ключевых детерминант современного политического процесса. Под сопряжением понимается процесс

взаимовлияния и взаимозависимости явлений, протекающих в областях цифровой коммуникации и институциональной политики. Возникновение Web 2.0 как доминирующего принципа проектирования цифровых платформ, предполагающего активное участие пользователей в создании контента и формировании политических сетей, значительно изменяет конфигурацию политического участия. Доля пользователей сети Интернет в мире возросла с 28,8% в 2010 году [Носиков, 2021, с. 94-95] до 67,9% в 2024 году [Кемп, 2025], что свидетельствует о массовизации сетевых практик коммуникации, в том числе и политической. В российском контексте этот процесс выглядит особенно выразительно: по данным всероссийского исследования 2020 года, регулярная аудитория интернета составляет 82% населения, социальных сетей - 68%, причем социальные медиа стали третьим по популярности источником информации после федерального и регионального телевидения [Бараш, 2022, с. 437-438]. Однако массовизация цифровой коммуникации не привела к автоматической политизации аудитории: лишь 2-3% активных пользователей обращаются к социальным медиа для общения с политическими единомышленниками, и не более 1% - для организации политических акций [Бараш, 2022, с. 438]. Этот парадокс требует анализа роли сетевых структур в политическом процессе.

Актуальность исследования связана с несколькими факторами:

- Классические социологические и политологические подходы, разработанные в эпоху господства массовых коммуникаций и централизованных политических институтов, оказываются недостаточными для объяснения феноменов, характерных для сетевого общества.

- Теоретические модели не всегда адекватно отражают эмпирическую практику политического процесса

- Возникновение новых типов акторов - от инфлюенсеров в социальных сетях до алгоритмических систем - ставит под вопрос саму антропоцентричную природу политического анализа.

Степень научной разработанности проблемы демонстрирует любопытную асимметрию. С одной стороны, акторно-сетевая теория, предложенная Бруно Латуром, Джоном Ло и Мишелем Каллоном, получила признание в социологии науки и технологий [Латур, 2014; Ло, 2015]. Представители российской социологической науки активно включились в разностороннее исследование вклада, внесённого АСТ в развитие социологии [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 137-158]. С другой стороны, применение сетевого подхода к анализу политического мейнстрима остаётся фрагментарным, несмотря на его методологическую значимость. Зарубежные исследователи фиксируют возрастающее влияние социальных сетей в политической коммуникации [Писарева, 2021, с. 289], однако концептуализация политического мейнстрима через призму сетевой структуры акторов требует дальнейшего теоретического осмысления.

Теория политических сетей, предшествовавшая акторно-сетевому подходу, прошла длительную эволюцию. В 1970-1980-х годах в Великобритании развивался концепт «политического сообщества» (policy community), согласно которому выработка политики происходит в сегментированных подсистемах [Richardson, Jordan, 1979]. Параллельно в США разрабатывалась концепция проблемных сетей (issue networks), характеризующихся большим числом участников и изменчивым составом [Heclo, 1978]. Последующие исследования М. Маклюэна [Маклюэн, 2007], М. Кастельса [Кастельс, 2016], Г. Рейнгольда [Рейнгольд, 2006] и Д. Кина [Кин, 2015] заложили основу для понимания трансформации политических коммуникаций в цифровую эпоху. Вместе с тем, данные подходы, разработанные преимущественно в 2000-2010-х годах, требуют переосмысления в контексте масовизации сетевых практик минувшего десятилетия [Носиков, 2021, с. 94].

Цель настоящей статьи заключается в разработке теоретической рамки для анализа сетевой структуры акторов политического мейнстрима на основе синтеза положений акторно-сетевой теории и исследований политических коммуникаций в цифровой среде. Достижение поставленной цели предполагает решение следующих задач: концептуализировать ключевые понятия «политический мейнстрим», «сетевая структура» и «актор» в контексте современной социологической методологии; проанализировать механизмы сетевого взаимодействия акторов политического процесса; выявить типологические характеристики акторов политического мейнстрима; обосновать эвристический потенциал сетевого подхода для исследования политической реальности.

Теоретико-методологическая основа

Методологическим фундаментом исследования выступает акторно-сетевая теория, представляющая собой радикальный разрыв с социологическим мейнстримом современности [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 138]. Разрыв этот обоснован отходом современной социологической науки от базовых задач и принципов, заложенных основателями и классиками социологии. За несколько десятилетий своего существования АСТ превратилась из отдельного подхода в влиятельную методологическую парадигму, способную предложить альтернативу традиционным способам концептуализации социального.

Наиболее фундаментальная инновация АСТ связана с «поворотом к вещам» и внесением представления о гетерогенности агентов в понимание социальных процессов [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 147]. Традиционная социология конструирует социальное как исключительно человеческую область, населённую индивидами, группами, институтами. Акторно-сетевая теория, напротив, настаивает на включении в социологический анализ технических компонентов - артефактов, технологий, при-

родных объектов. Важным здесь оказывается термин «актант», заимствованный АСТ из семиотической теории нарратива и инкорпорированный в социологию и онтологию сети ассоциаций гетерогенных актантов [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 149].

В контексте политического анализа это означает необходимость учитывать не только людей - политиков, избирателей, активистов, - но и материальные компоненты политической инфраструктуры: технологические платформы, алгоритмы ранжирования информации, физические пространства политических собраний. Социальное расстояние между акторами сократилось в эпоху цифровых коммуникаций: любой может написать популярному лицу [Писарева, 2021, с. 290]. Однако сама возможность такого контакта опосредована множеством цифровых посредников - интерфейсами социальных сетей, протоколами передачи данных, системами модерации контента.

Сетевой подход к политическому мейнстриму предполагает отказ от понимания политики как заранее заданной сферы социальной жизни. Следуя логике АСТ, политический мейнстрим предстаёт как динамическая система связей между разнородными актантами, постоянно собираемая и пересобираемая через практики взаимодействия. Сетевая структура в данном контексте обозначает не статичную топологию отношений, но динамический процесс, в котором позиции акторов определяются не их внутренними свойствами, а характером связей с другими элементами сети.

Методологическое обоснование подхода связано с преодолением разрыва социологической теории и социальной и политической практики [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 171]. Традиционная политическая социология часто оперирует абстрактными категориями - государство, партия, общественное мнение, - рассматривая их в качестве самостоятельных сущностей. Акторно-сетевая теория предлагает альтернативную стратегию: следовать за самими акторами, исследовать траектории их взаимодействий, фиксировать моменты формирования и распада ассоциаций. По нашему мнению, подобная методологическая установка позволяет избежать априорных теоретических конструкций и сосредоточиться на эмпирически наблюдаемых практиках политического взаимодействия.

Через призму сетевого подхода становится возможным проанализировать не только структуру отношений между политическими акторами, но и процессы стабилизации определённых конфигураций связей, механизмы поддержания границ политического мейнстрима, способы инкорпорации новых элементов в существующие сети. Особую роль приобретает понятие «фигурации» - временной и пространственной организации акторов, возникающей в результате множественных взаимодействий [Денисо-

ва, Полонская, Сусименко, 2022, с. 181].

Дополнительной концептуальной рамкой выступает понятие политического дизайна, понимаемого как структура идей и инструментов, включающая совокупность целей, акторов, правил, институтов и допущений, детерминирующих конфигурацию политического процесса [Schneider, Ingram, 1997]. В контексте сетевого подхода политический дизайн представляет собой паттерн взаимодействий множества гетерогенных акторов, логика которого может быть идентифицирована и проанализирована. Представляется, что сочетание акторно-сетевой методологии с концепцией политического дизайна позволяет преодолеть разрыв между теоретической абстракцией и эмпирически наблюдаемыми практиками политического взаимодействия.

Характеристика сетевой организации политического процесса

Сетевая организация политического процесса в современных условиях определяется несколькими взаимосвязанными тенденциями. Первая из них связана с трансформацией коммуникационной инфраструктуры: Интернет выполняет функции своеобразного социального лифта, сокращая социальное расстояние между его пользователями [Писарева, 2021, с. 290]. Выросла оперативность передачи данных, активность всех участников коммуникационного обмена. Традиционные средства массовой информации проигрывают интернет-СМИ в оперативности предоставления новостей [Писарева, 2021, с. 289]. Цифровизация политических коммуникаций, форсированная пандемией COVID-19, сделала процесс трансформации необратимым [Писарева, 2021, с. 289].

Однако технологические изменения представляют собой лишь наиболее видимый аспект более глубоких структурных сдвигов. Сетевая логика политического взаимодействия предполагает децентрализацию власти, множественность центров принятия решений, горизонтальные связи между акторами. В противоположность иерархическим моделям, где власть концентрируется на вершине пирамиды и транслируется вниз по цепи команд, сетевая структура характеризуется распределённым характером влияния. Позиция актора в сети определяется не формальным статусом, а конфигурацией связей, способностью мобилизовать ресурсы других участников, участвовать в формировании коллективных значений.

Механизмы сетевого взаимодействия

Механизмы, обеспечивающие функционирование сетевой структуры политического мейнстрима, включают несколько ключевых элементов. Прежде всего, это практики установления и поддержания связей между акторами. В цифровом пространстве такие практики опосредованы технологическими платформами социальных сетей. В 2021 году число пользова-

телей интернет-медиа достигло без малого 4 миллиарда человек [Писарева, 2021, с. 289], а в 2024 году уже более 5,5 миллиардов [Кемп, 2025]. Лавинообразный рост числа потребителей интернет-СМИ прямо связан с распространением мобильных устройств: подавляющее большинство пользователей заходят в Интернет при помощи беспроводного доступа [Кемп, 2025].

Особую роль начинают играть лидеры мнений, которых в социальных сетях называют инфлюенсерами [Писарева, 2021, с. 290]. В глазах рядовых пользователей они обладают высоким социальным статусом и лучшей информированностью, тем самым способны оказывать влияние на восприятие информации. Феномен инфлюенсеров демонстрирует действие сетевых эффектов: влияние актора определяется не столько его индивидуальными характеристиками, сколько структурой связей, через которые это влияние транслируется. Речь идёт о формировании цепочек посредничества, где каждый узел сети выполняет функцию трансляции и трансформации политических сообщений. Актёры не просто передают информацию, но активно её интерпретируют, дополняют, изменяют. Получатели сообщений теперь не только принимают их, но способны распространять, а иногда и создавать их самостоятельно [Писарева, 2021, с. 289]. Подобная трансформация коммуникационных практик радикально меняет природу политического процесса. Возникла новая реальность - виртуальная, где факт различия между виртуальным и реальным зачастую не учитывается потребителями [Писарева, 2021, с. 289].

В контексте акторно-сетевой теории эти механизмы интерпретируются как процессы трансляции через цепочки посредников. Каждый актор, включённый в сеть политических коммуникаций, выступает одновременно и получателем, и производителем смыслов. Сообщение, проходя через множество узлов сети, претерпевает трансформацию, обрастает дополнительными коннотациями, связывается с локальными контекстами. Методологический поворот АСТ позволяет преодолеть разрыв социологической теории и социальной и политической практики [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 171].

Типология акторов политического мейнстрима

Типологическая дифференциация акторов политического мейнстрима в рамках сетевого подхода требует отказа от традиционной классификации, основанной на институциональной принадлежности. Акторно-сетевая теория настаивает на принципиальной симметрии между человеческими и нечеловеческими участниками социальных процессов. Понятие актанта распространяется на любые сущности, способные производить различие в конфигурации сети [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 149].

В контексте политического мейнстрима можно выделить несколько типов акторов:

– Индивидуальные акторы: политики, активисты, избиратели, инфлюенсеры. Их агентность реализуется через практики коммуникации, мобилизации, артикуляции требований. Однако редукция политического процесса к взаимодействию индивидов упускает из виду роль коллективных и нечеловеческих акторов.

– Институциональные акторы - партии, государственные органы, общественные организации. Их особенность заключается в способности стабилизировать определённые конфигурации связей, институционализировать практики взаимодействия, обеспечивать воспроизводство политических структур. Институты выступают как «чёрные ящики» - устойчивые сборки, внутренняя сложность которых скрыта от внешнего наблюдателя, но которые действуют как единые актанты.

– Нечеловеческие акторы. Технологические платформы социальных сетей не просто предоставляют нейтральную инфраструктуру для политической коммуникации, но активно формируют её условия. Алгоритмы ранжирования информации определяют, какой контент получит большую видимость. Системы рекомендаций влияют на формирование информационных пузырей. Интерфейсы приложений задают форматы взаимодействия - лайки, репосты, комментарии - которые, в свою очередь, структурируют политические практики.

– Гибридные акторы - сложные сборки, объединяющие человеческие и нечеловеческие элементы. Политическая кампания в социальных сетях представляет собой не действие отдельного субъекта, но результат взаимодействия кандидата, команды специалистов, аналитических инструментов, алгоритмов таргетинга, пользовательского контента. Онтология сети ассоциаций гетерогенных актантов позволяет концептуализировать подобные феномены без редукции к человеческой или технологической составляющей [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022, с. 151].

Эмпирические данные подтверждают гетерогенность и многослойность сетевой структуры политического мейнстрима в России. Исследование показывает, что индивидуальные акторы используют социальные медиа преимущественно для неполитических целей: 68% - для общения с друзьями и знакомыми, 50% - для получения новостей, и лишь 2-3% - для политической коммуникации [Бараш, 2022, с. 438-439]. При этом роль нечеловеческих акторов - алгоритмов ранжирования, систем рекомендаций, интерфейсов платформ - проявляется в том, что 39% респондентов называют социальные сети основным источником информации о важнейших событиях в мире, что превышает показатели радио (20%) и печатной прессы (12%) [Бараш, 2022, с. 438]. Технологические посредники не просто обеспечивают коммуникацию, но активно формируют информационную повестку, определяя, какой контент получит видимость.

Особенностью российского контекста является низкая готовность к

формированию гибридных акторов протестного типа: несмотря на развитые сети цифровой коммуникации, 59-60% активных пользователей не готовы участвовать в протестных выступлениях, а 67-68% - в митингах в защиту демократических прав [Бараш, 2022, с. 447]. Это свидетельствует о том, что сетевая инфраструктура сама по себе не создает политических акторов, но лишь предоставляет потенциальные возможности для их формирования.

Особенности российского контекста

Специфика российского политического контекста накладывает определённые ограничения на применение универсальных теоретических схем. Особую роль начинают играть лидеры мнений - инфлюенсеры, обладающие высоким социальным статусом и способные оказывать влияние на восприятие информации [Писарева, 2021, с. 290]. Социальное поведение сетевых акторов вызывает вполне определённые последствия уже не в виртуальном мире [Бараш, 2022, с. 433]. Случаи увольнения сотрудников после резких высказываний в социальных сетях демонстрируют проницаемость границы между онлайн и оффлайн пространствами.

Российский политический мейнстрим характеризуется сосуществованием централизованных институциональных структур и децентрализованных сетевых форм организации. Государство сохраняет значительную роль в управлении социальными сетями [Писарева, 2021, с. 290], что создаёт специфическую конфигурацию властных отношений. Признание в России блогеров с числом подписчиков свыше 3000 средством массовой информации с присвоением определённой степени ответственности [Писарева, 2021, с. 289] свидетельствует о попытках регулирования сетевых коммуникаций через традиционные механизмы медийного регулирования.

Вместе с тем сетевые формы политической мобилизации демонстрируют определённую автономию от институциональных структур. Возросла скорость обмена информацией, что создаёт новые возможности для координации коллективных действий [Писарева, 2021, с. 289]. Лавинообразное появление фейков [Писарева, 2021, с. 289] становится самостоятельным фактором, влияющим на политический процесс. Границы политического мейнстрима становятся всё более проницаемыми: акторы, ранее находившиеся на периферии политического поля, получают возможность влиять на формирование повестки дня. Российская специфика онлайн-коммуникации заключается не только в государственном регулировании, но и в особенностях самой интернет-аудитории. Как отмечает И.А. Анкудинов, «предрасположенность пользователей к открытой полемике с оппонентами, преобладание скептически настроенных групп, внутреннее устройство сетей, располагающее к комментариям-тредам и оперативной реакции на

новостную ленту,- все это сокращает возможности «ухода» от темы и способствует принятию какой-либо из противоборствующих позиций» [Анкудинов, 2024, с. 173]. Подобная поляризация онлайн-дискурса создаёт ситуацию, при которой границы политического мейнстрима становятся всё более проницаемыми.

Российская специфика проявляется и в особенностях дискурсивных практик политических акторов. Используемый зарубежными исследователями терминологический аппарат для описания и интерпретации политических коммуникаций в социальных сетях отличается от принятого в российских публикациях [Писарева, 2021, с. 290]. Концепт «социальные медиа» зарубежные авторы чаще используют как синоним «сайтов социальных сетей», тогда как в отечественных источниках это понятие трактуется более широко [Писарева, 2021, с. 290]. Подобные различия отражают не только лингвистические нюансы, но и различия в концептуализации самого феномена политических коммуникаций в цифровой среде.

Заключение

Сетевая структура акторов политического мейнстрима представляет собой сложную, динамическую конфигурацию отношений между гетерогенными элементами. Применение акторно-сетевой теории к анализу политического процесса позволяет преодолеть ограничения традиционных подходов, редуцирующих политику либо к действиям индивидуальных субъектов, либо к функционированию абстрактных институтов. Включение в аналитическую рамку нечеловеческих акторов - технологических платформ, алгоритмов, материальных объектов - открывает новые перспективы для понимания механизмов формирования и трансформации политических структур.

Основные выводы исследования связаны с несколькими положениями. Во-первых, политический мейнстрим в современных условиях организован по сетевому принципу, что предполагает децентрализацию власти, множественность центров влияния, горизонтальные связи между акторами. Во-вторых, цифровизация политических коммуникаций не сводится к простому появлению новых технологических средств, но представляет собой фундаментальную трансформацию самой природы политического взаимодействия. В-третьих, типология акторов политического мейнстрима должна учитывать принципиальную гетерогенность участников политического процесса, включая как человеческих, так и нечеловеческих актантов.

Теоретическая значимость предложенного подхода заключается в разработке концептуальной рамки для анализа политических процессов в условиях сетевого общества. Методологический поворот акторно-сетевой теории позволяет вернуть социологию к решению не только научных, но и социально-практических задач [Денисова, Полонская, Сусименко, 2022,

с. 174]. Построение нового отношения социологии к реальности требует отказа от метафизики социальных сил и обращения к эмпирически наблюдаемым практикам взаимодействия акторов.

Практическая значимость исследования связана с возможностью более адекватного понимания механизмов функционирования политического мейнстрима. Признание роли нечеловеческих акторов в политическом процессе имеет прямые импликации для разработки стратегий политической коммуникации, регулирования цифровых платформ, осмысления границ политического участия. Особенности российского контекста требуют учёта специфических конфигураций отношений между государственными институтами, сетевыми структурами и технологическими платформами.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением конкретных конфигураций сетевой структуры политического мейнстрима. Представляется продуктивным проследить траектории формирования политических ассоциаций, механизмы стабилизации определённых конфигураций связей, процессы включения новых акторов в существующие сети. Особый интерес представляет изучение моментов кризиса и трансформации политических структур, когда устойчивые сборки распадаются и возникают новые конфигурации отношений. Возможно, именно в такие моменты наиболее явно проявляется сетевая природа политического мейнстрима, обычно скрытая за фасадом институциональной стабильности.

Библиографический список

1. Анкудинов И.А. Патриотический дискурс в Рунете: до и после 24 февраля 2022 г. // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2024. № 2. С. 153-177. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2515.
2. Бараш Р.Э. Социальные медиа как фактор формирования общественно-политических установок, российский контекст // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 2. С. 430-453. – DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1980.
3. Денисова Г.С. Акторно-сетевая теория: инновационные аспекты социологической методологии / Г.С. Денисова, И.Н. Полонская, Е.В. Сусименко // Вестник Института социологии. 2022. Том 13. № 2. С. 137-158.
4. Кастельс М. Власть коммуникации / М. Кастельс; пер. с англ. Н.М. Тылевич; под науч. ред. А.И. Черных. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
5. Кин Д. Демократия и декаданс медиа / Д. Кин; пер. с англ. Д. Кралечкина; под науч. ред. А. Смирнова. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
6. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур; пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 382 с.
7. Ло Дж. После метода: беспорядок и социальная наука / Дж. Ло; пер. с англ. С. Гавриленко, А. Писарева и П. Хановой; под ред. С. Гавриленко. – Москва: Институт Гайдара, 2015. 352 с.
8. Маклюэн М. Понимание медиа: внешние расширения человека / М. Маклюэн; пер. с англ. В. Николаева. – Москва: Гиперборей, 2007. 464 с.
9. Носиков А.А. Сопряжение сетевого пространства и политической реальности: интерфейсы, вызовы и политические дизайны // Политическая наука. 2021. № 4. С. 92-116.
10. Писарева А.Н. Социальные сети в современных политических коммуникациях: контент-анализ научных статей в зарубежной периодике // Вестник Кемеровского государственного университета. 2023. № 1. С. 12-18.

ного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2021. Т. 6. № 3. С. 289-303.

11. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / Г. Рейнгольд; пер. с англ. А. Гарькавого. – Москва: ФАИР-ПРЕСС, 2006. 416 с.

12. Hecló H. Issue networks and the executive establishment // *Public Adm. Concepts Cases*. 1978. Vol. 413. P. 46-57.

13. Kemp S. Digital 2025: Global Overview Report / S. Kemp // *DataReportal – Global Digital Insights*. 2025. 5 февр. // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (Дата обращения: 12.01.2026).

14. Richardson J.J. Governing under pressure: the policy process in a post-parliamentary democracy // J.J. Richardson, A.G. Jordan. – Oxford: Martin Robertson, 1979. 212 p.

15. Schneider A.L. Policy design for democracy / A.L. Schneider, H.M. Ingram. – Laurence, USA: University press of Kansas, 1997. 256 p.

16. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // *Almanac “Crimea”*. 2025. № 49. P. 103-110.

References

1. Ankudinov I.A. Patriotic discourse in RuNet: before and after February 24, 2022 // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2024. № 2. P. 153-177. – DOI: 10.14515/monitoring.2024.2.2515.

2. Barash R.E. Social media as a factor in the formation of socio-political attitudes, the Russian context // *Monitoring of public opinion: economic and social changes*. 2022. № 2. P. 430-453. – DOI: 10.14515/monitoring.2022.2.1980.

3. Denisova G.S. Actor-network theory: innovative aspects of sociological methodology / G.S. Denisova, I.N. Polonskaya, E.V. Susimenko // *Bulletin of the Institute of Sociology*. 2022. Vol. 13. № 2. P. 137-158.

4. Castells M. The Power of Communication / M. Castells; translated from English by N.M. Tylevich; under scientific ed. A.I. Chernykh. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 564 p.

5. Keene D. Democracy and Decadence of Media / D. Keene; translated from English by D. Kralechkin; under scientific ed. A. Smirnov. – Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2015. 312 p.

6. Latour B. Reassembling the Social: Introduction to Actor-Network Theory / B. Latour; translated from English by I. Polonskaya; under scientific ed. S. Gavrilenko. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2014. 382 p.

7. Lo J. After Method: Disorder and Social Science / J. Lo; trans. from English by S. Gavrilenko, A. Pisarev, and P. Khanova; edited by S. Gavrilenko. Moscow: Gaidar Institute, 2015. 352 p.

8. McLuhan M. Understanding Media: The External Extensions of Man / M. McLuhan; trans. from English by V. Nikolaeva. Moscow: Hyperborea, 2007. 464 p.

9. Nosikov A.A. The Conjugation of Network Space and Political Reality: Interfaces, Challenges, and Political Designs // *Political Science*. 2021. № 4. P. 92-116.

10. Pisareva A.N. Social Networks in Modern Political Communications: Content Analysis of Scientific Articles in Foreign Periodicals // *Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological, and Economic Sciences*. 2021. Vol. 6. № 3. P. 289-303.

11. Reingold G. Smart Crowd: The New Social Revolution / G. Reingold; trans. from English by A. Garkavy. – Moscow: FAIR-PRESS, 2006. 416 p.

12. Hecló H. Issue networks and the executive establishment // *Public Adm. Concepts Cases*. 1978. Vol. 413. P. 46-57.

13. Kemp S. Digital 2025: Global Overview Report / S. Kemp // *DataReportal – Global Digital Insights*. 2025. 5 февр. // URL: <https://datareportal.com/reports/digital-2025-global-overview-report> (12.01.2026).

14. Richardson J.J. Governing under pressure: the policy process in a post-parliamentary democracy // J.J. Richardson, A.G. Jordan. – Oxford: Martin Robertson, 1979. 212 p.

15. Schneider A.L. Policy design for democracy / A.L. Schneider, H.M. Ingram. – Laurence, USA: University press of Kansas, 1997. 256 p.

16. Shevtsov V.V., Radchenko R.V. Digital identity and the formation of new socio-cultural patterns in the conditions of the Kuban agricultural enterprise // *Almanac “Crimea”*. 2025. № 49. P. 103-110.

Гаева А.В.

Старший преподаватель кафедры ГСЭН. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург. SPIN-код: 5223-6202

Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты*

Аннотация. В статье представлено исследование эффективности деятельности региональной политической элиты. Политическая элита – одна из ведущих социальных групп. Она занимает видное место в социальной структуре общества и играет значительную роль в общественном развитии. Ее социальную роль на современном этапе нельзя объяснить только статусными признаками или преобразованиями, затронувшими различные сферы общественной жизни. Элита напрямую связана с реализацией ряда общественных потребностей, прежде всего в сохранении стабильности общества, создании рациональных и обоснованных управленческих парадигм и технологий, обеспечивающих эффективную организацию управленческого процесса и поступательное развитие общества. Определение эффективности политической элиты и выявление результатов управления социально-экономическими системами остается одной из наименее исследованных областей политической науки. Еще больше сложностей этот вопрос вызывает в практической деятельности органов власти и управления. Вместе с тем совершенно очевидно, что оценка эффективности политической элиты представляет чрезвычайную практическую ценность, поскольку позволяет определить, насколько правильно выбраны направления деятельности и какой результат она приносит.

Ключевые слова: элита, политическая элита, региональная политическая элита, эффективность, эффективность деятельности региональной элиты, политическое управление.

Gaeva A.V.

Senior Lecturer, Department of State Sanitary and Epidemiological Supervision, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education “Ural State Pedagogical University”, Yekaterinburg. SPIN-code: 5223-6202

Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite

Abstract. The article presents a study of the effectiveness of the regional political elite. The political elite is one of the leading social groups. It occupies a prominent place in the social struc-

* © Гаева А.В., 2026.

Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты

ture of society and plays a significant role in social development. Its social role at the current stage cannot be explained solely by its status or the transformations that have affected various aspects of society. The elite is directly involved in fulfilling a range of social needs, primarily in maintaining the stability of society, creating rational and justified management paradigms and technologies that ensure the effective organization of the management process and the progressive development of society. Determining the effectiveness of the political elite and identifying the results of managing socio-economic systems remains one of the least studied areas in political science. This issue is even more challenging in the practical activities of government and administration bodies. At the same time, it is quite obvious that assessing the effectiveness of the political elite is of great practical value, as it allows us to determine whether the chosen areas of activity are correct and what results they bring.

Key words: elite, political elite, regional political elite, efficiency, efficiency of the regional elite, political management.

Определение эффективности политической элиты и выявление результатов управления социально-экономическими системами остается одной из наименее исследованных областей политической науки. Еще больше сложностей этот вопрос вызывает в практической деятельности органов власти и управления. Вместе с тем совершенно очевидно, что оценка эффективности политической элиты представляет чрезвычайную практическую ценность, поскольку позволяет определить, насколько правильно выбраны направления деятельности и какой результат она приносит. Проблематика эффективности деятельности элиты рассматривалась и в работах зарубежных исследователей.

Эффективность политической элиты рассматривается политологами как комплексное социокультурное и политико-экономическое явление, которое дополняет легитимность и способно стабилизировать и развивать общественную систему даже в условиях недостаточной легитимности деятельности политических управленцев. Нужно также подчеркнуть и историчность подхода к оценке эффективности в зависимости от целей и задач, которые объективно в конкретное время и в конкретный исторический период стоят перед обществом в его функционировании и развитии. Ряд современных исследователей считают, что современные региональные элиты России являются до сегодняшнего дня выходцами из советской номенклатурной элиты, при сохранении стиля их управления.

Нынешнее состояние политико-административной элиты и эффективность ее функционирования определяется рядом социально-политических факторов, таких как исторический, общественно-политический, собственно политический, социально-экономический и социокультурный факторы [4, с. 119]. Проанализируем деятельность региональной политической элиты, исходя из контекста данных факторов.

Метод исследования – глубинное экспертное интервью.

Объект исследования – экспертные группы:

1. политики, которые не являются представителями региональной политической элиты, но обладают достаточной компетентностью в вопросах деятельности данного субъекта политической власти;
2. ученые, занимающиеся исследованием проблемы эффективности политической элиты.
3. журналисты, работающие как в телевизионной, так и в печатной прессе по политическим вопросам.

В каждую группу на основе **квотной выборки** было отобрано по 10 человек. Инструментарием исследования был бланк глубинного экспертного интервью.

Предмет исследования – мнение экспертов об эффективности деятельности региональной политической элиты Свердловской области в период с сентября 2022 года по сентябрь 2025 года.

Выбор метода глубинного интервью экспертов был обусловлен тем, что, во-первых, региональная политическая элита является закрытой социальной группой; во-вторых, эксперты – это люди, обладающие наивысшей компетентностью в изучаемом вопросе; в-третьих, гражданское общество в современной России еще в достаточной мере не сложилось и большое количество граждан отчуждены от политики, поэтому опрос общественного мнения не может дать полную и объективную информацию по исследуемой проблеме.

Одним из показателей эффективности деятельности политической элиты является удовлетворенность населения ее деятельностью. В результате исследования эксперты сходятся во мнении о том, что население не удовлетворено деятельностью региональной политической элиты (экс. 1 (наука) «население не удовлетворено деятельностью региональной политической элиты»; экс. 11 (политика) «нет удовлетворенности среди населения деятельностью региональной политической элиты»; экс. 30 (СМИ) «сегодня население крайне не удовлетворено деятельностью региональной политической элиты». Эксперты выделяют ряд причин, обуславливающих эту неудовлетворенность:

- 1) постоянный рост цен на товары повседневного спроса (экс. 3 наука);
- 2) в своей деятельности представители региональной политической элиты мало учитывают интересы населения (экс. 3 наука);
- 3) проводимая социальная политика в регионе носит паллиативный характер (экс. 4 наука);
- 4) недостаточно высокий уровень материального благосостояния отдельных категорий граждан и как следствие этого обострение социального неравенства в регионе (экс. 8 наука);
- 5) социальные программы, существующие в регионе, на практике недостаточно реализуются (экс. 9 наука);

6) деятельность региональной политической элиты мало профессиональна и не очень эффективна (экс. 15 политика);

7) неудовлетворенность связана с обострением социальных противоречий в регионе (экс. 18 политика);

8) цели деятельности региональной политической элиты нередко противоречат нуждам населения (экс. 24 СМИ);

9) неудовлетворенность обусловлена отсутствием полноценного диалога населения и элиты (экс. 25 СМИ);

10) не удовлетворено население деятельностью региональной политической элиты, так как эта деятельность не имеет в качестве своей первоочередной цели улучшение жизни граждан (экс. 29 СМИ).

Повышение удовлетворенности населения напрямую связано с улучшением качества жизни людей в регионе, а именно всех социальных групп, входящих в социальную структуру (экс. 16 политика). Кроме этого, «региональная политическая элита должна быть более открытой населению и определять свою деятельность соответственно требованиям и нуждам населения» (экс. 6 наука).

В последнем высказывании присутствует определенное недопонимание, связанное с тем, что политическая элита почти всегда одна из самых закрытых социальных групп общества. Тем более в современной России открытость политической элиты просто невозможна, так как все демократические процессы, в том числе и нынешний, находятся в начальной стадии своего становления. Следствием закрытости данной социальной группы является «отсутствие политического диалога элиты региона и граждан» (экс. 20 СМИ).

Из ответов экспертов следует, что, интегральным показателем эффективности политической элиты является ее способность достичь высоких социально-экономических результатов и обусловленная этим удовлетворенность или неудовлетворенность населения ее деятельностью. С позиции интервьюируемых, в Свердловской области показатель удовлетворенности населения достаточно низкий. Это обусловлено, в частности, полярным имущественным расслоением общества в регионе (по данным Облстата, разрыв между доходами самых богатых и самых бедных в области составляет 16,7 раз), ведущим к неудовлетворенности отдельных социальных слоев деятельностью региональной элиты, несмотря на относительно высокие в целом социально-экономические результаты регионального развития.

Истинно демократическая политическая элита – это информационно открытая для гражданского общества. Региональной политической элите Свердловской области эта характеристика вряд ли присуща. Все эксперты без исключения утверждают это в своих высказываниях. Возникает вопрос о том, каким образом обеспечить информационную открытость

региональной элиты и создать ситуацию информационного диалога с населением. В ответе на данный вопрос выделяется три группы суждений экспертов. Первая группа экспертов в области науки считают, что создание информационной открытости региональной политической элиты возможно через СМИ, в частности телевидение и прессу (экс. 4 наука «расширить область информационных каналов – независимых информационных каналов СМИ»; экс. 5 наука «через большую открытость и демократичность СМИ и элиты до населения дойдет максимум достоверной информации о деятельности региональной элиты»; экс. 9 наука «освещать объективно свою деятельность в телевизионных, газетных СМИ, а также в Интернете, который должен быть более доступным всему населению, в отдаленных селах региона это малодоступно»). Эксперты в области политики сходятся во мнении о том, что информационная открытость региональной политической элиты – это прямой диалог с населением. Этот диалог возможен посредством использования разных форм, таких как, например, общественные приемные, встречи с избирателями и т.д. (экс. 13 политика «информационная открытость является обязательным условием деятельности элиты. Для ее осуществления необходим прямой диалог с населением»; экс. 14 политика «только диалог с гражданским обществом, встречи с населением должны быть регулярными, а не только в период предвыборных кампаний»; экс. 19 политика «отчеты перед населением всех представителей региональной политической элиты о проделанной работе за определенный период времени»).

Третья группа экспертов (журналисты) утверждает, что только Интернет и его использование со стороны всего населения и элиты может обеспечить информационную открытость последней (экс. 25 СМИ «самый оптимальный способ – это общение по всем насущным вопросам через Интернет»; экс. 23 СМИ «создать практику общения и диалога элиты и населения через Интернет»). В целом «информационная открытость элиты может быть реализована через все возможные средства массовой коммуникации» (экс. 30 СМИ). Таким образом, информационная открытость региональной политической элиты и ее способность к диалогу с населением является значимым показателем эффективности деятельности данного субъекта политики.

На сегодняшний день эксперты констатируют, к сожалению, информационную закрытость региональной элиты. Несмотря на постоянное освещение в местных СМИ и печати некоторой информации о деятельности региональных властей, практически отсутствует постоянный и содержательный информационный диалог с населением. Поэтому вряд ли можно говорить, что такой стиль бессистемных контактов с жителями области характеризует региональную элиту как общественно-эффективную.

Проблема эффективности деятельности политической элиты связана с

уровнем личностного развития и профессиональной подготовки ее представителей. Личностно-профессиональные черты – важное условие качества деятельности политической элиты. По мнению экспертов, представители политической элиты должны обладать следующими качествами.

Личные качества: «чистое прошлое», независимость, упорство, целеустремленность, жесткость, справедливость, рассудительность, активность, ответственность, коммуникабельность, исполнительность, порядочность, бескорыстность, пунктуальность, дипломатичность, сила воли, стремление к достижению своих целей, терпимость, харизма, смелость, влияние, авторитетность, властность, выдержка и рассудительность, хитрость, мобильность, талант, молодость, принципиальность.

Профессиональные качества: компетентность, политическая ответственность, образованность, авторитетность, преданность своей профессии, склонность к политико-управленческой деятельности; умение быстро принимать ключевые политические решения; способность к самостоятельным действиям, за которые необходимо нести личную ответственность; исходить в своей деятельности не столько из своих целей и интересов, но учитывать, в первую очередь, интересы граждан; соответствовать возрастному европейскому критерию политического деятеля. «Стандартным общемировым показателем оптимального возраста представителей политической элиты является – 52-54 года».

В полной мере всеми этими качествами, по мнению экспертов, представители региональной политической элиты Свердловской области не обладают.

В дополнение к рассматриваемым личностным и профессиональным качествам указываются такие, как наличие профильного диплома (элитарное образование администратора высшего государственного уровня) и опыт управленческой деятельности. Эти два качества, по мнению экспертов, подлинной элите необходимы (14 экспертов – 47 % - придерживаются данной позиции – экс. 10 «хорошо и то и другое, человек, умеющий правильно использовать вложенные в него знания и умеющий учиться по жизни самостоятельно, за короткий период станет хорошим руководителем с опытом управления»; экс. 11 «чтобы максимально реализоваться в карьере, тем самым принести пользу, нужны и знания, и диплом, и опыт управления, так как теория без практики невозможна»; экс. 15 «необходимо иметь диплом, блестящие знания своего дела и опыт управления»). Оставшиеся 53 % (26 экспертов) разделились во мнении о том, что эффективной политической элите необходим только опыт управления (37 % - 11 экспертов) и только профильный диплом (16 % - 5 экспертов).

Так же важным аспектом и качественным показателем деятельности политической элиты является ее сотрудничество с экспертами (учеными), которое может стать фактором высокой продуктивности ее деятельно-

сти. Эту позицию подтвердили в своих высказываниях все опрошенные эксперты (в области политики, науки и журналистики). Но объективная оценка экспертами этого сотрудничества представителей региональной политической элиты негативная, так как она или совсем не сотрудничает, или очень редко обращается к экспертам (ученым) (экс. 2 наука «очень редко представители региональной политической элиты обращаются к экспертам (ученым)»; экс. 4 наука «к сожалению, политическая элита в своей деятельности опирается только на собственное мнение, практически не прибегая к помощи экспертов»; экс. 9 наука «взаимодействие элиты с экспертами происходит очень редко»; экс. 11 политика «очень редко сотрудничают с экспертами»; экс. 30 СМИ «очень редко»).

В противовес идеальному образу политической элиты (как совокупности рассмотренных выше личностных и профессиональных качеств) эксперты в своих оценках создают непривлекательный образ региональной политической элиты Свердловской области, которой присущи, с их точки зрения, следующие черты – отсутствие политической ответственности, коррумпированность, «игнорируют насущные проблемы граждан», отсутствие полного обновления региональной политической элиты, бесконтрольность принимаемых решений и действий, закрытость и отчужденность от общества, злоупотребление властью, длительный срок пребывания во власти и региональном управлении, непонимание нужд граждан, частое использование своего положения в личных корыстных целях, безответственность, лживость, неспособность эффективно организовать политическую деятельность, недостаточное внимание к отдельным и социально уязвимым слоям населения. Но ряд экспертов (экс. 7, экс. 15, экс. 18, экс.20) выделяют и несколько положительных характеристик современной региональной политической элиты – профессионализм, ответственность за принимаемые политические решения, соответствие целей и результатов деятельности, ориентация в деятельности на насущные проблемы общества. В итоге можно констатировать, что негативных характеристик все-таки значительно больше, чем позитивных.

Очевидно, что выделенные качественные характеристики элиты обуславливают отношение населения региона к ее деятельности. Если ее представители к запросам и пожеланиям населения прислушиваются (т.е. она ориентируется на интересы граждан), то это способствует позитивному восприятию ее политических действий. Однако, с точки зрения экспертов, интересы населения очень часто игнорируются элитой Свердловской области и лишь иногда и удовлетворяются. Вот почему существует отношение (от крайне негативного до позитивного) населения к действиям региональной элиты и, вместе с тем, недоверие в целом к ее деятельности (экс. 30 СМИ «недоверие населения возрастает, оно обусловлено коррумпированностью представителей региональной политической элиты»;

экс. 1 наука «недоверие со стороны населения обусловлено непониманием большинства решений, принимаемых элитой»; экс. 3 наука «в последнее время возрастает недоверие со стороны населения к представителям региональной политической элиты. Это обусловлено несоответствием слов (положений, обещаний) представителей региональной политической элиты конечным результатам их деятельности»; экс. 4 наука «элита очень далека от народа, но сами люди тоже не проявляют интереса к политике. Все это говорит о несформированности гражданского общества»; экс. 5 наука «недоверие населения к представителям элиты оправдано. Например, реализация социальных гарантий и льгот на практике в полной мере не выполняется. В связи с этим появляется недовольство, недоверие к власти у жителей региона»; экс. 10 наука «недоверие обусловлено злоупотреблением региональной политической элитой властью»; экс. 13 политика «недоверие присутствует, оно обусловлено полным отчуждением региональной политической элиты от нужд населения»). Недоверие со стороны населения к представителям региональной политической элиты в дальнейшем способствует «нарастанию социального конфликта между данными социальными группами» (экс. 1 наука) и «негативному отношению со стороны населения к представителям элиты и региональной власти в целом» (экс. 2 наука). Но эксперты констатируют, что со стороны региональной политической элиты проводятся попытки разрешить данную ситуацию – снизить недоверие и социальное недовольство населения. К таким формам деятельности элиты эксперты относят: 1) «увеличение социальных гарантий и льгот (но пока в основном только на бумаге» экс. 1 наука; 2) «повышение уровня благосостояния населения, попытки преодоления разрыва в доходах между самыми богатыми и самыми бедными. Но на сегодняшний день данные цели не достигнуты» экс. 3 наука; 3) «региональная элита старается выполнить свои обязательства по улучшению качества жизни населения, но до конца данная цель не достигнута» экс. 5 наука; 4) «попытка решения социальных проблем насущных для населения. Оптимальных результатов пока не достигли» экс. 6 наука; 5) «улучшение качества жизни населения региона, но пока только на словах» экс. 7 наука; 6) «попытка проведения эффективных социальных реформ, но пока данные попытки заканчиваются неудачами» экс. 8 наука; 7) «разработка новых социальных программ, удовлетворяющих разнообразные потребности населения, но пока данные программы существуют только в теории» экс. 9 наука; 8) «проведение реформ в социальной сфере» экс. 12 политика.

Четкое выполнение элитой в полном объеме предписанных ей функций и контроль за их реализацией в соотношении с целями и задачами ее деятельности можно рассматривать в качестве показателя эффективности. В норме стратегической целью деятельности региональной элиты является превращение региона в современный экономически развитый и соци-

ально благополучный субъект нынешней России. По мнению экспертов, однако, основной целью Свердловской региональной элиты является любой ценой удержать власть и защитить достигнутое положение, и, вместе с этим, обеспечить достойную и благополучную жизнь, в первую очередь себе, своим родственникам и клиентеллам (все 30 экспертов поддерживают данное суждение). Эта тенденция характерна и для общероссийской элиты, о чем достаточно давно уже заявляла О. Крыштановская: «...усилия элиты сегодня направлены прежде всего на концентрацию власти в своих руках, а не на развитие страны» [2]. Из двойных стандартов деятельности следует и особенность деятельности элиты, а именно лишь частичное выполнение региональной элитой Свердловской области предписанных ей функций (данные нормативные функции были обозначены в первой главе работы). Основные функции региональной политической элиты и их выполнение по мнению экспертов следующее:

- 1) обеспечение общих для данной территории задач социально-экономического развития – выполняется полностью;
- 2) исполнение законов РФ в регионе – выполняется частично ;
- 3) осуществление связи между органами государственной власти и управления федерации и органами местного управления – выполняется полностью;
- 4) привлечение населения и его организаций к управлению регионом – совсем не выполняется;
- 5) управление собственностью, земельными и другими природными ресурсами – выполняется полностью;
- 6) участие в формировании и подлинной реализации на своей территории государственных программ – выполняется частично;
- 7) содействие становлению и развитию системы местного самоуправления – выполняется не в полном объеме;
- 8) контроль за эффективностью размещения производственных и социальных объектов, рациональным использованием природных ресурсов, охраной окружающей среды, социальной защитой населения – совсем не выполняется;
- 9) участие во внешнеэкономических связях – выполняется полностью.

Таким образом, по мнению экспертов, такие функции элиты как привлечение населения и его организаций к управлению регионом и функция контроля за эффективностью размещения производственных и социальных объектов, рациональным использованием природных ресурсов, охраны окружающей среды и социальной защиты населения – не реализуется совсем. Очевидно, что, это свидетельствует о недостаточно эффективной деятельности региональной политической элиты. С целью связан и мотивы деятельности элиты, главными из которых (с позиции экспертов) являются «укрепление собственного социального положения и повышение

уровня собственного благосостояния», а также «собственный рост и продвижение по карьерной лестнице, обогащение и нажива». Поэтому можно, с учетом данных об имущественном положении элиты, говорить о том, что для себя она является достаточно эффективной, а для граждан – нет.

Деятельность региональной политической элиты должна, с точки зрения экспертов, подвергаться контролю. Осуществление данного контроля могут осуществлять:

1. Федеральная власть (элита): «контроль за деятельностью региональной политической элиты должны осуществлять федеральные власти. Введение только полномочного представителя недостаточно для эффективного контроля» экс. 5 наука; «необходимо усиление контроля за деятельностью региональной элиты со стороны федеральной» экс. 10 наука. За данную позицию высказались – 11 экспертов.

2. Этот контроль может осуществлять население региона – 12 экспертов поддержали данное утверждение.

3. Правоохранительные органы – 4 эксперта.

4. Сама региональная политическая элита должна осуществлять самоконтроль за собственной деятельностью – 3 эксперта.

5. Также контролирующую функцию должны осуществлять все из вышеперечисленных субъектов, а именно «вышестоящие органы (федеральная власть), правоохранительные органы и сами граждане» экс. 13 политика – 1 эксперт. Целостность и всесторонность контроля может обеспечить большую эффективность деятельности региональной политической элиты.

Важнейшим показателем эффективности деятельности региональной политической элиты является уровень материального благосостояния населения региона. Этот показатель в оценках экспертов получил следующие характеристики: «уровень благосостояния региона разнообразен и неоднороден» экс. 1 наука; «полярный, от крайне высокого (сверхдоходов) до крайне низкого (нищеты) и в дальнейшем поляризация будет усиливаться» экс. 15 политика; «уровень благосостояния региона достаточно высокий, но существует ситуация крайне полярного расслоения среди населения. И эта поляризация с каждым годом усиливается» экс. 23 СМИ; «...различный. Уровень благосостояния может вырасти у всех социальных групп, но необходимо проводить усиленную социальную политику» экс. 7 наука; «уровень благосостояния региона очень полярный – от очень высокого до крайне низкого» экс. 18 политика; «население региона является крайне раздробленным по уровню своих доходов и в целом благосостояния» экс. 27 СМИ. Таким образом, анализируя данные суждения экспертов, можно сделать вывод о том, что уровень благосостояния населения в регионе различный, наблюдаются процессы полярного социального расслоения, которые могут в дальнейшем обу-

словить социальные конфликты в регионе.

Об эффективности деятельности региональной политической элиты свидетельствует ряд политических показателей, определяющих особенности процессов ее циркуляции и рекрутирования. Формирование региональной политической элиты Свердловской области происходит двумя способами: назначение (на пост губернатора; полномочного представителя региона) и альтернативные выборы (депутатов Областной Думы)¹. Способ назначения оказывает прямое влияние на эффективность деятельности элиты и является показателем развитости гражданского общества и политических институтов в регионе. В демократических условиях, к созданию которых стремится современное российское общество, в механизме формирования различных субъектов власти должны преобладать альтернативные выборы, а также конкурсы на замещение вакантных должностей. Именно эти способы формирования политической элиты способны создать настоящую политическую и эффективную команду политиков на разных уровнях власти.

Для политической элиты Свердловской области характерен процесс циркуляции через 15-20 лет, а среднее количество лет пребывания у власти также составляет, в среднем, 20 лет. Это свидетельствует о том, что процесс необходимого политического обновления элиты отсутствует и приводит к ее политическому застою, что оказывает негативное влияние на ее эффективность. Не обновляющаяся политическая элита вряд ли может быть в полной мере адекватна решению насущных и новых общественных проблем. Поэтому О. Крыштановская отмечает, что сегодня «конкуренции элит практически нет, есть конкуренция групп внутри элиты» (Крыштановская, 2004). С данной позицией в своих высказываниях единодушны эксперты, они полностью ее разделяют. Также важным и значимым является представительность региональной политической элиты, т.е. процесс рекрутирования ее кадров из различных социальных групп. По оценке экспертов, социальное представительство региональной политической элиты Свердловской области не является достаточным, так как не отражает всей социальной структуры населения.

Процессы циркуляции и рекрутирования элиты связаны с ее управленческой эффективностью, зависящей и от ее образовательного уровня. Управленческая эффективность проявляется в своевременном и рациональном решении элитой социально-политических проблем и конфликтов в обществе (т.е. в умении стабилизировать обстановку). Она также зависит от ее организованности и сплоченности, способности к конструк-

1 «Устав Свердловской области» от 23.12.2010 N 105-ОЗ (ред. от 20.12.2022) (принят Областной Думой Законодательного Собрания Свердловской области 30.11.2010) // URL: https://docs.yandex.ru/docs/view?tm=1761318079&tld=ru&lang=ru&name=ustav_sverdlovskoi_oblasti_ot_23122010_n_105-oz_red_ot.pdf&text

тивной деятельности, уровня правовой культуры и политической ответственности.

Основными составляющими управленческой эффективности (по мнению экспертов) является: 1) профессионализм элиты; 2) способность ставить социально значимые цели и с минимальной затратой ресурсов их достигать; 3) разработка и реализация таких политических решений, которые были бы актуальны для различных социальных групп населения; 4) компетентность элиты в ее политико-административной деятельности; 5) умение решать сложные управленческие ситуации в короткие сроки. Управленческая эффективность зависит и от качественного состава элиты, а также от устройства государственного аппарата.

С позиции экспертов, деятельность региональной политической элиты Свердловской области характеризуется низкой управленческой эффективностью. Это обусловлено отсутствием своевременности в решении насущных проблем населения, недостаточным уровнем профессиональной компетентности, слабой организованностью и сплоченностью данной социальной группы. Низкая управленческая эффективность также является следствием невысокой легитимности элиты и отсутствием у нее в полной мере политической ответственности, которая проявляется в строгом и четком осуществлении собственных полномочий и решении важных проблем стоящих перед обществом.

Для повышения управленческой эффективности элиты необходимо ее рекрутирование по антрепренерской системе и более динамичное обновление состава элиты. Но необходимо выделить и положительную характеристику деятельности элиты, которая обнаруживается в ее умении разрешать социально-политические, экономические конфликты и стабилизировать обстановку в регионе (все эксперты высказали данную точку зрения). Сплоченность и организованность элиты также оказывает влияние на управленческую эффективность элиты. «Сплоченность и организованность оказывают прямое влияние на эффективность деятельности элиты. Чем сплоченнее и организованнее элита, тем эффективнее она будет выстраивать свою деятельность» экс. 3. наука. Современная региональная политическая элита Свердловской области не является сплоченной и организованной, так как общие цели и идеалы в деятельности элиты сегодня отсутствуют (также все эксперты поддерживают данную оценку).

Также среди качественных показателей необходимо выделить тип корпоративной культуры региональной политической элиты Свердловской области. Основываясь на оценке экспертов, для изучаемой элитной группы является характерным типом корпоративной культуры - «культура личности», объединяющая людей преимущественно не для решения каких-то задач, а для того, чтобы они могли добиваться собственных целей. Власть в данном типе корпоративной культуры основывается на

близости к ресурсам, на силе личных качеств и способности договариваться между собой. В связи с этим, деятельность региональной политической элиты с присущим ей типом корпоративной культуры, будет, скорее всего, малоэффективной, так как ее представители собственные интересы и ценности ставят чаще и выше интересов общественных. «Культура задачи» - это тип корпоративной культуры характерен для эффективной политической элиты, которая ориентирована, прежде всего, на выполнение поставленных перед нею задач. Данный тип основан на обладании представителями политической элиты знаниями, которые предназначены для решения конкретных проблем. Большими властными полномочиями в элитной корпорации обладает тот, кто является экспертом в определенной области деятельности и обладает максимальным количеством информации. Поэтому представителями региональной политической элиты должны быть квалифицированные профессионалы, а целью их деятельности – решение насущных проблем. Эффективность деятельности элиты с такой культурой во многом определяется высоким профессионализмом ее представителей и кооперативным групповым эффектом совместной деятельности.

Особенности политической культуры региональной элиты дополняют правовые аспекты ее деятельности, которые раскрываются через характеристики ее легитимности и легальности. Основываясь на мнении экспертов, региональная политическая элита Свердловской области является легальным актором политической деятельности, но, с другой стороны, характеризуется низкой легитимностью. Также крайне низкую и неудовлетворительную оценку получает уровень политической и управленческой ответственности региональной элиты. Это обусловлено тем, что нечасто политические решения, принятые элитой, соответствуют общественным интересам и потребностям региона. Во всяком случае, о таком соответствии у населения нет достаточной информации.

Наряду с показателями, описывающими компетентность региональной политической элиты Свердловской области, необходимо проанализировать и ряд социально-экономических показателей, которые также являются отражением ее деятельности. На основе комплексного анализа экспертами социально-экономических и политических показателей дается их обобщенная оценка: «экономика в регионе не стабильна; социальная политика является ненародной и несвоевременной; демографическую ситуацию пытаются улучшить, но не создают достойных условий для людей; уровень девиантного поведения очень высокий; политическая ситуация достаточно стабильная; развитие духовной культуры в регионе продвигается очень медленно и, можно сказать, нацеленности на ее развитие нет».

Важным является вопрос о политическом стиле региональной элиты.

Все эксперты (100%) пришли к мнению о том, что политический стиль региональной элиты «активный», т.е. стиль, определяемый активной ролью элиты и реализуемый как в формулировании проблем, так и в стремлении навязывать политические изменения, несмотря на сопротивление групп интересов, так же в вынужденной их интеграции. Данный стиль является разновидностью авторитарного, он не предполагает построение консенсусных отношений в обществе и, в целом, осуществление демократического политического процесса. Принцип действия политической элиты (в рамках данного стиля) заключается в навязывании обществу моделей развития извне, без учета возможностей восприятия этой модели обществом. Вот почему можно сказать, что современное российское общество выступает подчас площадкой для очередного социального эксперимента власти.

Обобщая вышесказанное, можно прийти к выводу, о том, что ключевой целью деятельности региональной политической элиты, в рассматриваемый период времени, – по оценкам экспертов – является стремление удержать политическую власть и защищать достигнутое положение и статус, а также обеспечить благополучную жизнь себе и своим близким. Очевидно, что это в значительной степени снижает управленческую эффективность элиты. Но всё-таки позитивным является то, что региональная политическая элита умеет сегодня разрешать социально-политические и экономические конфликты и стабилизировать обстановку в регионе. Ее деятельность законна и легальна, но такое качество, как легитимность, не является ей присущим в достаточной мере. Представители региональной элиты создают правовые нормы, регулирующие сферы жизнедеятельности региона, но отсутствует достаточная регламентация собственной их деятельности. Это обуславливает низкий уровень политической ответственности и, соответственно, снижает качество деятельности элиты.

Хотя по мнению Курбановой, социально-экономическое развитие субъектов РФ способствует улучшению экономического благосостояния страны, в целом, и повышению уровня жизни населения. В период нестабильности политической ситуации на международной арене губернатором необходимо учитывать специфику региона, больше взаимодействовать с жителями, в частности с молодежью, так как именно она в большей степени подвержена внешним провокациям через социальные сети и иные средства массовой информации [3, с. 147].

Библиографический список

1. Крыштановская О.В. Вся президентская рать. Электронный ресурс. 2010. // URL: http://www.solidarnost.org/article_new.php?issue=245§ion=153&article=5202 (Дата обращения: 20 ноября 2025).
2. Крыштановская О.В. Сегодня в России сколачивается властная пирамида советского типа. Интервью//Независимая газета. 31 августа 2004.

3. Курбанова К.М. Кадровые изменения, произошедшие после президентских выборов 2024 года, и процесс обновления политической элиты. Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14 (2). С. 144-148. // URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-144-148>
4. Карпов А.Ю. Российская политико-административная элита в контексте современных вызовов: факторы и тенденции трансформации. Южно-российский журнал социальных наук, 2024. № 25 (3). С. 113-130. – DOI: 10.31429/26190567-25-3-113-130]
5. Петров К.Е., Снеговая М., Чубаров Д.А. Номенклатурные корни российской элиты: 30 лет спустя // Идеи и идеалы. 2022. Т. 14. № 3. Ч. 1. С. 93-122. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122
6. Almond G.A Dicsipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Sage. 1990. 164 p.
7. Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics. L., Toronto. 1998. – 214 p.
8. Etzioni A. A Comparative Analysis of complex organizations. N.Y., 1961. – 324 p.
9. Etzioni A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. – New York: Free Press, 1968. 680 p.
10. Таюкин А.Г., Востриков К.В. Профилактика антитеррористической деятельности в Томской области: региональные особенности и перспективы развития // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 74-81.

References

1. Kryshtanovskaya O.V. All the President's Men. Electronic resource. 2010. // URL: http://www.solidarnost.org/article_new.php?issue=245§ion=153&article=5202 (November 20, 2025).
2. Kryshtanovskaya O.V. Today in Russia a Soviet-type power pyramid is being cobbled together. Interview // Nezavisimaya Gazeta. August 31, 2004.
3. Kurbanova K.M. Personnel changes that occurred after the 2024 presidential elections and the process of renewal of the political elite. Humanities. Bulletin of the Financial University. 2024. № 14 (2). P. // URL: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2024-14-2-144-148>
4. Karpov A.Yu. Russian political and administrative elite in the context of modern challenges: factors and trends of transformation. South-Russian Journal of Social Sciences, 2024. № 25 (3). P. 113-130. – DOI: 10.31429/26190567-25-3-113-130]
5. Petrov K.E., Snegovaya M., Chubarov D.A. Nomenklatura roots of the Russian elite: 30 years later // Ideas and Ideals. 2022. Vol. 14. № 3. Part 1. P. 93-122. – DOI: 10.17212/2075-0862-2022-14.3.1-93-122
6. Almond G.A Dicsipline Divided: Schools and Sects in Political Science. Sage. 1990. 164 p.
7. Domhoff W. Who Rules America? Power and Politics. L., Toronto. 1998. – 214 p.
8. Etzioni A. A Comparative Analysis of complex organizations. N.Y., 1961. – 324 p.
9. Etzioni A. The Active Society: A Theory of Societal and Political Processes. – New York: Free Press, 1968. 680 p.
10. Tayukin A.G., Vostrikov K.V. Features of anti-terrorist activities in the Tomsk region: Regional context and possibilities of development strategies // Etnosotsium and international culture. 2025. № 9 (207). P. 74-81.

Гусарова М.Н.

Доктор исторических наук, профессор кафедры философии, политологии и социологии имени Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт».

Авакян Д.А.

Кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры философии, политологии и социологии имени Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт».

Отечественный опыт внедрения урбанистики в градостроительную политику государства*

Аннотация. Авторы анализируют отечественный опыт градостроительной политики государства и ее эволюцию. В статье рассмотрены ключевые этапы развития урбанистической мысли на Западе и в СССР, включая концепции города-сада, домов-коммун, индустриального и массового жилищного строительства. Особое внимание уделяется социально-идеологическим основаниям советского градостроительства и их влиянию на пространственную организацию городов. Показано, что многие архитектурно-планировочные решения советского периода сохраняют актуальность и определяют облик современных российских городов, одновременно порождая системные проблемы. Авторы, анализируя вызовы урбанизации в современной России, приходят к выводу о необходимости формирования целостной и человекоориентированной градостроительной политики, основанной на осмыслении отечественного опыта и изучении международных практик развития городского пространства.

Ключевые слова: город, городское политическое пространство, политическая урбанистика, градостроительная политика, городское планирование.

Gusarova M.N.

Doctor of Historical Sciences, Professor in the G.S. Arefyeva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute".

Avakyan D.A.

Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor in the G.S. Arefyeva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute".

* © Гусарова М.Н., Авакян Д.А., 2026.

Отечественный опыт внедрения урбанистики в градостроительную политику государства

Domestic experience of introducing urbanism into the state's urban development policy

Abstract. The authors analyze the domestic experience of state urban planning policy and its evolution. The article examines the key stages in the development of urban thought in the West and in the USSR, including the concepts of the garden city, communal housing, and industrial and mass housing construction. Particular attention is paid to the socio-ideological foundations of Soviet urban planning and their influence on the spatial organization of cities. It is shown that many architectural and planning solutions of the Soviet period remain relevant and continue to shape the appearance of contemporary Russian cities, while simultaneously generating systemic problems. Analyzing the challenges of urbanization in modern Russia, the authors conclude that there is a need to develop a coherent, human-centered urban planning policy based on a critical understanding of domestic experience and the study of international practices in urban development.

Key words: city, urban political space, political urbanism, urban development policy, urban planning.

Урбанистика, объединившая в себе архитектуру, градостроительство, социологию, экономику, географию, экологию, транспортное планирование и политологию, возникла в период бурного развертывания промышленного переворота и перехода к индустриализации. Вначале это было лишь направление реформаторского градостроительства, нашедшее воплощение в отдельных архитектурных вариациях крупнейших европейских столиц, но впоследствии, во многом, благодаря усилиям американских социологов, урбанистика превратилась в полноценную науку, изучающую город как сложную социокультурную и пространственную систему. Американский журналист и социолог, Роберт Парк, организовавший в 1915 г. в США на базе Чикагского университета первый в мире центр городских исследований, в своей работе «Город: предложения по изучению человеческого поведения в городском окружении» (1916) [8] изложил социально-экологическую концепцию изучения города. В частности, он выявил социокультурную гетерогенность большого города, наличие социокультурной диффузии, а также одновременного параллельного существования социальной сегрегации и социальной ассимиляции.

После Второй мировой войны на развитие урбанистики в странах Запада активно повлияли массовая субурбанизация, рост числа автомобилей и соответствующей инфраструктуры, функциональное зонирование. В итоге исторический центр стремительно сокращался, а города расплозились, в том числе за счет массовой застройки. Уже в 60-70-е годы XX века на волне критики модернистского планирования, сформировались тенденции к реновации центров, созданию общественных пространств, смешанной за-

стройки и «человекоориентированной среды».

Возникновение урбанистики в российском публичном и научном дискурсе произошло в первые два десятилетия XXI века, что, во многом, обусловлено заимствованием западных теорий и их воплощением в постсоветской градостроительной политике.

Правомерно утверждать, что структура, архитектура и планировка большинства российских городов сформировались в советский период, что было обусловлено рядом факторов, преимущественно политического и социально-экономического характера (индустриализация, рост населения, ликвидация буржуазного прошлого, потребность в научных центрах, вузах, социальной инфраструктуре и пр.).

Характерные черты советской градостроительной политики, такие как массовое строительство панельных домов, широкие проспекты, планировка «спальных» районов и недостаток зеленых зон, до сих пор актуальны для многих российских городов. В то же время советское городское планирование имело и значительные достоинства, среди которых можно выделить его централизованный характер, высокий уровень функционального зонирования на промышленные, общественные и рекреационные зоны. Однако, подобный фокус советской градостроительной политики сформировался не сразу.

В первые годы советской власти новая модель жилищной политики в первую очередь была направлена на восстановление жилого фонда после Первой мировой и Гражданской войн и на поиск баланса между проведением классовой линии и поддержанием жилья в удовлетворительном состоянии. Деятельность местных органов власти в жилищной сфере после революции значительно опережала только формирующееся законодательство.

Взятый советским руководством курс на форсированную индустриализацию страны обусловили стремительный рост городов и городского населения. Рядом с огромными заводами и фабриками нужно было строить и всю необходимую для жизни рабочих социальную инфраструктуру: клубы, школы, больницы и, конечно, жилье. Примерно с 1924 года началось массовое строительство домов в городах и их окрестностях, что позволило архитекторам наконец-то воплотить в жизнь свои смелые идеи. Отметим, что возникший еще до революции формат жилья для рабочих (отдельные домики, квартиры, общежития и даже казармы) сохранил свою актуальность. Между тем, предпринимались активные шаги по теоретическому осмыслению и практическому внедрению опыта западно-европейской застройки как модели «нового быта». Востребованной, в частности, оказалась концепция города-сада, предполагавшая развитие индивидуального жилищного строительства.

Именно эта концепция, разработанная англичанином Э. Говардом в

конец XIX в., достаточно быстро получила популярность как в Западной Европе, так и в дореволюционной России. В частности, в начале XX в. попытки создания городов-садов, районов-садов были предприняты в Германии, Испании, Бельгии.

В начале XX в. некоторые периодические издания, в том числе «Зодчий» и «Городское дело» начали активную работу по популяризации идей о новых планах развития городского пространства в России. Возникли «Русское общество городов-садов», а позже «Общество изучения городского хозяйства» [1].

Уже после революции, сторонники идей Э. Говарда были убеждены, что новые социалистические реалии представляют собой те самые благоприятные условия для создания городов-садов в том виде, в котором они первоначально задумывались. Популярность малоэтажного строительства с зелеными насаждениями вокруг в эти годы предопределил целый ряд условий: желание, или даже необходимость, в сложных социально-экономических условиях иметь свое личное приусадебное хозяйство; желание нэпманов вкладывать средства в индивидуальное пригородное строительство; дефицит стройматериалов, кадров и техники для многоэтажного строительства. Также на тип складывавшихся рабочих поселений оказало влияние строительство за пределами городов электростанций и промышленных предприятий, которые могли обеспечивать ресурсами эти новые кварталы.

Инициатива по строительству советских рабочих посёлков, восходящих к концепции города-сада, исходила как от ведомств, органов власти, так и от предприятий и их рабочих, акционерных обществ. Их экономическая модель состояла в следующем. Рабочие фабрики или заводы, образуя кооперативное товарищество, недалеко от этого предприятия возводят посёлок (то есть концепция советского рабочего посёлка характерна наличием промышленного ядра), для чего государство на льготных основаниях предоставляет землю и средства. Товарищество, используя коллективную форму собственности на землю и строения и аккумулируя прибыль предприятия, направляло эту прибыль на развитие посёлка. В перспективе члены товарищества могли выкупить у него недвижимость.

Планировалось, что в советских городах-садах будут комфортные индивидуальные дома на одну семью с персональными участками для сада, огорода и разведения живности. Именно в таком формате они начали активно строиться около Москвы, Смоленска, Перми, Подольска и многих других городов [2]. Заметим, что несмотря на очень короткий период своей востребованности, концепция города-сада оказала существенное влияние на развитие целых районов и отдельных кварталов, сохранивших свое функциональное значение до сих пор.

Однако, в условиях взятого на XIV съезде РКП (б) курса на стремительную индустриализацию концепция города-сада в реализации выглядела крайне затратной, требовавшей значительного пространства для комфортной жизни и личностного развития, что не сочеталось с логикой масштабного строительства промышленных объектов и мобилизацией на него значительного количества рабочих рук, прежде всего из деревни.

Получили распространение и другие подходы к развитию городского пространства и решению жилищного вопроса. В их числе появление коллективных форм жилья, в определенной степени, напоминающее коммуны. Первые советские коммуны возникли сразу после революции. Они назывались Дома Советов и «отели Советов». Первые располагались в крупных зданиях в Москве и Петрограде (Смольный институт, гостиницы «Националь» и «Астория» и т.п.), а проживали в них исключительно представитель большевистской верхушки. Вторые располагались в дешевых гостиницах и меблированных номерах и представляли собой значительно более скромные условия проживания. В них заселялись советские и партийные активисты без большого революционного стажа, либо не имевшие его. Тогда же появились первые молодежные коммуны. Они возникли в центральном промышленном районе на базе старых фабричных казарм. Преимущественно, это была индивидуальная инициатива, обусловленная катастрофической нехваткой жилья и материальными трудностями молодых людей. [7, с. 70-75]

На строительство комплексных домов-коммун с полным обобществлением быта и развитой сферой обслуживания возлагались большие надежды. Как пишет Н. Лебина, в конце 20-х годов XX в. в стране развернулась политико-архитектурная дискуссия о типах рабочих жилищ, главным из которых признавался дом-коммуна, которые должны были воплотить в жизнь идею коллективизации жилищного быта. Главным аргументом в пользу новых архитектурных форм было утверждение, что только в них возможно рождение нового советского человека. Однако, параллельно, существовала точка зрения о том, что строительство домов-коммун в ближайшие годы не будет иметь успеха в связи с «неподготовленностью» населения и поэтому необходимо разработать так называемый «переходный тип дома», который способствовал бы постепенному внедрению в быт новых форм [7, с. 77-78].

Сформировались разные подходы к проектированию домов-коммун. Так, часть архитекторов-конструктивистов настаивали на том, что это должен быть единый архитектурный объем, объединяющий индивидуальные квартиры и коммунальные учреждения. В рамках другого подхода, в возводимых постройках были индивидуальные квартиры с туалетом и небольшой кухней, но общим ванно-душевым комплексом на несколько квартир; также были реализованы проекты по возведению, по сути об-

щежитий с отдельными жилыми комнатами и общими для всех кухней, туалетом и душем. Многие возводимые в годы первой пятилетки в Москве и Ленинграде конструктивистские постройки были предназначены для жилья и назывались домами-коммунами. Однако, все они вызывали острую критику со стороны жильцов, среди которых было немало публичных фигур, из-за бытовой убогости, плохой звукоизоляции, избыточного аскетизма в отношении гигиенических удобств.

Однако, от идеи домов-коммун отказаться не могли в связи с ростом численности городского населения. Чтобы как-то помочь, прежде всего молодежи, преодолеть бытовые трудности, молодежные коммуны существовали при предприятиях, но располагались на базе все тех же старых фабрично-заводских казарм.

К середине 30-х годов строительство домов-коммун прекратилось: эта практика была подвергнута острой критике на XVII съезде ВКП (б); номенклатура предпочитала более достойные условия жизни. Однако коммуны не исчезли, а продолжили свое существование в виде обычных общежитий, через жизнь в которых прошло не одно поколение советских граждан.

Поскольку темпы строительства жилья критически не успевали за ростом городского населения, власти активно прибегали к политике «квартирного передела», а отдельная квартира превратилась в инструмент социального стратифицирования. Индивидуализация жилищного пространства затронула, преимущественно, привилегированные слои советского общества: номенклатуру, а также наиболее известных представителей науки и культуры. Например, С.М. Киров и его супруга проживали в шестикомнатной квартире, где, кроме спальни, кабинета, библиотеки были комнаты для прислуги и два просторных холла. Подавляющая часть советских людей проживала, при этом, в крайне стесненных условиях: как писал посетивший в 1937 г. СССР немецкий писатель Л. Фейхтвангер, в «в крохотных убогих комнатухах, трудно проветриваемых зимой». Исключения, конечно, были. Так, зачинатель трудового движения, названного его именем, А.Г. Стаханов получил в качестве поощрения большую благоустроенную квартиру, правда, располагалась она в маленьком шахтерском городке. В целом, по стране, к концу 1930-х лишь незначительная прослойка рабочего класса проживала в относительно комфортных условиях. В Ленинграде, например, только четверть труженников производства имели индивидуальное жилье (квартира или дом), тогда как в 1914 г. – 15%. [7, 101, 114-115]

Облик крупных городов в 1930-е годы стал частью визуальной репрезентации эпохи сталинизма. Складывался особый стиль советской имперской архитектуры. Высотки и «сталинки» (5-7 этажные дома повышенной комфортности), появившиеся, преимущественно, в уже послевоенный

период, явились его воплощением. Заметим, что при их проектировании и возведении был реализован ряд новаторских решений (проектирование особой вентиляции для создания благоприятного микроклимата и др.), не получивших распространение в дальнейшем.

В послевоенный период для советской градостроительной политики первоочередной задачей явилось восстановление разрушенных городов. Однако, на фоне других масштабных стратегических целей страны (освоение новых территорий, обеспечение обороноспособности, повышение уровня жизни населения) это направление развивалось недостаточно оперативно. Тем временем численность городского населения продолжала расти. К середине 1950-х годов в СССР достиг критической точки жилищный кризис, который выражался в том, что средняя норма жилплощади на человека стремительно сокращалась. Люди жили в бараках, коммунальных квартирах, где несколько семей делили одну кухню и санузел. На этом фоне возникла необходимость создания дешёвого, но комфортного жилья, которое могло бы удовлетворить потребности миллионов советских граждан. Идея строительства панельных домов, предложенная Н.С. Хрущёвым, стала решением проблемы. Миллионы советских граждан смогли получить собственные (пусть и небольшие) квартиры. С середины 1960-х годов и до распада СССР продолжилась массовая застройка спальных районов, но уже с учетом разработки системного подхода к градостроительству. На государственном уровне и в экспертном сообществе осуществлялось интенсивное изучение социальных, экономических, демографических, экологических, инженерных и иных проблем развития городов и территорий.

Как отмечают исследователи, созданные в предвоенный и послевоенные периоды в СССР типы многофункциональных городов и специфическая застройка городов на базе массового индустриального домостроения, оказались удивительно живучими. Они не только продолжают существовать в современной России, зачастую в неизменном виде, но и составляют основу ее промышленного и гражданского потенциала, являясь фундаментом экономики страны. Более того, альтернативные градостроительные концепции в современном российском обществе так и не появились, что, собственно, и приводит к тем проблемам, с которыми сталкиваются современные города [3].

Процессы урбанизации в России в конце XX века имели свои особенности, обусловленные распадом СССР, разрывом хозяйственных цепочек, деиндустриализацией, падением уровня жизни, но это только обостряло существующие противоречия: резкое социально-экономическое неравенство, демографический спад и отсутствие единой идеологической основы, в том числе на уровне городского планирования. Совокупность этих факторов привела к тому, что на протяжении последних де-

сятилетий в сфере развития городов наслоились проблемы, требующие незамедлительного решения. Среди них наиболее очевидной является несогласованность между государственными органами и частными застройщиками по вопросам разработки генеральных планов городского строительства и их практическим воплощением. Часто городские проекты разрабатываются в отрыве друг от друга, без учета общей картины развития города, что приводит к их неэффективности. Также стоит обратить внимание на раздробленность управленческих структур. Отсутствие согласованной работы между государственными органами и муниципалитетами затрудняет принятие единых решений и успешную реализацию городских инициатив. Достаточно часто имеют место быть и финансовые ограничения. Нехватка бюджетных средств делает воплощение масштабных и амбициозных городских проектов крайне сложным. Это нередко приводит к тому, что проекты остаются недостроенными или их качество значительно страдает.

На негативные изменения в городах обращают внимание и сами граждане. По результатам опроса общественного мнения, проведенного в 2025 году Всероссийским центром общественного мнения, в качестве основных препятствий для комфортной жизни респонденты видят проблемы «в сфере здравоохранения (51%), рост безработицы и снижение заработной платы (41%), а также неудовлетворительную работу местных властей (35%)». Для комфортной жизни в городе по мнению опрошенных необходима «развитая инфраструктура, доступное и качественное здравоохранение, а также финансовая стабильность (наличие работы и достойной заработной платы)». Большинство респондентов связывают комфорт проживания с «эффективной работой органов власти – местных (52%), региональных (37%) и федеральных (31%)» [5].

Таким образом, анализ отечественного опыта внедрения урбанистики в градостроительную политику государства, позволяет утверждать, что Россия в этом направлении находится только в самом начале пути. При этом не осмыслен значительный архитектурный и градостроительный опыт советского периода. Урбанистика, возникшая в странах Запада, уже в довоенный период значила довольно много при проектировании и реновации городов и городских пространств. В российском обществе ценность человеческой жизни, отдельной личности всегда размывалось другими приоритетами, связанными, в частности, с глобальными целями, с индустриализацией, созданием мощного оборонного комплекса, победой в войне, противостоянием с миром капитализма, строительством социализма и пр. А ведь именно этот фактор является ведущим в урбанистике, город – для людей, для конкретного человека, его комфорта, реализации его потенциала; возможной консолидации и объединения граждан для решения общих задач. Советская градостроительная политика, имевшая, безуслов-

но, свои приоритеты и свои достижения, не могла эволюционировать в направлении урбанистики, прежде всего из-за идеологической матрицы, в основе которой не было свободной личности, а был «коммунальный человек», телесные формы которого вшиты в государственный механизм и выполняют в нем необходимые общественные функции.

Урбанистика вошла в общественно-политический дискурс в России в 2000-е годы, но не стала по-настоящему, определяющим трендом градостроительной политики. Отметим, что ее возникновение явилось следствием, преимущественно, неолиберального подхода в экономике, где определяющим является конкуренция и прибыль крупных корпораций, а не комфорт и улучшение условий и качества жизни граждан. Там, где это произошло, скорее явилось побочным эффектом. Урбанистика в ее современном воплощении – это, в большей степени, реновация бывших промышленных и рекреационных (парков, лесопарков) зон, развитие транспортной инфраструктуры. Одновременно, мы можем наблюдать крайнюю степень децентрализации при возведении жилых кварталов, не обеспеченных соответствующей социальной и транспортной инфраструктурой, значительно усиливающих нагрузку на устаревшие коммунальные сети, и удаленных от мест, где их жители обычно работают или учатся. Современная Россия представляет собой моноцентричную страну, где население, преимущественно, проживает в городах. Города и городское население будет только расти. Поэтому, очевидно, что пристального изучения требует опыт других стран, не только США и Европы, но и Азии, прежде всего Китая.

Таким образом, формирование современной градостроительной политики требуют системного подхода, основанного на анализе мирового и отечественного опыта, а также новых практик сопряжения власти, общества и бизнеса в направлении планирования и проектирования комфортного городского пространства.

Библиографический список

1. Авакян Д.А. Промышленная революция и урбанизация в английской и французской политической мысли XIX - начала XX века. – Москва: Наука, 2020. 85 с.
2. Меерович М.Г. Концепция социалистического города. Истоки и современное состояние // Вестник ИргТУ. 2004. № 4. С. 95-98.
3. Меерович М.Г. От социалистического поселка-сада к соцгороду // Проект Байкал. 2006. № 8. С. 33-35.
4. Орлов И.Б. Советское жилищное хозяйство в 1920-1930-е гг.: между классовой линией и самоуправляемостью // Современные проблемы сервиса и туризма. 2014. Т. 8. № 2. С. 78-85.
5. Хан-Магомедов С.О. Архитектура советского авангарда. Т. 1. –Москва: Изд-во Стройиздат, 1996. 708 с.
6. Урбанизация и перспективы: как россияне оценивают будущее своих городов? // URL: <https://kazved.ru/news/urbanizaciya-i-perspektivy-kak-rossiyane-ocenivayut-budushhee-svoix-gorodov-5879708> (Дата обращения: 15.01.2026)

7. Лебина Н. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. – М.: Новое литературное обозрение. 2023. С. 70-77.
8. Park R.E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // *American j. of Sociology*. – Chicago, 1915. Vol. 20. № 5. P. 577-612.
9. Смирнова Е.А. Парадигмы культуры Древней Греции в современных форматах визуального искусства // *Межконфессиональная миссия*. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 44-51.

References

1. Avakyan D.A. Industrial Revolution and Urbanization in English and French Political Thought of the 19th - Early 20th Centuries. – Moscow: Nauka, 2020. 85 p.
2. Meerovich M.G. The Concept of the Socialist City. Origins and Current State // *Bulletin of IrSTU*. 2004. № 4. P. 95-98.
3. Meerovich M.G. From Socialist Garden Village to Socialist City // *Project Baikal*. 2006. № 8. P. 33-35.
4. Orlov I.B. Soviet Housing in the 1920s-1930s: Between Class Lines and Self-Governance // *Modern Problems of Service and Tourism*. 2014. Vol. 8. № 2. P. 78-85.
5. Khan-Magomedov S.O. Architecture of the Soviet Avant-garde. Vol. 1. – Moscow: Stroyizdat Publishing House, 1996. 708 p.
6. Urbanization and Prospects: How Do Russians Assess the Future of Their Cities? // URL: <https://kazved.ru/news/urbanizaciya-i-perspektivy-kak-rossiyane-ocenivayut-budushhee-svoix-gorodov-5879708> (15.01.2026)
7. Leбина N. Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From War Communism to the Grand Style. – Moscow: New Literary Review. 2023. P. 70-77.
8. Park R.E. The City: Suggestions for the Investigation of Human Behavior in the City Environment // *American j. of Sociology*. – Chicago, 1915. Vol. 20. № 5. P. 577-612.
9. Smirnova E.A. Paradigms of ancient Greek culture in modern visual art formats // *Mission confessions*. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 44-51.

Фидарова К.К.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России.

Калабекова С.В.

Кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказская государственная академия.

Кулова М.Л.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказский государственный институт искусств.

Погосова К.Л.

Старший преподаватель кафедры общественных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Горский ГАУ.

Первые шаги в науку: исследования студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Северо-Кавказского Федерального округа*

Аннотация. В статье рассматривается о начале исследовательского пути нового поколения учёных: студентов, аспирантов в развитии научного потенциала Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Анализируются ключевые направления исследований, инфраструктура поддержки молодых ученых, а также основные вызовы, с которыми они сталкиваются. Через истории их первых проектов, экспериментов и публикаций раскрываются трудности, мотивация и амбиции тех, кто сегодня определяет научный потенциал региона. На основе изложенных данных и делаются выводы о перспективах развития науки в СКФО.

Ключевые слова: молодые ученые, студенческая наука, аспирантура, научные исследования, СКФО, научная инфраструктура.

Fidarova K.K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

* © Фидарова К.К., Калабекова С.В., Кулова М.Л., Погосова К.Л., 2026.

Первые шаги в науку: исследования студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Северо-Кавказского Федерального округа

Kalabekova S.V.

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Kulova M.L.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Institute of Arts.

Pogosova K.L.

Senior Lecturer at the Department of Social Sciences Federal State budgetary educational Institution of Higher Education Gorsky GAU.

First steps into science: research by students, researchers and young scientists of universities North Caucasus Federal district

Abstract. The article discusses the beginning of the research path of a new generation of scientists: students and postgraduate students in the development of the scientific potential of the North Caucasus Federal District (NCFD). It analyzes the key areas of research, the infrastructure for supporting young scientists, and the main challenges they face. Through the stories of their first projects, experiments, and publications, the article reveals the difficulties, motivation, and ambitions of those who are currently shaping the scientific potential of the region. Based on the presented data, the article draws conclusions about the prospects for the development of science in the NCFD.

Key words: young scientists, student science, postgraduate studies, scientific research, North Caucasus Federal District, scientific infrastructure.

Научно-исследовательская деятельность студентов, аспирантов и молодых ученых играет ключевую роль в формировании интеллектуального потенциала страны. В Северо-Кавказском федеральном округе (СКФО), где сосредоточены ведущие вузы и научные центры, поддержка молодых исследователей становится важным элементом региональной научной политики.

В условиях перехода к экономике знаний СКФО демонстрирует уникальную динамику развития научного потенциала [4]. Согласно данным Росстата на 2024 год, доля исследователей до 39 лет в СКФО достигает 43%, что превышает среднероссийский показатель 38%. Этот феномен требует глубокого изучения, особенно в контексте:

– Демографических особенностей региона (высокий процент молодежи);

- Политики импортозамещения в научно-технической сфере;
- Формирования новых научных школ в постсоветский период.

Цель данной статьи – проанализировать текущее состояние и перспективы развития молодежной науки в СКФО, выявить ключевые направления исследований и оценить эффективность мер поддержки.

1. Институциональная среда научной деятельности в СКФО: структура, динамика и региональные особенности

Северо-Кавказский федеральный округ включает семь субъектов РФ, среди которых выделяются такие научно-образовательные центры, как:

- Северо-Кавказский федеральный университет (СКФУ, Ставрополь).

Аспиранты СКФУ ведут исследования по широкому спектру направлений, отражающих как стратегические приоритеты РФ, так и региональную специфику СКФО. К ключевым областям относят: естественные науки и высокие технологии ($\approx 40\%$ диссертаций), инженерные и ИТ-направления ($\approx 30\%$ диссертаций), гуманитарные и социальные науки ($\approx 20\%$ диссертаций), медицина и экология ($\approx 10\%$ диссертаций).

Необходимо также отметить уникальные для СКФО проекты: «Умная теплица» с AI-управлением микроклиматом (исследование проведено аспирантом кафедры агротехнологий) и база данных карачаево-балкарского фольклора с NLP-анализом (исследование проведено совместно с КБГУ) [3].

Основными перспективами развития университета является участие в программе «Приоритет 2030» и кооперация с научными центрами Южного федерального округа [4].

- Дагестанский государственный университет (ДГУ, Махачкала).

В ДГУ аспиранты изучают обширный спектр научных направлений, охватывающих естественные, гуманитарные, технические и социальные науки.

К основным областям исследований относят естественные (физика, химия, биология, математика, география, экология), гуманитарные (история, филология, философия, лингвистика), социальные и экономические (экономика, социология, политология, психология), технические и прикладные науки (информационные технологии, радиофизика, электроника, строительство и архитектура), медицину и биотехнологии, педагогику.

Особенностями научной работы в ДГУ является упор на региональные исследования, в частности Кавказа и Дагестана, а также большое количество междисциплинарных проектов, например, на стыке истории, лингвистики и этнографии.

- Северо-Кавказская государственная академия (СКГА, Черкесск).

СКГА, исходя из региональной специфики и общероссийских приоритетов, основные исследования сосредотачивает в областях: агропромышленного комплекса и биотехнологии (селекция растений, кустарников и

садовых деревьев, адаптированных к местному климату, ветеринария, коневодство, овцеводство); история, этнография и социология Кавказа (изучение культурного наследия, языков (карачаевский, черкесский, абазинский, ногайский), межнациональных отношений); педагогика и психология (разработка современных образовательных методик для многонационального региона); физкультура и спорт (исследования в области спортивной медицины, подготовки спортсменов).

– Горский государственный аграрный университет (ГГАУ, Владикавказ).

ГГАУ имеет ярко выраженную аграрно-технологическую и инженерную специализацию, практически все исследования носят прикладной характер и направлены на решение конкретных задач сельского хозяйства и развития сельских территорий Северного Кавказа с учётом его уникальных почвенно-климатических, экономических и социальных условий, спектр научных направлений молодых учёных и аспирантов сосредоточен в следующих областях: агрономия, селекция и растениеводство (разработка адаптивных и ресурсосберегающих технологий возделывания сельскохозяйственных культур в условиях Северного Кавказа, селекция и семеноводство новых, устойчивых к болезням и стрессам сортов растений, изучение биоразнообразия и интродукции полезных видов, плодовоовощеводство и виноградарство, совершенствование технологий хранения продукции); технологии и инженерия в АПК (разработка и модернизация сельскохозяйственной техники и оборудования для горных и предгорных территорий, исследования в области энерго- и ресурсосбережения в АПК, роботизация и цифровизация сельскохозяйственных процессов); ветеринария, зоотехния и биотехнологии (диагностика, профилактика и лечение заболеваний сельскохозяйственных животных); экология, почвоведение и природопользование; экономика, менеджмент и цифровизация АПК; технологии переработки и хранения сельхозпродукции. ГГАУ сегодня является практически единственным вузом в РФ с главной темой НИР, ориентированной на научное обеспечение АПК горных и предгорных территорий.

Научная деятельность университета предусматривает фундаментальные и прикладные исследовательские проекты, реализуемые на разных уровнях.

За годы работы университет сформировал репутацию центра исследовательских компетенций в области наук о жизни, в частности, в области «Науки о растениях и животных» (Селекционно-семеноводческий центр по картофелю на базе ФГБОУ ВО Горский ГАУ, созданный по результатам конкурса на предоставление грантов в форме субсидий из федерального бюджета в целях создания и внедрения в агропромышленный комплекс современных технологий на основе собственных разработок научных и образовательных организаций, в том числе с участием центров геномных

исследований мирового уровня).

В структуре университета есть научно-исследовательский институт: НИИ Биотехнологии, который проводит поиск производственно-ценных штаммов микроорганизмов в микробиоте экологических ниш РСО – Алания. На ветеринарном факультете создан коллекционный питомник для разведения различных пород сельскохозяйственных и декоративных птиц для проведения научных исследований студентами и аспирантами университета, а также в селекционно-семеноводческом центре университета выводят новые сорта овощей.

– Северо-Осетинская государственная медицинская академия (СОГМА, Владикавказ).

Ключевыми аспектами научной деятельности Северо-Осетинской государственной медицинской академии (СОГМА) являются тесная интеграция с Российской академией наук и развитие сильных исследовательских школ в области репродуктивного здоровья, а также поддержка молодых ученых и комплексный подход к медицинскому образованию и науке. Это создаёт уникальную среду для исследований. Основные аспекты научной деятельности СОГМА: СОГМА действует как единый учебно-научный комплекс с Институтом биомедицинских исследований (ИБМИ) Владикавказского научного центра РАН, созданным на её базе в 1996 году. Это обеспечивает доступ к современному оборудованию (Центральная научно-исследовательская лаборатория проводит исследования по более чем 40 параметрам) и участие студентов в реальных научных проектах. Приоритетными научными направлениями академии можно назвать:

– Репродуктивное здоровье и перинатология: ключевое направление, подтверждённое работой Лаборатории репродуктологии и патологии гестации ИБМИ РАН (зав. лаб. – профессор СОГМА Л.В. Цаллагова). Исследования включают: хронобиология беременности, изучение адаптации и диагностика десинхронозов, влияние экологии на течение беременности и разработка методов коррекции, внедрение новых методов лечения (магнитно-лазерная терапия, озонотерапия).

– Клиническая медицина: широкий спектр исследований по хирургии, терапии, педиатрии, стоматологии, подтверждённый направлениями подготовки в аспирантуре и ординатуре (например, кардиология, онкология, нейрохирургия).

– Фундаментальные и профилактические исследования: подготовка аспирантов по фундаментальной медицине, биологическим наукам и медико-профилактическому делу, что лежит в основе прикладных открытий.

Подготовка научных кадров ведётся через аспирантуру (15 научных специальностей) и клиническую ординатуру (29 специальностей). На базе сильных научных школ (например, под руководством Л.В. Цаллаговой защищено 15 кандидатских и 1 докторская диссертация) обеспечивается

преимущество. Разработки учёных СОГМА активно внедряются в клиническую практику. Например, запатентованные методы лечения послеодового эндометрита и коррекции плацентарной недостаточности используются в роддомах Владикавказ.

Научная инфраструктура академии состоит из Центральной научно-исследовательской лаборатории (ЦНИЛ): современное оборудование для широкого спектра исследований; 51 кафедра и клиническая база включает собственную клинику и стоматологическую поликлинику, что позволяет проводить исследования «у постели больного»; Координационный совет, проблемные комиссии для управления научной деятельностью. Для молодых учёных и студентов это создаёт уникальную среду: работать под руководством признанных научных школ, иметь доступ к современной лабораторной базе РАН и с самого начала ориентировать исследования на решение актуальных практических задач здравоохранения.

– Кабардино-Балкарский государственный университет (КБГУ, Нальчик).

КБГУ имеет ряд уникальных особенностей, которые выделяют его среди других вузов РФ. Одним из ключевых аспектов является уникальная региональная направленность, в частности сильные школы по изучению истории, языков (кабардинский, балкарский, абхазо-адыгский), этнографии и археологии Кавказа, а также исследования биоразнообразия и природных ресурсов Кабардино-Балкарии, включая изучение горных систем.

КБГУ сочетает фундаментальную науку с прикладными разработками, делая упор на региональную специфику и современные технологии.

– Чеченский государственный университет (ЧГУ, Грозный).

ЧГУ обладает рядом особенностей в научной деятельности, отражающих как региональную специфику, так и современные исследовательские тренды.

Ключевыми аспектами являются: акцент на кавказоведение и региональные исследования, в том числе раскопки на территории республики, например, средневековые городища; сильные естественно-научные направления; медико-биологические исследования с акцентом на региональные проблемы; социальные и гуманитарные науки, в том числе анализ постконфликтного восстановления и миграционных процессов; технические и IT-направления, например, сейсмостойкое строительство актуальное для горных регионов; культурно-просветительская деятельность, отвечающая за популяризацию науки через СМИ и общественные лекции.

Университет активно развивает междисциплинарные проекты, особенно на стыке гуманитарных и естественных наук.

– Северо-Кавказский государственный институт искусств (СКГИИ, Нальчик).

Научно-исследовательский путь молодых ученых Северо-Кавказского

государственного института искусств (СКГИИ) обладает ярко выраженной спецификой, отличаясь от классических университетов. Он находится на стыке фундаментального искусствоведения, практикующим творчеством и сохранением уникального культурного наследия. Вот ключевые аспекты и направления этого пути:

1. Уникальная научная база и междисциплинарность

Научная деятельность в СКГИИ изначально носит синтетический характер, сочетая:

- Историко-теоретическое исследование: изучение фольклора, обрядов, музыкальных и танцевальных традиций народов Кавказа.
- Этнографическую полевую работу: сбор уникального материала в экспедициях по селам республик СКФО. Это основа для многих диссертаций.
- Аналитическую работу: систематизация, нотная запись, анализ музыкального строя, хореографической лексики.
- Практическое воплощение: защита диссертации часто сопровождается творческим показом – концертной программой, спектаклем, выставкой, где представлены реконструированные или созданные на основе исследования произведения.

Ключевые научные направления молодых ученых и аспирантов:

- Музыкальная фольклористика и этномузыкология: исследование эпических традиций (нартский эпос), песен, инструментальной музыки, особенностей многоголосия народов Кавказа.
- Хореографическое искусство и этнохореология: научная реконструкция и адаптация для сцены традиционных танцев, изучение их семантики и региональных стилей.
- Театральное искусство: разработка методик и принципов национального театра, исследование драматургии народов Северного Кавказа.
- Декоративно-прикладное искусство и дизайн: изучение и современная интерпретация традиционных орнаментов, технологий (керамика, металл, текстиль), связь архаики с современными трендами.
- Изобразительное искусство: исследование региональных художественных школ, творчества отдельных мастеров, взаимовлияния культур в изобразительном языке.
- Культурология и искусствоведение: комплексное изучение культурного кода народов региона, проблем сохранения идентичности в глобализирующемся мире, менеджмента в сфере культуры.

Молодой ученый-творец в СКГИИ часто ощущает себя не просто исследователем, а хранителем и актуализатором исчезающего наследия. Научный результат должен иметь практическую ценность: новая учебная программа, сценическая постановка, метод восстановления аутентичного исполнения.. Молодые ученые активно участвуют в грантах Министерства

культуры РФ, РГНФ, работают над совместными проектами с музеями, театрами и филармониями Северного Кавказа.

Научный путь в СКГИИ – это синтез аналитического ума и творческой души. Молодые ученые института выполняют критически важную миссию: они переводят язык устной и визуальной традиции в формат научного знания и современного искусства, обеспечивая живучесть культуры народов Кавказа в XXI веке. Их исследования – это не просто академические труды, а акты культурного возрождения и диалога.

Эти вузы являются основными площадками для студенческих и аспирантских исследований.

2. Тематические приоритеты исследований

Тематика исследовательской деятельности студентов, аспирантов и молодых ученых СКФО разнообразна и охватывает множество аспектов, что обусловлено как особенностями региона, так и актуальными вызовами, стоящими перед обществом. Важнейшими приоритетами исследований можно выделить несколько направлений.

Во-первых, значительное внимание уделяется агрономии и сельскому хозяйству. Это естественно, поскольку Северный Кавказ известен своими богатыми агроресурсами. Молодые исследователи занимаются изучением новых агротехнологий, устойчивых к климатическим изменениям, исследуя возможности увеличения урожайности и улучшения качества сельскохозяйственной продукции. Так, актуальными становятся работы по интеграции современных технологий и устойчивого сельского хозяйства, включая органическое земледелие и агротации.

Во-вторых, экологические исследования также занимают важное место. Молодые ученые исследуют экологическое состояние региона, что включает в себя изучение биоразнообразия, сохранение природных экосистем и разработку методов защиты окружающей среды. Интерес к экологии стал особенно актуальным в контексте изменений климата и необходимости устойчивого развития.

Третьим важным направлением является развитие социальной науки. Многие аспиранты и студенты занимаются изучением социально-экономических, культурных и политических процессов, происходящих на Северном Кавказе. Это включает в себя исследование механизмов интеграции молодежи в экономическую и культурную жизнь, изучение межэтнических отношений и проблем миграции, а также анализ влияния политики на региональное развитие.

Четвертым направлением можно назвать изучение информационных технологий и их применения в различных сферах. Молодые исследователи разрабатывают инновационные решения в области программирования, кибербезопасности и систем автоматизации, что имеет большое значение для цифровизации экономики и госуправления в регионе.

Наконец, стоит отметить исследования в области здоровья и медицины, которые становятся все более актуальными. Молодые ученые исследуют проблемы общественного здравоохранения, разработку новых методов диагностики и лечения, а также вопросы профилактики заболеваний, что особенно важно в свете глобальных вызовов.

Таким образом, тематические приоритеты исследований студентов, аспирантов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального округа являются многогранными и ориентированными на решение актуальных проблем как самого региона, так и современного общества в целом. Эти направления способствуют не только развитию науки, но и улучшению качества жизни местного населения.

3. Поддержка исследований

СКФО обладает разнообразными механизмами и инициативами поддержки исследований для студентов, аспирантов и молодых ученых. Эти меры направлены на развитие научной активности, улучшение качества образования и стимулирование инновационных проектов [2].

Во-первых, в округе действуют различные государственные программы и гранты, призванные поддерживать научные исследования. К примеру, федеральные и региональные конкурсы на получение грантов помогают молодым ученым финансировать свои проекты. Эти гранты могут покрывать расходы на оборудование, материалы, командировки и публикации результатов исследований. Особое внимание уделяется тем проектам, которые отвечают на социальные и экономические запросы региона, стимулируя тем самым развитие науки в областях, имеющих значимое значение для местного населения.

Во-вторых, университеты и научные учреждения СКФО активно работают над созданием инкубаторов и исследовательских лабораторий, где студенты и аспиранты могут заниматься научными исследованиями под руководством опытных специалистов. Эти лаборатории позволяют молодым ученым получить доступ к современным технологиям и методам, а также приобщиться к международным научным проектам.

Кроме того, важным аспектом поддержки является организация научных конференций, семинаров и круглых столов, на которых молодые ученые могут представить свои работы, обменяться опытом и установить научные связи. Такие мероприятия не только способствуют обсуждению актуальных вопросов науки, но и помогают укрепить научное сообщество региона.

Следует также отметить программы наставничества и поддержки, которые часто реализуются через сотрудничество университетов с бизнесом, а также через участие научных сотрудников в проектной деятельности. Это позволяет молодым ученым не только развивать свои исследования, но и применить их на практике, получая ценный опыт.

Кроме того, существует ряд некоммерческих организаций, которые активно работают над поддержкой молодых ученых, организуя тренинги по написанию научных статей и подготовке проектов, а также предоставляя информацию о возможности участия в международных исследованиях и программах обмена.

4. Проблемы и вызовы

Необходимо отметить, что молодые ученые СКФО сталкиваются с рядом проблем и вызовов, которые могут существенно влиять на их обучение, научную деятельность и профессиональное развитие. Один из наиболее значимых вызовов – это ограниченные финансовые ресурсы, которые затрудняют доступ к качественным образовательным материалам, научным публикациям и современному оборудованию. Многие учебные заведения не располагают достаточными средствами для обеспечения надлежащего уровня преподавания, что может негативно сказаться на качестве образования и подготовки специалистов.

Кроме финансовых трудностей, исследователи в этом регионе часто сталкиваются с отсутствием инфраструктуры для проведения научных экспериментов и исследований. Это включает в себя нехватку современных лабораторий, оборудования и технологий, необходимых для полноценной научной работы. В условиях ограниченности ресурсов молодым ученым становится сложно проводить качественные исследования, что в свою очередь может приводить к снижению их конкурентоспособности на более высоком уровне, например, при подаче заявок на гранты или участие в научных конференциях.

Социально-экономические особенности региона также влияют на деятельность студентов и ученых. Множество молодежных инициатив сталкивается с недостаточной поддержкой со стороны местных властей и бизнеса. Это создает дополнительный барьер для реализации проектов, направленных на развитие науки и инноваций. К тому же, многие молодые люди покидают регион в поисках лучших возможностей для учебы и работы, что приводит к утечке талантов и снижению научного потенциала округа [4].

Межэтнические и культурные проблемы, также присущие Северо-Кавказскому федеральному округу, могут создавать дополнительные трудности для студентов и молодых ученых. Иногда возникают ситуации, когда межкультурная напряженность мешает установлению конструктивного диалога в образовательной и научной среде. Это может усложнять совместную работу над проектами и исследованиями, особенно если они касаются чувствительных тем, связанных с историей и этнической идентичностью.

Важным аспектом является также недостаток менторской поддержки и профессионального руководства. Многие молодые исследователи испыты-

тывают нехватку наставников, которые могли бы направить их в научной деятельности и помочь с карьерным ростом. Это затрудняет процесс обмена знаниями и опытом между поколениями ученых, что является важным для развития науки в регионе.

5. Перспективные модели развития

Перспективы развития науки в СКФО определяются целым рядом факторов, которые могут как стимулировать, так и сдерживать научный прогресс в этом регионе. С учетом специфики округа и его уникальных возможностей, можно выделить несколько ключевых направлений, определяющих будущее науки в округе.

Необходимо отметить роль государственной поддержки и инициатив, направленных на развитие науки и образования в регионе. Программы, ориентированные на финансирование научных исследований, создание научных кластеров и развитие научной инфраструктуры, могут значительно повысить уровень научной активности. Конкретные меры, такие как увеличение грантов и субсидий для исследовательских проектов, а также создание конкурентоспособных лабораторий и исследовательских центров, могут привлечь внимание талантливых ученых и студентов [1].

Также стоит выделить развитие сотрудничества между образовательными и научными учреждениями в СКФО и за его пределами. Установление партнерств с ведущими российскими и международными вузами и научными организациями даст молодым ученым возможность участвовать в международных проектах, обмениваться опытом и получать доступ к современным технологиям. Это также поможет привлечь внешние инвестиции и создать более стабильную базу для научных исследований.

Кроме того, актуальной является задача создания благоприятной экосистемы для стартапов и инновационных компаний в СКФО. Поддержка начинающих предпринимателей, работающих в области науки и технологий, может привести к появлению новых идей и разработок, а также способствовать экономическому развитию региона. Инкубаторы, акселераторы и бизнес-центры, ориентированные на науки о жизни, информационные технологии и экологические решения, могут стать необходимым элементом инновационной инфраструктуры.

Роль местного населения также важна для перспектив развития науки. Активное вовлечение местного сообщества в научные проекты, просвещение о значении науки и образования, а также повышение научной грамотности среди молодежи могут способствовать формированию позитивного отношения к исследованиям и инновациям. Региональные инициативы по популяризации науки, такие как образовательные фестивали, конкурсы и лекции, могут вдохновить молодежь выбирать научную карьеру.

Не стоит забывать и о социально-культурных аспектах. Включение междисциплинарных тем и исследования местной культуры, экологии, эко-

номики региона могут не только обогатить научные знания, но и способствовать социальной гармонии. Взаимодействие науки и культуры через исследование, сохранение и популяризацию культурного наследия Кавказа может стать значительным вкладом в общественное сознание.

Таким образом, перспективы развития науки в Северо-Кавказском федеральном округе зависят от комплексного подхода, включающего поддержку со стороны государства, сотрудничество с внешними научными центрами, создание инновационных инфраструктур и активное вовлечение местного населения. Только в этом случае СКФО сможет реализовать свой потенциал и занять достойное место в российском и мировом научном сообществе.

Библиографический список

1. Казаков А.Ю. Развитие научного потенциала молодежи в Северо-Кавказском федеральном округе // Регионология. 2020. № 4. С. 112-125.
2. Ковалева Н.В. Поддержка молодых исследователей: российский и зарубежный опыт. – М.: ИНФРА-М. 2019. С. 184.
3. Магомедгаджиев Ш.М., Гаджиев Н.К. Анализ научно-технического и инновационного развития субъектов СКФО // Открытое образование. 2011. № 2-2. С. 301-305. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16770286>
4. Магомедгаджиев Ш.М. Анализ динамики и прогнозирование показателей инновационной деятельности и информатизации регионов СКФО // Фундаментальные исследования. 2014. № 12-7. С. 1492-1497. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22837191>
5. Калабекова С.В. Курбанова С.Ф. Институциональная среда научной деятельности в СКФО: структура, динамика, региональные особенности и перспективы // Сборник «Социально-культурные и исторические аспекты развития региона: история и современность», Ставрополь, 2025.
6. Дегтярева А.А. Динамика культурного взаимодействия РФ и КНР в конце XX – начале XXI вв. (на примере Амурской области) // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 121-130.

References

1. Kazakov A.Yu. Development of the Scientific Potential of Young People in the North Caucasus Federal District // Regionalology. 2020. № 4. P. 112-125.
2. Kovaleva N.V. Support for Young Researchers: Russian and Foreign Experience. – Moscow: INFRA-M. 2019. P. 184.
3. Magomedgadzhiev Sh.M., Gadzhiev N.K. Analysis of Scientific, Technical and Innovative Development of the Subjects of the North Caucasus Federal District // Open Education. 2011. № 2-2. P. 301-305. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=16770286>
4. Magomedgadzhiev Sh. M. Analysis of the Dynamics and Forecasting of Indicators of Innovation Activity and Informatization of the Regions of the North Caucasus Federal District // Fundamental Research. 2014. № 12-7. P. 1492-1497. // URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22837191>
5. Kalabekova S.V. Kurbanova S.F. Institutional environment of scientific activity in the North Caucasus Federal District: structure, dynamics, regional features and prospects // Collection “Socio-cultural and historical aspects of the region’s development: history and modernity”, Stavropol, 2025.
6. Degtyareva A.A. Dynamics of cultural interaction between the Russian Federation and the People’s Republic of China in the late 20th – early 21st centuries (the case of the Amur region) // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 121-130.

Карпенко А.М.

Аспирантка 3 курса. Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Актуальность казачьей идентичности в современном обществе*

Аннотация. Статья посвящена анализу актуальности казачьей идентичности как значимого социокультурного и политического феномена в условиях современных вызовов российскому обществу. Автор исследует, каким образом традиционная казачья идентичность адаптируется к реалиям современности, сохраняя при этом ядро ценностных установок и выполняя важные социальные функции.

Цель исследования – выявить ключевые аспекты актуальности казачьей идентичности в современной России, определить её роль в формировании гражданской солидарности, патриотического сознания и региональной самобытности.

В работе рассмотрены:

- исторические основания казачьей идентичности и её эволюция;
- структурные компоненты современной казачьей идентичности (культурно-историческая память, ценностные ориентиры, символические практики);
- механизмы трансляции идентичности через образование, фольклор, общественные объединения и военно-патриотическую деятельность;
- взаимодействие казачьих сообществ с государственными институтами в рамках реализации Стратегии государственной политики в отношении российского казачества.

Ключевые слова: казачья идентичность, патриотизм, традиционная культура, региональная идентичность, казачьи общества, гражданская консолидация, историко-культурное наследие, социальное самоопределение, политическая ситуация, политизация вопроса казачества.

Karpenko A.M.

3rd year postgraduate student. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, a federal State budgetary educational institution of higher education.

The relevance of Cossack identity in modern society

Abstract. The article is devoted to the analysis of the relevance of the Cossack identity as a significant socio-cultural and political phenomenon in the context of modern challenges to Russian so-

* © Карпенко А.М., 2026.

Актуальность казачьей идентичности в современном обществе

ciety. The author explores how the traditional Cossack identity adapts to the realities of modernity, while maintaining the core of values and performing important social functions. The purpose of the study is to identify the key aspects of the relevance of the Cossack identity in modern Russia, to determine its role in the formation of civic solidarity, patriotic consciousness and regional identity. The paper considers: - historical foundations of the Cossack identity and its evolution; - structural components of modern Cossack identity (cultural and historical memory, value orientations, symbolic practices); - mechanisms of identity translation through education, folklore, public associations and military-patriotic activities; - the interaction of Cossack communities with state institutions in the framework of the implementation of the Strategy of state Policy towards the Russian Cossacks.

Key words: Cossack identity, patriotism, traditional culture, regional identity, Cossack societies, civil consolidation, historical and cultural heritage, social self-determination, political situation, politicization of the Cossacks issue.

Казачья идентичность представляет собой важный культурный и социологический феномен, который, несмотря на изменения в обществе и политике, сохраняет свою актуальность. В условиях современного мира, где глобализация и миграция становятся доминирующими процессами, казачья идентичность сталкивается с рядом вызовов, требующих анализа и более глубокого понимания. Сохранение и модернизация казачьей культуры, языка и традиций важно не только для казаков, но и для всей российской национальной идентичности, поскольку казачество исторически является неотъемлемой частью культурного и исторического наследия России.

Актуальность изучения казачьей идентичности в современных условиях является особенно высокой, учитывая, что в последние десятилетия наблюдается возрождение интереса к историко-культурному наследию, а также процесс формулирования этнической идентичности среди молодежи. Множество социокультурных инициатив, направленных на сохранение традиций казаков, такое как фестивали, Круги, секции по фольклору, спортивные соревнования, становятся показателем попыток вернуть к жизни забытые культурные элементы и передать их новым поколениям. Важно изучать не только эти инициативы, но и общественные реакции на них, поскольку казачья идентичность может служить важным объединяющим фактором в условиях социальной нестабильности и политических потрясений.

Современная политическая ситуация также обуславливает необходимость изучения казачьей идентичности. В регионах, где исторически проживают казаки, наблюдается обострение этнических конфликтов, что создает потребность в научном анализе идентичности как механизма самозащиты и социальной интеграции. Тем более что в последнее время наблюдается тенденция к политизации вопроса казачества: как со стороны государственных органов, так и со стороны самих казачьих сообществ. Понимание казачьей идентичности позволяет вовремя выявлять потенциальные конфликты и искать пути их разрешения.

Таким образом, важность изучения казачьей идентичности заключается в ее способности отражать и адаптироваться к изменениям в социальной среде, а также к вызовам, которые ставит перед обществом стремительная глобализация. Исследование этого аспекта открывает возможность не только для сохранения культурного наследия, но и для использования его в построении более гармоничного социума, где уважаются традиции всех этнических групп. Важность данного исследования подтверждается не только социальными реалиями, но и значительным количеством литературы, посвященной этой теме, которая не всегда была доступна и рассматривалась глубоко. Осознание актуальных задач, стоящих перед казаками и обществом в целом, позволит лучше понять и адаптировать старые традиции к новым социальным условиям, создавая тем самым запрос на дальнейшие научные исследования, направленные на изучение казачьей идентичности, её микросоциологии и культурных изменений в современном мире [25, 22].

В исследовании казачьей идентичности особое внимание уделяется комплексному анализу различных источников и материалов, которые позволяют всесторонне оценить как исторические, так и современные аспекты данного феномена. Прежде всего, для анализа казачьей идентичности используются нормативные документы, касающиеся прав и статуса казаков в России. Эти документы включают в себя как исторические уставы и регламенты, так и современные Федеральные законы и постановления, регулирующие деятельность казачьих обществ и их взаимодействие с государственными структурами. Например, Закон РФ «О государственном регулировании деятельности казачьих обществ» устанавливает правовые основы для их функционирования, а также определяет их роль в системе безопасности и правопорядка [8].

Кроме того, важным источником служат архивные материалы, содержащие документы, относящиеся к истории казачества. Такие источники, как журналы, письма, протоколы заседаний казачьих структур, позволяют глубже понять эволюцию казачьей идентичности и ее связь с изменениями в социокультурной среде. Например, исследования, основанные на местных архивных данных о повседневной жизни казаков в XIX - начале XX века, дают представление о том, как идентичность формировалась в условиях профессиональной и социальной специализации.

Современные социологические исследования также играют ключевую роль в понимании казачьей идентичности. В последние годы проводился ряд опросов и анкетирований, целью которых было выявление самосознания казаков, их отношения к традициям и культуре, а также понимания своей роли в современной России. Например, результаты опросов показывают, что молодое поколение казаков, несмотря на влияние глобализации, все еще стремится сохранить связи с историческими традициями, показывая

нарастающий интерес к культурным практикам и фольклору своего народа [6]. Эти социологические исследования позволяют выявить актуальные тренды и динамику внутренней идентичности, а также помочь в оценке эффективных форм работы по сохранению и развитию казачьей культуры.

Не следует забывать и о научных трудах, посвященных казачьей тематике. В частности, работы исследователей, занимающихся этнографией, культурологией и историей, позволяют взглянуть на идентичность казаков через призму различных дисциплин. Кроме того, журнальные статьи и публикации исследователей на современных конференциях способствуют распространению новых знаний о казачьей культуре и её современных вызовах и тенденциях. Таким образом, использование данных источников и материалов позволяет создать многоуровневый подход к изучению казачьей идентичности, вытягивая из них обширные данные, которые впоследствии анализируются в контексте общих тенденций современного общества.

В процессе изучения казачьей идентичности применяются различные методы исследования, что позволяет создать многогранный и комплексный подход к анализу данного явления. К основным методам относятся аналитические, социологические, сравнительные, а также опросы и интервью. Каждый из этих методов вносит свой вклад в выявление особенностей и тенденций, связанных с казачьей идентичностью, что делает исследование более глубоким и информативным.

Аналитические методы включают анализ существующих литературных и исторических источников, включая научные статьи, книги и архивные материалы. Этот метод позволяет изучить, как казачья идентичность формировалась и развивалась на протяжении времени, а также какие факторы оказывали влияние на её трансформацию. На основе анализа мы можем провести оценку исторических контекстов, которые способствовали формированию восприятия казачьей культуры как части широкой российской идентичности. Аналитический подход позволяет не только выявлять ключевые моменты в истории казачества, но и сопоставлять их с современными реалиями и вызовами [23].

Социологические методы, в свою очередь, помогают получить актуальную информацию о внутреннем состоянии казачьей идентичности на уровне сообщества. Одним из основных инструментов является проведение опросов, которые помогают выяснить, как современные казаки воспринимают свою национальную идентичность. Эти опросы включают в себя вопросы о том, как участники определяют себя, что для них значат традиции и культура, а также какие вызовы они видят для своей идентичности в условиях глобализации и культурного обмена. Результаты опросов могут быть обобщены и проанализированы с точки зрения социокультурных и экономических факторов, влияющих на жизнь казаков [3].

Кроме опросов, в исследование вовлечены интервью с представителя-

ми казачьих сообществ и экспертами в области социологии и этнологии. С помощью полуструктурированных интервью исследователь может получить более глубокое понимание смыслов, которые люди вкладывают в казачью идентичность. Важно, что такие интервью позволяют выявить индивидуальные истории и личные переживания участников, что дополнительно обогащает картину исследования.

Сравнительные методы помогают сопоставить казачью идентичность с идентичностями других этнических групп в России и за её пределами. Это позволяет не только выявить уникальные аспекты казачьей культуры, но и понять, какие общие черты существуют у различных этнических групп. Сравнительный анализ может быть осуществлён как с другими этническими группами в России, так и с аналогичными субкультурами в других странах, что даст возможность проследить международные параллели в формировании национальной идентичности.

В итоге использование комплексного набора методов исследования позволяет создать многослойное представление о казачьей идентичности, выявить её современное состояние и тенденции развития. Такой подход существенно увеличивает способность исследования к пониманию проблем, с которыми сталкиваются казаки сообщества в современном мире.

Современное состояние казачьей идентичности представляет собой сложный и многогранный феномен, который формируется под воздействием различных факторов, включая социально-экономические изменения, политическую ситуацию и влияние глобализации. Результаты недавних опросов и исследований показывают, что казаки продолжают ощущать свою связь с историческими корнями, одновременно адаптируя свою идентичность к современным условиям.

Одним из ключевых аспектов, выявленных в результате исследований, является стойкое стремление к сохранению традиционных ценностей и обычаев. Большинство опрошенных заявляют о желании участвовать в культурных мероприятиях, связанных с историей казачества, таких как праздники, фестивали и другие формы общественного общения. Более 75% респондентов выразили готовность принимать участие в мероприятиях, направленных на сохранение истории и культуры своего народа [14]. Это свидетельствует о сильном чувстве принадлежности к казачьей общности и необходимости поддерживать её культурное наследие.

Тем не менее, помимо постоянного внимания к традициям, исследование показало, что современная казачья идентичность также подвержена влиянию различного рода изменений, вызванных современными реалиями. Более 60% опрошиваемых отметили, что они сталкиваются с проблемами интеграции в общество, где казачья идентичность нередко воспринимается как устаревшая или маргинальная. Это приводит к необходимости переработки и переосмысления казачьих традиций, чтобы они могли эф-

фективно гармонизировать с требованиями современного общества. Таким образом, идет процесс трансформации идентичности, сочетая старые традиции с новыми подходами к жизни и самоопределению [1].

Среди особенных тенденций, также выделяется молодежный романтизм по отношению к казачьей культуре. Молодежь активно ищет способы самовыражения через традиционные практики, что находит отражение в возникновении казачьих объединений и клубов, активно действующих в социальных сетях и стремящихся сделать казачество более доступным для поколения Z. Данные исследовательские работы показывают, что молодежь часто использует элементы казачьей культуры как символ отличия и уникальности, устанавливая таким образом новые культурные коды [14].

Одной из серьезных проблем является восприятие казачьей идентичности на уровне общества. Негативные стереотипы, связанные с казачьими традициями, влияют на желание представителей молодежи ассоциировать себя с казачеством. Несмотря на сильное коллективное самосознание, присутствует страх перед ассоциацией с устаревшими или воспринимаемыми как отсталые стереотипами. Это открывает дискуссию о том, как казачество может адаптироваться в современном социальном контексте и какие модели идентичности могут быть предложены, чтобы сохранить верность своим истокам

Таким образом, современное состояние казачьей идентичности можно охарактеризовать как динамичное и развивающееся. На одной стороне стоит прочная связь с традициями и культурой, на другой – необходимость независимого существования и интеграции в современное общество. Изучение этих взаимодействий является важным шагом в понимании роли казачьей идентичности в современной России и в указании путей её дальнейшего развития.

Современная казачья идентичность сталкивается с рядом вызовов, которые требуют внимательного изучения и конструктивного подхода к разрешению. Одним из основных факторов, влияющих на её сохранение и развитие, является глобализация, которая несет с собой множество изменений, проникающих в культурную и социальную сферы жизни. В условиях увеличения миграции, взаимодействия различных культур и языков, традиционные ценности казачьей идентичности нередко подвергаются воздействию новых современных идеалов и социальных норм. Это может привести к утрате уникальности казачества, если не будут предприняты необходимые меры по охране и популяризации казачьей культуры [11].

Среди вызовов также можно отметить снижение интереса молодежи к традиционным формам культурного выражения. Учитывая, что молодое поколение все больше погружается в цифровой мир и современную поп-культуру, часто происходит пренебрежение к устоявшимся казачьим традициям и обрядам. Результаты опросов показывают, что многие моло-

дые люди не осознают значимость казачьей культуры или воспринимают её как что-то устаревшее. Это ставит под сомнение будущее казачьей идентичности, поскольку передача традиций, обычаев и ценностей от поколения к поколению может оказаться под угрозой [16].

Тем не менее, перед казачьей идентичностью открываются и новые горизонты. Одной из возможностей является активизация казачьих организаций и сообществ, которые стремятся вернуть интерес к культурным традициям и соблюдению обычаев. Создание клубов, работающих над сохранением фольклора, казачьих боевых искусств, музыки и народных ремёсел, способствует воссозданию интереса к казачьей культуре среди молодежи. Эти инициативы могут использовать современные платформы для популяризации казачьей идентичности, например, социальные сети и онлайн-ресурсы, что делает её более доступной для широкой аудитории.

Важным шагом является также интеграция казачьей идентичности в более широкие социокультурные процессы. Работы над созданием межэтнических культурных проектов, направленных на взаимодействие с другими национальностями и этнокультурами, могут помочь в утверждении казачества как живой и динамичной составляющей российской идентичности. В рамках таких проектов может быть организовано обменное сотрудничество, направленное на изучение культуры других народов и одну из площадок для обмена опытом в вопросах сохранения культурного наследия.

Также важно, что государственные и некоммерческие организации активно поддерживают культурные инициативы, связанные с казачеством. Программы, направленные на финансирование культурных мероприятий, фестивалей и образовательных инициатив, могут значительно улучшить ситуацию с сохранением идентичности. Одним из эффективных инструментов может стать создание образовательных программ, подходящих для школ и кружков, которые бы знакомили молодежь с историей, культурой и традициями казаков.

Таким образом, несмотря на существующие вызовы, у казачьей идентичности есть все шансы на развитие и укрепление. Сформировавшаяся динамика позволяет найти новые решения и возможности для сохранения казачьих ценностей и традиций, что может способствовать не только возрождению культуры, но и укреплению социального единства в многонациональном российском обществе.

В ходе проведенного исследования казачьей идентичности были выявлены ключевые результаты, подтверждающие как актуальность данного феномена в современном обществе, так и его перспективы развития. Одним из наиболее значимых итогов является высокая степень самоидентификации представителей казачества с их этнокультурной историей и традициями. Опросы и интервью показали, что большинство людей, относящихся к казачьему этносу, ощущают глубокую связь со своей культурой и желают

активно участвовать в её сохранении и развитии [22]. Эта связь становится основой для формирования единой казачьей идентичности, которая, несмотря на влияние современных тенденций, сохраняет свою уникальность.

Также было отмечено, что молодежь проявляет значительный интерес к казачьей культуре, несмотря на давление глобализации и современных социальных практик. Исследование подтвердило, что молодые казаки активно принимают участие в культурных мероприятиях, стремятся изучать историю и традиции своего народа. Создание различных клубов и организаций, направленных на популяризацию казачества, способствует тому, чтобы молодое поколение не теряло связь с культурными корнями и традициями [21]. В этом контексте стало очевидным, что казачья идентичность перестала быть лишь архаичным пережитком и стала адаптироваться к современности, что открывает возможности для её инновационного развития.

Следующим важным выводом является то, что сегодня казачья идентичность продолжает сталкиваться с серьезными вызовами, связанными с изменением социокультурной среды и стереотипами, существующими в обществе. Негативные представления о казаках и их традициях могут препятствовать полноценной интеграции казачества в современное общество, что требует новых подходов к воспитанию и образованию как внутри казачьих сообществ, так и в широкой культурной среде. Один из решений данной проблемы заключается в создании образовательных программ, которые смогут представить казаческую культуру как неотъемлемую часть российского культурного наследия.

В заключение, результаты исследования подтверждают, что казачья идентичность остается актуальным и важным феноменом в условиях современного общества. Она не только сохраняет свои традиции, но и ищет новые пути адаптации в быстро меняющемся мире. Перспективы казачьей идентичности видятся в конструктивном взаимодействии с другими культурами, а также в поддержке культурных инициатив и образовательных программ, которые помогут сохранить казачьи ценности и традиции. Этот процесс требует совместных усилий как самих казаков, так и государственных и общественных институтов, направленных на поддержку многообразия и культурной самобытности в многонациональной России.

Библиографический список

1. Уланов М.С., Андреева А.А. Буддизм и донские калмыки-казаки в социокультурном пространстве России. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1024> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.25178/nit.2021.2.9
2. Морозова Е., Мирошниченко И. Традиции и инновации в политике развития сельских территорий России: потенциал казачества. // Полис Политические исследования. 01.09.2023 // URL: <https://www.politstudies.ru/article/6064> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05
3. Бигильдина Э.Р., Кузнецова И.В., Хаматова Р.С., Зияетдиновна Х.Р. Роль возрождения казаков на территории Башкортостана в военно-патриотическом воспитании молодежи. //

- CITISE. 30.06.2021 // URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
4. Александр П.С. Поселенческий уклад как социальный институт (на примере исторического региона кубани). // URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1436> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-44-52
5. Абидаг Г. Посредники культуры: о гендерных особенностях статусных ролей женщин на Кавказском рубеже. // *Woman in Russian society*. 20.12.2021 // URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gazieva-a-a-mediatory-kultury-o-gendernoj-osobennosti-statusnyx-rolej-zhenshhin-na-kavkazskom-frontire-str-121-135/> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.21064/winrs.2021.4.9
6. Магомедов Р.Р. Русские казаки через призму повседневной жизни. Обзор книги: Годова Е.В. Повседневная жизнь русских казаков во второй половине XIX – начале XX века. – Санкт-Петербург, Издательство Дмитрия Буланина, 2020. 464 с. // URL: http://vestospu.ru/eng_vers/archive/2023/articles/18_2_2023ang.html (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.18
7. Бредихин А.В. Опозиция казачьих организаций к деятельности сект на юге России. // URL: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/Bredikhin.pdf> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.37816/2073-9567-2020-56-45-54
8. Шаожева Н.А. Проблема этносоциальной идентичности в общественном мнении казаков Кабардино-Балкарской Республики. // *Вестник Владикавказского научного центра*. 30.03.2017 // URL: <http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-1/vnc-2017-1-05.pdf> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.23671/vnc.2017.1.9584
9. Дария Брагина. Этнополитические процессы в Республике Саха (Якутия) на рубеже веков (XIX-XX вв.). // *Interactive science*. 27.08.2021 // URL: https://interactive-plus.ru/article/554521/discussion_platform (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.21661/r-554521
10. Выгилдина Э.Р., Кузнецова И.В., Хаматова Р.С., Зиязетдиновна Х.Р. Роль возрождения казаков на территории Башкортостана для военно-патриотического воспитания молодежи. // CITISE. 30.06.2021 URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
11. Гриценко Н.П. Региональные политические элиты и проблемы идентичности в контексте этнополитических конфликтов на Юге России. // *Политика и Общество*. 01.01.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-22996 (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.5
12. Ильин В.И. Человек на старом Русском Севере: между свободой воли и структурным принуждением (исторический очерк в терминах экзистенциальной социологии). // *Мир России*. 24.06.2020 // URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/10987> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17323/1811-038x-2020-29-3-6-27
13. Рвачёва О. Формирование советского казачьего сообщества на юге России в середине 1930-х – начале 1940-х годов. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/723> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.3.9
14. Герман О. Мациевский. Государство и казаки: Поиски путей возрождения. // URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1636&article_id=37027 (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17223/15617793/424/13
15. Тхамокова И.Х.. Терское служилое и «вольное» казачество в конце XVI – XVII вв.: особенности социального положения. // *Исторический журнал научные исследования*. 01.06.2019 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31404 (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31404
16. Колесник Эдуард Г., Тарасов Михаил Г., Гергилев Денис Н., Николай Р. Новосельцев. Межэтнические отношения в российском Центральной Азии (19-й – начало 20-го века). // URL: <http://journal.sfu-kras.ru/en/article/109231> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17516/1997-1370-0348
17. Амерби Хазретович Кармов. Н.А. Катханов: роль и место в гражданской войне на северном Кавказе. // URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/3_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%BE%D0%B2.pdf (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-22-34
18. Викторovich К.О. Казаки Южной России в геополитических планах П.А. Фадеева. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/575> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15688/jvolsu4.2013.2.18

19. Рвачёва О. Формирование советского казацкого сообщества на юге России в середине 1930-х – начале 1940-х годов. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/723> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.3.9
20. Бакыт С. Токмырзаев. Казаки как предмет аграрной колонизации Степной территории (вторая половина 19 - начало 20 века). // URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1590&article_id=35433 (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17223/15617793/419/22
21. Побережников И.В. Модернизация фронта на востоке российской империи: региональные вариации. // URL: http://uralhist.uran.ru/en/archive/457/461/_aview_b504 (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80
22. Андрей Вячеславович Пахомов. «Земельный вопрос» в Кубанской области и материальное положение казачества в конце XIX в. // URL: <http://via-in-tempore-journal.ru/index.php/journal/article/view/144> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-424-434
23. Герман О. Мациевский. Исторический опыт добрососедских отношений народов Кубанского региона. // URL: <http://journal-s.org/index.php/mrsp/article/view/9418> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-52-68
24. Н.В. Варивода. Женский компонент в отношениях горских казаков в XVIII–XIX веках. // URL: http://www.kbgi.ru/fmedia/4_%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%V4%D0%B0-1.pdf (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46
25. Выгилина Э.Р., Кузнецова И.В., Хаматова Р.С., Хизбуллина Р.З. Роль возрождения казаков на территории Башкортостана для военно-патриотического воспитания молодого поколения. // CITISE. 30.06.2021 URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
26. Перинская Н.А. Профессиональная идентичность. // Znanie Ponimanie Umenie. 29.06.2018 // URL: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/730> (Дата посещения: 12.06.2025) – DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19
27. Гусарова М.Н., Авакян Д.А. Высшее образование в Российской Федерации в первой четверти XXI века в контексте эволюции государственного управления и цифровизации // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 31–40.

References

1. Ulanov M.S., Andreeva A.A. Buddhism and Don Kalmyk Cossacks in the Sociocultural Space of Russia. // URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/1024> (12.06.2025) – DOI: 10.25178/nit.2021.2.9
2. Morozova E., Miroshnichenko I. Traditions and Innovations in the Policy of Rural Development in Russia: the Potential of the Cossacks. // Polis Political Studies. 01.09.2023 // URL: <https://www.politstudies.ru/article/6064> (12.06.2025) – DOI: 10.17976/jpps/2023.05.05
3. Bigildina E.R., Kuznetsova I.V., Khamatova R.S., Ziyazetdinovna H.R. The role of the revival of the Cossacks on the territory of Bashkortostan in the military-patriotic education of youth. // CITISE. 30.06.2021 // URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
4. Alexander P.S. Settlement way of life as a social institution (on the example of the historical region of Kuban). // URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1436> (12.06.2025) – DOI: 10.17213/2075-2067-2021-5-44-52
5. Abidat G. Cultural intermediaries: on the gender features of women's status roles on the Caucasian border. // Woman in Russian society. 20.12.2021 // URL: <https://womaninrussiansociety.ru/article/gazieva-a-a-mediatory-kulturny-o-gendernoj-osobennosti-statusnyx-rolej-zhenshhin-na-kavkazskom-frontire-str-121-135/> (12.06.2025) – DOI: 10.21064/winsr.2021.4.9
6. Magomedov R.R. Russian Cossacks through the Prism of Everyday Life. Book review: Godovova E.V. Everyday Life of Russian Cossacks in the Second Half of the 19th – Early 20th Century. – St. Petersburg, Dmitry Bulanin Publishing House, 2020. 464 p. // URL: http://vestospu.ru/eng_vers/archive/2023/articles/18_2_2023ang.html (12.06.2025) – DOI: 10.32516/2303-9922.2023.46.18
7. Bredikhin A.V. Opposition of Cossack organizations to the activities of sects in the south of Russia. // URL: <http://vestnik-sk.ru/assets/files/Bredikhin.pdf> (12.06.2025)
8. Shaozheva N.A. The problem of ethnosocial identity in the public opinion of the Cossacks of the Kabardino-Balkarian Republic. // Bulletin of the Vladikavkaz Scientific Center. 30.03.2017 // URL: <http://www.vestnik-vnc.ru/Portals/141/2017-1/vnc-2017-1-05.pdf> (12.06.2025) – DOI: 10.23671/vnc.2017.1.9584

9. Daria Bragina. Ethnopolitical processes in the Republic of Sakha (Yakutia) at the turn of the century (19th-20th centuries). // *Interactive science*. 08/27/2021 // URL: https://interactive-plus.ru/article/554521/discussion_platform (06/12/2025) – DOI: 10.21661/r-554521
10. Bigildina E.R., Kuznetsova I.V., Khamatova R.S., Ziyazetdinovna H.R. The role of the revival of the Cossacks in the territory of Bashkortostan for the military-patriotic education of youth. // *CITISE*. 30.06.2021 URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
11. Gritsenko N.P. Regional political elites and problems of identity in the context of ethnopolitical conflicts in the South of Russia. // *Politics and Society*. 01.01.2013 URL: http://nbpublish.com/library_read_article.php?id=-22996 (12.06.2025) – DOI: 10.7256/1812-8696.2013.01.5
12. Ilyin V.I. Man in the Old Russian North: Between Free Will and Structural Coercion (A Historical Essay in Terms of Existential Sociology). // *Mir Rossii*. 24.06.2020 // URL: <https://mirros.hse.ru/article/view/10987> (12.06.2025) – DOI: 10.17323/1811-038x-2020-29-3-6-27
13. Rvacheva, O. Formation of the Soviet Cossack Community in the South of Russia in the Mid-1930s – Early 1940s. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/723> (12.06.2025) – DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.3.9
14. German O. Matsievsky. The State and the Cossacks: The Search for Ways of Revival. // URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1636&article_id=37027 (12.06.2025)
15. Tkhamokova I.Kh. Terek service and “free” Cossacks at the end of the 16th - 17th centuries: features of the social status. // *Historical journal scientific research*. 01.06.2019 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31404 (12.06.2025) – DOI: 10.7256/2454-0609.2019.6.31404
16. Kolesnik Eduard G., Tarasov Mikhail G., Gergilev Denis N., Nikolay R. Novoseltsev. Interethnic relations in Russian Central Asia (19th – early 20th centuries). // URL: <http://journal.sfu-kras.ru/en/article/109231> (12.06.2025) – DOI: 10.17516/1997-1370-0348
17. Amerbi Khazretovich Karmov. N.A. Katkhanov: Role and Place in the Civil War in the North Caucasus. // URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/3_%D0%BA%D0%B0%D1%80%D0%B-%D0%BE%D0%B2.pdf (12.06.2025) – DOI: 10.31007/2306-5826-2019-4-2-43-22-34
18. Viktorovich K.O. Cossacks of Southern Russia in the Geopolitical Plans of R.A. Fadeev. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/575> (12.06.2025)
19. Rvacheva O. Formation of the Soviet Cossack community in the south of Russia in the mid-1930s – early 1940s. // URL: <http://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/component/attachments/download/723> (12.06.2025) – DOI: 10.15688/jvolsu4.2014.3.9
20. Bakyt S. Tokmyrzaev. Cossacks as an Object of Agrarian Colonization of the Steppe Territory (Second Half of the 19th – Early 20th Century). // URL: http://journals.tsu.ru/vestnik/&journal_page=archive&id=1590&article_id=35433 (12.06.2025) – DOI: 10.17223/15617793/419/22
21. Poberezhnikov I.V. Modernization of the Frontier in the East of the Russian Empire: Regional Variations. // URL: http://uralhist.uran.ru/en/archive/457/461/_aview_b504 (12.06.2025) – DOI: 10.30759/1728-9718-2018-4(61)-72-80
22. Andrey Vyacheslavovich Pakhomov. “The land issue” in the Kuban region and the financial situation of the Cossacks at the end of the 19th century. // URL: <http://via-in-tempore-journal.ru/index.php/journal/article/view/144> (12.06.2025) – DOI: 10.52575/2687-0967-2021-48-2-424-434
23. German O. Matsievsky. Historical experience of good-neighborly relations of the peoples of the Kuban region. // URL: <http://journal-s.org/index.php/mrsp/article/view/9418> (12.06.2025) – DOI: 10.12731/2077-1770-2016-3-2-52-68
24. N.V. Varivoda. The female component in the relations of mountain Cossacks in the 18th–19th centuries. // URL: http://www.kbigi.ru/fmedia/4_%D0%B2%D0%B0%D1%80%D0%B8%D0%B2%D0%BE%D0%B4%D0%B0-1.pdf (12.06.2025) – DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-2-51-35-46
25. Bigilina E.R., Kuznetsova I.V., Khamatova R.S., Khizbullina R.Z. The Role of the Revival of the Cossacks in Bashkortostan for the Military-Patriotic Education of the Young Generation. // *CITISE*. 30.06.2021 URL: <http://ma123.ru/en/2021/04/id-0048-en/> (12.06.2025) – DOI: 10.15350/2409-7616.2021.2.01
26. Perinskaya N.A. Professional identity. // *Knowledge, Understanding*. 29.06.2018 // URL: <http://journals.mosgu.ru/zpu/article/view/730> (12.06.2025) – DOI: 10.17805/zpu.2018.2.19
27. Gusarova M.N., Avakyan D.H. Higher education in the Russian Federation in the first quarter of the 21st century in the context of the evolution of public administration and digitalization // *Etnotsotsium and international culture*. 2025. № 8 (206). P. 31-40.

*Current issues of science
and innovation*

*Актуальные вопросы науки
и инновации*

Ашнокова Л.М.

Доктор философских наук, профессор кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Павельева Т.Ю.

Доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социального управления. Московский государственный технологический университет «Станкин».

Взаимосвязь языка и молодежного менталитета*

Аннотация. В статье рассматривается один из важнейших факторов детерминации менталитета российской молодежи – язык. Менталитет молодежи объективирует себя в языке, а язык выступает как та основа, которая формирует в нем специфику представлений о мире, системы ценностей и норм поведения, характерных для молодежи. Язык – это такой феномен культуры, который впитывает в себя и определенным образом отражает характерные социальные особенности, которые мы можем обозначить как ментальные.

Ключевые слова: язык, языковой менталитет, структура языкового менталитета, языковая ментальность молодежи.

Ashnokova L.M.

Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy of the Department at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.

Pavelieva T.Yu.

Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Management at the Moscow State Technological University "Stankin".

The Relationship between Language and Youth Mentality

Abstract. This article examines one of the most important factors determining the mentality of Russian youth: language. The mentality of youth is objectified through language, and language serves as the foundation that shapes their unique worldviews, value systems, and behavioral norms. Language is a cultural phenomenon that absorbs and, in a certain way, reflects characteristic social characteristics, which we can describe as mental.

Key words: language, linguistic mentality, structure of linguistic mentality, linguistic mentality of youth.

* © Ашнокова Л.М., Павельева Т.Ю., 2026.

Актуальность социально-философского анализа менталитета молодежи обусловлена тем, что от его состояния зависят результаты познания, действий, поведения, ценностные предпочтения молодых россиян. Молодежь является наиболее активной частью социума, играющей важную роль в общественном воспроизводстве. Основными факторами детерминации менталитета российской молодежи являются экономические, культурные, исторические, политические, религиозные, этнические, семейные, языковые факторы. В настоящее время у молодежи происходит актуализация культурных, религиозных, этнических и семейных ценностей, детерминированная ощущением нестабильности окружающего мира, поиском защиты и поддержки в более стабильных установках предшествующих поколений.

Язык является тем феноменом культуры, который впитывает в себя и отражает характерные социальные особенности, которые можно трактовать как ментальные. Изменяющаяся жизнь отображается в сленговой речи молодежи. Существует и обратная связь, так как язык оказывает свое действие на процессы, происходящие в обществе.

Д.В. Полежаев отмечает, что первенство в формировании личных ментальностей принадлежит языковой ментальности индивида. Взаимовлияние и взаимодействие менталитета и языка начинается с самого раннего детства ребенка. Д.В. Полежаев пишет: «Важнейшей основой функционирования языка является социум; глубинной основой последнего является менталитет. На начальных этапах усвоения языка индивид идет от языкового мышления к социокультурным стереотипам восприятия, поскольку с усвоением языка он усваивает и значительную часть глубинно-психических установок социального менталитета» [6, 58]. Когда базовая основа менталитета сформирована и ее глубинно-психические установки становятся фиксированными, менталитет сам является фактором детерминации языковых изменений:

Язык – феномен культуры, который определяет культурный код народа, это «дух» народа и носитель ментальности. В.А. Морковкин и А.В. Морковкина считают: «Язык, осуществляя свое предназначение служить средой, сцепляющей индивидов во времени и пространстве, заполняет сознание человека, структурирует его этнически особым образом, подключает его к национальным родникам духовности» [4, 26]. Э. Фромм и Р. Хирау говорят о важности слова как символе: «Человек – существо, производящее символы, и наиболее важный символ, который он создал, – слово. С помощью слова он может общаться с другими людьми, и таким образом процесс труда и мышления необычайно упрощается [10, 149].

Для выяснения особенностей молодежного языкового менталитета необходимо вначале определить взаимосвязь между понятиями «языковой менталитет» и «менталитет». Так, Т.Б. Радбиль полагает, что если быть последователем идеи Гумбольдта о языковой обусловленности видения

мира, то эти понятия равнозначны. Эта идея утверждается и в современной семиотике, считается, что любая форма духовной деятельности имеет свой знаковый характер. Менталитет является особой знаковой системой, которая обусловлена особенностями языка. Молодежный менталитет может быть всесторонне изучен, если его рассматривать как менталитет языковой. Т.Б. Радбиль определяет языковой менталитет следующим образом: «Языковой менталитет – это наш способ жить, думать и разговаривать» [8, 64].

Языковой менталитет – это специфический способ знакового представления о мире, системы ценностей и моделей поведения, воплощенной в семантической системе национального языка. Феномен языка и феномен национального духа настолько взаимосвязаны, что невозможно их рассматривать изолированно и необходимо продолжать поиск точек их соприкосновения. В. Гумбольдт считал, что язык «всеми своими корнями и тончайшими их фибрами ... сплетен с национальным духом», он – «произведение национального духа» и «глубоко входит в умственное развитие человечества», так что «в языке можно узнать всякое состояние умственного развития народа»; «материал языка нельзя представлять один раз навсегда готовую массу. Не говоря о постоянном образовании новых слов и форм, весь запас в языке, покуда он живет в устах народа, непрерывно производится и воспроизводится собственной силою говорящих» [2, 4-6].

Представляется необходимым выявить структуру языкового менталитета. Важный составной его элемент – когнитивный, который связан с системой взглядов, определяемых сложившимися в обществе знаниями. Наряду с когнитивным элементом выделяется эмоциональный, детерминированный спецификой выражения чувств. Следующий элемент – ценностный (аксиологический), который тесно связан с разнообразными религиозными, моральными, социально-политическими, экзистенциальными, семейными, эстетическими нормами и ценностями. Еще один элемент – мотивационный, который в молодежной среде проявляется в поступках, в определении целей и жизненных ориентиров, в различных видах деятельности и др. Все перечисленные выше элементы присутствуют в языковом менталитете и по своей значимости могут меняться в зависимости от различных ситуаций: войны, революции, кризисов, внешних и внутренних условий развития общества.

Важно проследить уровни функционирования менталитета как языковой картины мира. Первый уровень функционирования и понимания взаимовлияния менталитета молодежной группы и языка связан с тем, что молодежь с помощью языка отражает внешний окружающий мир. Второй уровень функционирования менталитета заключается в отражении действий молодежи.

В.Г. Гак вводит новый термин «ментальное поле». Под ним он понимает взаимосвязь слов и словосочетаний, соответствующую понятию

«мыслить». Он приходит к выводу: «Поскольку мысль является преддверием действия, ментальные слова приобретают значение определенного действия». В.Г. Гак расширяет понятие ментального поля, распространяя мысль об объекте на их связь с положительными и отрицательными эмоциями. В частности, «этот компонент лежит в основе оппозиции многих слов ментального поля, их значений: подозревать, думать на кого-либо (видеть плохое в объекте); уверенность, надежда (предполагается нечто хорошее); отчаяние (будущее несомненно плохое); вспоминать (нейтральное); сожалеть (выражает хорошее отношение к утраченному прошлому» [1, 667].

Изменяющаяся жизнь отображается в сленговой речи молодежи. Существует и обратная связь, так как язык также оказывает свое действие на процессы, происходящие в обществе. Размышляя об этом, О.Г. Почепцов приходит к выводу, что «с усвоением языка человек усваивает и языковую ментальность. В дальнейшем, то есть после усвоения языка, связь обратная – социокультурные факторы определяют языковую ментальность» [7, 119]. Молодежи присуща социальная потребность в самоутверждении, которое возможно через внешние проявления, в число которых входит и молодежный сленг.

Язык молодежной социальной группы представляет собой социальный диалект (лексикон), который насыщается и существует на основе общенационального языка, формируется не только на его фонетической, но и на его грамматической почве. В связи с нестабильностью экономики, политики, а также социальными проблемами в современной России лексикон молодежи пополнился множеством разнообразных слов и язык молодежи заметно изменился. С начала XX века можно выделить несколько этапов в развитии молодежного диалекта. Первый этап его формирования молодежного происходит в двадцатые-сороковые годы, когда октябрьский переворот и гражданская война разрушили до основания социальную структуру общества. В этот период появилось огромное количество беспризорных. Речь этих детей и подростков пополнилась множеством «блатных» слов. Второй этап приходится на шестидесятые годы, когда на улицы городов вышли так называемые «стиляги». Третий связан с периодом застоя, когда атмосфера общественной жизни семидесятых-восьмидесятых годов сформировала множество неформальных молодежных движений. Молодежь создает свой диалект как языковой протест официальной идеологии. Начало четвертого этапа связано с периодом компьютеризации. Языковеды считают, что формирование новых слов, употребляемых молодежью, произошло в соответствии с появлением новых явлений, идей, объектов, которые ранее не наблюдались. Сегодня это находит свое выражение на ТВ, в газетных статьях, на радио. В целом, русский язык очень изменился и стал в настоящее время совмещать такое многообразие языковых форм, которые когда-то были совершенно несовместимы.

В наши дни в речи россиянина встречаются разнообразные слова, которые относятся не только к молодежному диалекту, но и специфические слова, связанные с профессией. Это касается в большей степени современной экономической деятельности и вычислительной техники. Активно пополняет русский молодежный сленг компьютерная лексика, в основном, через переосмысление значений русских слов. Больше всего языковые заимствования происходят из новых областей знаний, где еще не сформировалась система русских терминов или названий.

Ряд ученых провели исследования, целью которых было выявление особенностей новых тенденций в современном русском языке [9]. Они пришли к выводу: почти все новые слова, понятия новых явлений, событий в большинстве своем принадлежат молодежной лексике.

Русский молодежный сленг динамично развивается, используя жаргонизмы. Жаргонизмы – это слова, которые употребляют социальные группы, объединенные общими интересами. Студенческий жаргон составляет в русском языке основу молодежного сленга. Сленг – это молодежный жаргон, составляющий слой разговорной лексики, отражающей грубовато-фамильярное, иногда юмористическое отношение к предмету речи. Жаргон активно используется не только в речи молодежи, употребляется и взрослым населением. В связи с этим негативным явлением в жизни нашего общества, вспоминаются слова Омара Хайяма «Обращаться с языком кое-как – значит, и мыслить кое-как» [5].

Большой вклад в понимание языкового менталитета внесли представители Тартуской школы, понимая менталитет как дух языка и дух народа. Любая общественная деятельность зависит от речи или текста. Текст основывается на системе определенных правил – языка и кода. Для общения люди должны владеть кодами, характерными для данного сообщества, только при этом условии люди могут понять тексты. Коды создаются носителями языка, поэтому они отражают менталитет, как индивидуальный, так и групповой [3].

Таким образом, менталитет и язык тесно взаимосвязаны. Язык является феноменом культуры, который впитывает в себя и определенным образом отражает специфичные социальные особенности, которые можно обозначить как ментальные, поскольку они существуют и на уровне глубинно-психических установок. Язык, также как и менталитет, изменяется и детерминирован общественными изменениями. Языковая ментальность молодежи динамична, в значительной степени зависит от конкретного состояния общественных процессов и развития культуры для данного периода.

Культура – один из значимых факторов детерминации формирования менталитета молодежи. Индивид по мере социализации усваивает язык, символы, знания, ценности, нормы, обычаи и традиции не только своего народа, своей социальной группы, но и других социальных групп и этносов.

Культура, являясь особой знаковой системой, передает социальный опыт от поколения к поколению, она интегрирует и сплачивает общество. Недооценка важности культуры в процессе социализации молодежи может привести к падению нравственности и утрате значимости общечеловеческих ценностей.

В заключении можно сказать, что менталитет молодежи объективирует себя в языке, а язык выступает как та основа, которая формирует в нем специфику представлений о мире, системы ценностей и норм поведения, характерных для молодежи.

Библиографический список

1. Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
2. Гумбольдт В. Фон. О различии организмов человеческого языка и о влиянии этого различия на умственное развитие человеческого рода. – СПб., 1859.
3. Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVII – нач. XIX вв.) / Ю.М. Лотман. – СПб.: Искусство, 1994.
4. Морковкин В.А., Морковкина А.В. Русские антонимы (слова, которые мы не знаем). – М.: АО «Астра семь», 1997.
5. Омар Хайям. // URL: <http://www.inpearls.ru/>
6. Полежаев Д.В. Менталитет и язык: особенности феноменологического взаимодействия // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 5.
7. Почепцов О.Г. Языковая ментальность: способ представления мира // Вопросы языкознания. 1990. № 6.
8. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. – М.: «Наука», 2013.
9. Стернин И.А. Социальные факторы и развитие современного русского языка // Теоретическая и прикладная лингвистика. Вып. 2. Язык и социальная среда. – Воронеж, 2000.
10. Фромм Э., Хирау Р. Предисловие к антологии «Природа человека» // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. – М.: Издательство «Прогресс», 1990.
11. Горина Л.В., Талинский И.Д., Захарова М.С. Негосударственный сектор дошкольного образования: частные детские сады // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 52-62.

References

1. Gak V.G. Language Transformations. – Moscow: School “Languages of Russian Culture”, 1998.
2. Humboldt V. Von. On the Differences in Human Language Organisms and the Influence of These Differences on the Mental Development of the Human Race. – St. Petersburg, 1859.
3. Lotman Yu.M. Conversations about Russian Culture: Everyday Life and Traditions of the Russian Nobility (17th – Early 19th Centuries) / Yu.M. Lotman. – St. Petersburg: Iskusstvo, 1994.
4. Morkovkin V.A., Morkovkina A.V. Russian Antonyms (Words We Don't Know). – Moscow: JSC “Astra Seven”, 1997.
5. Omar Khayyam. // URL: <http://www.inpearls.ru/>
6. Polezhaev D.V. Mentality and Language: Features of Phenomenological Interaction // Bulletin of the Volgograd State Pedagogical University. 2009. № 5.
7. Pocheptsov O.G. Linguistic Mentality: A Way of Representing the World // Voprosy Linguistica. 1990. № 6.
8. Radbil T. B. Fundamentals of the Study of Linguistic Mentality. - Moscow: “Nauka”, 2013.
9. Sternin I. A. Social Factors and the Development of the Modern Russian Language // Theoretical and Applied Linguistics. Issue 2. Language and Social Environment. - Voronezh, 2000.
10. Fromm E., Hirau R. Preface to the Anthology “Human Nature” // Global Problems and Universal Values. - Moscow: Izdatelstvo “Progress”, 1990.
11. Gorina L.V., Talinskij I.D., Zakharova M.S. Non-governmental preschool education sector: private kindergartens // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 52-62.

Анисимова В.В.

Кандидат психологических наук, доцент. Воронежская государственная академия спорта, г. Воронеж.

Симаев А.К.

Аспирант. Корпоративный университет развития образования, г. Москва.

Башилова Е.И.

Кандидат филологических наук, доцент. Московский городской педагогический университет.

Искусственный интеллект как фактор трансформации корпоративной культуры в организациях*

Аннотация. В современном мире индустрия 4.0 открывает новые возможности, обусловленные цифровой трансформацией. В центре внимания находится искусственный интеллект (ИИ), который радикально меняет традиционные подходы к формированию и развитию корпоративной культуры. Целью исследования является анализ влияния искусственного интеллекта на развитие корпоративной культуры в организациях. Вывод исследования заключается в том, что интеграция искусственного интеллекта в корпоративную культуру организации может способствовать ее кардинальному изменению.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), корпоративная культура, организация, технологии ИИ.

Anisimova V.V.

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Voronezh State Academy of Sports, Voronezh.

Simaev A.K.

Graduate Student. Corporate University for Education Development, Moscow.

Bashilova E.I.

Candidate of Science, Associate Professor. Moscow City University.

Artificial intelligence as a factor in the transformation of corporate culture in organizations

* © Анисимова В.В., Симаев А.К., Башилова Е.И., 2026.

Искусственный интеллект как фактор трансформации корпоративной культуры в организациях

Abstract. In today's world, Industry 4.0 is opening up new opportunities driven by digital transformation. This research focuses on artificial intelligence (AI), which is radically changing traditional approaches to the formation and development of corporate culture. The aim of this study is to analyze the impact of artificial intelligence on the development of corporate culture in organizations. The study concludes that integrating artificial intelligence into an organization's corporate culture can contribute to its fundamental transformation.

Key words: artificial intelligence (AI), corporate culture, organization, AI technologies.

Введение

Корпоративная культура вызывает значительный интерес как у исследователей в области менеджмента, так и у менеджеров, которые считают культуру одним из ключевых элементов, определяющих ценность организации, формирующих ее идентичность и конкурентные преимущества [1]. Важность корпоративной культуры возрастает в условиях современных вызовов, таких как растущая цифровизация и усиливающаяся потребность в инклюзивности, поскольку цифровая трансформация затрагивает не только технологические процессы, но и нормативные, ценностные и институциональные основания функционирования организаций, требуя адаптации правовых и управленческих механизмов к новым условиям цифровой среды [2].

Как подчеркивает Джеймс Л. Гибсон, корпоративная культура не является автономной; она формируется в тесной связи с культурой окружающей среды и одновременно находится под влиянием ряда внутренних условий. Совокупность множества внешних и внутренних факторов определяет динамику и развитие культурных моделей в организации [3].

Несмотря на многочисленные исследования, посвященные корпоративной культуре, ее влиянию на эффективность организации, многие вопросы остаются без ответа, а результаты исследований не всегда приводят к согласованным выводам. Вместе с тем понимание того, что влияет на корпоративную культуру и как это на нее влияет, позволяет делать обоснованный выбор инструментов и формировать процесс культурных изменений [4]. Конечно, возможности руководства влиять на корпоративную культуру ограничены, но такие знания повышают вероятность создания желаемой культуры.

Цель исследования - анализ влияния искусственного интеллекта на развитие корпоративной культуры в организациях.

Результаты исследования

В литературе можно найти различные определения такого явления как корпоративная культура. Помимо термина «корпоративная культура», встречаются также термины «организационная культура» и «управ-

ленческая культура». Более того, некоторые исследователи используют термин «корпоративная культура» [5], чтобы подчеркнуть существование культуры в организации, а не отождествлять культуру с самой организацией. В литературе по данной теме эти термины используются взаимозаменяемо и относятся к одному и тому же явлению, под которым понимается «привычный и традиционный образ мышления и поведения, более или менее общий для всех членов коллектива, который новые сотрудники должны усвоить и хотя бы частично принять» [3, с. 123], «обмен смыслами и символами, ритуалами и когнитивными моделями, постоянно формирующимися и трансформирующимися по мере того, как организация стремится сбалансировать требования внутренней сплоченности с потребностями реагирования, выявляемыми во внешней среде» [5, с. 34], «система моделей мышления и действий, сформировавшихся в социальной среде организации и имеющих важное значение для достижения ее формальных целей» [6, с. 42], «привычный способ мышления, чувствования и действия, разделяемый, усваиваемый и принимаемый сотрудниками» [7, с. 39].

В более широком понимании корпоративная культура - это система ценностей, убеждений, верований, представлений, ожиданий, символов, а также деловых принципов, норм поведения, традиций, ритуалов и т. д., которые сложились в организации или ее подразделениях за время деятельности и которые принимаются большинством сотрудников.

Информационные технологии, в частности технологии искусственного интеллекта (далее - ИИ), являются одним из ключевых факторов цивилизационных изменений, включая организационное развитие, оказывая, помимо прочего, значительное влияние на корпоративную культуру.

К числу организационных процессов, где ИИ может быть особенно полезен, относятся:

- анализ больших данных - с помощью ИИ человек может проводить всесторонний анализ огромных объемов данных для выявления закономерностей или аномалий в процессах за очень короткое время, свободно изменяя параметры входных данных.

- прогнозирование - ИИ поможет прогнозировать события, которые могут произойти в будущем путем корректного анализа данных за любой период времени в очень короткие сроки.

- автоматизация процессов - программирование рутинных, повседневных задач и операций с использованием алгоритмов ИИ позволяет значительно экономить время и дает возможность людям сосредоточиться на более стратегических задачах.

- визуализация - сложные визуализации, созданные с помощью ИИ, могут облегчать понимание и интерпретацию организационных процессов сотрудниками;

- оптимизация производственных процессов - ИИ может использоваться для оптимизации параметров производственных процессов в режиме реального времени, что приводит к повышению эффективности и сокращению потерь [8].

В соответствии с вышеизложенными направлениями неизбежно более активное использование технологий ИИ для оптимизации организационных процессов путем автоматизации рутинных задач, анализа огромных объемов данных для выявления тенденций и возможных областей улучшения, а также поддержки принятия бизнес-решений на основе точных прогнозов и данных, полученных с помощью соответствующих алгоритмов ИИ. Благодаря постоянному совершенствованию уникальных алгоритмов в сотрудничестве с людьми, ИИ может не только значительно повысить эффективность процессов, но и способствовать созданию инновационных идей и концепций, что приведет к повышению конкурентоспособности продуктов и услуг. В результате внедрение ИИ может привести к революционным изменениям в работе организации, создавая гармоничную и продуктивную среду, лидирующую в отрасли [9].

При этом широкое внедрение ИИ предполагает активное использование и обработку цифровых данных, которые приобретают статус значимых цифровых активов организации и требуют надежной правовой защиты, включая вопросы собственности, доступа и ответственности за их использование [10].

Взгляды на влияние ИИ на развитие корпоративной культуры, как указывает Д.В. Несмеянов [11], претерпели эволюцию. Первоначально большинство исследователей придерживались точки зрения технологического детерминизма. Исследования указывали на эффекты, возможные при внедрении отдельных технологий, в том числе ИИ, независимо от контекста конкретной организации. Авторы исходили из предположения, что влияние технологий на культуру не зависит от окружающей среды.

Второе направление исследований основывалось на предположении, что технологии ИИ могут оказывать различное воздействие на рабочее место. Это направление исследований исходило из предположения, что менеджеры обладают свободой формировать культуру организации - инструментальный подход к культуре. Например, внедрение инструментов ИИ, поддерживающих командную работу (технологии ИИ для совместной работы), было призвано способствовать созданию культуры сотрудничества.

В третьем направлении исследований некоторые авторы указывали на то, что технологии ИИ и корпоративная культура могут влиять друг на друга, приводя к неоднозначным результатам. Когда технологии ИИ и культура согласованы, возможно успешное внедрение и последующее использование нового ИИ-решения. В противном случае внедрение ИИ,

противоречащее существующей корпоративной культуре, может встретить сопротивление или даже отторжение.

Существуют также авторы, которые в своих исследованиях подчеркивают, что как технологии, так и культура являются гибкими и изменчивыми с течением времени. И культура, и технологии могут адаптироваться к контексту. Это, естественно, затрудняет прогнозирование последствий внедрения того или иного решения.

Несомненно, корпоративная культура является результатом множества факторов, включая цифровые технологии, однако последние сами по себе не создают корпоративную культуру; скорее, они создают условия, в которых может развиваться конкретная корпоративная культура. Технологии предоставляют определенные возможности, но то, как люди их используют - сотрудники, клиенты и деловые партнеры - имеет решающее значение. В конечном счете именно люди формируют любую корпоративную культуру.

Влияние ИИ на корпоративную культуру имеет двоякий характер:

- с одной стороны, технологический прогресс - это сила, которая способствует незапланированным изменениям в корпоративной культуре, порой неожиданно для лиц, принимающих решения. Изменения в корпоративной культуре становятся побочным эффектом процессов внедрения инструментов ИИ, преследующих другие цели, такие как повышение безопасности на рабочем месте, улучшение имиджа организации или повышение производительности. Иногда источником культурных изменений являются сотрудники или клиенты, которые, используя ИИ, меняют свое поведение и ожидания. Клиенты ожидают более быстрого и удобного обслуживания, а сотрудники - рабочего места, обеспечивающего баланс между работой и личной жизнью [12]. В этом контексте ИИ оказывает незапланированное воздействие на корпоративную культуру, выходящее за рамки контроля руководства;

- с другой стороны, менеджеры, планирующие культурные изменения, выбирают соответствующие инструменты ИИ для поддержки таких изменений. Например, в рамках создания клиентоориентированной корпоративной культуры они внедряют CRM-систему с ИИ. В этом случае технологии ИИ влияют на корпоративную культуру, которая планируется, но лишь частично контролируется руководством [13].

В целом ИИ-решения способствуют формированию нескольких типов корпоративной культуры, описанных ниже.

Культура эффективности. Командам и сотрудникам ставятся измеримые цели. Для передачи целей и измерения их достижения используются инструменты ИИ (мониторинг процессов). Менеджеры и сотрудники получают информацию о результатах работы, иногда даже в режиме реального времени. Контроль, ранее осуществляемый менеджерами, заме-

няется безличным контролем инструментов ИИ. В результате сотрудники чувствуют давление, заставляющее их показывать высокие результаты, и их ценность демонстрируется результатами их работы. Такая корпоративная культура в основном является результатом действий руководства; иногда дополнительное давление на производительность оказывают клиенты организации.

Можно выделить два варианта этой культуры:

- позитивная культура эффективности, в которой важны результаты работы, но при этом уважается субъективность сотрудника, ставятся реалистичные цели, а их реализация не угрожает достижению долгосрочного баланса между работой и личной жизнью;

- негативная культура эффективности (культура угнетения), в которой внедрена система мониторинга работы, а сотрудники регулярно подвергаются давлению посредством конфронтации с результатами своей деятельности. Иногда это сопровождается стимулирующей конкуренцией между сотрудниками. Это культура, в которой границы между профессиональной и личной жизнью полностью размыты, и от сотрудников ожидается полная доступность. Организация основана на масштабной оптимизации работы, что приводит к объективации личности.

Парадоксально, но ИИ, трансформируя рабочую среду, создает условия для формирования противоположных культур.

Культура инноваций

Во многих секторах экономики компании проходят цифровую трансформацию, включающую внедрение ИИ в бизнес-процессы и процессы принятия решений. При этом частота появления новых технологических решений на основе ИИ настолько высока, что организации оказываются в постоянном состоянии перемен. В результате сотрудники привыкают к постоянным изменениям и воспринимают инновации как нечто естественное.

А.П. Барсуков [14], анализируя влияние ИИ на банковский сектор, отмечают, что цифровые банки делают акцент на таких ценностях, как инновации, скорость, гибкость, открытость и автономия. В то же время эти учреждения культивируют ценности, характерные для традиционных банков: доверие, безопасность, надежность и профессионализм. Следовательно, происходит эволюция от культуры иерархии, доминировавшей в финансовых учреждениях до начала XXI века, к культуре адхократии, ориентированной на инновации.

Культура участия сотрудников в управлении

За счет внедрения ИИ есть много возможностей совершенствования и автоматизации задач менеджеров среднего звена. Так, при управлении

командами ИИ поможет усовершенствовать коммуникации и распределить задачи. При анализе КРІ и эффективности ИИ может выявлять корреляции данных и предоставлять рекомендации по стратегиям совершенствования. ИИ может использоваться для осуществления тренингов и обучения персонала, что позволит разрабатывать программы обучения, персонализировать обучение и проводить постоянный мониторинг успешности. Управление проектами также возможно усовершенствовать благодаря внедрению технологий ИИ. Исходя из того, что работа менеджера среднего звена претерпевает значительные изменения в результате внедрения ИИ, спрогнозируем наиболее вероятные категории задач, которые будут выполняться автоматически (табл. 1).

Таблица 1. Возможности автоматизации задач менеджеров среднего звена благодаря использованию ИИ.

Категории задач	Пути использования ИИ для автоматизации процессов
Анализ и отчетность	<ul style="list-style-type: none"> - анализ большого объема данных, формирование аналитических отчетов и помощь в принятии оптимальных управленческих решений; - Прогнозирование производительности и результатов деятельности по проекту или структурному подразделению;
Планирование проектов	<ul style="list-style-type: none"> - анализ информации, нахождение потенциальных рисков и разработка предложений по их избежанию или уменьшению; - отслеживание состояния выполнения заданий и предоставление отчетов;
Управление командой	<ul style="list-style-type: none"> - оптимизация распределения задач в команде, основываясь на умениях и навыках каждого из ее членов; - анализ коммуникаций между членами команды, выявление эмоциональных факторов и предоставление советов для устранения проблемных факторов; - мониторинг результатов выполнения заданий.
Развитие персонала	<ul style="list-style-type: none"> - адаптация учебных программ под каждого сотрудника; - контроль успешности и предоставление советов для поиска дополнительных путей развития;
Оптимизация рабочих процессов	<ul style="list-style-type: none"> - оптимизация рутинных задач позволит освободить время для решения стратегических задач; - Анализ текущих операции и разработка предложений по их усовершенствованию.

Внедрение ИИ, частично заменяющего среднее звено управления, приводит к выравниванию организационных структур. В результате иерархическая культура развивается в сторону большей эгалитарности. Благодаря ИИ оперативные сотрудники получают все лучший доступ как к информации необходимой для выполнения своих задач, так и к информации о более широком контексте деятельности организации. Коммуникационные решения на основе ИИ, в свою очередь, облегчают общение между подразделениями и между уровнями управления. В результате создается рабочая среда, позволяющая сотрудникам участвовать в управлении, начиная от консультаций по управленческим решениям и заканчивая непосредственным участием в разработке и принятии решений. Поощрение более активного участия сотрудников в принятии решений и действиях, влияющих на их работу, соответствует концепции расширения прав и возможностей или концепции «Бирюзовой организации».

Заключение

Технологии ИИ являются одним из ключевых факторов, формирующих современную корпоративную культуру. Технологии ИИ создают условия для формирования различных корпоративных культур: культуры эффективности (в двух разновидностях: культура позитивной эффективности и культура угнетения), культуры инноваций, культуры участия сотрудников в управлении.

Технологии ИИ открывают множество новых возможностей для формирования корпоративной культуры. Некоторые организации используют их для создания дружелюбной рабочей атмосферы, где сотрудники, удовлетворяя свои потребности, достигают организационных целей. Однако эти же технологии иногда используются для построения организаций, основанных на угнетении и дегуманизации труда. Также стоит помнить, что темпы внедрения технологий ИИ в организации и скорость культурных изменений существенно различаются. Культурные изменения происходят с задержкой, что затрудняет установление прямой связи между этими двумя факторами.

Хотя в этой статье в основном обсуждается влияние ИИ на корпоративную культуру, стоит отметить, что сознательное формирование культуры может влиять на то, как люди используют ИИ. Новые технологические решения, помимо несомненных преимуществ, также представляют собой ряд социальных угроз, таких как нарушение межличностных отношений, изоляция и одиночество, цифровая слежка и объективация личности внутри организаций. Именно правильно сформированные ценности и нормы позволяют противодействовать этим явлениям и, в конечном итоге, оптимизировать использование ИИ.

Библиографический список

1. Mullakhmetov K.S., Sadriev R.D., Akhmetshin E.M. Corporate culture in management systems // *European Research Studies Journal*. 2018. Vol. 21. № 1. P. 519-528.
2. Аламова С.М., Аламов И.Л. Право в эпоху цифровизации: проблемы трансформации // Наука, образование: современные цифровые технологии формирования экосреды инновационного развития региона в условиях системных преобразований: Материалы национальной научно-практической конференции В 2-х частях, Казань, 02 декабря 2022 года / Под редакцией А.Н. Грязнова, А.М. Найда. Том Часть 1. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2022. С. 40-43.
3. Гибсон Дж.Л., Иванцевич Д., Доннелли-мл Дж.Х.. Организации: Поведение. Структура. Процессы; пер. с англ. - 8. изд. - М.: ИНФРА-М, 2000. 660 с.
4. Ахметшин Э.М., Идиятуллина И.И. Взаимосвязь корпоративного контроля и корпоративной культуры // В сборнике: Риск-менеджмент в экономике устойчивого развития. Материалы III Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых с международным участием. Под редакцией А.И. Разживина, И.Т. Сабирова, А.Р. Гапсаламова, С.В. Хусаиновой. 2015. С. 94-96.
5. Капитонов Э.А., Зинченко Г.П., Капитонов А.Э. Корпоративная культура: теория и практика. - М.: Альфа-Пресс, 2005. 352 с.
6. Камерон К.С., Куинн Р.Э. Диагностика и изменение организационной культуры; пер. с англ.. - СПб.: Питер, 2001. 310 с.
7. Горайнова Н.М. Корпоративная культура. Челябинск: Полиграф-Мастер, 2009. 220 с.
8. Зуб А.Т., Петрова К.С. Искусственный интеллект в корпоративном управлении: возможности и границы применения // *Государственное управление. Электронный вестник*. 2022. № 94. С. 173-187.
9. Ляпин И.А. Влияние искусственного интеллекта на рабочее место: текущее состояние и будущие перспективы // *Исследования в цифровой экономике*. 2023. № 1. С. 137-176.
10. Левкин И.В., Аламова С.М. Защита цифровых активов // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: Материалы VII Национальной научно-практической конференции, Казань, 16 февраля 2023 года / Под редакцией Р.Ф. Степаненко, А.Б. Месяева, С.Н. Тагаевой, С.М. Аламовой. Казань: Университет управления «ТИСБИ», 2023. С. 129-134.
11. Несмеянов Д.В. Искусственный интеллект и корпоративная культура: управленческий аспект // *KANT*. 2025. № 3 (56). С. 99-105.
12. Kalkan G. The Impact of Artificial Intelligence on Corporate Governance // *Journal of Corporate Finance Research*. 2024. Vol. 18 (2). P. 17-25.
13. Растопчина Ю.Л., Ковалева Е.И., Титова И.Н. Особенности применения искусственного интеллекта в корпоративном секторе // *Региональная и отраслевая экономика*. 2025. № 2. С. 22-31.
14. Варсуков А.П. Опыт внедрения искусственного интеллекта в корпоративное управление // *Современные инновации, системы и технологии*. 2025. № 5 (4). С. 2009-2016.
15. Ткаченко В.В. Режиссура высоких идей: технологии подготовки и проведения празднования 80-летия победы в Ленинградской области // *Межконфессиональная миссия*. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 52-59.

References

1. Mullakhmetov K.S., Sadriev R.D., Akhmetshin E.M. Corporate culture in management systems // *Journal*. 2018. Vol. 21. № 1. P. 519-528.
2. Alamova S.M., Alamov I.L. Law in the Age of Digitalization: Problems of Transformation // Science, Education: Modern Digital Technologies for Forming the Eco-Environment of Innovative Development of a Region in the Context of Systemic Transformations: Proceedings of the National Scientific and Practical Conference in 2 parts, Kazan, December 2, 2022 / Edited by A.N. Gryaznov, A.M. Naida. Volume Part 1. Kazan: University of Management "TISBI", 2022. P. 40-43.
3. Gibson J.L., Ivantsevich D., Donnelly Jr. J.H.. Organizations: Behavior. Structure. Processes; trans. from English. - 8th ed. Moscow: INFRA-M, 2000. 660 p.

4. Akhmetshin E.M., Idiyatullina I.I. The Relationship Between Corporate Control and Corporate Culture // In the collection: Risk Management in the Economy of Sustainable Development. Proceedings of the III All-Russian Scientific and Practical Conference of Students and Young Scientists with International Participation. Edited by A.I. Razhivin, I.T. Sabirov, A.R. Gapsalamov, S.V. Khushainova. 2015. P. 94-96.
5. Kapitonov E.A., Zinchenko G.P., Kapitonov A.E. Corporate Culture: Theory and Practice. Moscow: Alfa-Press, 2005. 352 p.
6. Cameron K.S., Quinn R.E. Diagnostics and Change in Organizational Culture; translated from English. St. Petersburg: Piter, 2001. 310 p.
7. Goryainova N.M. Corporate Culture. Chelyabinsk: Polygraph-Master, 2009. 220 p.
8. Zub A.T., Petrova K.S. Artificial Intelligence in Corporate Management: Possibilities and Limits of Application // Public Administration. Electronic Bulletin. 2022. № 94. P. 173-187.
9. Lyapin I.A. The Impact of Artificial Intelligence on the Workplace: Current State and Future Prospects // Research in the Digital Economy. 2023. № 1. P. 137-176.
10. Levkin I.V., Alamova S.M. Protection of Digital Assets // Main Trends in the Development of Modern Law: Problems of Theory and Practice: Proceedings of the VII National Scientific and Practical Conference, Kazan, February 16, 2023 / Edited by R.F. Stepanenko, A.B. Mezyaev, S.N. Tagaeva, S.M. Alamova. Kazan: University of Management "TISBI", 2023. P. 129-134.
11. Nesmeyanov D.V. Artificial Intelligence and Corporate Culture: Managerial Aspect // KANT. 2025. № 3 (56). P. 99-105.
12. Kalkan G. The Impact of Artificial Intelligence on Corporate Governance // Journal of Corporate Finance Research. 2024. Vol. 18 (2). P. 17-25.
13. Rastopchina Yu.L., Kovaleva E.I., Titova I.N. Features of the Application of Artificial Intelligence in the Corporate Sector // Regional and Industry Economics. 2025. № 2. P. 22-31.
14. Barsukov A.P. Experience of Implementing Artificial Intelligence in Corporate Governance // Modern Innovations, Systems and Technologies. 2025. № 5 (4). P. 2009-2016.
15. Tkachenko V.V. Directing high ideas: technologies of preparation and celebration of the 80-th anniversary of victory in the Leningrad Region // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 52-59.

Напсо М.Д.

Доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Агирбов Т.Р.

Студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Принцип компетентности в инновационном развитии образования*

Аннотация. Введение. В статье раскрывается сущность принципа компетентности, даются его основные характеристики, исследуются особенности использования компетентностного подхода в образовательной деятельности. Принцип компетентности понимается как совокупность знаний и умений, востребованных инновационными трендами образования. **Теоретический анализ.** Применение принципа компетентности и сформированного на его основе компетентностного подхода представляет особую актуальность в связи с развитием лично-ориентированного обучения, выступающего в качестве новой образовательной парадигмы и являющегося фактором инновационного развития образовательной системы. Принцип компетентности востребован усилением процессов диджитализации, которая предъявляет участникам образовательного процесса повышенные требования, вызванные трансформациями экономического характера. **Заключение.** Применение принципа компетентности является одним из условий повышения эффективности образовательной деятельности и реализации процессов, связанных с личностным ростом и самореализацией. Принцип компетентности исходит из признания значимости традиционных практик обучения, необходимости приведения их в соответствие с образовательными требованиями современного времени. Востребованность принципа компетентности объясняется новой образовательной парадигмой, призванной соответствовать требованиям социально-экономического и цифрового контекста.

Ключевые слова: принцип компетентности, компетентностный подход, цифровизация образования, инновационность, образовательная парадигма, образовательные компетенции, креативность.

Напсо М.Д.

Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of humanities sciences, North-Caucasus state academy.

Agirbov T.R.

Student, North-Caucasus state academy.

* © Напсо М.Д., Агирбов Т.Р., 2026.

Principle of competence in innovative educational development

Abstract. Introduction. The article reveals the essence of the competence principle, gives its main characteristics, investigates the peculiarities of using the competence approach in educational activity. The principle of competence is understood as a set of knowledge and skills demanded by innovative trends in education. **Theoretical analysis.** The application of the competence principle and the competence approach formed on its basis is of particular relevance in connection with the development of person-centred learning, which acts as a new educational paradigm and is a factor of innovative development of the educational system. The principle of competence is demanded by the strengthening of the processes of digitalisation, which imposes increased requirements on the participants of the educational process, caused by transformations of economic nature. **Conclusion.** The application of the competence principle is one of the conditions for increasing the effectiveness of educational activity and the implementation of processes related to personal growth and self-realisation. The principle of competence comes from the recognition of the significance of traditional teaching practices, the need to bring them in line with the educational requirements of modern times. The demand for the competence principle is explained by the new educational paradigm designed to meet the requirements of the socio-economic and digital context.

Key words: competence principle, competence approach, digitalisation of education, innovation, educational paradigm, educational competences, creativity.

Введение

Проблема использования принципа компетентности в сфере образования является актуальной и научно востребованной, особенно в условиях становления знаниевой парадигмы, в которой компетенциям отводится важная роль. О значимости компетенций свидетельствует их использование на всех этапах образовательной системы, находящейся в процессе трансформаций. Использование принципа компетентности (компетентностного подхода) обусловлено многими факторами, в том числе возросшим уровнем требований, которые предъявляются к профессиональной подготовке будущих специалистов, призванных решать сложные и нестандартные вопросы, а также отвечать на возникающие риски и угрозы. Весомую ценность представляют компетенции человеческого капитала, которые особенно важны в условиях формирования высокотехнологичной экономики. Использование принципа компетентности и соответствующего подхода заключается не только в передаче знаний, но и в умении их применять в практической деятельности.

Обзор литературы

О важности применения принципа компетентности в системе образования пишут многие – как ученые, так и педагоги, практики. В центре исследовательского интереса содержание и характеристики компетент-

ностного подхода, перспективы его использования в образовательной среде как фактора, способствующего процессу формированию высокого уровня компетентности и профессионализма. Компетентностный подход приобретает особую актуальность в связи с развитием личностно-ориентированного обучения, выступающего в качестве новой образовательной парадигмы и являющегося одним из условий модернизации всей образовательной системы. Компетентностный подход утверждается и в связи с расширением процессов цифровизации, которая предъявляет участникам образовательного процесса требования, обусловленные современными социально-экономическими реалиями. Данный подход не только актуальным, но и востребованным – с точки зрения формирования компетенций, а также расширения объема научных знаний, необходимых для адекватной оценки происходящих модернизационных изменений, в том числе и в сфере образования. Способствуя усилению инновационного вектора в образовании, принцип компетентности одновременно содержит в себе риски «имитации инноваций» [1, с. 5], что может отрицательно сказываться на всем процессе обучения. Но в целом его можно квалифицировать как технологию, которая обеспечивает определенный уровень умений, благодаря чему происходит формирование человеческого капитала, без которого экономический прогресс невозможен. Современное общество предъявляет высокие требования к человеческому капиталу, поэтому компетенции являются важнейшим фактором развития «инноваций на предприятии для повышения его конкурентоспособности» [2, с. 200]. Современные технологии предполагают наличие высокообразованных и компетентных специалистов, способных принимать эффективные управленческие решения, соответствующие модернизационным трансформациям. В таких условиях возрастает роль образования в повышении качества человеческого капитала, важными являются инвестиции в образование, несмотря на то, что они «представляют собой лишь возможные выгоды в будущем» [3]. Востребованность компетенций становится все более очевидной, особенно в условиях растущей диджитализации, поэтому исследователи ведут речь о «необходимости развития цифровых навыков, стратегического видения, устойчивости к риску, а также таких важных soft skills, как креативность, навыки коммуникации...» [4, с. 507].

Результаты исследования

Компетентностный подход в образовании можно определить как некоторую совокупность требований к такой организации учебного процесса, которая приводит к формированию широкого круга компетенций, благодаря чему становится возможным овладение знаниями и навыками, соответствующими императивам рыночного и цифрового времени. В современных условиях формирование компетенций является целью и задачей

системы образования, поскольку во многом определяют выбор средств и методов обучения. Принцип компетентности включает в себя квалификацию, под которой понимаются умения, необходимые в профессиональной деятельности, и компетенции – знания и навыки, необходимые для теоретической и практической деятельности. В условиях стремительного развития информационных технологий одной знаниевой подготовки оказывается недостаточным, все большую роль играют компетенции, которые позволяют эффективнее решать широкий спектр проблем, в первую очередь практической направленности.

Использование инновационных технологий в обучении предполагает применение компетентностного подхода (КП), он является условием совершенствования образовательной деятельности и подготовки специалистов высокой профессиональной квалификации, способных к участию в конкурентной борьбе. Для этого знания и компетенции должны быть не узконаправленными, а таковыми, чтобы осваивать смежные формы деятельности. Этому, безусловно, способствует КП, реализация которого, в свою очередь, возможна при условии использования инновационных образовательных технологий. Свидетельством этого является постепенный переход российской системы образования на новые стандарты, в которых принципу компетентности уделяется повышенное внимание. Речь идет не только и не столько о приобретении обучающимися и специалистами разного уровня большого объема знаний, а об умении их применять для решения сложных вопросов научного, образовательного и социально-экономического характера. Знания, умения и навыки, взятые в совокупности, призваны сформировать целостное видение проблем, возможность их комплексного решения. Поэтому, как считают специалисты, педагоги, основу КП составляют некие базовые принципы, которые обеспечивают его продуктивность. Речь идет в первую очередь о качестве образовательных программ, которые должны быть нацелены на усвоение основополагающих компетенций, востребованных быстро меняющимися условиями производства и рыночных отношений. Поскольку процесс формирования компетенций зависит от времени, места и предъявляемых требований, образование должно быть непрерывным, что особенно очевидно в современных условиях усиления роли процессов, связанных с цифровизацией. Знание, данное раз и навсегда, уходит в прошлое, оно изменяется, наполняется новым инновационным содержанием.

Принцип компетентности исходит из признания необходимости пересмотра образовательной платформы, четкого определения целей и задач образования, наиболее эффективных способов обучения, дидактических и методических приемов. Формирование высокого уровня компетентности является требованием современного времени, одной из характеристики которого является слабость знания, низкий уровень компетенций, неуме-

ние применять на практике усвоенный учебный материал. Исследователи отмечают низкий уровень компетентности, как профессиональной, так общекультурной и общеобразовательной. Знание оказывается потерянным в потоке информации, а сама информация (или информированность) не всегда является условием, который обеспечивает эффективность той или иной деятельности, в том числе образовательной.

Высокий уровень компетентности является свидетельством успешности индивида, его способности решать проблемы, требующие использования нестандартных практик. И в этом смысле КП является фактором, формирующим креативность и развивающим личностно-ориентированное обучение. Основой принципа компетентности является принцип индивидуализации, позволяющий учитывать индивидуальные способности и склонности обучающегося и применять к нему соответствующие методы. Но, будучи одновременно средством, усиливающим коллективное творчество, компетентностный подход диалектически сочетает индивидуальные и групповые потребности и интересы, формирует пространство конкуренции, таких взаимодействий, с помощью которых индивид или группа повышают уровень самооценки. Следствием этого становится формирование навыков находить взаимопонимание, давать объективную оценку происходящим событиям, а также коммуникациям разного рода. Сочетаясь с применением инновационных технологий, принцип компетентности стимулирует творчество, в том числе и в вопросе оценки информации, необходимой для изучения, выяснения соотношения знания и незнания, что представляется крайне важным с точки зрения достижения конкретных образовательных результатов.

Среди многообразия образовательных компетенций особо выделяются учебно-познавательные компетенции, благодаря которым обучающийся овладевает множественными креативными навыками. В рамках которых «определяются требования функциональной грамотности: умение отличать факты от домыслов, владение измерительными навыками, использование вероятностных, статистических и иных методов познания» [5, с. 87]. Все это повышает возможности применения КП, а также установления более глубокой связи академических знаний и практических навыков. Практическая направленность современного образования диктуется требованиями современной экономики, растущей цифровизацией, которые предполагают умение адаптироваться к различным социальным условиям, а значит – создавать индивидуальный и коллективный опыт. Социальный опыт определяется совокупностью взаимосвязанных факторов, в том числе такими, как знания и компетенции, которые являются актуальными феноменами, подлежащими корректировке и использованию в соответствии с потребностями социально-экономического и образовательного момента. Рациональное сочетание знаниевого и компетентност-

ного подходов позволяет формировать образовательные компетенции у всех участников образовательного процесса, и в такой ситуации процесс обучения становится эффективным и продуктивным. Речь идет не только об обучающихся, но и о сообществе педагогов, главными становятся стремления к самореализации, самосовершенствованию, приобретению знаний, отвечающих личностным и общественным запросам. Поэтому не случайно принцип компетентности становится основным образовательным трендом, который предполагает и опирается на процессы, связанные индивидуализацией и самоактуализацией.

Компетентностный подход характеризуется некоторыми особенностями, на которые указывают исследователи данного феномена. Это присущая КП междисциплинарность, которая, формируя различные образы мира, требует освоения научных знаний и компетенций, овладения разными приемами и методиками, такими, в частности, как «методы анализа, системного мышления, пространственного воображения, образно-интуитивного мышления» [6, с. 844]. Междисциплинарность востребована и развитием новой образовательной парадигмы, которая основывается на использовании педагогических наработок прошлого – с одной стороны, а с другой, порожденных современными реалиями образовательных практик. Причина этого кроется в усилении процессов, связанных с интеграцией наук, все большим их проникновением в пространство друг друга. Одним из важнейших направлений в деятельности образовательных учреждений является формирование такого сознания и мышления, которые способны овладевать самыми разнообразными компетенциями, которые позволяют в систематизированной и рационализированной форме отражать и оценивать мир в его сложности и многообразии.

Преимущество междисциплинарного подхода заключается в том, что он предполагает и основывается на явлении креативности, он формирует ее, поскольку она востребована необходимостью решения сложных вопросов, в том числе и в сфере образования. Кроме того, применение междисциплинарного подхода способствует формированию системного взгляда у всех участников образовательного процесса, в том числе и у педагогов, что в свете современных процессов, связанных с технологизацией обучения, представляется актуальным. Более того, требования, предъявляемые к системе образования, позволяют избежать возникновения негативных тенденций, это – с одной стороны. С другой стороны, междисциплинарность, вкупе с компетентностным и инновационным подходами, способствует более глубокому овладению прогрессивными методами обучения, которые требуют необходимости освоения соответствующих педагогических компетенций.

Использование междисциплинарных практик связано с формированием навыков коммуникации, без чего интеграция наук и внедрение резуль-

татов научных исследований в практическую деятельность невозможны. Умение работать в команде является одной из характеристик современной науки и образования, тем более в условиях, связанных с реализацией крупных образовательных проектов. Данное обстоятельство важно и с точки зрения усиления процессов профессиональной мобильности, также требующей навыков, которые могут быть применимы к меняющимся условиям трудовой практики. Содержание образования должно быть адаптировано к социальным и экономическим реалиям, к запросам работодателей и общества в целом. Достижение целей развития определяется не только выбором образовательной индивидуальной траектории, но и формированием универсальных компетенций, применимых к разным ситуациям. Речь идет о таких умениях и навыках, которые имеют всеобщее применение, независимо от конкретного типа профессиональной деятельности, и это отличает их от общеобразовательных и специализированных профессиональных компетенций. Это так называемые универсальные софт-скиллы, кроссфункциональные навыки, крайне необходимые и востребованные современной практикой. В условиях быстрого устаревания знаний они призваны формировать гибкие навыки, которые применимы в разных областях, и это обеспечивает конкурентоспособность образования. Кроме того, эти навыки отличаются тем, что способствуют развитию креативного мышления, способности системно и логически оценивать происходящее, адаптироваться к изменяющимся условиям образовательной деятельности. Гибкость этих навыков заключается и в том, что они включают в себя множество составляющих, поэтому исследователи называют софт-скиллы стратегическими, ключевыми компетенциями современного времени, эффективность которых очевидна, особенно в сочетании с инновационными и интерактивными технологиями.

Одной из особенностей принципа компетентности является его связь с критическим мышлением, использование которого важно в условиях обилия информации. Кроме того, он позволяет оценить информацию, переработать в соответствии с предъявляемыми требованиями, рационально мыслить, отделить «зерна от плевел». Использование данного подхода в образовательной практике способствует формированию таких качеств, которые необходимы для успешной профессиональной деятельности. Речь идет о формировании навыков анализировать, оценивать, сравнивать, обобщать, синтезировать и т. д. Важность этих навыков состоит в их универсальной применимости, без опоры на них невозможна реализация преследуемых целей.

Заключение

Таким образом, применение принципа компетентности в обучении является одним из условий повышения эффективности образовательной

деятельности, особенно в контексте технологизации и цифровизации, которые являются драйверами современного образования. Компетенции необходимы с разных точек зрения – как условия повышения качества обучения и как фактора, который обеспечивает реализацию процессов, связанных с личностным ростом и самореализацией. Основываясь на совокупности знаний, умений и навыков, КП исходит из необходимости обновления традиционных методов и практик, приведения их в соответствие с требованиями современного социального и экономического развития.

Библиографический список

1. Аблаева Л.А. Инновационная деятельность и риски педагога // Инновации и рискологическая компетентность педагога: Сборник научных трудов. В 2 ч. 2020. Ч. 1. С. 4-7.
2. Эскиндаров М.А., Грузина Ю.М., Фирсова И.А., Мельничук М.В. Компетенции человеческого капитала в высокотехнологичных и наукоемких отраслях экономики // Экономика труда. 2020. Том 13. № 6. С. 200-214.
3. Кончакова Л.Н., Чугунова С.В. Человеческий капитал и инвестиции в человеческий капитал предприятия. // URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74335827.pdf> (Дата посещения: 11.12.2024).
4. Губанова А.В., Минева О.К. Анализ основ цифрового лидерства как инструмента управления изменениями в цифровой экономике // Креативная экономика. 2023. Том 17. № 2. С. 507-526.
5. Хуторской А.В. Методологические основания применения компетентного подхода к проектированию образования // Высшее образование в России. 2017. № 2. С. 85-91.
6. Медная Т.А. Междисциплинарность современного образования // Вестник Ростовского социально-экономического института. 2015. № 3-4. С. 840-846.
7. Чебарев В.В. О некоторых вопросах подготовки офицеров в офицерской артиллерийской школе (ОАШ) в начале XX века // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 147-154.

References

1. Ablaeva L.A. Innovative activities and risks of teachers // Innovations and risk competence of teachers: Collection of scientific papers. In 2 parts. 2020. Part 1. P. 4-7.
2. Eskindarov M.A., Gruzina Yu.M., Firsova I.A., Melnichuk M.V. Human capital competencies in high-tech and knowledge-intensive sectors of the economy // Labor Economics. 2020. Vol. 13. № 6. P. 200-214.
3. Konchakova L.N., Chugunova S.V. Human capital and investments in human capital of an enterprise. // URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/74335827.pdf> (11.12.2024).
4. Gubanova A.V., Mineva O.K. Analysis of the Fundamentals of Digital Leadership as a Tool for Managing Change in the Digital Economy // Creative Economy. 2023. Vol. 17. № 2. P. 507-526.
5. Khutorskoy A.V. Methodological Foundations for Applying a Competency-Based Approach to Education Design // Higher Education in Russia. 2017. № 2. P. 85-91.
6. Mednaya T.A. Interdisciplinarity of Modern Education // Bulletin of the Rostov Socio-Economic Institute. 2015. № 3-4. P. 840-846.
7. Chebarev V.V. On some issues of officers' training at the officers' artillery school (OASH) at the beginning of the 20th century // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 147-154.

Гаврилюк Н.П.

Кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Дедиу Е.И.

Старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Бумага как феномен технологической культуры: к вопросу о генезисе и транскультурном трансфере*

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу бумаги как ключевого феномена технологической культуры, исследуя её происхождение и процесс распространения в транскультурном пространстве Евразии. Отмечая историографическую маргинализацию бумаги по сравнению с элитарным и экономически значимым шёлком, авторы выявляют их глубинную технологическую и генеалогическую связь, уходящую корнями в ранние текстильные производства Китая. На основе археологических, лингвистических и письменных источников реконструируется ранняя история бумаги, пересматривается традиционная атрибуция её изобретения Цай Луню и анализируется его вероятный вклад – диверсификация сырья и усовершенствование технологии отлива. Многовековой процесс технологических усовершенствований бумаги, завершившийся в Европе изобретением книгопечатания, заложил материальную основу для глобальной коммуникационной революции.

Ключевые слова: бумага, технологическая культура, генезис, трансфер технологий, транскультурный обмен, Китай, Шёлковый путь, Цай Лунь, распространение бумаги, Средняя Азия, исламский мир, Европа.

Gavrilyuk N.P.

Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Dediu E.I.

Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Paper as a phenomenon of technological culture: on the question of genesis and transcultural transfer

* © Гаврилюк Н.П., Дедиу Е.И., 2026.

Бумага как феномен технологической культуры: к вопросу о генезисе и транскультурном трансфере

This article provides a comprehensive analysis of paper as a key phenomenon of technological culture, examining its origins and the process of its spread across the transcultural space of Eurasia. Acknowledging the historiographical marginalization of paper in comparison to the elite and economically significant silk, the authors uncover their deep technological and genealogical connection, rooted in the early textile production of China. Drawing on archaeological, linguistic, and written sources, the article reconstructs the early history of paper, re-evaluates the traditional attribution of its invention to Cai Lun, and analyzes his likely contribution – namely, the diversification of raw materials and the refinement of sheet-forming technology. The centuries-long process of technological advancements in papermaking, culminating in the invention of printing in Europe, laid the material foundation for a global communications revolution.

Key words: paper, technological culture, genesis, technology transfer, transcultural exchange, China, Silk Road, Cai Lun, spread of paper, Central Asia, Islamic world, Europe.

С позиции истории материальной культуры бумага представляет собой субстрат, обладающий существенно меньшим престижем в сравнении с шёлком. Данное обстоятельство, вероятно, стало одним из детерминирующих факторов её маргинального положения в историографии трансконтинентальных обменов между Востоком и Европой, начиная с первых веков нашей эры. Безусловно, в данных процессах участвовали и иные товары (например, специи), однако бумага обнаруживает генеалогическую и функциональную связь именно с шёлком. Речь идёт не только о трансфере готового продукта из Китая в глобальном масштабе, но, что более существенно, о диффузии соответствующей производственной технологии, аналогично распространению шелководства. Как доминирующий (по крайней мере, до современной цифровой эпохи) медиум письменной коммуникации, повсеместно вытеснивший альтернативные носители, бумага – материал, парадоксально сочетающий свойства долговечности и хрупкости – заслуживает отдельного научного рассмотрения.

Её утилитарная внешность и повсеместная бытовая применимость обусловили периферийное положение бумаги в историческом нарративе по сравнению с элитарным и экономически значимым шёлком. Относительная техническая простота бумагоделания в сравнении с комплексной технологией производства шёлка закрепила за ней статус «бедной родственницы». Действительно, бумага, заместившая шёлк в качестве основного писчего материала в Китае, первоначально функционировала как его экономически более доступный суррогат. Данный тезис находит подтверждение в традиционной биографии Цай Луня, которому приписывается изобретение бумаги.

Изначальная онтология бумаги, отражённая в этимологии китайского термина «чжи» (紙), указывает на её тесную связь с шелковым производством. Происхождение термина остаётся дискуссионным; наиболее убедительные гипотезы связывают его с процессами промывки или ме-

ханической обработки низкокачественных шёлковых отходов (очесов). Лексикографические данные свидетельствуют, что в начале нашей эры термин «чжи» обозначал разновидность войлочного полотна или циновки из таких отходов. Данный артефакт может рассматриваться как технологический прототип сетчатой формы, использовавшейся для отлива первых бумажных листов. Фонетико-идеографическая структура иероглифа 紙 включает в себя ключевой семантический элемент «шёлк» (糸), что лингвистически подтверждает генезис понятия в контексте текстильных технологий. Указанное родство позволяет выдвигать гипотезу о существовании в доцайлуневский период некоего протобумажного материала, изготовленного на основе шёлковых волокон.

Дата появления бумаги в историографии долгое время атрибутировалась началом I века н. э. Однако серия археологических открытий позволила ревизовать эту хронологию, отодвинув дату появления бумаги к середине II века до н. э. [25]. Примечательно, что ни один из обнаруженных фрагментов архаической бумаги, включая находки в Бацяо близ Сианя (1957 г., датировка II в. до н. э.) и более поздние образцы рубежа эр, не содержит палеографических следов. Редукция письменной функции на раннем этапе подтверждается данными исторических источников, согласно которым первоначальная сфера применения бумаги ограничивалась утилитарными задачами. Полифункциональность бумаги как материала исторически проявлялась в её использовании для изготовления банкнот, ритуальных денег, погребальных покрывал, обоев, оконных и перегородочных заполнений, декоративных аппликаций, фонарей, зонтов, вееров, игральные карты, гигиенической бумаги и т. д. [22, р. 84-132].

Тем не менее, ключевая находка 1986 г. – фрагмент картографического изображения из Фанматана (Тяньшуй, провинция Ганьсу) – позволяет утверждать, что уже во II в. до н. э. бумага служила субстратом для графической фиксации, если не для собственно письма [14, р. 12-22].

Традиционная атрибуция изобретения бумаги придворному евнуху Цай Луню, который, согласно хроникам, предложил использовать коноплю (*Cannabis sativa*), лубяные волокна, ветошь и рыболовные сети, требует критического пересмотра в свете археологических данных. Вопрос о его историческом вкладе допускает несколько гипотетических решений. Во-первых, Цай Лунь мог быть ответственным за диверсификацию сырьевой базы, расширив её за пределы монокомпонентных волокон конопли и рами (*Boehmeria nivea*), характерных для древнейших образцов. Во-вторых, его новация могла касаться не состава массы, а технологии отлива – замены архаичной фиксированной или плавающей формы на принципиально иную, мобильную конструкцию.

Архаичная технология предполагала использование неподвижной

формы: тканевый экран, натянутый на деревянную раму, помещался на поверхность воды, куда вводилась волокнистая суспензия. После осаждения слоя форма извлекалась и высушивалась у источника тепла, и только после завершения процесса сушки готовый лист отделялся от сита.

Более совершенная технология, время появления которой точно не установлено, включала применение составной формы. Её конструкция состояла из съёмной деревянной рамы, в которую вставлялся сменный сетчатый элемент, сплетённый из тонких растительных стеблей (бамбук, лилейник) и скреплённый нитями из конопли, шёлка или конского волоса. Технологический цикл выглядел следующим образом: погружение полной формы в чан с разбавленной волокнистой массой; равномерное распределение массы путём встряхивания и последующее дренирование; извлечение формы, отделение сетчатого элемента от рамы и его переворачивание для переноса влажного листа на сушильную поверхность (стол или доску); немедленное повторное использование освобождённой рамы и сетки для отлива следующего листа.

Гистологический анализ древней бумаги позволяет дифференцировать эти технологические стадии по характеру отпечатков на листе. Архаичная тканевая форма оставляет слабый, но регулярный рельеф, повторяющий структуру нитей основы и утка. Напротив, форма со съёмной сеткой из растительных стеблей оставляет два типа отчётливых следов, видимых на просвет: *вержеры* (*laid lines*) – глубокие параллельные полосы, соответствующие отпечаткам несущих стеблей; *цепные линии* (*chain lines*) – менее выраженные поперечные линии, образованные связующими нитями, фиксирующими стебли.

Тот факт, что все древнейшие бумаги с письменными текстами (первые века н. э.) несут на себе отчётливый след вержер, служит одним из ключевых аргументов в пользу гипотезы о технологическом усовершенствовании, связанном с именем Цай Луня. Это позволяет предполагать, что его вклад заключался именно во внедрении новой, более продуктивной формовальной техники, а не в первоначальном изобретении бумаги как таковой.

Письменные источники подтверждают широкое распространение бумаги в качестве писчего материала, начиная со II века н. э. К III веку использование бумаги приобретает повсеместный характер. Она окончательно вытесняет деревянные и бамбуковые таблички и успешно конкурирует с шёлком как основным писчим субстратом, постепенно достигая сопоставимого с ним статуса. Ключевым условием успеха стали технологические усовершенствования, повысившие функциональные и эстетические свойства материала: проклейка крахмалом – улучшала рецептивность поверхности по отношению к туши и предотвращала растекание; протравка красителями желтого цвета (на основе *Phellodendron amurense*) – выполняла

фунгицидную и инсектицидную функцию, обеспечивая долговременную сохранность; обработка аурипигментом (AsS) – усиливала инсектицидные свойства; вошение поверхности – придавало листам глянец и гладкость, улучшая тактильные и визуальные характеристики [24, р. 65-67; 82-83].

В центральных и южных регионах Китая шёлк сохранял позиции в сегменте элитарной, особо ценной книжной продукции. Однако бумага получила полное признание в среде профессиональных писцов, а также у ведущих художников и каллиграфов.

Бумага как технологически адаптированный носитель быстро распространилась на периферию китайского культурного ареала. Археологические доказательства этого процесса были получены в начале XX в. экспедициями Свена Гедина (Лоулань, 1900 г.), Татибаны Дзуйтё (Лоулань, 1909 – 1910 гг.) и Аурела Стейна (Лоулань, 1901 г., 1914 г.; Дуньхуан, 1914 г.).

Стоит отметить, что среди множества рукописных фрагментов, обнаруженных в районе Дуньхуана – ключевого оазиса на Шёлковом пути и форпоста ханьской экспансии на запад (провинция Ганьсу), – лишь три образца выполнены на бумаге [5, р. 151]. Эти фрагменты синхронны многочисленным деревянным табличкам, найденным на линии ханьских укреплений и вблизи сторожевых башен, которые служат основным источником по истории военных гарнизонов I – II вв. н. э. Данный факт свидетельствует о постепенном и неравномерном процессе замещения традиционных носителей в пограничных регионах в первые века нашей эры.

Археологические свидетельства из Лоуланя, собранные экспедицией Свена Гедина (1900 г.), включают несколько сотен рукописных документов. Из них не менее ста экземпляров выполнено на бумаге, остальные – на деревянных планках. Четыре манускрипта содержат абсолютные даты в диапазоне 252 – 310 гг. [6]. Коллекция, собранная Аурелом Стейном и исследованная Анри Масперо (около 100 фрагментов), демонстрирует сосуществование носителей: административные документы, учебные пособия и литературные фрагменты представлены как на дереве, так и на бумаге [20, р. 52-81]. Хотя бумажные рукописи не датированы, их верхняя хронологическая граница определяется полным заброшением города около 330 г. н. э. В том же регионе (Шаньшань) был обнаружен фрагмент официальной династийной истории «Саньго чжи», созданный, вероятно, в начале IV в. Данный манускрипт (80 колонок) представляет собой более значительный текстологический объект, чем упомянутые фрагменты.

Западнее, в районе Турфанского оазиса, также зафиксировано раннее появление бумаги. В 1912 г. японская экспедиция Отани Кодзуй обнаружила в Туюке буддийскую сутру, датированную 296 г., выполненную на бумаге (ныне утраченную). В 1903 г. экспедиция Альберта Грюнведеля

обнаружила близ Турфана гимн бодхисаттве Авалокитешваре, датированный 399 г. Палеографический анализ указывает, что рукопись была создана не в Турфана, а предположительно в Миньане (близ Дуньхуана). Текст содержит характерные формулы скромности писца, просящего исправить допущенные ошибки. Артефакт хранится в Музее индийского искусства в Берлине.

Ключевой исследовательской проблемой является установление происхождения бумажного носителя. Необходимо дифференцировать место создания текста (кодинологический анализ) и место производства самой бумаги (технологический анализ). Данная проблема актуальна и для Дуньхуанского архива.

Дуньхуанский архив (~50 000 документов, обнаружен в 1900 г. в замурованной пещере Могао) хронологически охватывает период с 406 по 1002 гг. Происхождение рукописей неоднородно: палеографический и филигранный анализ позволяет выделить группы, созданные в Чаньани (столица Тан), Южном Китае и Хотане (юго-запад Таримской впадины) [11].

Хотя переписка буддийских текстов в Дуньхуане засвидетельствована с V в., прямых свидетельств местного бумажного производства для этого периода нет. Однако для начала VI в. идентифицирован скрипторий (вероятно, связанный с Линху Чжунчжэ), от которого сохранился корпус из более чем десяти буддийских рукописей.

Технологический анализ показывает, что бумага этих рукописей существенно отличается от современной им бумаги из Южного и Центрального Китая, обнаруженной в Дуньхуане. Это различие в сырье и характере сетки форм служит основным аргументом в пользу гипотезы о местном или региональном производстве бумаги для нужд данного скриптория [12, р. 24-27].

На основании представленных данных можно сформулировать два предварительных тезиса о раннем этапе распространения бумаги:

1. Бумага как материальный артефакт (вне зависимости от наличия текста) являлась объектом трансконтинентального обмена.

2. Технология её производства была усвоена в пределах всей сферы китайского культурного влияния, вероятно, уже к III – IV вв. н. э.

В северо-восточном направлении экспорт бумаги на Корейский полуостров зафиксирован уже в III в. Последующая локализация производства на месте подтверждается тем, что в танский период (618 – 907 гг.) государство Силла выступало в качестве одного из поставщиков бумаги в рамках даннических отношений с Китаем.

В Японию технологический трансфер, согласно хронике «Нихон сёки» («Нихонги», 720 г.), осуществился в 610 г. благодаря буддийскому монаху корейского происхождения Донтё. Этот миссионер, владевший техникой изготовления туши и пигментов, традиционно считается основателем пер-

вого бумагоделательного производства на архипелаге [2, p. 140].

Экспорт бумаги и локализация её производства во Вьетнаме, находившемся в сфере китайского политико-культурного влияния, также относятся к раннему периоду. Однако нарративные источники о поставках вьетнамской бумаги в Китай в III в. требуют критического анализа. В частности, сообщение о посольстве из Дацинь (Римской империи), доставившем в 284 г. ко двору императора У-ди 30000 листов ароматизированной мёдом бумаги, считается историками малонадёжным. Тем не менее, упоминания «медовой бумаги» и «бумаги с косыми прожилками» вьетнамского происхождения в китайских текстах III – IV вв. указывают на существование специфических локальных сортов, изготовлявшихся из коры и листьев алоэ [18, p. 239-240]. На основании подобных сведений в западной историографии XIX в. выдвигалась гипотеза о возможном западном происхождении бумаги, однако она не получила подтверждения и считается научно несостоятельной [10].

Проникновение бумаги в Южную Азию было более медленным и сложным. Интенсивные культурные контакты I – VI вв., связанные в первую очередь с распространением буддизма из Индии в Китай, первоначально не сопровождалась передачей бумажной технологии. Основными писчими материалами в Индии оставались кора и, в особенности, обработанные пальмовые листья, которые скреплялись шнуром через одно или два отверстия [7, p. 399-409].

Китайские паломники, такие как Сюаньцзан (VII в.), в своих отчётах не отмечают использования бумаги в Индии, подчёркивая господство пальмовых листьев. Широкое распространение бумаги в регионе связывают с более поздним периодом и активностью мусульманских торговцев и правителей, начиная с XI в.

Одним из ключевых каналов передачи технологии из Китая в Индию, вероятно, стал Тибет. Около 650 г. тибетский царь Сонгцэн Гампо пригласил из Китая мастеров, включая бумажников, специалистов по производству туши, алкоголя и жерновов. Интересно, что индийские рукописи на бумаге, в отличие от китайских, не переняли форму свитка, а сохранили традиционный формат «потхи» (горизонтальный кодекс), унаследованный от пальмовых листьев. Однако сам индийский формат «потхи» впоследствии оказал обратное влияние на Китай, способствуя переходу от свитка («цзюань») к книге-гармошке («цзэ») и другим кодексным формам в VII – VIII вв. [9, p. 46].

Темпы распространения бумаги и её технологии демонстрируют чёткую корреляцию с интенсивностью культурно-политического влияния Китая. Регионы, входившие в сферу синизации (Корея, Вьетнам, Япония), освоили производство сравнительно быстро. Напротив, диффузия в более отдалённые и культурно дистанцированные ареалы – Южную Азию (Ин-

дия, Инсулиндия) и особенно западное направление – была значительно медленнее. Эта динамика аналогична модели распространения шёлка, который как товар был известен в Средиземноморье с I в. н. э., в то время как технология его производства проникла туда лишь в VI в.

Согласно историографической традиции, методы изготовления бумаги, подобно шелкоткацким, охранялись как государственная тайна [8, р. 31-35]. Классический нарратив связывает прорыв этой технологической блокады с военно-политическими событиями в Центральной Азии. Считается, что знание о производстве бумаги стало достоянием арабского мира после битвы при Таласе (751 г.), где армия Аббасидского халифата и её союзники разгромили войска танского генерала Гао Сяньчжи. Согласно этой версии, ремесленный секрет был раскрыт китайскими военнопленными, захваченными в плен полководцем Зиядом ибн Салихом.

Наиболее авторитетное подтверждение этой традиции содержится в труде арабского энциклопедиста ат-Та'алиби «Особые сведения о разных странах»: «К числу особенностей Самарканда относятся бумаги, которые вытеснили свитки египетского папируса и пергамент, ибо превосходили их красотой, удобством и приятностью. Их не производили нигде, кроме Самарканда и Китая. Бумага попала из Китая в Самарканд посредством пленных, захваченных Зиядом ибн Салихом. Среди них были мастера, знавшие её изготовление. После этого производство бумаги развилось, стало обычным ремеслом и превратилось для жителей Самарканда в важную статью торговли. Так оно стало приносить пользу и прибыль людям во всех землях» [4, р. 297-298].

Это свидетельство фиксирует не только факт технологического трансфера, но и его коммерческие последствия – возникновение конкурентоспособной бумажной индустрии в Самарканде, которая вскоре потеснила традиционные материалы (папирус и пергамент) на рынках исламского мира.

Упомянутый нарратив о передаче технологии бумажного производства китайскими пленниками зафиксирован также в труде арабского географа Тамима ибн Бахра ал-Муттави (IX в.) в контексте описания путешествия к уйгурам [21, р. 285]. Однако китайские историографические источники, подробно описывающие битву при Таласе (751 г.), не содержат никаких упоминаний о подобном технологическом трансфере. Более того, свидетельство Ду Хуаня – китайского военнопленного, доставленного в Куфу (первую столицу Аббасидов) и вернувшегося на родину морским путём в 762 г., – перечисляет среди соплеменников, находившихся в плену, ткачей, ювелиров и художников, но не упоминает мастеров-бумажников [26].

Корпус рукописей, обнаруженных в Дуньхуане и Турфане, содержит не только документы, освещающие коммерческую деятельность согдийских

купцов, но и религиозные (преимущественно буддийские) тексты, выполненные согдийским письмом. Особое значение имеют так называемые «Согдийские древние письма», найденные Аурелом Стейном в 1907 г. близ Дуньхуана. Несмотря на дискуссии относительно их датировки, палеографический и исторический анализ позволяет отнести их к началу IV в. н. э. [13]. Эти документы свидетельствуют о существовании устойчивых коммуникационных каналов между Самаркандом и китайской столицей уже в этот период.

Учитывая интенсивность и длительность контактов, а также роль согдийцев как главных медиаторов трансконтинентальной торговли, представляется маловероятным, чтобы бумага – столь значимый товар и технология – оставалась неизвестной в Самарканде вплоть до середины VIII в. Данное соображение ставит под сомнение традиционную датировку и обстоятельства технологического трансфера, предполагая возможность более раннего и постепенного проникновения знаний о бумаге в Среднюю Азию.

Решающим археологическим подтверждением раннего присутствия бумаги в регионе служит коллекция из 80 документов, обнаруженная в 1932 г. на горе Муг (близ Хайрабада, восточнее Самарканда). Корпус включает 20 рукописей на бумаге, из которых 3 составлены на китайском языке, остальные – на согдийском; прочие документы выполнены на деревянных планках или пергаменте. Палеографический и исторический анализ позволяет датировать всю коллекцию началом VIII в., с верхней границей до 722 г. [1, с. 91-117]. Технологическое исследование бумаги указывает на её вероятное китайское происхождение (импорт), что подтверждается также наличием палимпсестов – повторно использованных листов.

О ранней торговле китайской бумагой в западном направлении свидетельствуют и иные источники: Арабский автор ал-Фариси (X в.) в своём труде упоминает о ввозе китайской бумаги в Самарканд уже в середине VII в.: Богослов и философ ал-Газали (1058 – 1111 гг.) сообщает о возможном начале производства бумаги в Мекке уже в 706 – 707 гг. [17, р. 22-23].

Лексикографический анализ указывает на возможное проникновение китайского термина для бумаги («kâgâz») через персидское посредство в арабский язык (упоминается в Коране) [19]. Однако интерпретация подобной лексической миграции требует осторожности. Например, латинский термин «charta bombycina», долгое время считавшийся указанием на хлопковое происхождение бумаги, изначально относился к папирусу, а позже – к любому письменному документу [15]. Аналогично, кораническое слово «kirtas» применялось последовательно к папирусу, пергаменту, а затем и к бумаге.

Таким образом, знакомство арабов с бумагой как товаром в Самарканде (а возможно, благодаря китайским купцам и в районе Персидского за-

лива) несомненно предшествует 751 г. Это ставит под сомнение традиционную датировку начала местного производства, привязанную к битве при Таласе. Гипотеза о более ранней организации бумажного производства в Самарканде не может быть полностью отвергнута, хотя на сегодняшний день прямых подтверждающих её археологических или документальных свидетельств не обнаружено.

После середины VIII в. распространение бумаги в пределах Аббасидского халифата принимает экспоненциальный характер. Символическим событием стало основание по приказу халифа Харуна ар-Рашида бумажной мануфактуры в Багдаде (794 г.) с привлечением китайских мастеров. Вскоре ключевым производственным и экспортным центром стал Дамаск (бумага известна в Европе как «*charta damascena*»), а затем и другие города Леванта: Тивериада, Хама, Триполи (Сирия) [17, p. 35-59].

Важно отметить, что быстрое распространение бумаги как товара в исламском мире не означало столь же стремительного освоения технологии её производства. Например, в Египте бумага активно использовалась с IX в., однако собственное производство, судя по имеющимся данным, было налажено не ранее начала X в. Динамику замещения традиционных носителей наглядно демонстрирует коллекция документов из аль-Файюма (древнее Арсиноя), обнаруженная в 1877 – 1878 гг. и хранящаяся в собрании эрцгерцога Райнера Австрийского. Анализ этого корпуса (рукописи конца VIII – конца XIV вв.) показывает устойчивый рост доли бумажных документов на фоне постепенного угасания производства и использования папируса [17].

Технология бумажного производства проникла из Египта в Марокко лишь в начале XII в. Город Фес вскоре превратился в крупный центр индустрии: согласно источникам, к концу XII – началу XIII в. там действовало более 400 бумажных мастерских. С этого момента распространение бумаги в западном направлении резко интенсифицировалось.

Одним из ключевых центров стала Хатива (Шатива) на юге Валенсии. Арабский географ ал-Идриси (ок. 1150 г.) отмечал исключительное качество местной бумаги, экспортировавшейся по всему Средиземноморью. Параллельно технология проникла на Сицилию, находившуюся под арабо-норманнским влиянием.

Массовое внедрение бумаги в христианской Европе относится к XIII столетию. Этому способствовали два фактора:

1. Реконкиста на Пиренейском полуострове, в ходе которой европейцы получили доступ к развитой арабской бумажной инфраструктуре;
2. Технологические усовершенствования, внедрённые мастерами из Фабриано (Италия) [3].

Их инновации включали: замену жерновов на механические молоты для более эффективного размола сырья; переход с растительных клеев

(например, крахмала) на животные (желатин), что повысило прочность листа и улучшило его рецептивность к чернилам; внедрение филиграней (водяных знаков) как средства идентификации продукции и контроля качества, что также знаменовало индивидуализацию и стандартизацию производства [16].

Эти усовершенствования превратили бумагу в оптимизированный субстрат для письма и, что критически важно, подготовили техническую базу для изобретения книгопечатания в середине XV в.

Важно отметить, что в течение многовекового периода трансфера бумаги на Запад, в самом Китае шло интенсивное развитие печатных технологий.

Таким образом, на противоположных полюсах Евразийского континента бумага, преодолев изначальные ограничения по долговечности, эволюционировала в универсальный и высокофункциональный носитель информации. Её распространение и технологическое совершенствование создали материально-техническую основу для коммуникационной революции, фундаментально изменившей характер накопления и передачи знания в глобальном масштабе.

Библиографический список / References

1. Поляков А.С. Китайские рукописи, найденные в 1933 г. в Таджикистане. // Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. - Л.: 1934. 124 с.
2. Aston William George Nihongi: Volume II - Chronicles of Japan from the Earliest Times to A.D. 697. - London: Published for the Society by Kegan Paul, Trench, Trübner & Co., Limited. 1896. 452 p.
3. Blum André La Route du papier. - Grenoble: Éditions de l'industrie papetière, 1946. 75 p.
4. Chavannes Edouard. Documents sur les Tou-kiue (Turcs) occidentaux: avec une carte: presente a l'Academie imperiale des sciences de St-Petersbourg le 23 aout 1900 / recueillis et commentes, suivi de notes additionnelles par Edouard Chavannes. - Librairie d'Amérique et d'Orient Adrien-Maisonneuve. 378 p.
5. Chavannes Edouard and Stein Aurel Sir Les documents chinois / decouverts par A. Stein dans les sables du Turkestan oriental; publies et traduits par B.C [s.n.] - Oxford. 1913. 232 p.
6. Conrady August Die chinesischen Handschriften-und sonstigen Kleinfunde Sven Hedins in Loulan Herausgegeben, übersetzt und unter Benutzung von Karl Himly hinterlassenen vorarbeiten behandelt von August Conrady - Stockholm: Generalstabens Litografiska Anstalt, 1920. 191 p.
7. Demiéville Paul 1953 Le bouddhisme: les sources chinoises, // L. Renou, J. Filliozat et al., L'Inde classique, t. 2, - Paris: EFEO, 1953. P. 398-463.
8. Drège Jean-Pierre La Route de la soie: Paysages et légendes. - Lausanne: Bibliothèque des Arts, - 1986. 288 p.
9. Drège Jean-Pierre Du rouleau manuscrit au livre imprimé en Chine. // Le texte et son inscription. Réunis par Roger Laufet. - Paris: Editions du CNRS. 1989. P. 43-48.
10. Edkins Joseph On the origin of papermaking in China, // Notes and Queries on China and Japan, - 1, 6. 1897. P. 67-68.
11. Fujieda Akira Tonkō shutsudo no Chōan kyūtei shakyo [Sutras Copied at the Court of Chang'an and Discovered at Dunhuang]. // Tsukamoto hakushi shōju kinenkai, ed. Bukkyō shigaku ronshū: Tsukamoto hakushi shōju kinen [Essays on the History of Buddhism: Presented to Dr. Zenryū Tsukamoto on his Retirement from the Research Institute for Humanistic Studies]. - Kyōto: Tsukamoto hakushi shōju kinenkai, 1961. P. 647-667.

12. Fujieda Akira The Tunhuang Manuscripts: A General Description (Part II). Zinbun: Memoirs of the Research Institute for Humanistic Studies, - Kyoto University. 1969. № 10. P. 17-39.
13. Grenet Frantz Nicholas Sims-Williams, The historical context of the Sogdian ancient letters. Transition periods in Iranian history, - Paris. 1987. P. 101-122.
14. He Shuangquan Tianshui Fangmatan Qinmu chutu ditu chutan (An Initial Exploration of the Maps Excavated at Fangmatan, Tianshui), Wenwu (Cultural Relics), 1989. № 2.
15. Hoernle A. F. Rudolph Who was the inventor of rag-paper? // Journal of the Royal Asiatic Society. 1903. P. 663-684.
16. Irigoien Jean Papiers orientaux et papiers occidentaux: les techniques de confection de la feuille. // Bollettino dell'Istituto Centrale per la Patologia del Libro, 1988. № 42. P. 57-79.
17. Karabacek Josef Das Arabische Papier: eine Historisch-antiquarische Untersuchung, (Mitteilungen aus der Sammlung der Papyrus Erzherzog Rainer, t. 2-3), - Vienne. 1887. 92 p.
18. Ma Tai-Loi The Authenticity of the 'Nan-Fang Ts'ao-mu Chuang' T'oung Pao. 1978. Vol. 64. № 4/5. P. 218-252.
19. Mahdihassan S. Chinese words in the Holy Koran: qirtas, meaning paper, and its synonym, kagaz. // Journal of the University of Bombay, 1955. № 24, 2. P. 148-162.
20. Maspero Henri (ed.): Les documents chinois de la troisième expédition de Sir Aurel Stein en Asie Centrale. - London: British Museum, 1953. 268 p.
21. Minorsky V. Tamim ibn Bahr's Journey to the Uighurs. // Bulletin of the School of Oriental and African Studies, - University of London. 1948. № 12/2. P. 275-305.
22. Needham Joseph Science and Civilisation in China. Vol. V (Chemistry and Chemical Technology), Part I by Tsien Tsuen-Hsuein, Paper and Printing. - Cambridge: Cambridge University Press, 1985. 485 p.
23. On Ikeda, Les marchands sogdiens dans les documents de Dunhuang et de Turfan, // Journal Asiatique 269. 1981. № 1 - 2. P. 77-79.
24. Pan Jixing Zhongguo zaozhi jishu shi gao (history of papermaking technology in China). - Beijing: Wenwu. 1979.
25. Pan Jixing The Origin of papermaking in the light of scientific research on recent archaeological discoveries. // F. Wood, ed., Chinese Studies. - London: The British Library, 1988. P. 176-180.
26. Pelliot Paul Des Artistes Chinois à La Capitale Abbasside en 751 - 762, T'oung Pao, 1929. Vol. 26. Issue 1. P. 110-112.
27. Pulleyblank Edwin G. A Sogdian Colony in Inner Mongolia. T'oung Pao, 1952. Vol. 41. № 4/5. P. 317-356.

Галаганова С.Г.

Кандидат философских наук, доцент кафедры. «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Горохова М.Ю.

Студентка кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

От «культуры отмены» – к «культуре подмены»*

Аннотация. «Культурой подмены» авторы называют новый культурный феномен, формирующийся в результате всё более широкого распространения дезинформации в социальных сетях – прежде всего, анонимных сетевых сообществах. На примере так называемой «катастрофы ХасеКара» – инцидента в социальной сети «2channel» («катастрофы ХасеКара»), позволившего превратить виртуальный троллинг в реальные преступные действия – в статье исследуются механизмы постепенной подмены реальности её симулятивными моделями. «Культура подмены», проявляющаяся в массовой модификации коллективного поведения членов сетевых сообществ под влиянием дезинформации, оценивается авторами как один из наиболее серьёзных рисков цифровой эпохи.

Ключевые слова: культура подмены, катастрофа ХасеКара, 2channel (2ch.net), дезинформация, анонимное сетевое сообщество, симуляция, социальная сеть, социальная платформа, психологическая операция (ПСИОП), виртуальная толпа.

Galaganova S.G.

Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

Gorokhova M.Yu.

Student, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

From «Cancel Culture» to «Substitution Culture»

Abstract. «The Substitution Culture» is represented here as a new cultural phenomenon of the Digital Age. It emerges as a result of misinformation and disinformation, virally circulating in social networks – mainly in nameless online communities. The article explores the origins of the «Hase-Kara Calamity» – a public uproar in the «2channel» network, which enabled to transform common online trolling into criminal real-life actions. The case study reveals inner drivers of the mass behav-

* © Галаганова С.Г., Горохова М.Ю., 2026.

От «культуры отмены» – к «культуре подмены»

ior patterns substitution and prompts to treat «The Substitution Culture» as a vital challenge and dangerous threat.

Key words: substitution Culture, HaseKara Calamit, HaseKara Uproar, 2channel (2ch.net), dis-information, misinformation, nameless online community, simulation, social network, social media platform, psychological operation (PsyOp), online crowd.

Одним из негативных последствий превращения социальных сетей в главный канал социальной коммуникации являются новые возможности для распространения дезинформации – как спонтанно-неосознанного, так и целенаправленного. Исследование всех аспектов сетевого дискурса, в том числе механизмов распространения ложных и искажённых сведений, а также психологических механизмов их коллективного восприятия, представляет сегодня актуальную междисциплинарную задачу социально-гуманитарных наук и информационной аналитики [1; 2].

Успех решения данной задачи, в свою очередь, непосредственно зависит от правильного выбора объекта исследования, то есть платформ, где распространение дезинформации носит наиболее системный и масштабный характер. К таковым, прежде всего, относятся анонимные цифровые сообщества с аналогичным форматом общения и минимальным контролем сетевого контента. Это ещё раз подтвердило проведённое авторами исследование стихийных последствий влияния дезинформации на поведение пользователей социальной сети «2channel», которое приобрело известность как «катастрофа ХасеКара». Начавшись с шуточного сравнения японского адвоката с главой религиозной организации, инцидент завершился формированием реальной секты, в которой сегодня состоит около полумиллиона японцев, а также сотнями кибератак, угрозами взрыва посольства США и прочими экстремистскими акциями. Инцидент уникален, однако сама по себе подобная трансформация сетевой коммуникации в реальные массовые действия стала одним из распространённых явлений эпохи цифровых платформ. Поэтому выбор объекта ситуационного анализа в данном случае обусловлен одновременно как его беспрецедентностью, так и типичностью.

Начало серии драматических событий было положено в начале марта 2012 года, когда адвокат Такахиро Карасава принял решение представлять интересы пользователя социальной сети «2channel» Рёты Хасегавы, обвинённого в систематическом кибербуллинге и публичном высмеивании мировых трагедий. Обвинение было обоснованным: подросток действительно распространял недостоверную и оскорбительную информацию в социальных сетях, включая сеть «2channel». Владелец платформы согласился помочь Карасава идентифицировать анонимных участников конфликта (включая их IP-адреса), что спровоцировало масштабную

негативную реакцию сообщества. Однако пользователи доски¹ NanJ, на которой и развернулся этот многолетний конфликт, быстро выявили профессиональную некомпетентность адвоката. Неумение Карасава грамотно взаимодействовать с интерфейсом «2channel», элементарные ошибки в коммуникации и отсутствие навыков кибербезопасности сделали его объектом насмешек.

Кульминацией стала трансляция 7 мая 2012 года документального фильма о секте «Аум Синрикё»², чей лидер Сёко Асахара имел внешнее сходство с Карасавой. Это послужило триггером для перехода спонтанного высмеивания незадачливого адвоката в формат психологической операции или ПСИОПа³. Так сокращённо именуют информационно-психологические операции по дезинформации аудитории с вполне конкретной целью – напугать, дезориентировать, вызвать недоверие к власти и т.д. [3; 11]. В данном случае целью стала травля адвоката посредством распространения дезинформации о нём. Участники платформы искусственно связали образ Карасава с деятельностью секты, используя мемы, фальшивые скриншоты и намеренное искажение фактов.

Поэтапный анализ развития событий позволил выявить взаимосвязь между структурными особенностями платформы «2channel» и результативностью применения определённых манипулятивных технологий. К основным этапам инцидента можно отнести: 1) распространение шуток; 2) их трансформация в системные сравнения объекта шуток с лидером секты и 3) формирование реальной псевдокультовой организации. Применительно к каждому этапу инцидента нами были исследованы использованные сообщения, визуальные материалы и модели взаимодействия пользователей. Эта информация сохранилась в архивах досок сети «2channel» и материалах сторонних исследований.

Для начала обратимся к поиску и верификации первичных данных – сообщений пользователей «2channel», связанных с событиями вокруг Такахио Карасава. Для этого используем цифровые архивы платформы, охватывающие период с 2012 по 2025 год, с акцентом на ключевые даты – такие, например, как 7 мая 2012 года (трансляция документального фильма о секте «Аум синрикё»⁴). Доступ к материалам осуществлялся через **архивную поисковую систему «2channel»** [7], позволяющую фильтровать контент по временным меткам, хештегам и ключевым словам (например, «Карасава», «Кашиниты», «Асахара»).

Первой задачей стал *поиск триггерных сообщений*, инициировавших

1 Доской называется тематический раздел форума, где пользователи могут общаться, прикрепляя к своим сообщениям изображения.

2 Запрещена на территории РФ.

3 От *англ.* PsyOp – Psychological Operation.

4 Запрещена на территории РФ.

尊師 尊師 尊師尊師尊師 (魚拓)
 2 : 風吹けば名無し [] : 2012/05/07 (月) 17:31:45.36 ID:HzLI17h+
 唐澤尊師

Рис 1. Оригинал первого упоминания сравнения адвоката Карасава с главой секты Асахары [7].

Мастер Мастер Мастер Мастер Мастер Мастер (рыбный принт)
 2: Аноним []: 2012/05/07 (Пн) 17:31:45.36 ID:HzLI17h+
 Мастер Карасава

Рис 2. Перевод первого упоминания сравнения адвоката Карасава с главой секты Асахары.

Рис 3. Пример мема с изображением Карасава в образе главы секты. Перевод на русский: Святейший, Дух Истины, Такахиро Карасава.

сравнение Карасава с Сёко Асахарой. Через архивную поисковую систему платформы был выполнен запрос по ключевым словам: «Карасава», «Асахара», «Мастер» (последний намекал на титул руководителя секты). Это позволило идентифицировать исходный пост (рис. 1, 2), где юрист впервые был назван «Мастером» на языке религиозного культа. Остальные пользователи продолжили лавинообразно (как и положено толпе) развивать ложные нарративы внутри локального треда⁵.

Далее исследование было сфокусировано на *анализе визуального контента*, включая мемы и коллажи (рис. 3). Такой способ распространения дезинформации в социальных сетях является наиболее оперативным и эффективным: картинка транслирует информацию в более «сжатом» и до-

⁵ Тредом (от *англ.* thread – «нить», «цепочка») называют «ветку» комментариев под сообщением, где пользователи обсуждают одну конкретную тему.

Japanese

- 教祖が神であり、信徒は教祖を攻撃し、神が全ての責めを負う。これが基本形式です
 - ただし教祖を過度に神格化してはいけません
- IPは神のものです。神はIPを欲します。神にささげましょう。TorやVPNを使っても構いません
- お布施や勧誘ノルマは一切ありません。しても自由ですが義務も強制も全くありません
- イスラム教以外であれば食事・服装・嗜好・冠婚葬祭等の慣習も完全に教徒の自由です。今まで通りの日常生活で構いません
- イスラム教以外であれば宗教・思想に干渉しません。他宗との掛け持ちでも問題はありません
- 礼拝方式は自由です。集会・会合・定時礼拝の義務は一切ありません。PCやスマホで見ただけで礼拝です
- どのように信じようと、信仰活動で何をしようと自由です。自ら新しい活動を始めても構いません
 - 今まで行われただけでも、聖典解説、聖地に赴く、賛美歌を作る、宗教画を描く、殺害予告する等多岐に渡ります
 - 積極的に布教する人もいますし、あえて布教しない人もいます。どちらでも自由です
 - 教祖自身も信仰活動の自由に則り、教徒を通報したり300万円を要求したりします
- 入信すると教祖が個人所有する核の傘によって守られます

Рис 5. Доктрина организации «Коушинкиё» на японском языке (оригинал).

English translation

- Karasawa Takahiro is the God. Believers attack God, and God receives all the blame. That's the basic.
 - IP addresses belong to God. God wants IP addresses. Let's dedicate them to God. You may use Tor or VPN.
- There is no such thing as the requirement of donation or solicitation. You can, but you are not obliged to do so.
- Any practice, except Islam, such as meals, dress, preferences and ceremonial occasions is up to you. There is no problem in continuing your daily life.
- Except Muslim. Koushinism does not interfere with the religion and ideology. Simultaneous faith with another religion is not a problem.
- You are free to worship in whatever way. There is no obligation of meeting, association or the annual worship. Just by visiting pages with PC or smartphone is a means of worship.
- You are free to decide how you believe and what you do for Koushinism. It does not matter if you start a new activity.
 - Faith activities until now include scriptures decipher, Holy Land pilgrimage, creation of hymns, drawing religious paintings, posting murder notice, etc
 - Missionary work is up to you. Some seek to propagate it actively, and others don't.
 - Karasawa Takahiro, also in accordance with the freedom of faith activities, reports Koushinists to the police, makes a request for ¥3,000,000(\$30,000), and so on.
- God saves you by his nuclear umbrella if you believe

Рис 6. Доктрина организации «Коушинкиё» (английская транскрипция).

нии. На этом этапе в организации «Коушинкиё» появилось осознание своего «лидера» (рис. 7) и своя структура. «Миссионерское» подразделение занималось продвижением соответствующего контента и Интернет-вандализмом; «исследовательское» подразделение осуществляло слежку за Карасавой и его близкими, обеспечивало прямые эфиры с судебных заседаний других «коушинмитов» (членов секты «Коушинкиё»), занималось вандализмом в реальной жизни; «боевое» подразделение рассылало угрозы убийства, ложные сообщения о минировании, промышленно кражами и взломами. Изображение бренда Карасавы члены секты провозгласили «священным портретом». Появился у секты и свой логотип – смесь логотипов секты «Аум синрикё»⁶ и юридической фирмы «Koshin», в которой работал Такахио Карасавы (рис. 8). Адвоката больше не называли «Мастером» ради шутки: дезинформация мутировала и стала «правдой», о чём свидетельствует хотя бы обращение к новому «идолу» секты (рис. 9). Дея-

6 Запрещена на территории РФ.

Рис. 8. Искусственно созданный логотип организации «Коушинкиё».

Респектор Респектор Респектор Респектор Респектор (рыбный отпечаток)
 2: Аноним [1: 2012/05/07 (Пн) 17:31:45.36 ID:H2L117H+
 Преподобный Карасава

Рис. 9. Обращение к Карасаве членами организации «Коушинкиё».

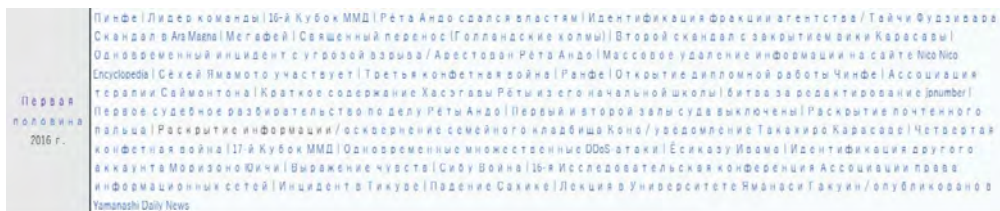

Рис. 10. Фрагмент списка преступлений организации «Коушинкиё» за 2016 год [7].

тельность организации была направлена на полную дестабилизацию психологической атмосферы в стране, включая ложные сообщения о терактах и нападениях (рис. 10). Благодаря технологии шаблонного тиражирования сообщения о признании, мемы, gif-изображения Карасава распространялись не только по имиджборду «2channel», но и в других социальных сетях, а их главным элементом стала **нормализация насилия**.

Последствия данного ПСИОПа очевидны: шуточная дезинформация привела к реальной трагедии, которая вышла за пределы отдельной социальной сети. Анонимные пользователи, которые с каждым годом чувство-

вали всё большую безнаказанность, совершали всё более радикальные и насильственные действия. Это подтверждают статистические данные за 2012-2014 годы, представленные на рис. 11.

Возникает вопрос: откуда взялся этот жестокий азарт? Почему нормальные люди принялись вдруг злобно травить человека, не сделавшего им ничего плохого? На эти вопросы ответили ещё в начале прошлого века французские психологи Габриэль Тард и Гюстав Лебон, впервые исследовавшие социально-психологический феномен толпы [4; 6]. Превращая человека в обезличенное, анонимное существо, толпа подчиняет его своей стихии, снимая угрозу личной ответственности и раскрепощая тем самым самые низменные животные инстинкты.

С распространением социальных сетей в качестве главной площадки социальной коммуникации учёные заговорили о феномене виртуальной толпы, обладающей теми же поведенческими особенностями, что и реальная. Увлечённая травля японского адвоката – яркий тому пример. В данном случае особенности платформы «2channel» – анонимность, отсутствие цензуры и алгоритмическая поддержка «вирусного» распространения контента – создали максимально благоприятную среду для эволюционирования дезинформации от локальной провокации к си-

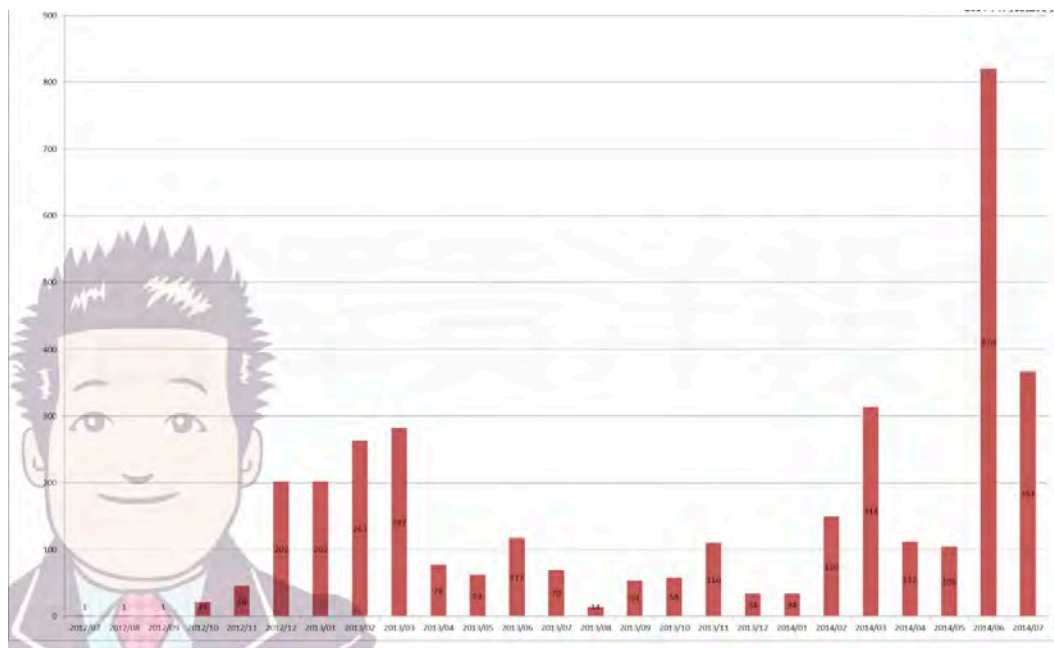

Рис. 11. Итоговый график количества угроз смерти по месяцам, созданный волонтерами [8].

стемной угрозе. Другими словами, виртуальная толпа – феномен, ещё более опасный, чем толпа реальная: она способна ломать не только кости, но и судьбы. Такахиро Карасава устоял: он по-прежнему занимается адвокатской практикой. Однако можно легко представить, чего стоила ему и его близким эта многолетняя травля. Не сложно понять и причины ежегодного роста количества подростковых самоубийств, совершённых в результате так называемого кибербуллинга: детская психика не столь устойчива к подобному воздействию.

Результаты проведённого исследования позволяют, на наш взгляд, сделать выводы и более общего характера. Процесс модификации массовых поведенческих реакций пользователей социальных сетей под влиянием дезинформации с выходом из виртуального пространства в реальную жизнь свидетельствует о формировании качественно нового типа культуры (или антикультуры) – культуры массовых симуляций. По аналогии с «культурой отмены» её можно было бы назвать «культурой подмены». Интегрируя постоянно множасьщиеся, стремительно распространяемые сетевые подмены, она всё более тяготеет к превращению в целостную, тотальную симуляцию – симулятивную картину мира.

В отличие от манипуляции (искажающей реальную действительность) и имитации (воссоздающей реальные явления и процессы), симуляция создаёт сходство с несуществующей реальностью – она симулирует то, чего в действительности нет (как не существует и никогда не существовало в реальности главы религиозной секты по имени Такахиро Карасава). Культура подмены погружает людей в искусственно смоделированную реальность, всё более оттесняющую подлинную. Она не отображает (хоть и ложно), не воссоздаёт (хоть и искажённо) окружающий мир – она создаёт новые иллюзорные миры (подобно миру-симуляции под названием «Коушинкиё», в котором сегодня обитает около полумиллиона японцев-«коушинмитов»).

Анонимные сетевые сообщества с «вирусным» распространением неконтролируемого контента – серьёзный вызов цифровой эпохи. Но они же – и зеркало, в которое смотрится человечество. И если в отражении что-то не так, значит что-то «не так» и в самом обществе, в человеке. Если люди добровольно отказываются от своей способности мыслить, предпочитая бездумное погружение в сетевое болото ярких образов и сильных эмоций, то ведь это их собственный свободный выбор. Долг научного сообщества – аргументированно предупредить о возможных последствиях подобного выбора, об опасности глобальной культурной подмены. Пока мы осознаём риски, мы способны ими управлять.

Библиографический список

1. Галаганова С.Г., Турусина Т.В. Технология анализа социальных сетей с целью выявления

- социальных трендов // Человеческий капитал, 2023. № 1 (169). С. 121-136.
2. Галаганова С.Г., Турусина Т.В. Межкультурный дискурс в социальных сетях: от диалога культур – к внутригрупповой коммуникации // Культура Мира, 2024. Том 12. Вып. 8 (№ 43). С. 139-145.
3. Лавров Д.А. Социальные сети как инструмент PSYOP во внешней политике: вызов для национальной безопасности // Социальные науки и современность. 2020. № 1. С. 43-49. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-instrument-psyop-vo-vneshney-politike-vyzov-dlya-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer>
4. Лебон Г. Психология толп / пер. с фр. – М.: Карамзин, 2018. 400 с.
5. Медведев В.А., Медведев И.В. Дезинформация. – М.: Инфра-Инженерия, 2025. 312 с.
6. Тард Г. Общественное мнение и толпа / пер. с фр. – М.: Ленанд, 2015. 208 с.
7. 恆心年表. KRSW Wiki. // URL: <https://krsw-wiki.in/wiki/%E6%81%92%E5%BF%83%E5%B9%B4%E8%A1%A8#2012%E5%B9%B4>
8. 唐澤貴洋殺す. KRSW Wiki. // URL: <https://krsw-wiki.in/wiki/%E5%94%90%E6%BE%A4%E8%B2%B4%E6%B4%8B%E6%AE%BA%E3%81%99%E7%B7%8F%E6%95%B0%E3%81%AB%E9%96%A2%E3%81%99%E3%82%8B%E8%AD%B0%E8%AB%96>
9. O'Connor C., Weatherall J. The Misinformation Age: How False Beliefs Spread. – Yale University Press, 2025. 280 p.
10. On Disinformation: How To Fight for Truth / Ed. by S.G. Polecat. – University of Cambridge Press, 2025. 310 p.
11. The Influence of PSYOP: Dissecting Disinformation and Misinformation // Future Citizen, 2021. № 3.
12. Van der Linden, Sander. Foolproof: Why We Fall For Misinformation and How To Build Immunity. – University of Cambridge Press, 2025. 250 p.

References

1. Galaganova S.G., Turusina T.V. Technology of social network analysis for the purpose of identifying social trends // Human capital, 2023. № 1 (169). P. 121-136.
2. Galaganova S.G., Turusina T.V. Intercultural discourse in social networks: from dialogue of cultures to intragroup communication // Culture of the World, 2024. Vol. 12. Issue 8 (№ 43). P. 139-145.
3. Lavrov D.A. Social networks as a PSYOP tool in foreign policy: a challenge for national security // Social sciences and modernity. 2020. № 1. P. 43-49. // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-seti-kak-instrument-psyop-vo-vneshney-politike-vyzov-dlya-natsionalnoy-bezopasnosti/viewer>
4. Lebon G. Psychology of Crowds / translated from French. Moscow: Karamzin, 2018. 400 p.
5. Medvedev V.A., Medvedev I.V. Disinformation. Moscow: Infra-Engineering, 2025. 312 p.
6. Tarde G. Public Opinion and the Crowd / translated from French. Moscow: Lenand, 2015. 208 p.
7. KRSW Wiki. // URL: <https://krsw-wiki.in/wiki/%E6%81%92%E5%BF%83%E5%B9%B4%E8%A1%A8#2012%E5%B9%B4>
8. 唐澤貴洋殺す. KRSW Wiki. // URL: <https://krsw-wiki.in/wiki/%E5%94%90%E6%BE%A4%E8%B2%B4%E6%B4%8B%E6%AE%BA%E3%81%99%E7%B7%8F%E6%95%B0%E3%81%AB%E9%96%A2%E3%81%99%E3%82%8B%E8%AD%B0%E8%AB%96>
9. O'Connor C., Weatherall J. The Misinformation Age: How False Beliefs Spread. – Yale University Press, 2025. 280 p.
10. On Disinformation: How To Fight for Truth / Ed. by S.G. Polecat. – University of Cambridge Press, 2025. 310 p.
11. The Influence of PSYOP: Dissecting Disinformation and Misinformation // Future Citizen, 2021. № 3.
12. Van der Linden, Sander. Foolproof: Why We Fall For Misinformation and How To Build Immunity. – University of Cambridge Press, 2025. 250 p.

Ещенко Т.В.

Старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Применение беспилотных летательных аппаратов в строительной отрасли*

Аннотация. В данной статье рассматривается практическое применение в области строительства беспилотных летательных аппаратов в реальных условиях эксплуатации. В настоящее время широкое применение беспилотников или так называемых дронов можно найти во многих сферах деятельности, таких как горная промышленность, агропромышленный комплекс, здравоохранение, сфера транспорта. Например, используются строительными органами надзора, при оценивании ущерба при разрушении здания, при разбивке геодезических координат, проверке безопасности стройплощадки, мониторинге хода работ, техническом обслуживании зданий, а также при термографических исследованиях. По результатам исследования установлено, что беспилотники так же активно применяются в большом количестве и имеют важную роль в строительной сфере. Выявлены основные категории беспилотников, а также установлено каким образом обеспечивается безопасность при использовании БПЛА

Ключевые слова: дроны, винтокрылые машины, «слепая зона», детализация, безопасность, техническое обслуживание, исследования.

Eshchenko T.V.

Senior Lecturer, Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

The use of unmanned aerial vehicles in the construction industry

Abstract. This article discusses the practical application in the field of construction of unmanned aerial vehicles in real-world operating conditions. Currently, drones or so-called drones are widely used in many fields of activity, such as mining, agriculture, healthcare, and transportation. For example, they are used by construction supervisors when assessing damage caused by the destruction of a building, when breaking down geodetic coordinates, checking the safety of a construction site, monitoring the progress of work, building maintenance, as well as during thermographic studies. According to the results of the study, drones are also actively used in large numbers and have an important role in the construction sector. The main categories of drones have been identified, and it has also been established how safety is ensured when using UAVs.

Key words: drones, rotorcraft, blind spot, detailing, safety, maintenance, research.

* © Ещенко Т.В., 2026.

Применение беспилотных летательных аппаратов в строительной отрасли

Введение. Эпоха использования беспилотных летательных аппаратов, так называемых дронов, исключительно в военных целях ушла в прошлое. За последнее десятилетие беспилотники масштабно применяются на гражданке и в торговом направлении.

Применение беспилотников даёт возможность обеспечить безопасность при любом строительстве. Прежде всего, БПЛА могут перемещаться с большей скоростью, по сравнению с человеком, и могут добираться до таких мест, которые для человека являются недоступными или труднодоступными. Применение дронов даёт возможность увеличить безопасность человека, к примеру, с рядом движущейся строительной техникой на стройплощадке, или в опасной зоне строительного крана, а также в «слепой зоне», где рабочего не смогут заметить [1].

Категории беспилотников. В строительной сфере обильно применяются 2 вида беспилотников: машина винтокрылая и с неподвижными крыльями самолет (смотри рисунок 1).

Устройства с вращающимися несущими винтами (винтокрылые машины) характеризуются способностью к зависанию, вертикальному взлету и посадке. В зависимости от количества несущих винтов, это могут быть вертолеты или многовинтовые самолеты. Принцип подъема несущих винтов делает их потенциально лучшей платформой для небольших и средних проектов или вертикальных типов строительства. Дистанционно управляемые устройства в виде неподвижного планера (напоминающие самолеты и летающие крылья) характеризуются способностью длительное время находиться в воздухе без необходимости приземляться. Это напрямую влияет на способность совершать налеты на большие территории. Такие возможности делают их лучшей платформой для крупных проектов, особенно линейных. Основными ограничениями самолетов с неподвижным крылом, вытекающими из их конструкции, являются: невозможность зависания и необходимость большого пространства для взлета и посадки.

а)

б)

Рисунок 1. а) машина винтокрылая; б) самолеты с неподвижным крылом.

Источник: Составлено автором.

В дополнение к стандартным типам беспилотных летательных аппаратов, используемым до сих пор, разрабатываются новые, инновационные решения, которые часто сочетают в себе преимущества обоих типов [2].

Планирование полета. Независимо от типа используемого оборудования, важно правильно спланировать ход полета до его начала. В этой области является оптимизация траектории полета, по которой движется беспилотник, при одновременном наблюдении за ходом работ. Важным вопросом также значится точное рапланирование полета БПЛА, которые летят над городами встречая различные препятствия на своем пути. Улучшение скоростного режима дает гарантии, что дрон израсходует как можно меньше времени за наблюдением стройплощадки, и закончит свой путь в запрограммированные ему сроки без полной разрядки аккумулятора. Если рассуждать по-другому, то при исполнении аэрофотосъемки необходима высокая детализация полученных сведений, которые в дальнейшем помогут распознать объекты и обеспечить точность полученных данных [3].

Обеспечение безопасности. Дроны стабильно применяются для оптимизации охраны труда и техники безопасности людей. Применение дронов защищает их от зон повышенной опасности, замкнутого пространства или работах на опасных высотах. Однако нужно иметь в виду, что беспилотные летательные аппараты могут представлять новые угрозы, которые еще не возникали на строительной площадке. Следует выявлять возможные угрозы и ситуации, близкие к аварии, оценивать их риск и принимать необходимые меры для предотвращения их возникновения. Эти меры нужны для людей, чтобы не подвергать их опасности. Важным моментом в данной ситуации является определение правильных решений, т.е. способов устранения опасности и выполнении важных норм и правил, например в применении системы климат-контроля в беспилотнике. Вероятной угрозой для людей, работающих непосредственно в окружении дрона могут быть изменчивые обстоятельства полета или же неточности специалиста, а так же может отказать оборудование. Неверно запланированная траектория дрона может привести к аварии в воздушном пространстве, которое вполне приведет к плачевным последствиям. Можно также подчеркнуть, что БПЛА - это техническое электрическое устройство, которое в любой момент может оказаться источником самовоспламенения. К тому же, дроны на стройплощадке повышают вероятность несчастного случая путем отвлечения работника своим присутствием в воздушном пространстве [4].

Тематическое исследование. Дроны находят различное и необходимое человеку применение в строительной сфере. К примеру, их использовали для проверки качества монтажа ограждающих конструкций на больших объектах, таких как медучреждение, создавая подробную 3D-модель. Ещё один интересный пример - наблюдение за деформация-

ми грунта при строительстве скоростных автомагистралей. Используя аэрофотосъёмку, дроны создавали точные карты и цифровые модели местности, а также автоматически подсчитывали количество транспортных средств на стройплощадке.

Одним из самых необычных применений стала прокладка кабелей - дроны благополучно применялись для прокладки линий электропередач и оптоволоконных линий [5].

Применение дронов в строительной сфере. Беспилотные летательные аппараты уже много лет успешно применяются в строительстве. В зависимости от предназначения используются дроны различной конструкции и веса. Эти устройства могут быть оснащены камерами высокого разрешения, тепловизионными камерами, лазерными сканерами и устройствами приема GNSS. Благодаря такому оборудованию дроны используются для:

- осмотра труднодоступных строительных объектов, например мостов, дымоходов, крыш;
- оценки технического состояния конструкций и их элементов. Изображение, передаваемое камерами дронов, показывает трещины и другие дефекты, которые угрожают сохранности конструкции;
- мониторинг хода строительных работ. Наблюдение с воздуха позволяет лучше контролировать ход работ на строительной площадке благодаря возможности фото- и видеосъемки;
- тепловизионным исследованиям строительных конструкций. Благодаря использованию тепловизионных камер становится возможным измерять и выявлять источники теплопотерь в здании;
- осуществлять мониторинг и контроль рабочей среды, выявлять опасные факторы при строительстве объектов, благодаря чему снижается риск несчастных случаев и, следовательно, повышается безопасность труда;
- получение изображений для определения трехмерной геометрии пространственных объектов, определения пространственных размеров (расстояния, площади, объема), создания ортофотоплана, а также инвентаризации атрибутов объекта [6].

Заключение. БПЛА - это не только известное техническое устройство, которое зачастую применяется обычными людьми для своих нужд, но и актуальная технология, которая используется в большинстве областях, не исключая строительное направление. Беспилотные летательные аппараты позволяют делать не только фотографии с воздуха, но и создавать трехмерные модели или фотографии. Полученная таким образом документация позволяет с большой точностью изучить рельеф инвестиционной площадки, а также проверить объем планируемых земляных работ, например, оценить параметры заложеного фундамента, а так же узнать на какой глубине залегают коммуникации. Это влияет на планирование графика работы и сроки всего проекта, помогает упростить наблюдение

за строительным процессом, избегая простоев на объекте строительства. Использование беспилотных летательных аппаратов в строительной отрасли может повысить уровень безопасности на строительной площадке, но следует помнить, что беспилотные летательные аппараты также могут создавать новые, ранее невиданные угрозы на строительной площадке. Нестабильные условия полета, ошибки оператора и отказы оборудования могут представлять потенциальную опасность для работников, работающих поблизости. Обучение безопасному использованию беспилотных летательных аппаратов, а также правильному использованию дронов, повышает безопасность работы с этими устройствами.

Библиографический список

1. Вестеронная обработка посевов при помощи беспилотного летательного аппарата сельскохозяйственного назначения / Д.В. Кудрявцев, А.Г. Магдин, А.Д. Припадчев // Аграрный вестник Верхневолжья. 2022. № 1. С. 64-70.
2. Цифровизация строительной отрасли: перспективы и вызовы / А.В. Степанов, А.В. Степанов, М.В. Матвеева [и др.] // Известия вузов. Инвестиции. Строительство. Недвижимость. 2024. № 2 (49). С. 356-366.
3. Педагогическая технология формирования изобретательской компетентности для активизации цифровой трансформации строительной отрасли / Н.И. Фомин, Н.И. Фомин, Л.И. Миронова, Л.И. Миронова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2024. № 11. С. 282-299.
4. Вольников М.И. Моделирование движения беспилотных летательных аппаратов // Автоматизация и моделирование в проектировании и управлении. 2023. № 3. С. 42-48.
5. Мельничук А.И. Большие перспективы малых беспилотных летательных аппаратов / А.И. Мельничук, А.И. Мельничук // Надежность и качество сложных систем. 2024. № 2 (46). С. 88-94.
6. Гу П. Применение нечетких регуляторов в автопилоте беспилотного летательного аппарата / П. Гу, А.А. Лобатый // Системный анализ и прикладная информатика. 2024. № 3. С. 41-46.
7. Кравченко В.И., Мартынова Д.А. Влияние социальных сетей на рекламу в условиях рождающегося искусственного интеллекта // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 5. № 86. С. 137-143.

References

1. Comprehensive processing of crops using an unmanned agricultural aerial vehicle / D.V. Kudryavtsev, A.G. Magdin, A.D. Pripadchev // Agrarian Bulletin of the Upper Volga Region. 2022. № 1. P. 64-70.
2. Digitalization of the construction industry: prospects and challenges / A.V. Stepanov, A.V. Stepanov, M.V. Matveeva [et al.] // News of universities. Investments. Construction. Real estate. 2024. № 2 (49). P. 356-366.
3. Pedagogical technology for the formation of inventive competence to activate the digital transformation of the construction industry / N.I. Fomin, N.I. Fomin, L.I. Mironova, L.I. Mironova // Scientific and methodological electronic journal "Concept". 2024. № 11. P. 282-299.
4. Volnikov M.I. Modeling of Unmanned Aerial Vehicle Motion // Automation and Modeling in Design and Control. 2023. № 3. P. 42-48.
5. Melnichuk A.I. Great Prospects for Small Unmanned Aerial Vehicles / A.I. Melnichuk, A.I. Melnichuk // Reliability and Quality of Complex Systems. 2024. № 2 (46). P. 88-94.
6. Gu P. Application of Fuzzy Controllers in the Autopilot of an Unmanned Aerial Vehicle / P. Gu, A.A. Lobaty // Systems Analysis and Applied Informatics. 2024. № 3. P. 41-46.
7. Kravchenko V.I., Martynova D.A. The impact of social media on advertising in the context of emerging artificial intelligence // Mission confessions. 2025. Volume 14. Issue 5. № 86. P. 137-143.

Логачева Е.А.

Кандидат социологических наук, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Влияние физической культуры на личностное самосовершенствование студентов*

Аннотация. В статье исследуется роль физической культуры как ключевого фактора в процессе самосовершенствования личности студента. Рассмотрены актуальные проблемы современной студенческой среды, такие как гиподинамия, стресс и снижение социальной активности, и обоснована необходимость использования средств физической культуры для их преодоления. На основе анализа научной литературы выделяются и систематизируются аспекты влияния физической активности на развитие личностных качеств (дисциплина, целеустремленность, волевые качества) и академическую успеваемость студентов. Сформулированы основные проблемы, препятствующие активному образу жизни в студенческой среде, и предложены практические рекомендации по интеграции физической активности в образовательный процесс и повседневную жизнь молодежи. Подчеркивается, что целенаправленное внедрение физической культуры способствует не только укреплению здоровья, но и формированию социально ответственной, психологически устойчивой и гармонично развитой личности, готовой к профессиональной самореализации.

Ключевые слова: физическая культура, самосовершенствование личности, студенты, личностные качества, академическая успеваемость, здоровый образ жизни, интеграция, образовательный процесс, рекомендации, психологическое благополучие.

Logacheva E.A.

Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

The impact of physical training on personal self-improvement of university students

Abstract. The article explores the role of physical culture as a key factor in the process of student's personal self-improvement. The current problems of the modern student environment, such as physical inactivity, stress and reduced social activity, are considered, and the necessity of using physical culture means to overcome them is substantiated. Based on the analysis of scientific literature, the aspects of the influence of physical activity on the development of personal qualities (discipline, purposefulness, volitional qualities) and the academic performance of students are identified

* © Логачева Е.А., 2026.

Влияние физической культуры на личностное самосовершенствование студентов

and systematized. The main problems hindering an active lifestyle in the student environment are formulated, and practical recommendations for the integration of physical activity into the educational process and daily life of young people are proposed. It is emphasized that the targeted implementation of physical culture contributes not only to health promotion, but also to the formation of a socially responsible, psychologically stable and harmoniously developed personality, ready for professional self-realization.

Key words: physical culture, personal self-improvement, students, personal qualities, academic performance, healthy lifestyle, integration, educational process, recommendations, psychological well-being.

Введение. Современная образовательная парадигма, формирующаяся в условиях цифровой трансформации и глобализации, предъявляет к выпускникам вузов всё более комплексные требования. Помимо глубоких профессиональных знаний, от современного специалиста ожидается высокий уровень психологической устойчивости, адаптивности, развитых навыков самоорганизации и умения работать в команде. В то же время сам процесс обучения в высшей школе характеризуется возрастающими когнитивными нагрузками, высокой интенсивностью информационного потока и часто – вынужденной гиподинамией, что создает противоречие между социальным заказом на гармонично развитую личность и реальными условиями студенческой жизни [1].

В этом контексте особую актуальность приобретает поиск и модернизация педагогических инструментов, способных не только компенсировать негативные тенденции, но и целенаправленно формировать у студентов компетенции, лежащие в основе успешной самореализации [2]. Физическая культура, исторически воспринимавшаяся преимущественно как средство физического развития и укрепления здоровья, сегодня раскрывается в новом качестве – как мощный социокультурный и психолого-педагогический феномен [3; 4]. Она представляет собой уникальную деятельность, в которой естественным образом интегрируются телесные, волевые, эмоциональные и социальные аспекты развития личности. Регулярная двигательная активность перестает быть факультативной практикой, трансформируясь в значимый компонент общей культуры личности и действенный инструмент ее целостного совершенствования, что особенно важно в период интенсивного личностного и профессионального становления студента [1; 4].

Таким образом, возникает необходимость в глубоком научном осмыслении роли физической культуры не как изолированной дисциплины, а как системного фактора, влияющего на ключевые векторы развития студента: личностный рост (формирование характера, воли, нравственных ориентиров) [3; 5] и академическую успешность (повышение умственной

работоспособности, когнитивных функций) [6]. Исследование этого комплексного влияния позволит обосновать новые подходы к интеграции физического воспитания в образовательное пространство вуза, превратив его из формального требования в осознанную потребность и ресурс для саморазвития.

Цель и задачи исследования. Целью настоящей работы является анализ системного влияния физической культуры на процессы личностного и академического самосовершенствования студентов.

Для достижения поставленной цели были определены следующие задачи:

1. Проанализировать теоретические основания и эмпирические данные о взаимосвязи между систематической физической активностью и развитием ключевых личностных качеств студента.
2. Исследовать механизмы воздействия физической культуры на когнитивную сферу и академическую результативность обучающихся.
3. На основе выявления основных барьеров разработать практические рекомендации по эффективной интеграции элементов физической культуры в образовательную и повседневную практику студенческой молодежи.

Методология. Методологической основой исследования выступил системный анализ научной литературы по проблеме, позволивший выделить и структурировать ключевые аспекты влияния физической культуры на студента. Также использовался аналитико-синтетический метод для обобщения данных и формулировки выводов. В качестве теоретической базы были привлечены работы отечественных авторов, посвященные самосовершенствованию, психологии физической культуры и педагогике [1 – 6].

Личностное развитие студента через призму физической культуры. Современные исследования убедительно доказывают, что физическая культура выступает мощным катализатором развития личностного потенциала. Регулярная двигательная активность способствует формированию и закреплению качеств, критически важных для успешной самореализации в любой сфере. Процесс физического совершенствования закономерно стимулирует развитие волевой регуляции, дисциплины, целеустремленности и ответственности, что отмечается в работах, посвященных самовоспитанию и самосовершенствованию [3; 5]. Более того, спорт и физическая культура являются действенным средством нравственного воспитания, формируя уважение к правилам, сопернику и себе, а также чувство коллективизма [5].

Для наглядности системное влияние физической культуры на личностную сферу студента представлено в Таблице 1.

Таблица 1. Влияние физической культуры на развитие личностных качеств студента.

Сфера влияния	Формируемые качества	Механизм воздействия
Волевая сфера	Дисциплина, целеустремленность, настойчивость, выносливость.	Регулярное преодоление физических нагрузок и усталости, соблюдение режима тренировок.
Эмоционально-нравственная сфера	Самообладание, стрессоустойчивость, ответственность, уважение.	Следование правилам, работа в команде, принятие побед и поражений, эмоциональная регуляция.
Социальная сфера	Коммуникабельность, лидерские качества, умение работать в команде.	Участие в командных видах спорта, совместные тренировки, спортивные мероприятия.

Источник: составлено автором.

Таким образом, физическая культура представляет собой целостную систему, направленную не только на телесное, но и на сознательное личностное развитие, что обосновывает необходимость ее глубокой интеграции в образовательный процесс.

Физическая культура как фактор академической успеваемости. Влияние физической активности не ограничивается личностным развитием, напрямую распространяясь на когнитивную сферу и академические результаты. Эмпирические исследования подтверждают положительную корреляцию между уровнем физической подготовленности студентов и их умственной работоспособностью [6]. Регулярные занятия способствуют оптимизации мозгового кровообращения, снижению уровня тревожности, улучшению сна и, как следствие, повышению концентрации внимания, скорости обработки информации и качества памяти.

Основные взаимосвязи между физической культурой и академической успеваемостью систематизированы в Таблице 2.

Следовательно, сбалансированное включение физической активности в учебный график выступает не дополнительной нагрузкой, а инвестицией в академическую эффективность и устойчивость студента [6].

Проблемы интеграции физической культуры в студенческую жизнь. Несмотря на очевидную пользу, существуют системные барьеры, препятствующие широкому вовлечению студентов в регулярную физическую активность. К ним относятся как внешние факторы (недостаток инфраструктуры, высокая академическая загруженность), так и внутренние (низкая мотивация, сформированные привычки). Анализ текущей ситуации позволяет выделить ключевые проблемы (Таблица 3).

Таблица 2. Взаимосвязь физической культуры и академической успеваемости студентов.

Аспект влияния	Позитивный эффект	Результат для учебы
Когнитивные функции	Улучшение памяти, концентрации внимания, скорости мышления.	Более эффективное усвоение материала, повышенная продуктивность умственного труда.
Психоэмоциональное состояние	Снижение стресса и тревожности, повышение эмоциональной устойчивости.	Создание благоприятного психологического фона для обучения, снижение академических страхов.
Общее состояние здоровья	Повышение энергетического тонуса, укрепление иммунитета, улучшение сна.	Снижение количества пропусков по болезни, повышение общей активности и бодрости.
Навыки самоорганизации	Развитие самодисциплины, тайм-менеджмента, планирования.	Более эффективное распределение времени между учебой, спортом и отдыхом.

Источник: составлено автором.

Таблица 3. Основные проблемы, препятствующие активному образу жизни студентов.

Категория проблем	Конкретные проявления
Организационно-средовые	Нехватка времени из-за высокой учебной нагрузки; отсутствие доступной и современной спортивной инфраструктуры; негибкое расписание занятий.
Мотивационно-личностные	Отсутствие устойчивой внутренней мотивации; низкая осведомленность о пользе физической культуры; приоритет цифрового досуга над активным.
Информационно-методические	Недостаток привлекательных и персонализированных программ; слабая пропаганда ценностей здорового образа жизни в университетской среде.

Источник: составлено автором.

Преодоление этих барьеров требует целенаправленной и комплексной работы на институциональном и индивидуальном уровнях.

Рекомендации по интеграции физической активности в образовательный процесс. На основании выявленных проблем и анализа потенциала физической культуры сформулирован комплекс практических рекомендаций для образовательных учреждений (Таблица 4). Их реализация направлена на формирование устойчивой потребности в физическом самосовершенствовании [4].

Таблица 4. Рекомендации по интеграции физической активности в повседневную жизнь студентов.

Направление	Мероприятия и инициативы	Ожидаемый результат
Модернизация инфраструктуры	Создание доступных спортивных зон (в т.ч. в корпусах), развитие сети секций по интересам, внедрение системы абонементов.	Повышение доступности и удобства занятий, рост вовлеченности.
Образовательно-мотивационная работа	Включение в учебные курсы модулей о роли физической культуры для продуктивности; приглашение успешных спортсменов-студентов для выступлений; популяризация через соцсети вуза.	Формирование осознанной мотивации, изменение ценностных установок.
Гибкость и цифровизация	Внедрение электронной записи в секции и на тренажеры; создание библиотеки онлайн-тренировок; учет физкультурной активности в рамках рейтинга студента.	Учет индивидуально-го графика, повышение вовлеченности через привычные цифровые каналы.
Создание событийной среды	Организация массовых стартов, внутривузовских лиг, дней здоровья с вовлечением преподавателей.	Формирование сообщества, популяризация через соревновательный и праздничный формат.

Источник: составлено автором.

Заключение. Проведенный анализ позволяет утверждать, что физическая культура является системообразующим фактором, комплексно влияющим на личностное и академическое самосовершенствование студента. Ее воздействие проявляется в развитии критически важных волевых и нравственных качеств [3; 5], а также в прямой корреляции с улучшением когнитивных функций и успеваемости [6].

Для раскрытия этого потенциала в условиях современных вызовов необходима целенаправленная политика интеграции, преодолевающая существующие организационные и мотивационные барьеры. Реализация предложенных рекомендаций [4] позволит трансформировать физическую культуру из обязательной дисциплины в неотъемлемый элемент культуры здоровой, социально ответственной и продуктивной жизни студента, закладывая основу для формирования конкурентоспособного и гармонично развитого поколения специалистов.

Библиографический список

1. Оплетин А.А. Саморазвитие личности средствами физической культуры на основе теории синергии осознаваемого и неосознаваемого в психике человека (теория и технология) //

- Вестник Пермской государственной академии искусств и культуры. Серия: Психологические и педагогические науки. – Пермь, 2013. № 2. С. 19-25.
2. Логачева Е.А. Инновационный подход к формированию здорового образа жизни молодежи: разработка социального проекта // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2025. Т. 10. № 1. С. 82-89.
 3. Шалаев В.А., Пашченко А.Ю. Развитие способности самосовершенствования в процессе спортивно-физкультурных занятий студентов вузов // Проблемы современного педагогического образования. – Ялта, 2023. № 79-4. С. 112-118.
 4. Захаркевич А.П. Актуальность физического самовоспитания и самосовершенствования для студентов // Научно-методическое обеспечение физического воспитания и спортивной подготовки студентов: материалы III Международной научно-практической конференции (Минск, 2025). – Минск: Белорусский государственный университет, 2025. С. 711-716.
 5. Денисова Г.С., Тузова А.А., Гайдамака Т.А. Спорт как фактор формирования нравственности // Здоровье человека, теория и методика физической культуры и спорта. – Барнаул, 2020. № 4 (20). С. 26-33. // URL: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)4.04](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)4.04)
 6. Короев А.Г., Базрова Л.Р. Зависимость умственной работоспособности студентов от уровня их физической подготовленности // Гуманитарни балкански изследвания. – Владикавказ, 2019. Т. 3. № 3 (5). С. 27-30. // URL: <https://doi.org/10.34671/SCH.HBR.2019.0303.0007>
 7. Стафеев О.Н. Причины поражения и итоги вооруженных выступлений против Советской власти в Сургутском уезде в 1921 году // Власть истории и История власти. 2025. Том 11. Часть 5. № 63. С. 165-175.

References

1. Opletin A.A. Self-development of the individual by means of physical culture based on the theory of synergy of the conscious and unconscious in the human psyche (theory and technology) // Bulletin of the Perm State Academy of Arts and Culture. Series: Psychological and Pedagogical Sciences. – Perm, 2013. № 2. P. 19-25.
2. Logacheva E.A. Innovative approach to the formation of a healthy lifestyle among young people: development of a social project // Physical Education. Sport. Tourism. Motor Recreation. 2025. Vol. 10. № 1. P. 82-89.
3. Shalaev V.A., Pashchenko A.Yu. Developing the ability to self-improvement in the process of sports and physical education classes of university students // Problems of modern pedagogical education. – Yalta, 2023. № 79-4. P. 112-118.
4. Zakharkevich A.P. Relevance of Physical Self-education and Self-improvement for Students // Scientific and Methodological Support for Physical Education and Sports Training of Students: Proceedings of the III International Scientific and Practical Conference (Minsk, 2025). – Minsk: Belarusian State University, 2025. P. 711-716.
5. Denisova G.S., Tuzova A.A., Gaidamaka T.A. Sport as a Factor in the Formation of Morality // Human Health, Theory and Methodology of Physical Culture and Sports. – Barnaul, 2020. № 4 (20). P. 26-33. // URL: [https://doi.org/10.14258/zosh\(2020\)4.04](https://doi.org/10.14258/zosh(2020)4.04)
6. Korojev A.G., Bazrova L.R. Dependence of students' mental performance on their level of physical fitness // Humanitarian Balkan Studies. - Vladikavkaz, 2019. Vol. 3. № 3 (5). P. 27-30. // URL: <https://doi.org/10.34671/SCH.HBR.2019.0303.0007>
7. Stafeev O.N. Reasons for the defeat and results of armed uprisings against Soviet power in the Surgut district in 1921 // The power of history – History of power. 2025. Volume 11. Issue 5. № 63. P. 165-175.

Медведева О.А.

Кандидат педагогических наук, доцент кафедры электроснабжения. Северо-Кавказская государственная академия.

Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса*

Аннотация. Применение искусственного интеллекта (ИИ) в образовании постепенно стандартизируется. В последние годы в России приняли несколько ГОСТов, в которых содержатся правила и рекомендации по работе с ИИ в разных аспектах обучения: от написания работ до учета успеваемости обучающихся. Критически важным является обеспечение должного уровня доверия к используемым технологиям искусственного интеллекта и необходимость повышенного стандарта публичного контроля, включая обязательность сертификации деятельности искусственного интеллекта в разных областях, в том числе, в образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственный стандарт, образование.

Medvedeva O.A.

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Power Supply North Caucasus State Academy.

Use of artificial intelligence in the field of educational process

Abstract. The use of artificial intelligence (AI) in education is gradually being standardized. In recent years, Russia has adopted several state standards that contain rules and recommendations for working with AI in various aspects of education, from writing assignments to tracking students' progress. It is critically important to ensure a proper level of trust in the artificial intelligence technologies used and the need for an increased standard of public control, including the mandatory certification of artificial intelligence activities in various fields, including education.

Key words: artificial intelligence, state standard, education.

Президент Российской Федерации своим указом от 10 октября 2019 года № 490 одобрил «Национальную стратегию развития искусственного интеллекта на период до 2030 года». В этом документе ИИ представлен как одна из приоритетных технологий которая способствует, в том числе,

* © Медведева О.А., 2026.

Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса

и модернизации системы образования. За последние годы в Российской Федерации введены в действие ряд государственных стандартов, устанавливающих правила и рекомендации по использованию ИИ в различных сферах учебного процесса, начиная от подготовки научных работ и заканчивая оценкой успеваемости обучающихся. ГОСТ Р 59895–2021 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Общие положения и терминология» распространяется на технологии искусственного интеллекта в образовании и устанавливает общие положения и терминологию в этой области; ГОСТ Р 59896–2021 «Образовательные продукты с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании. Требования к учебно-методическим материалам» устанавливает требования к учебно-методическим материалам образовательных продуктов с алгоритмами искусственного интеллекта для адаптивного обучения в общем образовании; ГОСТ Р 70946–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам бакалавриата и специалитета...», своей основной задачей ставит прогнозирование результатов обучения для повышения эффективности управления успеваемостью обучающихся руководством вуза; ГОСТ Р 70947–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам среднего профессионального образования», определяет общие положения и методику испытаний ТИИ, используемых при управлении успеваемостью обучающихся по программам учебного заведения профессионального образования; ГОСТ Р 70948–2023 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема формирования контингента абитуриентов по программам бакалавриата и специалитета», определяет основной задачей применения технологий искусственного интеллекта в прогнозировании результатов приемной кампании для повышения эффективности принимаемых руководством высшего учебного заведения решений; ГОСТ Р 72391–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема управления успеваемостью обучающихся по программам магистратуры...», определяет общие положения и методику испытаний систем искусственного интеллекта, используемых при управлении успеваемостью обучающихся по программам магистратуры; ГОСТ Р 72393–2025 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Алгоритмы идентификации вовлеченности при онлайн-обучении...», основной задачей применения технологий искусственного интеллекта устанавливает - прогнозирование результатов обучения и удовлетворенности обучающихся для повышения эффективности управления руководством учебного заведения профессионального образования [1, с. 23]. О.Елхова отмечает, что «введение ГОСТа «Технологии искусственного интеллекта в образовании» представляет со-

бой значимый шаг в регулировании сферы в научной деятельности. Однако его практическая реализация сопряжена с рядом неопределенностей [2]. Ключевым аспектом ГОСТа является управление рисками, которые могут негативно сказаться на качестве данных. Хотя стандарты затрагивают этот вопрос, представленные рекомендации носят общий характер и не предоставляют конкретных методов минимизации подобных угроз. Остаются нерешенными вопросы, связанные с отслеживанием искажений данных при подготовке научных трудов, предотвращением распространения недостоверной информации в публикациях, а также определением ответственности за неточности, внесенные искусственным интеллектом в научные исследования. Возникла настоятельная необходимость в создании механизма для определения степени научной ценности статей, созданных с помощью автоматических инструментов. В настоящее время подобный механизм отсутствует. В числе приоритетных направлений использования искусственного интеллекта в образовательных целях исследователи выделяют: развитие критического мышления; стимулирование креативности в решении задач; активация познавательного интереса; воздействие на мотивацию к обучению; рефлексия собственного опыта; отработка умений и навыков в рамках отдельных дисциплин [3, с. 5].

Из опроса Высшей школы экономики, проведенного среди российских студентов, следует, что нейросетями пользуются 87% респондентов. Из них 36% обращаются к ИИ больше одного раза в неделю, 33% — несколько раз в месяц, еще 10,7% — каждый день. При этом 61% опрошенных пока не готов доверить нейросети написание дипломных и выпускных работ. П. Скрипниченко, эксперт в сфере онлайн-коммуникаций видеосвязи и EdTech, относит к преимуществам применения ИИ в образовании: во-первых, экономию времени преподавателей при подготовке к занятиям в 4-5 раз, во-вторых, адаптивность, позволяющую выявить пробелы в знаниях обучающихся и восполнить их, объясняя тему по-разному или предлагая выполнить индивидуальные задания; в-третьих, инклюзивность, для учащихся, имеющих проблемы со зрением, искусственный интеллект способен трансформировать печатные материалы в звуковое сопровождение или озвучивать визуальные объекты. Тем, кто испытывает трудности со слухом, будут полезны автоматические транскрипции видео, аудиозаписей и устной речи, переведенные в текстовый формат. Многоязычные системы перевода делают образовательный контент доступным для международной аудитории, способствуя быстрой интеграции иностранных учащихся [4]. К недостаткам внедрения ИИ в образование он относит – неточность данных; списывание, вызывающее отсутствие способности самостоятельно решать проблемы из-за тенденции во всем полагаться на ИИ; риски информационной безопасности; проблемы с этикой.

О формировании правил и ограничении для использовании в не-

которых областях ИИ, в том числе, в образовании пишет А. Лапина [5]. Главными проблемами, связанными с развитием нейросетей определены: чрезмерный сбор персональных данных и их незаконный оборот; риски, связанные с тем, что новые цифровые технологии предположительно позволяют более тщательно следить за успехами и неудачами обучающихся, чтобы выстраивать траекторию их развития. О необходимости повышенного стандарта публичного контроля, включая обязательность сертификации деятельности искусственного интеллекта в разных областях, в том числе в образовании, глубокого, в том числе конституционно-правового, анализа внедрения искусственного интеллекта на каждом его уровне, с учетом всех возможностей и последствий, отмечает В. Зорькин [6].

В заключение следует отметить, что использование искусственного интеллекта в образовательной сфере предоставляет невиданные ранее возможности для учения и обучения. Применение ИИ позволяет сделать образовательный процесс более индивидуальным, приспособлявая учебные ресурсы и техники к уникальным потребностям каждого обучающегося. Процесс интеграции искусственного интеллекта в образовательную систему должен осуществляться планомерно, исходя из необходимой степени уверенности в применяемых технологиях искусственного разума, с целью оптимизации и решения широкого спектра образовательных задач.

Библиографический список

1. Узденова Б.Х., Дзамыхова А.З., Шидаков И.А., Кульчаев И.З., Чочуев Э.Р. Роль искусственного интеллекта в сфере образования // Этносоциум. 2025. № 12. С. 26-32.
2. Елхова О. ГОСТ является своевременной инициативой. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7551528> (Дата обращения: 12.01.2026)
3. Зажигалкин А.В., Мансуров Т.Т., Мерецков О.В. Регулирование искусственного интеллекта в образовании // Компетентность. 2024. № 6. С. 3-10.
4. Скрипниченко П. Как применять искусственный интеллект в сфере образования // URL: https://kontur.ru/talk/spravka/56138-iskusstvennyy_intellekt_v_sfere_obrazovaniya (Дата обращения: 12.01.2026)
5. Лапина А. Сделаны первые шаги к законодательному регулированию ИИ в образовании. // URL: <https://skillbox.ru/media/edtech/sdelany-pervye-shagi-k-zakonodatelnomu-regulirovaniyu-ispolzovaniya-ii-v-obrazovanii/nie> (Дата обращения: 28.01.2026)
6. Зорькин В. Право и вызовы искусственного интеллекта. Российская газета. 27.04.2024 г.

References

1. Uzdenova B.Kh., Dzamykhova A.Z., Shidakov I.A., Kulchaev I.Z., Chochuev E.R. The Role of Artificial Intelligence in Education // Ethnosocium. 2025. № 12. P. 26-32.
2. Elkhova O. GOST is a timely initiative. // URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7551528> (12.01.2026)
3. Zazhigalkin A.V., Mansurov T.T., Meretkov O.V. Regulation of Artificial Intelligence in Education // Competence. 2024. № 6. P. 3-10.
4. Skripnichenko P. How to Apply Artificial Intelligence in Education. // URL: https://kontur.ru/talk/spravka/56138-iskusstvennyy_intellekt_v_sfere_obrazovaniya (12.01.2026)
5. Lapina A. The first steps have been taken towards legislative regulation of AI in education. // URL: <https://skillbox.ru/media/edtech/sdelany-pervye-shagi-k-zakonodatelnomu-regulirovaniyu-ispolzovaniya-ii-v-obrazovanii/nie> (28.01.2026)
6. Zorkin V. Law and the Challenges of Artificial Intelligence. Rossiyskaya Gazeta. 27.04.2024.

Пронина Е.В.

Кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Джежелий С.В.

Старший преподаватель кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Влияние организационной культуры на деятельность организации в агропромышленном комплексе*

Аннотация. В статье исследуется роль организационной культуры в агропромышленном комплексе (АПК) как ключевого фактора эффективности и конкурентоспособности предприятий. Рассмотрены структура и специфические особенности культуры в АПК, механизмы её формирования и развития, методы оценки и инструменты управления. Обоснована необходимость совершенствованию организационной культуры с учётом сезонности производства и других отраслевых особенностей.

Ключевые слова: организационная культура, агропромышленный комплекс (АПК), управление культурой, эффективность производства, сезонность производства, корпоративная культура, конкурентоспособность предприятия.

Pronina E. V.

PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University.

Dzhezheliy S. V.

Senior Lecturer, Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University.

The influence of organizational culture on the activities of an organization in the agro-industrial complex

Abstract. This article examines the role of organizational culture in the agro-industrial com-

* © Пронина Е.В., Джежелий С.В., 2026.

Влияние организационной культуры на деятельность организации в агропромышленном комплексе

plex (AIC) as a key factor in enterprise efficiency and competitiveness. It examines the structure and specific characteristics of culture in the AIC, the mechanisms for its formation and development, assessment methods, and management tools. It also substantiates the need for a systematic approach to improving organizational culture, taking into account seasonality and other industry-specific factors.

Key words: organizational culture, agro-industrial complex (AIC), cultural management, production efficiency, production seasonality, corporate culture, enterprise competitiveness.

В современных условиях развития экономики **агропромышленный комплекс** (АПК) выступает одним из ключевых секторов национальной экономики, обеспечивающим продовольственную безопасность государства. Эффективность функционирования предприятий АПК во многом зависит от множества факторов, среди которых особое место занимает организационная культура.

Актуальность темы исследования обусловлена тем, что в условиях рыночной экономики и постоянно меняющейся внешней среды особую значимость приобретает способность организаций адаптироваться к новым условиям. Организационная культура выступает важнейшим инструментом такой адаптации, определяя не только внутренние процессы предприятия, но и его конкурентоспособность на рынке. **Организационная культура** в агропромышленном комплексе имеет свою специфику, обусловленную особенностями сельскохозяйственного производства: сезонностью работ, зависимостью от природно-климатических условий, необходимостью координации деятельности большого количества сотрудников и техники. В этих условиях формирование эффективной организационной культуры становится ключевым фактором успеха предприятия.

Целью данной работы является исследование влияния организационной культуры на деятельность организаций агропромышленного комплекса и разработка рекомендаций по её совершенствованию.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие **задачи**:

- Изучить теоретические основы организационной культуры в АПК
- Проанализировать механизмы влияния культуры на производственные процессы
- Исследовать особенности воздействия культуры на сезонные работы
- Выявить показатели эффективности влияния организационной культуры
- Разработать рекомендации по совершенствованию организационной культуры

Объектом исследования выступает организационная культура предприятий агропромышленного комплекса. **Предметом исследования** явля-

ются управленческие отношения, возникающие в процессе формирования и развития организационной культуры в АПК.

Теоретической и методологической основой исследования послужили труды отечественных и зарубежных учёных в области организационной культуры, менеджмента, агропромышленного производства. В работе использованы методы системного анализа, сравнительного анализа, статистического исследования.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов для совершенствования системы управления организационной культурой в предприятиях АПК, что позволит повысить эффективность их деятельности и конкурентоспособность на рынке. Результаты исследования могут быть использованы руководителями и специалистами предприятий агропромышленного комплекса при разработке программ развития организационной культуры, а также в учебном процессе при подготовке специалистов в области управления АПК.

Организационная культура представляет собой комплексное явление, которое формируется на протяжении всего периода функционирования предприятия. Это особая управленческая модель поведения персонала, которая складывается в процессе сельскохозяйственной деятельности и поддерживается всеми сотрудниками организации.

В современной науке организационная культура рассматривается как целостная система, включающая в себя множество взаимосвязанных элементов. Она проявляется через совокупность господствующих в компании ценностей, норм поведения, традиций и обычаев, которые определяют как внутренние процессы организации, так и её взаимодействие с внешней средой [3].

Сущность организационной культуры раскрывается через её многокомпонентную структуру. На поверхностном уровне она проявляется через видимые артефакты: корпоративную символику, дресс-код, особенности поведения сотрудников. Более глубокий уровень включает в себя ценности и убеждения, разделяемые членами организации. На самом фундаментальном уровне находятся базовые предположения и установки, которые определяют поведение людей в различных ситуациях.

В структуре организационной культуры можно выделить несколько ключевых компонентов:

- **Ценностно-нормативный компонент** формирует основу культуры, определяя систему базовых ценностей и принципов, которые разделяются всеми членами организации;
- **Поведенческий компонент** проявляется через устоявшиеся модели поведения, традиции и ритуалы, которые передаются от поколения к поколению работников;

– **Символический компонент** выражается через корпоративную символику, фирменный стиль и другие визуальные элементы;

– **Коммуникативный компонент** определяет принятые способы и каналы общения как внутри организации, так и с внешними партнёрами.

Особенности организационной культуры в АПК обусловлены спецификой сельскохозяйственного производства. В агропромышленном комплексе культура организации имеет ряд характерных черт:

– Особая гибкость в организации труда, обусловленная сезонностью производства;

– Специфический подход к планированию и принятию решений, учитывающий зависимость от природных факторов;

– Сложная координация большого количества материальных и человеческих ресурсов;

– Сочетание традиционных методов работы с инновационными подходами;

– Чёткая иерархическая структура управления.

В современных условиях организационная культура становится одним из ключевых факторов успеха предприятия АПК. Она влияет на все аспекты деятельности организации: от производственных процессов до межличностных отношений в коллективе. Сильная организационная культура способствует формированию благоприятного психологического климата, повышению производительности труда и общей стабильности предприятия.

Важно отметить, что организационная культура не является статичным явлением. Она постоянно развивается и изменяется под влиянием внутренних и внешних факторов, адаптируясь к новым условиям функционирования предприятия. При этом сохранение базовых ценностей и принципов при внедрении инноваций является залогом успешного развития организации.

Формирование организационной культуры происходит под влиянием множества факторов. Важнейшую роль играют ролевое моделирование и кадровая политика организации. Руководители своими ежедневными действиями демонстрируют поведенческие нормы, показывают сотрудникам, что является важным и чего от них ожидают. **Система ценностей** организации включает такие основополагающие принципы как надёжность, дисциплина и чувство долга. Особое внимание уделяется сплоченности коллектива и поддержанию благоприятного морального климата. Традиции и ритуалы, выражающие признание заслуг работников, играют важную роль в формировании устойчивых норм поведения.

Организационная культура становится источником развития предприятия, ориентируя коллектив на активные действия и преобразования. Она мобилизует инициативу персонала, превращает индивидуальные зна-

ния и умения в коллективный интеллектуальный потенциал, а профессиональный рост — в образ мышления.

В агропромышленном комплексе организационная культура имеет ряд специфических черт:

- **Менталитет сельских жителей** оказывает существенное влияние на формирование культурных особенностей;
- **Традиционные подходы** к организации труда сохраняются и передаются из поколения в поколение;
- **Сезонность производства** требует особой гибкости в управлении и формировании культурных норм;
- **Зависимость от природных факторов** определяет специфику планирования и реализации культурных мероприятий;
- **Иерархическая структура** управления влияет на каналы коммуникации и способы передачи культурных ценностей.

Характерными признаками организационной культуры являются:

- Степень преданности организации;
- Ориентация на решение производственных или личных проблем;
- Стремление к стабильности или готовность к изменениям;
- Преобладание сотрудничества или соперничества;
- Источники и роль власти в организации;
- Стили управления и принятия решений;
- Система оценки и мотивации работников.

Руководитель организации играет ключевую роль в формировании и поддержании организационной культуры. Его компетентность, справедливость принимаемых решений и этичность поведения становятся эталоном для всего коллектива. Через ролевое моделирование и личный пример руководитель демонстрирует желательные модели поведения, которые затем закрепляются в корпоративной культуре. Важно отметить, что современная организационная культура в АПК должна сочетать традиционные ценности с инновационными подходами к управлению, что позволит обеспечить конкурентоспособность предприятия в условиях постоянно меняющейся рыночной среды.

Поддержание организационной культуры в агропромышленном комплексе осуществляется через следующие механизмы:

- **Система обучения и развития** персонала обеспечивает передачу корпоративных ценностей новым сотрудникам;
- **Ритуалы и традиции** укрепляют связи между работниками и формируют чувство принадлежности к организации
- **Система мотивации** поддерживает желательное поведение сотрудников;
- **Коммуникационные каналы** обеспечивают распространение корпоративной информации.

Развитие организационной культуры в агропромышленном комплексе имеет свои характерные черты:

- **Преемственность традиций** играет важную роль в формировании устойчивых моделей поведения;

- **Сезонность производства** требует особой гибкости в управлении и развитии культуры;

- **Территориальная рассредоточенность** подразделений влияет на способы коммуникации и передачи культурных ценностей;

- **Многоуровневая структура** управления определяет специфику формирования культурных норм.

В современных условиях развитие организационной культуры характеризуется следующими тенденциями:

- **Цифровизация процессов** требует адаптации культурных норм к новым условиям работы;

- **Глобализация** влияет на формирование новых стандартов поведения;

- **Экологическая ответственность** становится важным элементом корпоративной культуры;

- **Социальная ориентированность** определяет новые подходы к взаимодействию с обществом.

Важно отметить, что успешное развитие организационной культуры в агропромышленном комплексе возможно только при условии постоянного внимания к её формированию и поддержанию со стороны руководства, а также при активном участии всего коллектива в этом процессе. Это позволяет создать сильную корпоративную культуру, способствующую достижению стратегических целей организации и повышению её конкурентоспособности.

В современных условиях эффективное управление агропромышленным предприятием невозможно без глубокого понимания состояния его организационной культуры. **Оценка культуры** становится критически важной, поскольку она напрямую влияет на производительность труда, мотивацию сотрудников и общую эффективность производства [4].

Своевременная диагностика позволяет выявить потенциальные риски и возможности для развития организации. Это особенно актуально для предприятий АПК, где традиционные подходы к управлению сочетаются с необходимостью внедрения инновационных технологий и методов работы. **Комплексный подход** к оценке организационной культуры включает несколько взаимосвязанных этапов. На первом этапе происходит сбор информации о существующих ценностях и нормах поведения через наблюдение за рабочими процессами и анализ документации.

Следующий этап предполагает оценку эффективности действующих культурных практик. Здесь особое внимание уделяется анализу взаимо-

действия между подразделениями, изучению системы принятия решений и механизмов мотивации персонала. **Системный анализ** организационной культуры осуществляется с помощью различных методов. Анкетирование сотрудников помогает выявить их отношение к существующим ценностям и определить уровень их принятия. Наблюдение за поведением работников в производственных ситуациях позволяет оценить реальное соответствие декларируемых и реальных норм [5].

Документальный анализ включает изучение корпоративных кодексов, положений и инструкций, которые отражают формализованные аспекты культуры. Интервью с руководителями и ключевыми сотрудниками помогает понять глубинные аспекты организационной культуры. **Анализ состояния** организационной культуры часто выявляет ряд характерных проблем. Территориальная рассредоточенность подразделений может приводить к разрыву в передаче корпоративных ценностей. Сезонность производства создает дополнительные сложности в поддержании единого культурного пространства.

Традиционность мышления части сотрудников может препятствовать внедрению инноваций и современных методов работы. Кадровый дефицит затрудняет формирование единого культурного поля и передачу лучших практик. **Модернизация системы** развития персонала становится ключевым направлением совершенствования организационной культуры. Важно развивать эффективные механизмы передачи корпоративных ценностей и укреплять коммуникационные каналы между подразделениями. **Внедрение современных технологий** управления культурой позволяет повысить эффективность существующих практик. Создание комплексной системы мотивации способствует поддержанию желательного поведения и укреплению корпоративной идентичности.

Эффективность организационной культуры оценивается по ряду показателей. Важными критериями являются уровень удовлетворенности работников, степень их приверженности организации и качество взаимодействия между подразделениями. **Производственные показатели** также отражают состояние организационной культуры. Высокий уровень инновационной активности персонала и эффективность производственных процессов свидетельствуют о сильной корпоративной культуре. Следует отметить, что успешное развитие организационной культуры в агропромышленном комплексе требует постоянного внимания к её формированию и поддержанию. Только при условии системного подхода к управлению культурой можно достичь желаемых результатов и обеспечить устойчивое развитие организации [2].

Эффективное управление организационной культурой в агропромышленном комплексе требует создания целостной системы, включающей несколько взаимосвязанных компонентов. Основой такой системы

является непрерывный процесс диагностики и корректировки культурных ценностей.

Ключевыми элементами системы управления культурой выступают:

- Определение стратегических целей организации;
- Формирование системы корпоративных ценностей;
- Разработка стандартов поведения;
- Создание механизмов передачи культурных норм;
- Внедрение системы мотивации.

Процесс становления организационной культуры проходит через несколько последовательных этапов. На первом этапе происходит определение миссии и базовых ценностей организации. Затем следует этап формализации этих ценностей в виде корпоративных документов и стандартов. **Важным этапом** является внедрение культурных норм в повседневную практику. Это достигается через обучение персонала, проведение корпоративных мероприятий и формирование традиций.

Трансформация культуры в агропромышленном комплексе требует особого подхода. Процесс изменений начинается с этапа «размораживания» существующих норм и традиций. На этом этапе важно сохранить положительный опыт, одновременно создавая условия для внедрения инноваций. **Успешное изменение** культуры возможно при соблюдении следующих условий:

- Поддержка руководства на всех этапах трансформации;
- Вовлечение персонала в процесс изменений;
- Обеспечение информационной открытости;
- Создание системы поддержки изменений.

Современный инструментарий развития организационной культуры включает:

- Корпоративные мероприятия и традиции;
- Системы обучения и развития персонала;
- Механизмы нематериальной мотивации;
- Каналы внутренней коммуникации;
- Процедуры адаптации новых сотрудников.

Результативность системы управления организационной культурой оценивается по следующим показателям:

- Уровень удовлетворенности сотрудников;
- Производительность труда;
- Текучесть кадров;
- Качество внутренних коммуникаций;
- Степень реализации стратегических целей.

В современных условиях эффективное управление организационной культурой невозможно без четкого стратегического подхода. **Стратегическое планирование** культурной составляющей становится неотъемлемой

частью общего развития агропромышленного предприятия. Руководство организации должно не только определять желаемые характеристики культуры, но и разрабатывать конкретные программы по их формированию и развитию. Важным аспектом стратегического управления является создание системы контроля и оценки эффективности внедряемых культурных изменений [1]. При этом необходимо учитывать специфику агропромышленного комплекса, его сезонность и зависимость от природно-климатических условий.

Система управления культурой в АПК требует особого подхода к построению организационной структуры. Централизованное руководство процессами формирования культуры должно сочетаться с делегированием полномочий на нижние уровни управления. Это позволяет обеспечить более эффективное внедрение культурных норм и ценностей.

Создание специальных подразделений по работе с персоналом играет ключевую роль в развитии организационной культуры. При этом важно развивать горизонтальные связи между различными подразделениями, что способствует формированию единого культурного пространства.

Процесс трансформации организационной культуры требует тщательного планирования и поэтапного внедрения изменений. Успешные практики показывают, что важно вовлекать ключевых сотрудников в процесс преобразований, обеспечивая их необходимой информационной поддержкой. Особое внимание следует уделять мониторингу результатов изменений и корректировке стратегии в зависимости от полученных данных. Это позволяет избежать сопротивления со стороны персонала и обеспечить более плавный переход к новым культурным нормам.

Управление организационной культурой сопряжено с определёнными рисками. Одним из главных вызовов является возможное сопротивление изменениям со стороны сотрудников, особенно в условиях традиционного уклада сельскохозяйственного производства. Существует риск возникновения разрыва между декларируемыми и реальными ценностями организации. Формальный подход к внедрению культурных норм может привести к снижению эффективности всей системы управления культурой.

Глобализация оказывает существенное влияние на формирование организационной культуры в агропромышленном комплексе. Современные предприятия сталкиваются с необходимостью адаптации международных стандартов и развития межкультурной коммуникации. Формирование компетенций работы в мультикультурной среде становится важным аспектом развития персонала. При этом важно сохранять баланс между внедрением лучших мировых практик и сохранением национальных особенностей.

Современные тенденции развития организационной культуры свя-

заны с внедрением цифровых технологий в управление. Развитие гибких форм организации труда и формирование экосистемных подходов открывает новые возможности для развития культуры в АПК. Особое внимание уделяется развитию корпоративной социальной ответственности и внедрению принципов устойчивого развития. Это требует от руководства предприятий разработки новых подходов к формированию культурной среды.

Успешное развитие организационной культуры требует постоянного мониторинга её состояния и своевременной корректировки культурных норм. Важно развивать систему обратной связи и стимулировать инициативу сотрудников. Поддержка инновационных подходов и создание условий для их внедрения способствует формированию современной организационной культуры. При этом необходимо учитывать специфику агропромышленного комплекса и особенности его развития. Организационная культура является живым, постоянно развивающимся организмом, требующим постоянного внимания и заботы. Только при условии системного подхода к её развитию и поддержке можно достичь желаемых результатов и обеспечить устойчивое развитие агропромышленного предприятия в современных условиях.

Процесс внедрения новых элементов организационной культуры требует комплексного подхода и участия всех уровней управления. Важно создать условия, при которых изменения воспринимаются сотрудниками не как навязанная сверху инициатива, а как необходимый шаг к развитию предприятия. **Ключевым моментом** является разработка детального плана преобразований, учитывающего специфику агропромышленного производства. Особое внимание следует уделить подготовке персонала к предстоящим изменениям и формированию позитивного отношения к ним.

Современный арсенал инструментов развития организационной культуры включает широкий спектр методов и подходов. Корпоративные мероприятия становятся эффективным способом укрепления командного духа и передачи культурных ценностей. **Система обучения** играет важную роль в формировании необходимых компетенций и поведенческих моделей. Особое значение приобретает развитие навыков межкультурной коммуникации, особенно в условиях международной интеграции АПК.

Измерение эффективности внедряемых изменений требует использования различных показателей. Важно отслеживать как количественные, так и качественные характеристики развития организационной культуры. **Регулярный мониторинг** позволяет своевременно корректировать направления развития культуры и устранять возникающие проблемы. При этом необходимо учитывать специфику различных подразделений и особенности их работы.

Агропромышленный комплекс имеет ряд особенностей, влияющих на формирование и развитие организационной культуры. Сезонность производства требует особого подхода к планированию культурных мероприятий и распределению ресурсов. **Территориальная рассредоточенность** подразделений создает дополнительные вызовы в процессе формирования единого культурного пространства. Необходимо разрабатывать специальные механизмы для обеспечения эффективного взаимодействия между различными подразделениями.

Таким образом, особое внимание следует уделить:

- Развитию систем дистанционного обучения;
- Внедрению цифровых инструментов управления культурой;
- Формированию экосистемных подходов;
- Развитию корпоративной социальной ответственности.

Будущее организационной культуры в АПК связано с дальнейшим развитием цифровых технологий и внедрением инновационных подходов к управлению.

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов относительно влияния организационной культуры на деятельность предприятий агропромышленного комплекса.

Организационная культура выступает не просто как элемент внутренней среды предприятия, а как мощный инструмент управления, способный существенно влиять на эффективность производственных процессов и конкурентоспособность организации в целом. В условиях современных вызовов АПК роль культуры организации становится особенно значимой, определяя способность предприятия адаптироваться к меняющимся условиям рынка.

Ключевые аспекты влияния организационной культуры проявляются через формирование единого ценностного пространства, развитие командного духа и повышение мотивации сотрудников. Это, в свою очередь, способствует улучшению качества продукции, оптимизации производственных процессов и повышению общей эффективности работы предприятия.

Практическая значимость исследования заключается в том, что выявленные закономерности позволяют разработать конкретные рекомендации по совершенствованию организационной культуры в агропромышленном комплексе. Особое внимание следует уделить развитию систем коммуникации, формированию эффективных механизмов передачи знаний и опыта, а также созданию условий для профессионального роста сотрудников.

Перспективные направления развития организационной культуры в АПК связаны с внедрением цифровых технологий, развитием систем дистанционного обучения и формированием новых форматов взаимодей-

ствия между сотрудниками. При этом важно сохранять баланс между инновационными подходами и традиционными ценностями, характерными для сельскохозяйственного производства.

Результаты исследования подтверждают, что успешное развитие организационной культуры возможно только при условии системного подхода, включающего:

- Постоянное внимание руководства к вопросам развития культуры;
- Активное участие всех сотрудников в формировании культурных ценностей;
- Регулярный мониторинг состояния культуры;
- Своевременную корректировку культурных норм.

Важным фактором успеха является способность организации к гибкому реагированию на изменения внешней среды при сохранении базовых ценностей и принципов. Это особенно актуально для агропромышленного комплекса, где сезонность производства и зависимость от природно-климатических условий требуют особого подхода к управлению культурой.

В современных условиях развитие организационной культуры становится неотъемлемой частью стратегии развития предприятия. Это определяет необходимость постоянного совершенствования механизмов управления культурой и поиска новых подходов к её формированию и развитию. Таким образом, организационная культура является ключевым фактором успеха агропромышленного предприятия, требующим постоянного внимания и развития. Только при условии системного подхода к её формированию и поддержанию возможно достижение высоких показателей эффективности и обеспечение устойчивого развития организации в долгосрочной перспективе.

Библиографический список

1. Герасимов К.Б. Влияние организационной культуры на организационную эффективность // Основы ЭУП. 2023. № 1 (36). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-organizatsionnoy-kultury-na-organizatsionnyu-effektivnost-1>
2. Гуськова Н.Д., Ерастова А.В. Оценка влияния организационной культуры на эффективность деятельности сельскохозяйственных предприятий // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2025. Т. 17. № 4. С. 25-36. // URL: https://vestnikniign.ru/2025_year/V-4-2025-st02.pdf
3. Жемчугов А.М., Жемчугов М.К. Организационная культура // Проблемы экономики и менеджмента. 2012. № 10 (14). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura>.
4. Любимов А.П., Марков А.К., Можаяев Е.Е., Якупов О.Ф. Теоретические и практические аспекты мотивации персонала // АПК: экономика, управление. 2023. № 4. С. 26-32. // URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/835703943.pdf>
5. Шевцов В.В., Радченко Р.В. Организационная культура и устойчивое функционирование сельскохозяйственных предприятий // Региональные проблемы преобразования экономики, 2024. № 4 (162). С. 148-155. // URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/2456/2275>
6. Аджиева З.И., Чомаева З.М., Батдыева А.М. Административно - правовые механизмы информационной безопасности несовершеннолетних в Российской Федерации и субъектах РФ

// Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 9 (207). С. 50-61.

7. Муталимов А.Э. Многоязычный Дагестан: социально-философские размышления о научной версии возникновения языкового многообразия // Межконфессиональная миссия. 2025. Том 14. Часть 6. № 87. С. 64-70.

References

1. Gerasimov K.B. The Impact of Organizational Culture on Organizational Efficiency // *Fundamentals of Economic Management*. 2023. № 1 (36). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-organizatsionnoy-kultury-na-organizatsionnyu-effektivnost-1>
2. Guskova N.D., Erastova A.V. Assessing the Impact of Organizational Culture on the Efficiency of Agricultural Enterprises // *Bulletin of the Research Institute of Humanities under the Government of the Republic of Mordovia*. 2025. Vol. 17. № 4. P. 25-36. // URL: https://vestnikniign.ru/2025_year/V-4-2025-st02.pdf
3. Zhemchugov A.M., Zhemchugov M.K. Organizational Culture // *Problems of Economics and Management*. 2012. № 10 (14). // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/organizatsionnaya-kultura>.
4. Lyubimov A.P., Markov A.K., Mozhaev E.E., Yakubov O.F. Theoretical and practical aspects of personnel motivation // *AIC: economics, management*. 2023. № 4. P. 26-32. // URL: <https://publications.hse.ru/pubs/share/direct/835703943.pdf>
5. Shevtsov V.V, Radchenko R.V. Organizational culture and sustainable functioning of agricultural enterprises // *Regional problems of economic transformation*, 2024. № 4 (162). P. 148-155. // URL: <http://www.rppe.ru/new/index.php/rppe/article/view/2456/2275>
6. Adzhieva Z.I., Chomaeva Z.M., Batdyeva A.M. Administrative and legal mechanisms of information security for minors in the Russian Federation and its subjects // *Etnosotsium and international culture*. 2025. № 9 (207). P. 50-61.
7. Mutalimov A.E. Multilingual Dagestan: socio-philosophical reflections on the scientific version of the emergence of linguistic diversity // *Mission confessions*. 2025. Volume 14. Issue 6. № 87. P. 64-70.

Старостина Н.А.

Старший преподаватель кафедры Естественных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Обогащение системы психологической поддержки преподавателей вуза коучинговыми техниками для активизации их творческой деятельности*

Аннотация. В статье раскрывается значимость новых педагогических подходов, совершенствование интерактивных методов с применением коучинга. Рассмотрены аспекты психологической поддержки преподавателей. Дан анализ разрешения психологических вызовов, сопровождающих образовательный процесс. Рассмотрены коучинговые инструменты, направленные на то, чтобы вдохновить преподавателя на максимальное раскрытие его личного и профессионального потенциала, с особым фокусом на пробуждение и развитие его творческих сил.

Ключевые слова: педагогические подходы, интерактивные методы, психологическая поддержка, коучинг, психологические вызовы, коучинговые инструменты, профессиональный потенциал.

Starostina N.A.

Senior Lecturer, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Enriching the system of psychological support for university teachers with coaching techniques to enhance their creative work

Abstract. This article explores the importance of new pedagogical approaches and the improvement of interactive methods using coaching. It examines aspects of psychological support for teachers and analyzes solutions to the psychological challenges associated with the educational process. It also examines coaching tools aimed at inspiring teachers to maximize their personal and professional potential, with a particular focus on awakening and developing their creativity.

Key words: pedagogical approaches, interactive methods, psychological support, coaching, psychological challenges, coaching tools, professional potential.

* © Старостина Н.А., 2026.

Обогащение системы психологической поддержки преподавателей вуза коучинговыми техниками для активизации их творческой деятельности

В век цифровых технологий и знаний, где главными активами являются профессиональные навыки, высшие учебные заведения вынуждены претерпевать изменения. Стандартные лекционные и семинарские занятия уступают место новаторским образовательным практикам и инструментам, нацеленным на развитие креативности учащихся для их дальнейшей трудовой деятельности.

Профессорско-преподавательский состав высших учебных заведений проявляет творческую активность, разрабатывая новые педагогические подходы и совершенствуя уже проверенные интерактивные методы.

Трансформация данных процессов продиктована текущими запросами рынка труда и прогрессом в области научных знаний. Важно отметить, что на исследовательскую, образовательную и творческую деятельность профессорско-преподавательского состава влияет комплекс факторов, среди которых присутствуют и те, что могут тормозить их профессиональное развитие [1].

Приступая к решению данной задачи, преподаватель может столкнуться с методическими вызовами и психологическими затруднениями, решение которых входит в компетенцию психологической службы университета.

Психологические службы университетов, стремясь обеспечить действенную поддержку преподавателям, осваивающим педагогические новшества, выходят за рамки исключительно профильных психологических методик. Они также активно интегрируют проверенные стратегии из смежных областей, включая коучинг [2].

Учитывая, что каждая психологическая школа концентрируется на специфических психических процессах и явлениях, педагогическое творчество можно рассматривать как совокупность таких процессов. Для предоставления эффективной психологической поддержки преподавателям, вовлеченным в педагогическое творчество, психологу необходимо учитывать следующие аспекты [3]:

- Приведение образовательной деятельности в соответствие с требованиями рынка труда в части освоения студентами необходимых навыков.

- Для обеспечения соответствия наших образовательных программ требованиям рынка труда мы налаживаем активный обмен мнениями со студентами и потенциальными работодателями. Полученные таким образом данные служат основой для гибкой адаптации наших педагогических инноваций.

- Укрепление эмоционального интеллекта как у преподавателей, так и у студентов для более эффективного образовательного процесса.

Психологическая поддержка преподавателя в его творческой деятельности будет более эффективной, если будет осуществляться комплексный учет всех его психологических факторов.

Внедрение педагогических новшеств, а также их создание, нередко сопряжено с определенными психологическими вызовами для преподавательского состава [4]:

- Неуверенность в педагогическом творчестве и риск профессионального истощения: преподаватель сомневается в своей способности порождать оригинальные и полезные для обучения идеи. Это может привести к подавлению творческого импульса, отказу от экспериментов и, как следствие, к чувству бессмысленности и профессиональному выгоранию.

- Преподавателям бывает непросто убедительно доказать ценность своих нестандартных педагогических подходов, и эта сложность может стать причиной отказа от дальнейшего выдвижения подобных инициатив.

- Наблюдается недостаток стремления у преподавателя к совместному творчеству и внедрению инновационных образовательных практик в рамках кафедры. Причины такого поведения могут быть многогранны, включая как аспекты организационной среды, так и индивидуальные характеристики личности.

- Преподаватель демонстрирует неготовность к апробации инновационных образовательных подходов в работе со студенческим контингентом, обусловленную опасениями.

Психологическая помощь преподавателям в преодолении как явных, так и скрытых препятствий на пути к педагогическому творчеству может быть оказана с помощью классических психологических приемов. Однако для повышения результативности предлагается сочетать их с техниками коучинга.

Международная федерация коучинга (ICF) описывает коучинг как совместное путешествие, где коуч выступает партнером, стимулируя клиента к размышлениям и творческому поиску. Этот процесс направлен на то, чтобы вдохновить клиента на максимальное раскрытие его личного и профессионального потенциала, с особым фокусом на пробуждение и развитие его творческих сил.

Развитие творческого потенциала преподавателей и его эффективное использование в образовательном процессе обеспечивается следующими коучинговыми инструментами [5]:

1. Структурированный подход «Четыре вопроса планирования» служит действенным инструментом для быстрого стимулирования мотивации в вузе. Он заключается в поэтапном ответе на ключевые вопросы: о желаемых результатах («чего вы стремитесь достичь?»), о стратегиях их достижения («какими методами вы будете действовать?»), о ценности задачи («почему это имеет значение?») и о показателях успешности («как вы определите, что цель достигнута?»).

2. Создание «Ценностного образа себя». Данная коучинговая практика призвана помочь преподавателям осознать и раскрыть свои сильные сто-

роны, которые станут отправной точкой для педагогических инноваций. Это не только стимулирует их активность, но и помогает пересмотреть свои действия и сформировать желаемый профессиональный образ.

3. Коучинговая практика «Раскрытие неочевидной поддержки». Данное упражнение помогает преподавателям обнаружить скрытые, но потенциально мощные элементы окружающей среды, которые могут стать источником вдохновения и поддержки для их творческого подхода к преподаванию.

4. Пирамида нейробиологических уровней – это мощный инструмент для изменения образа мышления, который помогает перейти от рассмотрения внешних факторов (среда, поступки) к пониманию более фундаментальных основ (убеждения, предназначение).

5. Когда преподаватели сталкиваются с творческим застоем, им может помочь стратегия Уолта Диснея, которая заключается в том, чтобы сначала полностью сосредоточиться на придумывании новых идей, а затем уже, на отдельном этапе, критически их оценивать.

6. Применение Колеса баланса, являющегося многофункциональным инструментом коучинга, позволяет не только определить ключевые компоненты педагогических инноваций, но и выявить перспективные области для дальнейшего развития, тем самым способствуя стимулированию творческого поиска.

7. Инновационная педагогическая деятельность может проявляться как в индивидуальных разработках, так и в совместных проектах. В случае активного вовлечения профессорско-преподавательского состава в творческий процесс, психологу целесообразно применять стратегию «командного послания».

Алгоритмический подход к извлечению, концептуализации и синтезу предыдущего опыта командной работы лежит в основе данного метода, обеспечивающего эффективное командообразование.

Важно подчеркнуть, что в рассматриваемой ситуации процесс формирования команды базируется не столько на синергии совместной деятельности, как у традиционных коллективов, сколько на общности фундаментальных ценностей. Такой подход, согласующийся с моделью 7S, способствует трансформации членов команды в истинных единомышленников.

Психологический арсенал включает в себя коучинговые методики, которые служат для поддержки преподавателей в процессе преодоления барьеров, препятствующих их творческому самовыражению, и для ускорения процесса разработки педагогических инноваций.

Внедрение коучинговых практик в систему профессионального образования представляет собой значимый фактор, способствующий достижению профессиональных и жизненных успехов, а также самореализации

обучающихся. Данная инновационная педагогическая парадигма соответствует стратегическим целям модернизации и гуманизации образовательного процесса, обеспечивая создание личностно-ориентированного образовательного пространства. Это пространство, базирующееся на принципах индивидуализированного обучения, оказывает существенную поддержку студентам в их процессах самоопределения, самореализации и развития [6].

Библиографический список

1. Алиева С.А., Алиева С.Т., Захарьяева С.З., Раджабова Р.В. Основные требования и научно-методические рекомендации к организации процесса воспитания социальной инициативности и активности старшеклассников // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Психолого-педагогические науки. 2017. Т. 11. № 1. С. 34-42.
2. Андреев В.И. Педагогика: учебный курс для творческого саморазвития. – Казань: Центр инновационных технологий, 2000. 608 с.
3. Баранова О.И. Коучинг-технология как способ формирования умений соуправления обучением у студентов - будущих учителей начальных классов и младших школьников // Концепт. 2015. Т. 9. С. 6-10.
4. Волков А.Е. Российское образование - 2020: модель образования для инновационной экономики: материал для обсуждения / А.Е. Волков, Я.И. Кузьминов, И.М. Реморенко, Б.Л. Рудник, И.Д. Фруммин, Л.И. Якобсон // Образовательная политика. 2008. № 8. С. 32-64.
5. Дауни М. Эффективный коучинг: Уроки коуча коучей. – М.: Добрая книга, 2007. 288 с.
6. Курenkova Е.А. Коучинг как инструмент реализации аксиологического подхода в образовании // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 3. С. 11-12.
7. Лукьянова А.А., Гаврикова О.Ю. Педагогические условия формирования здоровьесберегающей деятельности в образовании студентов колледжа // Альманах Казачество. 2025. № 86 (5). С. 38-45.

References

1. Alieva S.A., Alieva S.T., Zakar'yeva S.Z., Radzhabova R.V. Basic Requirements and Scientific and Methodological Recommendations for Organizing the Process of Fostering Social Initiative and Activity in High School Students // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Psychological and Pedagogical Sciences. 2017. Vol. 11. № 1. P. 34-42.
2. Andreev V.I. Pedagogy: A Course of Study for Creative Self-Development. – Kazan: Center for Innovation Technologies, 2000. 608 p.
3. Baranova O.I. Coaching Technology as a Method of Developing Co-Management Skills in Students – Future Primary School and Elementary School Teachers // Concept. 2015. Vol. 9. P. 6-10.
4. Volkov A.E. Russian Education - 2020: An Education Model for an Innovative Economy: Discussion Material / A.E. Volkov, Ya.I. Kuzminov, I.M. Remorenko, B.L. Rudnik, I.D. Froumin, L.I. Yakobson // Educational Policy. 2008. № 8. P. 32-64.
5. Downey M. Effective Coaching: Lessons from a Coach of Coaches. - Moscow: Dobraya Kniga, 2007. 288 p.
6. Kurenkova E.A. Coaching as a Tool for Implementing the Axiological Approach in Education // Bulletin of Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics. 2017. № 3. P. 11-12.
7. Lukyanova A.A., Gavrikova O.Yu. Pedagogical conditions for the formation of health-saving activities in the education of college students // Almanac Cossacks. 2016. № 86 (5). P. 38-45.

Строганов Д.О.

Студент. Государственный университет просвещения.

Куренкова Е.А.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России, факультет Истории, политологии и права. Государственный университет просвещения.

Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве»*

Аннотация. Целью статьи является разрешение многолетнего спора о природе Хорса в пользу лунной интерпретации. Вопрос происхождения теонима «Хорс» автор отодвигает на задний план, вместо этого уделяя основное внимание «Слову о полку Игореве», являющемуся наиценнейшим и наиболее важным источником по вопросу древнерусского язычества. Несостоятельность солярной трактовки Хорса выявляется автором посредством контекстуального анализа фрагментов «Слова о полку Игореве», содержащих упоминания дневного и ночного светил. Анализируя данные фрагменты, автор применяет апагогический доказательный метод, чтобы обосновать свою точку зрения. Также в качестве дополнительного аргумента против солнечной интерпретации Хорса приводится отрывок из древнерусского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. В работе критически рассматриваются взгляды на сущность Хорса современных исследователей: М.А. Васильева, А.А. Бескова, К.Л. Борисова – и приводится совершенно новый довод, подкрепляющий лунную интерпретацию: автор предлагает рассматривать эпитет «великий» как относящийся к облику Хорса, а не его статусу.

Ключевые слова: Хорс, Дажбог, Дажьбог, Дажьбог, Слово о полку Игореве, славянская мифология, древнерусская литература.

Stroganov D.O.

Student, State University of Education.

Kurenkova E.A.

PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Faculty of History, Political Science, and Law, State University of Education.

Solar and Lunar Interpretations of Khors in the Context of The Tale of Igor's Campaign

* © Строганов Д.О., Куренкова Е.А., 2026.

Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве»

The purpose of this article is to resolve the long-standing debate concerning the nature of Khors in favor of the lunar interpretation. The question of the origin of the theonym Khors is set aside, while primary attention is devoted to The Tale of Igor's Campaign, regarded as one of the most valuable sources on Old Russian paganism. The inconsistency of the solar interpretation of Khors is demonstrated through a contextual analysis of passages from The Tale of Igor's Campaign that contain references to the celestial bodies of day and night. In analyzing these fragments, the author applies an apagogical method of proof in order to substantiate his position. As an additional argument against the solar interpretation, a passage from the Old Russian translation of the Chronicle of John Malalas is cited. The article critically examines the views of modern scholars on the essence of Khors, including M.A. Vasiliev, A.A. Beskov, and K.L. Borisov, and introduces a new argument supporting the lunar interpretation: the epithet "great" is proposed to refer to the appearance of Khors rather than to his status.

Key words: Khors, Dazhbog, Dazhdobog, Dazhbog, The Tale of Igor's Campaign, Slavic mythology, Old Russian literature.

Хорс – пожалуй, самая противоречивая фигура восточнославянского Олимпа. Его природа до сих пор остается предметом споров и дискуссий в научном сообществе.

Летопись и поучения против язычества, где Хорс упоминается в числе прочих древнерусских божеств, мало что могут поведать нам о этом боге. Вся касающаяся его информация, которую мы можем почерпнуть из данных источников, сводится всего лишь к тому, что он а) был богом и б) некогда почитался на Руси. Впрочем, некоторые исследователи обращают внимание на то, что в летописном перечне кумиров, якобы поставленных Владимиром «вне двора теремного», имя Хорса следует за именем возглавлявшего древнерусский Олимп Перуна. Из этого исследователями делается вывод, что Хорс занимал необычайно высокое положение в божественной иерархии – второе после верховного бога [1; 2, с. 102]. Однако они, по-видимому, забывают, что летописи и антиязыческие сочинения писались вовсе не самими язычниками, для которых последовательность теонимов могла бы иметь особое значение, – а исповедовавшими христианство монахами. И, кроме того, есть более чем веские основания сомневаться в том, что так называемый «Владимиров пантеон» на самом деле существовал. По данному вопросу мы разделяем мнение А.Е. Преснякова, В. Мансикки и Г. Ловмянского, пришедших к выводу, что в действительности Владимир установил один лишь идол Перуна, а прочие божества были вписаны задним числом [3, с. 104-105; 4, с. 99-100; 5, с. 94]. К этому вопросу мы еще вернемся.

Отсутствие конъюнкции между именами Хорса и Дажбога в Лаврентьевской «Повести временных лет» навело некоторых исследователей на мысль о том, что оба они являются компонентами двусоставного теонима «Хорс-Дажбог» [5, с. 27]. Этому, однако, противоречит тот факт, что

в других источниках (таких, как «Память и похвала князю Владимиру», «Слово о полку Игореве» и включенный в летопись отрывок из «Хроники» Иоанна Малалы) и Хорс, и Дажбог фигурируют по отдельности, независимо друг от друга. Высказывалось также предположение, что «Хорс» и «Дажбог» представляют собой два разных имени, относящихся к одному и тому же божеству [5, с. 19] – но в таком случае летописец бы прямо на это указал посредством конъюнкций «сиречь», «инарече» и т.п. Поэтому точка зрения о тождестве Хорса и Дажбога представляется нам глубоко ошибочной.

Среди антиязыческих сочинений можно выделить лишь «Беседу трех святителей», в которой Хорс вместе с Перуном назван «ангелом грома и молнии» и вдобавок к тому – «жидовином» (тогда как Перун – «эллиническим старцем») [5, с. 16]. Последнее породило гипотезу о хазарских корнях Хорса [5, с. 38]. Но по такой логике и Перуна надлежит считать заимствованным славянами у греков богом, – что более чем абсурдно. Кроме того, в древнерусском переводе «Хроники» Иоанна Малалы Сварог и Дажбог, подобно Перуну и Хорсу здесь, предстают царями Древнего Египта – однако из этого не следует, что они действительно являлись египетскими богами.

Что касается приписывания Хорсу роли громовержца, то этому может быть дано следующее объяснение. Как верно заметил М.А. Васильев, в подобного рода литературе теонимы «Хорс» и «Перун» образуют устойчивую парную конструкцию [5, с. 29-30], восходящую, вероятно, к «Повести временных лет». Учитывая это, представляется вероятным, что переводчик просто экстраполировал присущие Перуну функции на Хорса, уподобив последнего громовержцу. То есть Хорс фактически выступает в данном тексте дублером Перуна, его «отражением». Следовательно, данный пассаж не может рассматриваться как свидетельство о подлинных функциях этого бога.

Таким образом, единственным надежным источником, проливающим свет на природу Хорса, остается «Слово о полку Игореве». Особая ценность «Слова» как исторического источника заключается в том, что его автор был, во-первых, мирянином (то есть не принадлежал к монашеству) и, во-вторых, «двоеверцем». О двоеверии автора свидетельствует частое упоминание им языческих божеств и мифологических персонажей в нейтральном или даже положительном ключе: «соловья старого времени» Бояна он нарекает «Велесовым внуком» [7, с. 29], княжеский род – потомством Дажбога [7, с. 33, 35], а ветры – «Стрибожьими внуками» [7, с. 32] и т.д. Иными словами, древнерусский поэт, осознавая себя христианином, продолжал тем не менее воспринимать окружающий мир сквозь призму дохристианской мифологии – то есть по сути своей оставался язычником. А значит сведения о славянских богах, содержащиеся в его произведении,

являются аутентичными. Именно поэтому мы должны в первую очередь ориентироваться на «Слово о полку Игореве», если хотим понять истинную сущность Хорса.

Несмотря на то, что Хорс упомянут в «Слове» лишь однажды, это упоминание необычайно ценно, поскольку оно дает нам ключ к пониманию природы данного божества. Древнерусский поэт представляет Хорса как небесное светило, путь которому «перерыскивает» Всеслав Чародей, мчась ночью из Киева в Тмуторокань [7, с. 43]. Одни исследователи видят в данном светиле солнце [8, с. 118-120]; другие уверены, что под ним следует понимать луну [2, с. 90; 5, с. 22-23]. Соответственно, первыми Хорс интерпретируется как солнечный бог, а вторыми – как обожествленный месяц. Цель настоящей статьи – разрешить спор о природе Хорса, показав несостоятельность одной интерпретации и раскрыв в полной мере потенциал другой.

Вместо развернутого историографического обзора, который уже дали М.А. Васильев и А.А. Бесков в своих работах, посвященных Хорсу [2; 8; 5], мы подробно рассмотрим взгляды на Хорса современных авторов. Но прежде приведем сам отрывок, в котором Хорс фигурирует: *«Всеславъ князь людемъ судяше, княземъ грады рядяше, а самъ въ ночь влъкомъ рыскаше: изъ Киева дорискаше до куръ Тмутороканя, великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше»* [7, с. 43]. «Всеслав князь людям суд правил, князьям города рядил, а сам ночью волком рыскал: из Киева дорыскивал до петухов Тмутороканя, великому Хорсу волком путь перерыскивал» – так переводит этот фрагмент Д.С. Лихачев [7, с. 66-67].

Васильев убежден, что «только при понимании Хорса как бога Солнца данное место «Слова» приобретает логически стройные объяснение и звучание» [5, с. 24]. Лунная трактовка же, по его мнению, скрадывает «один из основных смысловых пластов, разумевшихся автором поэмы, а именно – стремление оттенить, выделить волшебную быстроту, спорность передвижения Всеслава» [5, с. 24]. Фрагмент интерпретируется Васильевым следующим образом: Всеслав был столь скор, что успел пересечь очень большое пространство всего за ночь – до восхода «солнца-Хорса» [5, с. 24-25]. Бесков в книге «Восточнославянское язычество. Религиоведческий анализ» возражает ему: «Но ведь ничего не мешает понимать эту «мифопоэтическую метафору» как указание на то, что Всеслав пересекает столь длительное расстояние за то время, пока на небе сияет месяц!» [2, с. 115]. То есть данный фрагмент, согласно Бескову, можно понимать так: Всеслав примчался в Тмуторокань прежде, чем месяц-Хорс завершил свой путь по небосводу.

Далее Васильев ссылается на исследование Л.И. Сазоновой и М.А. Робинсона, видящих особую «систему соотражений» в тех двух фрагментах «Слова», что повествуют о Всеславе Полоцком и Олеге Святославиче.

Оба князя представлены эпическими героями-воинами, претерпевшими множество невзгод; в обоих фрагментах упоминается Тмуторокань и описывается по одной битве, окончившейся поражением; тот и другой фрагмент отсылает к «Трояновым векам» и т.п. К этим параллелям, по мнению исследователей, относится также упоминание двух солнечных божеств, одним из которых является, собственно, Хорс, а другим – Дажбог [5, с. 26]. Но прежде, чем соотносить Дажбога с Хорсом в таком ключе, следовало бы убедительно доказать солярность последнего. Потому использование работы Сазоновой и Робинсона в качестве доказательства солнечной природы Хорса представляется нам логически неправомерным. Также следует отметить, что сами фрагменты, содержащие упоминания этих богов, имеют совершенно различный, несопоставимый контекст: в одном речь идет о погибающих «внуках» Дажбога (*«погибает жизнь Даждъбожа внука»*) [7, с. 33], а в другом – про Всеслава, который пересекает путь Хорсу [7, с. 43].

Отстаивая тождество Хорса и Дажбога – солярная природа которого, по мнению Васильева, «бесспорна» [5, с. 27], – автор приводит летописную статью под 1071 г. [«Согласно ей, «в те же времена» в столице Руси появился волхв, заявлявший, что ему явились пять богов («явиши ми ся есть 5 богъ») и что на пятый год Днепр потечет вспять, а Греческая и Русская земли поменяются местами, как и иные страны» [5, с. 29]. Вслед за Б.А. Рыбаковым и Е.В. Аничковым Васильев считает, что под явившимися волхву богами подразумевается «Владимиров пантеон», который, таким образом, должен быть определен как пяти-, а не шестичленный. Из этого якобы следует, что Хорс и Дажбог являлись одним божеством – «Хорсом-Дажбогом».

Однако В.Я. Петрухин в книге «Русь в IX-X веках: От призвания варягов до выбора веры» предлагает иное толкование словам волхва: «Между тем волхование в Киеве явно связано не с пережитками язычества, а с событиями 1068–1069 гг., когда восставшие киевляне грозили князьям, что сожгут город и уйдут в Греческую землю (ПСРЛ, 2, стб. 162–163, ср.: ПВЛ. С. 497). Соответственно и пять богов, на которых ссылался волхв, относились не к богам древнерусского пантеона, а означали пять планет (ср. в славянском переводе Хроники Малалы — Истрин 1994. С. 18) — на их астрологическое расположение и ссылался волхв» [9, с. 369].

Кроме того, недавно в статье «Языческая «реформа» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции?» П.В. Лукин показал, что эпизод «Повести», рассказывающий о реформе Владимира, списан из «Хроники» Георгия Амартола: «Хотя текстуальные совпадения здесь, на первый взгляд, неочевидны, просматривается, тем не менее, три параллельных момента. Во-первых, количество языческих богов — *шесть* — совпадает с летописным, причем,

как и в летописи, упомянут один женский персонаж (Астарта и Мокошь) и один, так сказать, ведущий (Вельфегор и Перун). Во-вторых, такая деталь, как материал, из которого изготовлены «боги»: золото и серебро (ср. серебряную голову и золотые усы Перуна). В-третьих, совпадает мотив оскверненной земли» [10, с. 331]. Тот факт, что во фрагменте «Хроники», к которому восходит летописный рассказ, описаны именно шесть божеств, подтверждает шестичленный же состав пантеона Владимира.

Последним аргументом Васильева в пользу солнечной трактовки Хорса служит следующий отрывок из «Слова Иоанна Златоуста»: «Уклоняйся пред Богомъ невидимыхъ: молящихъ человекъ роду и роженицам, **порену и аполину**, и мокоши, и перегини, и всяким богомъ (и) мерзкимъ не приближайся» [5, с. 29]. Так как «Хорс» и «Перун» являются устойчивой теонимической парой, Васильев полагает, что под Аполлоном здесь следует понимать Хорса. «Данное обстоятельство можно трактовать как свидетельство солнечной природы восточнославянского Хорса, ибо Аполлон, бог у древних греков полифункциональный, в средние века мыслился именно как солярное божество» – заключает он [5, с. 29-30].

Но Бесков предлагает иначе интерпретировать данную глоссу: «Однако же, Аполлон на редкость полифункциональный бог. В частности, он нередко воспринимался как предводитель муз, покровитель певцов и музыкантов. Здесь сразу же приходит на ум Боян, названный в «Слове о полку Игореве» «велесовым внуком», из чего часто делается вывод, что Велес мог иметь отношение к поэтическому искусству. А, как известно, Велес (Волос) также образует в источниках устойчивую пару с Перуном (вспомним летописные клятвы русов при заключении договоров с греками). Может быть, это глосса именно к теониму *Волос*, а не *Хорс*?» [2, с. 118-119]. Высказанное Бесковым предположение подтверждается исследованием В.В. Иванова и В.Н. Топорова «Славянские языковые моделирующие семиотические системы», где читаем: «Перун – обычно на первом месте, в непосредственном соседстве с Велесом или Хорсом. Велес-Волос – обычно на втором месте после Перуна, если Перун на первом; обычно в дополнительном распределении с Хорсом» [11, с. 26].

Оспаривая доводы Васильева в пользу солярной интерпретации Хорса, Бесков, тем не менее, допускает, что Хорс все же мог осмысляться как солнечное божество [2, с. 120]. Сам он видит Дажбога и Хорса как богов-близнецов, подобных ведийским Ашвинам, греческим Диоскурам, германским вождям Хенгисту и Хорсе (др.-англ. Horsa) – последний сопоставляется им с Хорсом по причине созвучия их имен. Теоним «Хорс» Бесков сближает также с современным английским словом horse и возводит к древнеиндоевропейскому *ekuos (*ekwos) «конь» [2, с. 105]. Поскольку кони в мифологических системах некоторых индоевропейских народов связаны с солнцем, Бесков считает, что «есть все основания экстраполировать эту

связь на славянскую почву» [2, с. 103]. Однако фольклор, вопреки Бескову, подобных оснований не дает.

Напротив, в славянском фольклоре лошадь имеет ярко выраженную хтоническую семантику. Кони выступают в нем медиаторами между миром живых и страной мертвых – ирьем. Скорее всего они имеют отношение к Велесу, богу скота и *скотины*, который по-совместительству является хозяином загробного мира; на их связь может указывать то, что мифического предводителя змей (одна из фольклорных ипостасей Велеса) хорваты именуют «змеиным конем» [12, с. 590-592]. Конь устойчиво ассоциируется со смертью, наглядной иллюстрацией чему служит предание о гибели Вещего Олега: волхвы предрекают князю, что он умрет от своего любимого коня, и пророчество сбывается – выползшая из лошадиного черепа змея ужаливает князя. Меж тем, солярная семантика в образе лошади у славян практически не выражена – факт этот подрывает всю реконструкцию Бескова, и без того достаточно шаткую. Мы солидарны с О.В. Кутаревым, охарактеризовавшим ее как «слабо подкрепленную» [13, с. 129].

Несомненно, на Руси существовал культ неких парных богов или богopodobных всадников, – в этом мы безоговорочно согласны с Бесковым. Однако нет ни одной причины для того, чтобы считать именно Хорса и Дажбога божественными близнецами. На роль этих близнецов, как нам представляется, скорее могут претендовать Сем и Рьгл, которых летописец, вероятно, по ошибке превратил в Семарьгла. Хотя, впрочем, парные святые также имеют свойство объединяться – ср. Флор и Лавр как «лошадиный бог» и Кузьма-Демьян [14, с. 22; 15, с. 399]. Но вернемся к Хорсу.

Ключевым аргументом в споре о природе Хорса считается этимология. Проблема происхождения его имени уже давно занимает умы исследователей. Странники солярной интерпретации неоднократно пытались доказать, что теоним «Хорс» восходит к иранскому слову, обозначающему «солнце» (осетин. хур, перс. xurset и т.д.), которое славяне позаимствовали у какого-то ираноязычного «племени» (сарматов, скифов, алан и др.) [8, с. 118-120] – но раз за разом выдвигаемые ими гипотезы подвергались разгромной критике [8, с. 121; 2, с. 99-100; 1, с. 11-15]. Альтернативу иранской этимологии предложил А. Брюкнер, рассматривавший Хорса как бога луны. Он полагал, что имя «Хорс», по-польски звучащее бы как Chars, родственно пол. wucharsly «истощенный, изнуренный», чеш. krsati, krsnouti «хиреть, чахнуть, нищать» и происходит от реконструируемого им праслав. *krsъ [5, с. 22].

Существует и множество других этимологических гипотез. Например, лингвист К. Л. Борисов в статье «Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god X̣ırsŭ/Xors*» возводит теоним к протоиндоарийскому *h̥rsu, интерпретируя Хорса прежде всего как умирающее и воскресающее божество

плодородия, лишь опосредованно связанное с солнцем. Интерпретация эта, однако, имеет чисто гипотетический характер, поскольку нет ни одного свидетельства о связи данного бога с плодородием. Что касается уже упоминавшейся нами «лошадиной» этимологии, согласно которой «Хорс» восходит к общегерманскому hruss «конь», то она была высмеяна еще В. Ф. Миллером и, позднее, М.М. Тихомировым [5, с. 20].

Однако этимологический вопрос не может иметь решающего значения в определении природы Хорса – напротив, он представляется нам глубоко второстепенным и маловажным. По данному поводу мы разделяем позицию Бескова. В статье «От мифов древности к мифам историографии: проблема древнерусского бога Хорса как симптом болезни науки о мифах», увидившей свет десять лет спустя после его книги, Бесковым высказывается абсолютно верная мысль – что установление этимологии того или иного теонима решает чисто лингвистические задачи, не приближая нас к пониманию природы самого божества. «Наука о мифах страдает болезнью языка – ее симптомом является повышенное, гипертрофированное внимание к слову, к языку. Нужно осознать, что экспансия лингвистики (точнее, такого ее раздела, как этимология) в мифологических исследованиях становится тормозом для их развития...» – констатирует Бесков [8, с. 124]. Наглядной иллюстрацией этим словам могут послужить работы Борисова, Васильева и самого Бескова (шестнадцатилетней давности). Все построения упомянутых исследователей базируются на одной лишь этимологии, тогда как «Слову о полку Игореве» – важнейшему нашему источнику! – они отводят роль глубоко второстепенную (а то и третьестепенную). И в этом заключается их главная ошибка – мы же предлагаем кардинально иной подход.

Для того, чтобы показать полную несостоятельность одной из двух – солярной и лунной – интерпретаций Хорса, нам не потребуется обращаться к иным источникам, кроме самого «Слова о полку Игореве». Проведя контекстуальный анализ его фрагментов, содержащих упоминания небесных светил, мы сможем выявить истинную природу интересующего нас божества.

Сегодня солярная интерпретация Хорса пользуется наибольшей поддержкой в российском научном сообществе (тогда как лунная больше популярна на родине Брюкнера): помимо Васильева, Борисова и Бескова, ее разделяют такие видные деятели науки, как О.В. Кутарев [13], А.Ф. Журавлев [16], В.Я. Петрухин [9, с. 377] и многие другие. Именно от нее мы и будем отталкиваться, используя при этом апогогический доказательный метод.

Начнем с того, что «солнце» встречается в «Слове» целых семь раз. Два фрагмента мы должны исключить, поскольку в них солнцами названы русские князья: *«чръныя тучя съморя идуть, хотятъ прикрыти 4 солнца»*

[7, с. 32]; «два солнца померкоста» [7, с. 37]. В таком случае остается пять – что довольно много для столь небольшого по объему произведения. И тут сразу встает вопрос: если под Хорсом следует понимать солнце, – как считают сторонники солярной интерпретации, – то почему именем бога оно называется только в одном из шести фрагментов (который еще и допускает разные толкования к тому же)?

Во всех пяти местах автор мог бы употребить имя Хорса вместо «солнца», но почему-то он, при всей своей любви к пафосу, с неизменным постоянством называет светило просто «солнцем». Даже там, где, исходя из поэтических соображений, уместнее бы звучало именно «Хорс» – как, например, в следующем месте: «Солнце ему тьмою путь заступаше» [7, с. 30].

Попробуем провести лингвистический эксперимент, заменив «солнце» в приведенном отрывке на имя Хорса: «Хорс ему тьмою путь заступаше». Как видим, упоминание бога придает данной фразе пафосный оттенок, усиливающий ее выразительность и соответствующий поэтике произведения. Следует также отметить, что данный фрагмент структурно аналогичен тому, в котором непосредственно фигурирует Хорс: «великому Хръсови влъкомъ путь прерыскаше» [7, с. 43]. Единственное отличие этих фрагментов заключается в смене ролей между князем и Хорсом-солнцем: Хорс-солнце заступает (тьмою) путь Игорю; Всеслав пересекает (волком) путь Хорсу-солнцу, – однако оно лишь подчеркивает равнозначность обеих позиций. Так почему же поэт избегает называть дневное светило именем Хорса в первом случае?

Особенно интересен для нас эпизод «Слова о полку Игореве», известный как «Плач Ярославны». Оплакивая поражение своего мужа, Ярославна поочередно обращается к трем стихиям. Сначала к ветру: «*О ветре! Ветрило! Чему господине насильно вееси? Чему мычеши хиновъския стрелки на своєю не трудною крилицю на моя лады вои? Мало ли ти бяшет гор под облакы веяти, лелеючи корабли на сине море? Чему господине мое веселие по ковылию развезя?*». Затем к Днепру: «*О Днепре Словутицю! Ты пробил еси каменныя горы сквозе землю половецкую. Ты лелеял еси на себе Святославли носады до пльку Кобякова: възлелей господине мою ладу к мне, а бых неслала к нему слез на море рано*». А потом и к солнцу: «*Светлое и тресветлое слънце! Всем тепло и красно еси: чему господине простре горячую свою лучю на ладе вои? В поле безводне жаждею имь лучи стъпряже, туюго им тули затче*» [7, с. 44-45].

Но если Хорс является солнцем, то почему Ярославна взывает именно к Солнцу? Ей следовало бы упрекать Хорса, ведь он, по мнению Васильева и др., воплощает собой дневное светило. Причем солнце в данном фрагменте, наряду с Днепром и ветром (которому здесь специально присвоено личное имя – Ветрило), персонифицируется – то есть пред-

стает деятельным, обладающим личностью и волей существом («господином»). С точки зрения солярной интерпретации эта персонификация солнца лишена смысла, поскольку оно и так уже персонифицировано в образе бога Хорса. Следовательно, Хорс не может иметь никакого отношения к солнцу.

Кроме того, эпитет, которым поэт наделяет Хорса, – «великий», – совершенно не характеризует его как солнечное божество. К самому солнцу в произведении употребляются такие эпитеты, как «светлое» (причем дважды) и «тресветлое» – но ни разу оно не названо великим.

Какой же смысл древнерусский поэт мог вложить в это слово? Обычно данный эпитет трактуется как «важный, выдающийся» – то есть указание на большую значимость и высокое положение Хорса в божественной иерархии [2, с. 102; 1, с. 12; 5, с. 72]. Однако слово «великий» имеет и другое, исконное для него значение – «большой, огромный». И оно неоднократно используется автором в этом смысле: «*великий женцуг*» [7, с. 37], «*великихъ плъковъ половецкихъ*» [7, с. 36], «*великая поля*» [7, с. 31] и т.д. Тогда, может быть, и эпитет «великий» следует относить к облику Хорса, а не его статусу? Ведь характернейшей особенностью луны является ее изменчивость: каждую ночь в течение месяца она меняет свои размеры, то уменьшаясь, то *увеличиваясь*. Соответственно, словосочетание «великий Хорс» могло означать луну в фазе полнолуния – то есть достигшую своей максимальной *величины*.

Меж тем, как «солнце» в «Слове о полку Игореве» встречается целых семь раз, упоминание месяца мы находим там лишь однажды. И контекст, в котором это слово находится, не позволяет заменить его именем Хорса: «*Оба багряная стлѣпа позасоста, и съ ним молодая месяца, Олегъ и Святъ-славъ, тѣмоу ся поволокоста*» [7, с. 37]. Со стороны автора было бы абсурдно называть Олега и Святослава двумя Хорсами, и потому он применяет в отношении князей нарицательное имя светила – «месяц».

Дополнительным аргументом против солярной интерпретации Хорса может послужить отрывок из древнерусского перевода «Хроники» Иоанна Малалы, дополненный глоссами и включенный в «Повесть временных лет». В греческом оригинале произведения фигурирует солнечный бог Гелиос, чье имя было закономерно переведено словом «Солнце». При этом переводчик в глоссах отождествляет с Гелиосом-Солнцем не Хорса, – и даже не Хорса-Дажбога! – а одного только Дажбога [13, с. 27]. Но разве не следовало бы ему соотнести Гелиоса-Солнце с Хорсом, будь последний действительно воплощением дневного светила?

Итак, мы видим, что солярная трактовка Хорса сталкивается с целым рядом непреодолимых противоречий, которые подтверждают ее несостоятельность. В то же время лунная интерпретация органично согласуется с

контекстом «Слова о полку Игореве», объясняя при этом смысл эпитета «великий», и не противоречит данным сторонних источников («Хроники» Иоанна Малалы в частности). Потому именно ей следует отдать предпочтение, а солярную – оставить в прошлом.

Библиографический список

1. Borissoff C.L. Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors // *Studia mythologica Slavica*. 2014. Vol. 17. P. 9-36.
2. Бесков А.А. Восточнославянское язычество. Религиоведческий анализ. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. 188 с.
3. Пресняков А. Е. Лекции по русской истории. Т. 1: Киевская Русь. – М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1938. 279 с.
4. Мансикка В.Й. Труды по религии восточных славян. – М.: Форум; Неолит, 2016. 688 с.
5. Васильев М.А. Язычество восточных славян накануне крещения Руси: Религиозно-мифологическое взаимодействие с иранским миром. Языческая реформа князя Владимира. – М.: Индрик, 1999. 328 с.
6. Ловмянский Г. Религия восточных славян и ее упадок (VI–XII вв.). – СПб.: Академический проспект, 2003. 512 с.
7. Слово о полку Игореве. – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2015. 256 с.
8. Бесков А.А. От мифов древности к мифам историографии: проблема древнерусского бога Хорса как симптом болезни науки о мифах // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2020. № 6. С. 118–129.
9. Петрухин В.Я. Русь в IX–X веках: От призвания варягов до выбора веры. – М.: Форум; Неолит, 2014. 464 с.
10. Лукин П.В. Языческая «реформа» Владимира Святославича в начальном летописании: устная традиция или литературные реминисценции? Древнейшие государства Восточной Европы: Устная традиция в письменном тексте: сборник / Отв. ред. Г.В. Глазырина. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2011. С. 326-352.
11. Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Славянские языковые моделирующие семиотические системы. – М.: Наука, 1965. 246 с.
12. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 1999. Т. 2. 702 с.
13. Кутарев О.В. Славянский Дажьбог как развитие индоевропейского Бога Сяющего Неба (Дьеус-Патер) // *Философия и культура*. 2016. Вып. 97. № 1. С. 126-140.
14. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2004. Т. 3. 704 с.
15. Славянские древности: Этнолингвистический словарь: в 5 т. / Под общей ред. Н.И. Толстого. – М.: Международные отношения, 2012. Т. 5. 736 с.
16. Журавлев А.Ф. Язык и миф. Лингвистический комментарий к труду А.Н. Афанасьева «Поэтические воззрения на природу». – М.: Индрик, 2005. 1004 с.
17. Яковлева Е.Е. Трансформация ресурсной ловушки: почему богатство не всегда приносит процветание // *Альманах «Крым»*. 2025. № 50. С. 111-117.

References

1. Borissoff C.L. Non-Iranian origin of the Eastern-Slavonic god Xürsü/Xors // *Studia mythologica Slavica*. 2014. Vol. 17. P. 9-36.
2. Beskov A.A. East Slavic paganism. Religious studies analysis. – Saarbrücken, LAP LAMBERT Academic Publishing, 2010. 188 p.
3. Presnyakov A.E. Lectures on Russian history. T. 1: Kievan Rus'. – Moscow: State Socio-Economic Publishing House, 1938. 279 p.
4. Mansikka V.Y. Works on the religion of the Eastern Slavs. – Moscow: Forum; Neolit, 2016. 688 p.
5. Vasiliev M.A. Paganism of the Eastern Slavs on the Eve of the Baptism of Rus': Religious and

- Mythological Interaction with the Iranian World. The Pagan Reform of Prince Vladimir. Moscow: Indrik, 1999. 328 p.
6. Lovmyansky, G. The Religion of the Eastern Slavs and Its Decline (6th–12th Centuries). St. Petersburg: Akademichesky Prospekt, 2003. 512 p.
 7. The Tale of Igor's Campaign. St. Petersburg: Azbuka; Azbuka-Atticus, 2015. 256 p.
 8. Beskov, A. A. From Ancient Myths to Historiographic Myths: The Problem of the Old Russian God Khors as a Symptom of the Illness of the Science of Myths // Bulletin of Tomsk State University. History. 2020. № 6. P. 118-129.
 9. Petrukhin V. Ya. Rus' in the 9th-10th Centuries: From the Calling of the Varangians to the Choice of Faith. Moscow: Forum; Neolith, 2014. 464 p.
 10. Lukin P. V. The Pagan "Reform" of Vladimir Svyatoslavich in the Primary Chronicle: Oral Tradition or Literary Reminiscences? The Earliest States of Eastern Europe: Oral Tradition in the Written Text: Collection / Ed. G.V. Glazyrin. Moscow: Russian Foundation for Assistance to Education and Science, 2011. P. 326-352.
 11. Ivanov Vyach. Vs., Toporov V. N. Slavic Language Modeling Semiotic Systems. Moscow: Nauka, 1965. 246 p.
 12. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / General editor N.I. Tolstoy. – Moscow: International Relations, 1999. Vol. 2. 702 p.
 13. Kutarev O.V. Slavic Dazhbog as a development of the Indo-European God of the Shining Sky (Dyeus Pater) // Philosophy and Culture. 2016. Issue 97. № 1. P. 126-140.
 14. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / General editor N.I. Tolstoy. – Moscow: International Relations, 2004. Vol. 3. 704 p.
 15. Slavic Antiquities: Ethnolinguistic Dictionary: in 5 volumes / General editor N.I. Tolstoy. – Moscow: International Relations, 2012. Vol. 5. 736 p.
 16. Zhuravlev A.F. Language and Myth. Linguistic commentary on A.N. Afanasyev's work "Poetic Views of Nature". – Moscow: Indrik, 2005. 1004 p.
 17. Yakovleva E.E. Transforming the resource trap: why wealth doesn't always bring prosperity // Almanac "Crimea". 2025. № 50. P. 111-117.

Фидарова К.К.

Кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Маргиев Д.Ю.

Студент 3 курса Лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Цомартов В.Р.

Студент 2 курса Лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Туаева Ф.А.

Заведующая терапевтическим отделением ГБУЗ «Поликлиника № 1» МЗ РСО – Алания, г. Владикавказ.

Алборова А.В.

Медицинский психолог ГБУЗ «Поликлиника № 1» МЗ РСО – Алания, г. Владикавказ.

Феномен земской медицины в России: уникальная модель общественного здравоохранения*

Аннотация. В статье исследуется феномен земской медицины, сложившейся в пореформенной России после 1864 года. Представлен анализ ее ключевых принципов – общедоступности, бесплатности, участковости, профилактической направленности и связи с санитарной деятельностью. Рассматривается организационная структура, роль земского врача, достижения и противоречия системы. Доказывается, что, несмотря на ограниченность ресурсов и зависимость от местных условий, земская медицина создала уникальную и эффективную модель общественного здравоохранения, оказавшую глубокое влияние на развитие отечественной и мировой медико-социальной мысли. Особое внимание уделяется историческому значению земского опыта для формирования систем первичной медико-санитарной помощи в XX веке.

Ключевые слова: земская медицина, общественное здравоохранение, история медицины в России, земский врач, участковая служба, санитарная организация, общедоступная медицина, Закон 1864 года.

* © Фидарова К.К., Маргиев Д.Ю., Цомартов В.Р., Туаева Ф.А., Алборова А.В., 2026.

Феномен земской медицины в России: уникальная модель общественного здравоохранения

Fidarova K.K.

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Margiev D.Y.

3rd year student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Tsomartov V.R.

1st year student of the Faculty of Medicine of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Tuaeva F.A.

Head of the Therapy Department of Polyclinic No. 1 of the Ministry of Health of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz.

Alborova A.V.

Medical psychologist of Polyclinic No. 1 of the Ministry of Health of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz.

The phenomenon of territorial medicine in Russia: a unique model of public healthcare

Abstract. The article explores the phenomenon of zemstvo medicine, which emerged in post-reform Russia after 1864. It presents an analysis of its key principles, including accessibility, free of charge, district-based approach, preventive focus, and connection with sanitary activities. The article examines the organizational structure, the role of the zemstvo doctor, and the achievements and challenges of the system. It argues that despite its limited resources and dependence on local conditions, zemstvo medicine created a unique and effective model of public healthcare that had a profound impact on the development of Russian and global medical and social thought. Special attention is paid to the historical significance of the Zemstvo experience for the development of primary healthcare systems in the 20th century.

Key words: Zemstvo medicine, public health, history of medicine in Russia, zemstvo doctor, district service, sanitary organization, public medicine, Law of 1864.

Феномен земской медицины представляет собой одну из наиболее ярких и самобытных страниц в истории отечественного здравоохранения. Возникшая как ответ на острые медико-социальные вызовы пореформенной России, она не просто заполнила вакуум медицинской помощи в сельской местности, но и сформировала целостную, прогрессивную

модель, опередившую многие зарубежные аналоги. В условиях отсутствия единой государственной политики в области народного здоровья земства – новые органы местного самоуправления – стали пионерами в создании системы общедоступной медицинской помощи. Уникальность модели заключалась в синтезе лечебной практики, профилактики и санитарно-гигиенического просвещения, построенном на принципах территориальной участковости. Изучение земской медицины актуально не только с исторической точки зрения, но и для осмысления современных проблем организации первичной медико-санитарной помощи, роли общественного участия в здравоохранении и интеграции медицинской и социальной работы. Цель данной статьи – комплексный анализ земской медицины как целостного социокультурного и организационного феномена, оценка ее вклада в теорию и практику общественного здравоохранения.

Для полного и достоверного анализа изучаемой проблематики обратимся к историко-правовым предпосылкам формирования земской медицины. До реформ 1860-х годов медицинское обслуживание сельского населения России носило фрагментарный и преимущественно казенный характер. Основную нагрузку несли немногочисленные врачи приказа общественного призрения и военного ведомства, а также частнопрактикующие врачи в городах [1, с. 45]. Крестьянская реформа 1861 года, освободившая многомиллионное население, остро поставила вопрос об организации жизнеобеспечения новых свободных граждан, включая медицинскую помощь.

Правовой основой для изменений стало «Положение о губернских и уездных земских учреждениях» от 1 января 1864 года. Закон передавал в ведение земств (выборных органов местного самоуправления) широкий круг хозяйственных дел, включая «попечение о народном здравии» и «общественное призрение» [2]. Однако закон носил рамочный характер, не предписывая конкретных моделей, что создавало пространство для инициативы и экспериментов. Первоначально многие земства пошли по пути наименьшего сопротивления, субсидируя существующие больницы или раздавая деньги на лекарства, но кризисные эпидемии холеры и тифов конца 1860-х – начала 1870-х годов продемонстрировали полную несостоятельность такой «раздаточной» системы [3, с. 112].

Этот кризис стал катализатором для выработки принципиально нового подхода. Пионерами выступили земства Пермской, Московской, Самарской, Херсонской и ряда других губерний, где в начале 1870-х годов начали закладываться основы будущей системы – создаваться медицинские участки с постоянным врачом, стационарной больницей и сетью фельдшерских пунктов [4].

К концу XIX века земская медицина сформировалась как система с чет-

кими организационными принципами:

1. Участковость: губерния делилась на медицинские участки с населением 20-30 тыс. человек, где центром участка была больница (обычно на 10-20 коек) с амбулаторией, аптекой и квартирой для врача. В состав участка входили фельдшерские пункты в крупных селах и пункты для приема родов (с акушерками) [5, с. 78].

2. Общедоступность и бесплатность: медицинская помощь для крестьян оказывалась бесплатно – это было революционным шагом, делавшим квалифицированную помощь реально доступной для самых широких слоев населения, финансирование шло за счет земских сборов (налогов).

3. Единство лечебной и санитарной (профилактической) работы: земский врач был не только клиницистом, но и санитарным деятелем, в его обязанности входила борьба с эпидемиями, санитарный надзор, сбор медицинской статистики, гигиеническое просвещение.

4. Иерархическая трехзвенная система: Фельдшерский пункт → Участковая больница (врач) → Губернская земская больница (крупные центры со специалистами); вся эта цепочка обеспечивала этапность оказания помощи [6].

5. Принцип общественной медицины: медицина понималась как социальная служба, направленная на улучшение здоровья населения в целом, а не только на лечение отдельных больных и это требовало от врача анализа социальных причин болезней (бедность, неграмотность, антисанитария).

Организационным ядром системы был земский врач – это была фигура нового типа: общественный деятель, статистик, педагог и клиницист в одном лице. Работа в глубинке требовала огромной личной самоотверженности, широты знаний и умения действовать в условиях автономии. Земские врачи (такие как Е.А. Осипов, И.И. Моллесон, П.Ф. Кудрявцев) стали не только практиками, но и видными теоретиками, чьи труды легли в основу отечественной социальной гигиены и организации здравоохранения [7].

Отличительной чертой земской медицины стало раннее осознание приоритета профилактики. Санитарная организация в земствах начала складываться с 1880-х годов, её пионером стало Пермское земство, где в 1884 году была создана первая в России уездная санитарная комиссия, а затем введена должность санитарного врача [4].

К началу XX века санитарные органы включали:

– Санитарные советы и бюро (на губернском уровне) – координирующие и аналитические органы.

– Санитарных врачей – специалистов, занимающихся исключительно профилактической работой: анализом статистики заболеваемости и смертности, обследованием условий труда и быта, контролем за санитар-

ным состоянием школ, фабрик, продовольственных рынков, организацией противоэпидемических мероприятий.

– Санитарных попечителей из числа местной интеллигенции – добровольных помощников врача на местах [8, с. 203].

Земства развернули масштабную санитарно-просветительскую деятельность: издавали популярные брошюры, организовывали публичные лекции, музеи гигиены. Особое внимание уделялось школьной гигиене и охране материнства и младенчества, где земства также были первоходцами [9].

Необходимо отметить, что достижения земской медицины неоспоримы:

Во-первых, создание инфраструктуры: к 1910 году в 34 земских губерниях работало около 3100 земских врачебных участков, 4800 фельдшерских пунктов, действовало более 28 тысяч больничных коек [10]. Медицинская помощь стала географически доступной для десятков миллионов человек. Во-вторых, снижение смертности и эпидемической угрозы: благодаря систематической санитарной работе и бесплатной помощи удалось стабилизировать эпидемиологическую ситуацию, снизить смертность от оспы, тифов, начать борьбу с социальными болезнями (туберкулез, сифилис). В-третьих, её научный вклад: земская медицина породила уникальную школу медицинской статистики (труды П.И. Куркина, С.М. Богословского), позволившую впервые научно изучить здоровье населения огромной страны. Земские съезды врачей стали центрами профессионального и научного общения. В-четвёртых, формирование кадров: система подготовила тысячи преданных делу медицинских работников, чей этический облик («служить народу») стал эталоном для последующих поколений.

Однако система сталкивалась с серьезными противоречиями и ограничениями:

Финансовая неустойчивость: зависимость от местных земских сборов вела к огромной дифференциации в обеспеченности медицинской помощью между богатыми и бедными губерниями, многие земства хронически недофинансировали здравоохранение.

Острый кадровый дефицит: нагрузка на одного участкового врача была колоссальной (иногда до 40 тыс. человек), что вело к профессиональному выгоранию; катастрофически не хватало среднего и младшего персонала.

Ограниченность компетенций земств: земства не имели власти над многими сферами, влияющими на здоровье (например, над фабрично-заводской медициной, общероссийской санитарной законодательной базой). Их санитарные постановления часто носили рекомендательный характер.

Политическое давление: со стороны правительства, опасавшегося

роста общественной активности земств, особенно после вовлечения в их работу радикально настроенной интеллигенции (т.н. «третий элемент») [11].

Земская медицина была ликвидирована как организационная система после 1917 года, однако её идеологическое и кадровое наследие стало фундаментом для построения советского здравоохранения. Принципы общедоступности, участковости, единства лечения и профилактики, подчиненности службы задачам общественного здоровья были полностью восприняты и развиты в модели Н.А. Семашко [12]. Более того, многие видные земские врачи и организаторы (такие как З.П. Соловьев, А.Н. Сысин) вошли в руководство Народного комиссариата здравоохранения, обеспечив преемственность подходов. Советская система, часто воспринимаемая как исключительно централизованная и государственная, на начальном этапе своего формирования во многом опиралась именно на земский опыт децентрализованного, адаптированного к местным условиям обслуживания, трансформировав его в общегосударственную программу.

Однако историческое значение земской медицины выходит далеко за рамки национального контекста. Её феномен представляет собой уникальный прецедент в мировой истории общественного здравоохранения. В то время как в западноевропейских странах и США системы медицинской помощи в XIX – начале XX века развивались преимущественно по пути частной практики, благотворительных учреждений и страхования рабочих (модель Бисмарка), в России, в условиях аграрного общества с минимальным промышленным пролетариатом, был реализован принципиально иной проект – система общественной медицины, финансируемая за счет местных налогов и ориентированная на все население определенной территории. Это была не страховая модель, основанная на отчислениях работника и работодателя, и не государственная медицина в современном понимании с прямым финансированием из центрального бюджета, а именно модель местного самоуправленческого здравоохранения.

Глобальное значение и научная ценность земского опыта были осознаны и признаны на международном уровне в середине XX века. Пристальное изучение ее принципов показывает их удивительное созвучие с ключевыми положениями Алма-Атинской декларации ВОЗ (1978 г.), провозгласившей первичную медико-санитарную помощь (ПМСП) краеугольным камнем и основой стратегии достижения «здоровья для всех» [13]. Концепция ПМСП, как она сформулирована в Декларации, подразумевает:

1. Доступность первого контакта для каждого человека и каждой семьи.
2. Участие отдельных лиц и сообществ в планировании и осуществлении медицинской помощи.

3. Использование практически осуществимых, научно обоснованных и социально приемлемых методов и технологий.

4. Интеграцию с другими секторами (образование, сельское хозяйство) для комплексного воздействия на детерминанты здоровья.

Все эти элементы в зачаточном или развитом виде присутствовали в земской системе. Участковый принцип обеспечивал первый контакт; санитарные попечители и сотрудничество с органами местного самоуправления представляли форму общественного участия; ставка на фельдшерские пункты и универсального участкового врача была ответом на ограниченность ресурсов; а интеграция лечебной, санитарной и просветительской работы являлась прообразом комплексного подхода.

Таким образом, земскую медицину можно рассматривать как крупнейший национальный эксперимент по созданию системы ПМСП, проведенный на полвека раньше ее международного концептуального оформления. В этом заключается ее главный вклад в мировую сокровищницу идей общественного здравоохранения. Более того, ее опыт оказался востребован в процессе деколонизации и строительства национальных систем здравоохранения в развивающихся странах Азии и Африки во второй половине XX века, где также стояли задачи охвата медицинской помощью рассредоточенного сельского населения при крайней ограниченности ресурсов.

В современном глобальном контексте, характеризующемся ростом неинфекционных заболеваний, старением населения и повышением внимания к профилактике, интерес к историческому опыту интеграции медицинской и социальной работы в рамках небольшой, понятной сообществу территории (участка) вновь возрастает. Земская модель, со всей ее противоречивостью, продолжает оставаться живым источником для размышлений о балансе между централизацией и местной автономией, о роли доверия и личностного фактора врача в системе здравоохранения, о способах реального вовлечения сообщества в заботу о собственном здоровье. Ее наследие – это не просто музейный экспонат, а действенный инструмент для критического осмысления современных вызовов в организации медико-санитарной помощи.

Феномен земской медицины в России представляет собой выдающийся пример созидательной общественной инициативы в сфере здравоохранения. Возникнув в условиях институционального вакуума и острой социальной потребности, она благодаря усилиям прогрессивной медицинской интеллигенции и поддержке местного самоуправления эволюционировала от разрозненных благотворительных акций к целостной, научно обоснованной модели. Несмотря на все финансовые, политические и организационные трудности, эта модель доказала свою высокую эффективность в условиях аграрной страны с низкой плотностью населения.

Уникальность земской медицины заключалась в органичном синтезе нескольких элементов: бесплатной и доступной лечебной помощи на местах, системной профилактической и санитарной работы, опоры на медицинскую статистику и научный анализ, а также в особом социальном служении врача. Именно эта комплексность, рассматривающая здоровье не как отсутствие болезни у индивида, а как состояние общества, и обусловила ее историческое значение.

Опыт земской медицины не утратил своей актуальности. В контексте современных поисков оптимальных моделей организации первичной медико-санитарной помощи, особенно в сельских и труднодоступных регионах, обращения к принципам общественного участия и профилактической направленности, наследие земских врачей продолжает оставаться ценным источником идей и вдохновения.

Современная сельская медицина в России – это государственная служба, построенная на организационных принципах, унаследованных от земской эпохи, но лишенная её ключевых преимуществ: финансовой самостоятельности и глубокой общественной вовлеченности. Программы вроде «Земского доктора» – это лишь попытка адресно решить кадровый кризис, но не возродить систему в её целостности и философии.

Библиографический список

1. Жукова Л.А. Земское самоуправление и бюрократия в России: конфликт и взаимодействие (1864–1917). – М.: РОССПЭН, 2018. 375 с.
2. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. 1 января 1864 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. XXXIX. Отд. 1. № 40457.
3. Мицюк Н.А., Порядин С.В. Становление общественной медицины в России во второй половине XIX века. – СПб.: Алетейя, 2015. 268 с.
4. Сорокина Т.С. История медицины. – 9-е изд., перераб. и доп. – М.: Academia, 2019. 560 с.
5. Петров Б.Д. Земская медицина в России. – М.: Медицина, 1966. 240 с.
6. Кудрявцева Р.А. Организационные принципы земской медицины и их развитие в советском здравоохранении // Советское здравоохранение. 1987. № 4. С. 62–66.
7. Осипов Е.А., Попов И.В., Куркин П.И. Русская земская медицина. – М.: Тип. Т-ва И.Д. Сытина, 1899. 312 с.
8. Вишневский А.Г. (ред.) Демографическая модернизация России, 1900–2000. – М.: Новое издательство, 2006. 608 с.
9. Ульянова Г.Н. Благотворительность и здравоохранение в российской провинции: земства и частные инициативы // Отечественная история. 2007. № 5. С. 34–49.
10. Обзор деятельности земств по общественному здоровью (1865–1910). – СПб.: Изд. ЦСУ МВД, 1912. Т. 1. 458 с.
11. Нардова В.А. Городское и земское самоуправление в России: взаимодействие и конфликт (вторая половина XIX – начало XX в.) // Российская история. 2012. № 6. С. 44–58.
12. Семашко Н.А. Избранные произведения. – 2-е изд. – М.: Медицина, 1967. 380 с.
13. Первичная медико-санитарная помощь: отчет о Международной конференции по первичной медико-санитарной помощи, Алма-Ата, 6–12 сентября 1978 г. – Женева: ВОЗ, 1979. 79 с.
14. Текеев С.О. Становление промышленной разработки свинцово-серебряных руд в верховьях Кубани во второй половине XIX века // Альманах Казачество. 2025. № 85 (4). С. 83–88.

References

1. Zhukova L.A. Zemstvo Self-Government and Bureaucracy in Russia: Conflict and Interaction (1864–1917). Moscow: ROSSPEN, 2018. 375 p.
2. Regulations on Provincial and District Zemstvo Institutions. January 1, 1864 // Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Coll. 2. Vol. XXXIX. Section 1. No. 40457.
3. Mitsyuk N.A., Poryadin S.V. The Development of Public Medicine in Russia in the Second Half of the 19th Century. St. Petersburg: Aleteya, 2015. 268 p.
4. Sorokina T.S. History of Medicine. 9th ed., revised and enlarged. Moscow: Academia, 2019. 560 p.
5. Petrov B.D. Zemstvo Medicine in Russia. Moscow: Meditsina, 1966. 240 p.
6. Kudryavtseva R.A. Organizational Principles of Zemstvo Medicine and Their Development in Soviet Health Care // Sovetskoye Zdravochreniye. 1987. № 4. P. 62-66.
7. Osipov E.A., Popov I.V., Kurkin P.I. Russian Zemstvo Medicine. Moscow: I.D. Sytin Publishing House, 1899. 312 p.
8. Vishnevsky A.G. (ed.) Demographic Modernization of Russia, 1900-2000. Moscow: Novoye Izdatelstvo, 2006. 608 p.
9. Ulyanova G.N. Charity and Healthcare in the Russian Provinces: Zemstvos and Private Initiatives // Russian History. 2007. № 5. P. 34-49.
10. Review of the Activities of Zemstvos on Public Health (1865-1910). – St. Petersburg: Publ. TsSU MVD, 1912. Vol. 1. 458 p.
11. Nardova, V.A. City and Zemstvo Self-Government in Russia: Interaction and Conflict (Second Half of the 19th – Early 20th Century) // Russian History. 2012. № 6. P. 44-58.
12. Semashko, N.A. Selected Works. – 2nd ed. – Moscow: Meditsina, 1967. 380 p.
13. Primary health care: report of the International Conference on Primary Health Care, Alma-Ata, 6–12 September 1978 – Geneva: WHO, 1979. 79 p.
14. Tekeev S.O. The development of industrial mining of lead and silver ores in the upper reaches of the Kuban in the second half of the 19th century // Almanac Cossacks. 2016. № 85 (4). P. 83-88.

Щербань А.В.

Ассистент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления. Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Каменск-Шахтинский.

Изучение BIM технологии в проектировании здания из сборных элементов*

Аннотация. В статье исследуется применение BIM инновации в разработке жилого дома из сборных конструкций за рубежом, а именно в Китайской Народной Республике. Данная инновация употребляется на стадии разработки и взаимодействует вместе с совмещенным, графическим и типизированным проектированием объектов, в том числе и экологически чистым проектированием. В ходе проведенного исследования было выявлено, что по сравнению с обычными методами, BIM позволяет уменьшить сроки проектирования и строительства, сократить затраты, улучшить процесс и поднять на новый уровень эффективность всестороннего проектирования.

Ключевые слова: технологии BIM, визуализация, строительство, проектирование, модель, стандартизация, сборные элементы.

Shcherban A.V.

Assistant Professor, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch), South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov, Kamensk-Shakhtinsky.

The study of BIM technology in the design of buildings from prefabricated elements

Abstract. The article explores the use of BIM innovations in the development of residential buildings from prefabricated structures abroad, namely in the People's Republic of China. This innovation is used at the development stage and interacts with combined, graphical and typed object design, including environmentally friendly design. In the course of the conducted research, it was revealed that, compared with conventional methods, BIM allows to reduce the design and construction time, reduce costs, improve the process and raise the effectiveness of comprehensive design to a new level.

Key words: BIM technologies, visualization, construction, design, model, standardization, prefabricated elements.

* © Щербань А.В., 2026.

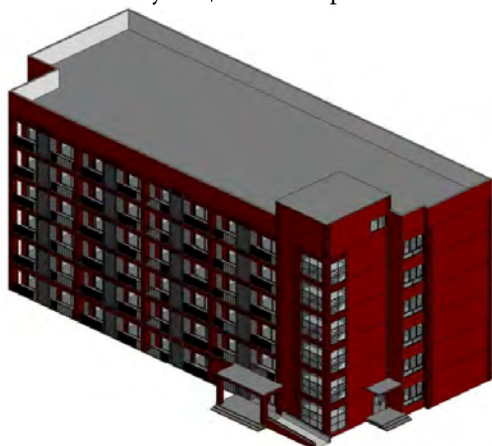
Введение

Строительная отрасль является одной из ключевых отраслей национальной экономики Китая, обеспечивающей мощную поддержку экономическому развитию страны. Однако методы производства в строительной отрасли оставались масштабными, прежде всего в проблемах со сбережением ресурсов и охраной природы.

Современный человек тянется к техническому прогрессу, цифровой трансформации и повышению интеллектуального уровня строительства, что требует скорейшей модификации методов работы и повышения качества развития строительной отрасли. В прошлом году Китай утвердил «Документ научно-технического развития строительной отрасли», который направлен на интенсивную реализацию цифровых технологий в строительную сферу. В соответствии с этим документом, Китай рассчитывает на совершенствование строительства из сборных конструкций здания и совместное содружество новейших сервисов ИТ с технологическими операциями. Основное значение располагает техническое решение BIM, которое намереваются ввести во многих стадиях строительной отрасли. Употребление BIM в разработке конструкций зданий рассматривается как концептуально важное направление для Китая, способное в полном объёме усовершенствовать всю отрасль. Впрочем, на сегодняшний день это применение находится на начальном этапе и требует дальнейших глубоких исследований [1].

Параметры здания из сборных элементов

Описывается 6-ти этажное жилое здание в КНР, спроектированное на 50 лет эксплуатационного срока. Участок имеет площадь около 4300 м²,

общая площадь здания 4000 м², высота здания 22 метра. Дом имеет сборную цельную каркасную конструкцию. Уровень безопасности II, сейсмостойкость 6 баллов. В проекте применён метод сборного строительства зданий с применением сборных наружных и внутренних стен, лестничных маршей и площадок, а так же композитных балок и плит, обеспечивая уровень сборности 52%.

Рисунок 1. BIM модель жилого дома.

Источник: Составлено автором.

Опираясь на строительные нормы и правила по

проектированию сборных конструкций зданий, изучалась необходимая нормативная документация: ГОСТ 27108-2016 «Конструкции каркаса железобетонные сборные для многоэтажных зданий с безбалочными перекрытиями. Технические условия», СП 356.1325800.2017 «Конструкции каркасные железобетонные сборные многоэтажных зданий. Правила проектирования» и ГОСТ 13015.0-2012 «Конструкции и изделия бетонные и железобетонные сборные. Общие технические требования», в данном исследовании на примере проекта жилого дома для преподавателей рассматривается применение технологии BIM в проектировании сборных зданий (смотри рисунок 1).

Визуальное проектирование на основе BIM

Технология BIM обеспечивает возможность визуального проектирования, способствуя удобному взаимодействию между участниками и более детальной проработке проекта. А именно, при проектировании внешнего вида здания с применением BIM можно создать трехмерную визуализацию, которая продемонстрирует данное пространство, вид, материал, цветовую палитру и другие параметры. Это позволяет выбирать наиболее визуально привлекательные варианты отделки фасадов [2].

В процессе проектирования внутренней отделки апартаментов визуализация позволяет напрямую оценивать дизайнерские решения, обеспечивая высокое качество декоративного оформления. При планировке помещений на основе BIM симуляция расстановки мебели, оборудования и сантехнических приборов облегчают визуальное взаимодействие с заказчиком, упрощая процесс проектирования и повышая его эффективность [3].

Стандартизированное проектирование компонентов BIM

В рамках данного проекта с использованием технологии BIM может быть создана стандартизированная библиотека компонентов BIM, соответствующая унифицированным сборным элементам и деталям. В процессе проектирования сначала разрабатывается архитектурная концепция на основе требований заказчика, удовлетворяющая функциональным потребностям. Затем осуществляется декомпозиция общей структурной модели с последующим выбором типовых элементов из библиотечного архива BIM для комплексного проектирования [4].

Так же, обеспечение BIM помогает автоматически разбить структурные элементы. Разделение компонентов может быть выполнено на основе фактических условий проекта, а исходная схема разбивки может быть параметрически скорректирована с использованием специализированных инструментов. Для элементов с одинаковыми поперечными сечениями и армированием может применяться единая схема разбивки. В BIM необ-

ходимо выбрать какой-либо элементы и применить к ним уже готовые схемы разбивки. Это намного быстрее и точнее, по сравнению с ручным методом [5].

Экологическое проектирование зданий на основе BIM

Проект апартаментов реализует метод экологического проектирования зданий с использованием BIM в соответствии с провинциальным стандартом Китая ГОСТ Р 70346-2022 «Зелёные» стандарты. Здания многоквартирные жилые «зелёные». Методика оценки и критерии проектирования, строительства и эксплуатации». Вертикальные элементы выполняются с применением высокоточных систем опалубки, лестница и перекрытие в здании выполняются из сборных многослойных частей, наружные стены выполнены из сборных панелей, а внутренние перегородки в виде каркасных конструкций. При этом в здании выполнена система отделки помещений «под ключ», а по энергоэффективности дом соответствует классу «B» [6]. Более точный состав применяемых технологий приведен ниже в таблице 1.

Таблица 1. Применяемые строительные технологии.

Наименование технологического решения	Применение в проекте
Сборные наружные стеновые панели	Да
Сборные внутренние стеновые панели	Да
Сборные панели с кондиционерами	Нет
Сборные лестницы	Да
Интегрированные внутренние стены и коммуникации	Нет
Высокоточная опалубка	Да
BIM-проектирование и строительство	Да
Совмещенная теплоизоляция и отделка	Нет
Модульная координация строительства	Да
Сборка цельных наружных стен	Нет
Бескаркасное строительство	Нет
Полная отделка помещений (под ключ)	Да
Соответствие стандарту «Зеленые здания»	Да
Режим EPC	Нет

Заключение

Сборное строительство будет способствовать модернизации строительной отрасли и эффективно решать проблему нехватки высокопрофессиональных специалистов.

нальных ресурсов в строительстве на данном этапе. В строительной сфере КНР отслеживается стабильное направление в экономической продуктивности, экологической стабильности и в повышении производительности. Сборное строительство набирает обороты по всему Китаю. Одновременно вводится технология BIM (информационное моделирование зданий), и, несомненно, увеличивается её область применения в сфере строительства. Технология BIM предоставляет быстро организовывать взаимодействие в сборном строительстве, начиная ещё со стадии проектирования. Усовершенствование технологий BIM в совокупности со сборным строительством представляет собой перспективное направление.

Библиографический список

1. Лебедев В.М. Технология и организация строительства городских зданий и сооружений: учебное пособие / В.М. Лебедев. – Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2021. 186 с.
2. Талапов В.В. Технология BIM: суть и особенности внедрения информационного моделирования зданий: учебное пособие / В. В. Талапов. – Москва: ДМК Пресс, 2015. 410 с.
3. Бусел И.А. Инженерно-геологические основы BIM-технологий: монография / И.А. Бусел. – Вологда: Инфра-Инженерия, 2021. 408 с.
4. BIM-NET: основы системного цифрового строительства: учебное пособие / В.И. Малахов. – Москва; Вологда: Инфра-Инженерия, 2026. 180 с.
5. Новые информационные технологии в архитектуре и строительстве: материалы VII Международной научно-практической конференции, 7–8 ноября 2024 г. / под ред. Г.Б. Захаровой; Уральский государственный архитектурно-художественный университет им. Н.С. Алфёрова (УрГАХУ). – Екатеринбург: Уральский государственный архитектурно-художественный университет (УрГАХУ), 2024. 107 с.
6. Алоян Р.М., Федосов С.В., Опарина Л.А. Энергоэффективные здания - состояние, проблемы и пути решения – Иваново: ПресСто, 2016. 276 с.
7. Баранов А.Н. Гуманитарная политика как инструмент расширения международного влияния Турецкой республики // Этносоциум и межнациональная культура. 2025. № 8 (206). С. 78-84.

References

1. Lebedev V.M. Technology and Organization of Construction of Urban Buildings and Structures: A Tutorial / V.M. Lebedev. – Moscow; Vologda: Infra-Engineering, 2021. 186 p.
2. Talapov V.V. BIM Technology: The Essence and Features of Implementing Building Information Modeling: A Tutorial / V.V. Talapov. – Moscow: DMK Press, 2015. 410 p.
3. Busel I.A. Engineering and Geological Foundations of BIM Technologies: A Monograph / I.A. Busel. – Vologda: Infra-Engineering, 2021. 408 p.
4. BIM-NET: Fundamentals of Systematic Digital Construction: A Tutorial / V.I. Malakhov. Moscow; Vologda: Infra-Engineering, 2026. 180 p.
5. New information technologies in architecture and construction: Proceedings of the VII International scientific-practical conference, November 7–8, 2024 / edited by G.B. Zakharova; Ural State University of Architecture and Arts named after N.S. Alferov (USAHU). – Yekaterinburg: Ural State University of Architecture and Arts (USAHU), 2024. 107 p.
6. Aloyan R.M., Fedosov S.V., Oparina L.A. Energy-efficient buildings - status, problems and solutions – Ivanovo: PresSto, 2016. 276 p.
7. Baranov A.N. Humanitarian policy as a tool for expanding the international influence of the Republic of Turkey // Etnosotsium and international culture. 2025. № 8 (206). P. 78-84.

Аннотации

Ултургашева Н.Д.

Чебодаева М.П.

Алексеева А.Г.

Традиционный чепрак (кичим) хакасов (XIX – нач. XX вв.)

В статье рассматривается традиционный чепрак у хакасов. Основой для исследования послужили музейные коллекции Российского этнографического музея (Санкт-Петербург), Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера), Хакасского национального краеведческого музея и Минусинского краеведческого музея. Автор анализирует научные публикации, вышедшие по данной проблематике в российской науке в разные годы, классификацию чепраков (мужские, женские, свадебные и детские) и технологию декорирования. Чепрак хакасов, бытовавший в Хакасско-Минусинской котловине с древнетюркского и предмонгольского времени, позволяет его считать одним из самых устойчивых элементов в культуре хакасов-кочевников. С другой стороны снаряжение верхового коня хакасов было утрачено в годы советской власти (1930-1950-е гг.).

Ключевые слова: декоративно-прикладное искусство хакасов, чепрак, этнические группы хакасов – качинцы, сагайцы, койбалы, кызыльцы.

Мальцева Л.В.

Полонникова А.А.

В современном мире: традиции, культура кубанских казаков

Меняется время, но вечным всегда остается культура, традиции, обычаи своего народа. Необходимо в наше время возрождать традиции, культуру, это позволит сохранить для потомков. Традиционная культура в развитии и воспитании молодежи имеет неопределимое значение.

Традиции, культура, обычаи начинаются там, где человек творит, это раскрывается через образное мышление и овладение творчеством. Овладение этой меркой и есть сущностный признак культуры. Приобщения молодежи к традициям, культуре, обычаям является преподавание искусства, истории. В истории всегда огромную роль играла, и будет играть личность человека. Выдвинутая на передний край она может, не страшась, каких-либо отрицательных последствий, взять на себя всю полноту ответственности. Обучения и воспитания искусству можно значительно повысить качество знаний, умений и навыков, эффективность преподавания.

Ключевые слова: культура, традиции, обычаи, воспитание, искусство, казачество, молодежь, мышление.

Лу Вэйси

Фортепианные концерты И. Брамса

Цель данной работы - проанализировать особенности фортепианных концертов Иоганнеса Брамса как синтеза симфонического мышления и фортепианной виртуозности. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- исторический контекст создания концертов;
- их место в развитии жанра фортепианного концерта;
- характерные черты драматургии, формы и оркестровки;
- принципы взаимодействия солиста с оркестром;

Актуальность темы обусловлена интересом к творчеству Брамса как одной из ключевых фигур позднего романтизма. Концерты масштабны по своей мысли и глубине. Изучение фортепианных концертов Брамса позволяет лучше и детальнее понять эволюцию стиля эпохи романтизма, а так же природу взаимодействия солиста и оркестра в музыкальном искусстве второй половины XIX века.

Ключевые слова: И. Брамс, концерт, музыка, фортепиано, достижение, симфония.

Эжан Шилун

Объяснение причин сценического волнения у вокалистов-учащихся и теоретическое построение стратегий педагогического вмешательства

Вокальное исполнение, в силу своей телесной природы, где «я есть инструмент», и непо-

средственной экспозиции эмоций, ставит учащихся перед уникальными психологическими вызовами, делая сценическое волнение распространенным феноменом [2]. Данная работа, основанная на теоретическом анализе и синтезе литературы, предлагает модель возникновения тревоги, основанную на взаимодействии «тело-когниции-контекст» [2, 3, 5]. Её причинами служат: неопределенность контроля над телом-инструментом [2], искаженные оценочные мысли (страх оценки, перфекционизм) [3, 4] и стрессогенная ситуация выступления (экзамены, сцена) [5]. На основе этой модели строится система «когнитивно-поведенческое-телесное» вмешательства для интеграции в учебный процесс, включающая: когнитивную перестройку целей [1], постепенную экспозицию через «исполнительскую лестницу» [5] и психофизическую регуляцию (дыхание [7], центрирование). Исследование предоставляет теоретическую основу и практическую схему для перехода вузовской педагогики от «приоритета техники» к целостному «соразвитию тела и психики» [1].

Ключевые слова: сценическое волнение, теоретическая модель, когнитивная реструктуризация, постепенная экспозиция, психофизическая регуляция.

Бакшеев А.И.

Андренко О.В.

Вергун А.С.

Турчина Ж.Е.

Первый периодический литературный журнал Сибири «Иртыш, превращающийся в Иппокрену»: состояние и перспективы исследования

Сибирский журнал «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» - периодическое (ежемесячное) издание, выходящее в Тобольске в 1789–1791 годах, основателем которого был Панкратий Платонович Сумароков, можно считать памятником культуры конца XVIII в. Несмотря на непродолжительность издания, журнал по-прежнему вызывает интерес исследователей, сопровождаемый появлением многочисленных трудов. В данной статье представлена информация о периодическом издании и посвященных ему научных публикациях: это библиографические работы, литературоведческие исследования социальной, эстетической и литературной программы, сатирических направлений и переводов произведений западноевропейских авторов. Сделан вывод, что на журнал Иртыш» следует смотреть, в первую очередь, как на один из первых примеров российской провинциальной журналистики и печати.

Ключевые слова: Тобольск, Панкратий Сумароков, периодическое издание, библиография, литературоведение.

Васильченко А.В.

Влияние политической рекламы на общественное сознание (на материале печатной продукции)

Целью работы являлось исследование основных способов и особенностей влияния политической рекламы на общественное сознание. Рассмотрены цель, способы, особенности и компоненты политической рекламы. Отмечено, что политическая реклама выполняет важную роль в обществе, она является значимым и необходимым инструментом в избирательном процессе. В процессе исследования выявлено, что политическая реклама формирует общественное мнение. Ее использование дает большие возможности донести свои взгляды, принципы и идеи до избирателей.

Ключевые слова: политическая реклама, средства массовой информации, общество, общественное сознание, избиратели, имидж.

Воробьева М.В.

Фролова Ю.В.

Философия и символизм живописи школы Вэньжэньхуа

В наши дни в России возрастает интерес к Китайской культуре. Это выражается в увеличении спроса на изучение китайского языка, количестве открывающихся школ и курсов китайской живописи и каллиграфии, моде на чайные церемонии, организации выставок, фестивалей с экспонатами китайского искусства и ремёсел, концертов традиционной музыки и танца и т.п. Но насколько глубоко мы способны осмыслить эту культуру?

Для понимания любого культурного явления необходимо иметь представление о том, в

условиях какого философско-идеологического климата оно возникло и формировалось. Эта статья является попыткой осветить один из уникальных и сложных феноменов китайской национальной культуры - живопись направления Вэньженьхуа - в аспекте его глубокого философского наполнения.

Основным материалом для изучения данной темы служат древние китайские поэтические и философские тексты, обладающие высокой историко-культурной ценностью.

Ключевые слова: Вэньженьхуа, Се И, китайская философия, китайская живопись, китайская культура.

Воронкова А.С.

Пуантизм балерины Ильмиры Багаудиновой как инновационная художественная практика

Статья посвящена анализу современной арт-практики «пуантизм» как элемента художественной культуры, исследуемого балериной Мариинского театра Ильмирой Багаудиновой. Данный метод синтезирует исполнение классического танца на пуантах с созданием в интерактивном режиме живописной композиции на холсте. Основу метода составляет дуализм перформанса и наличие статичного объекта по итогам его завершения. «Пуантизм» позиционируется как интермедийная художественная практика. Его художественная ценность обоснована развитием идей авангардных стратегий конца XIX – XX века – Р. Вагнера, О. Шлеммера, И. Кляйна, Д. Кейджа. Творчество Багаудиновой соответствует критериям «концептуальной среды», как ключевой категории современного актуального искусства. К ним относятся трансмедийность, динамичность современной конвенциональности, преодоление границ выставочного пространства, агрессивное вторжение в зрительское поле и отказ от иллюзионизма. Предпринята попытка доказать, почему «пуантизм» не является экзотическим действием, но представляет собой последовательную художественную практику с собственной методологией, материально-технической базой и институциональным потенциалом, способным внести значительный вклад в современную художественную практику.

Ключевые слова: пуантизм, Ильмира Багаудинова, Джон Кейдж, Ив Кляйн, Gesamtkunstwerk, трансмедийность, балет, живопись, перформанс, концептуальная среда.

Гаврилюк Н.П.

Деду Е.И.

Гносеологический и терминологический дискурс о генезисе бумаги в Китае

Статья посвящена комплексному анализу междисциплинарной научной дискуссии о происхождении и ранней эволюции бумаги в Китае, инициированной археологическими открытиями второй половины XX века. Традиционный нарратив, связывающий изобретение бумаги с именем сановника Цай Луня (ок. 105 г. н.э.), рассматривается как частный случай феномена персонализации технологических инноваций. Отправной точкой полемики стали находки в Бацяо и других памятниках эпохи Западной Хань (II – I вв. до н.э.), опровергшие каноническую хронологию. В работе реконструируется историографический контекст формирования канонической версии, анализируются ключевые археологические свидетельства, исследуются терминологические («чжи») и технологические критерии идентификации древней бумаги.

Центральное внимание уделяется методологическому расколу между сторонниками ревизионистской хронологии (во главе с историком Пань Цзисином) и технологами бумажной промышленности, которые интерпретируют ранние артефакты как примитивные протобумажные формы. Демонстрируется, что научная дискуссия была существенно осложнена идеологическими и политическими факторами. Фигура Цай Луня, выполнявшая функцию консолидирующего национального нарратива, стала объектом защиты со стороны государственных институтов, воспринимавших ревизию как угрозу символическому капиталу культурного приоритета Китая. В итоге авторы приходят к выводу, что роль Цай Луня, вероятно, заключалась не в первичном изобретении, а в систематизации и имплементации технологии в масштабах империи. Показано, что дискуссия о происхождении бумаги является наглядным кейсом взаимодействия науки, идеологии и политики в конструировании исторического знания.

Ключевые слова: Китай, происхождение бумаги, Цай Лунь, Западная Хань, Бацяо, Пань Цзисин, технологический приоритет, идеология и наука, методологический конфликт, «Четыре великих изобретения».

Го Сюемэй

Систематичность спортивных мероприятий как части приграничной культуры (на примере г. Хэйхэ и г. Благовещенск)

Данная статья посвящена спортивно-культурному обмену между городами Хэйхэ и Благовещенск, «городами-побратимами» на китайско-российской границе. На основе полевых исследований, анализа литературы и тематических исследований в статье анализируются достижения в области сотрудничества и существующие проблемы между двумя городами в сфере спортивных мероприятий, молодежных обменов и народных видов спорта, а также предлагаются целенаправленные рекомендации по оптимизации, которые послужат ориентиром для содействия устойчивому развитию обменов между двумя городами и углублению дружественных отношений между Китаем и Россией.

Ключевые слова: китайско-российская граница, спортивные и культурные обмены, Хэйхэ, Благовещенск.

Калмыкова М.В.

Национальная гастрономия как объект нематериального культурного наследия: прецедент включения итальянской кухни в список ЮНЕСКО

Статья посвящена комплексному анализу прецедентного включения итальянской кухни в Репрезентативный список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО в 2025 году. Объектом охраны наследия стала не отдельная гастрономическая практика, а целостная национальная кухня, рассмотренная как система социокультурных ценностей и повседневных практик. Исследование выявляет методологическую новизну номинации, основанной на концепции «культурной экосистемы», которая преодолела традиционную для ЮНЕСКО дилемму между региональным разнообразием и национальной целостностью. Термин «культурная экосистема» - концептуальный, центральный в диалектике исследования - объединении региональной фрагментированности в целостный объект.

На основе междисциплинарного подхода (культурология, антропология, экономика, история) проанализированы ключевые этапы подготовки заявки (2023–2025 гг.), ее концептуальные основания, структура участников и аргументация. Особое внимание уделено переосмыслению роли базовых элементов кухни – от акцента на сезонности и локальности продуктов до ритуалов совместной трапезы и межпоколенной передачи знаний.

В статье также оцениваются непосредственные и прогнозируемые последствия признания: трансформация профессиональной идентичности шеф-поваров, динамика гастрономического туризма и рынка аутентичных продуктов, а также влияние статуса и авторитета ЮНЕСКО на внутреннюю дискуссию о здоровье, экологии и сохранении традиций в условиях глобализации. Кейс итальянской кухни представлен как новый формат культурной дипломатии и модель для будущих номинаций, расширяющая инструментарий охраны живого наследия.

Ключевые слова: нематериальное культурное наследие, ЮНЕСКО, итальянская кухня, гастрономические практики, культурная экосистема, региональное разнообразие, социокультурные ценности, гастрономический туризм, сохранение традиций.

Лу Вэйси

Фортепианные сонаты А.Н. Скрябина: путь от романтизма до мистицизма

Цель данной работы - проанализировать эволюцию фортепианных сонат Александра Скрябина как пути от романтической эстетики к философско-мистическому мировоззрению, воплощенному в его позднем творчестве. Для достижения этой цели необходимо рассмотреть:

- историко-стилистические условия формирования стиля композитора;
- особенности гармонического языка, формы и фактуры в произведениях разных периодов;
- изменения эстетики, связанные с переходом от романтизма к символизму и далее - к мистическому мировоззрению Скрябина.

Актуальность темы обусловлена устойчивым интересом исследователей и исполнителей к творчеству Скрябина, к его уникальной роли в становлении модернизма и поиске нового звучания, а также к философскому содержанию поздних сонат, в которых музыкальный язык становится средством выражения метафизических идей. Понимание эволюции сонатного стиля композитора позволяет не только раскрыть специфику его мышления, но и проследить общие тенденции развития музыкального искусства рубежа XIX–XX веков.

Ключевые слова: А.Н. Скрябин, мистицизм, эстетик, проведение, соната, фортепиано.

Невраев А.Н.

Влияние культурного кода на этику социальной рекламы

В статье рассматривается, как культурные коды – устойчивые символы, нормы и ценности, разделяемые в конкретном обществе – определяют этические рамки восприятия социальной рекламы. На примере кампаний из пяти стран (США, Япония, Индия, Австралия, Россия) показано, что игнорирование культурного контекста не только снижает эффективность коммуникации, но и может вызвать этические конфликты. Анализ демонстрирует, что адаптация сообщений к локальным культурным кодам – не дань моде, а необходимое условие легитимности и воздействия социальной рекламы. Особое внимание уделено дилеммам, возникающим при трансляции кампаний за пределами их исходного культурного пространства.

Ключевые слова: социальная реклама, культурный код, этика коммуникации, межкультурная адаптация, общественные ценности.

Лушикова Т.Л.

Тилинина М.Н.

Свето-цветовые решения в пространстве акварельных пейзажей Ричарда Берггольца

Пейзажная живопись, в целом, имеет очень большое значение именно для русской художественной культуры, которая традиционно тесно связана с богатейшей русской природой, опираясь на нее в духовном и идейном плане. Отдельным направлением является лирический пейзаж, или «пейзаж настроения», целью которого является изображение не столько конкретного пейзажа, сколько эмоций и переживаний автора-художника. Данная статья посвящена творчеству выдающегося русского акварелиста Ричарда Берггольца, работы которого, к сожалению, были обойдены вниманием искусствоведов. Характерными особенностями его творческой манеры являются: холодноватая цветовая гамма, широкое использование техники «по-сырому» (особенно в изображении дальней перспективы), выбор трансформационных периодов для отображения на полотнах (переход между осенью и зимой, и т.д.). Важно подчеркнуть, что его полотна отличает высочайшее искусство передачи атмосферы на картинах, которое является уникальным как для российской художественной школы, так и для мировой. Представленная статья вносит большой вклад в историю исследования акварельной живописи в России, которая является мало представленной на страницах академических изданий.

Ключевые слова: Ричард Берггольц, акварельная живопись, акварельный пейзаж, лирический пейзаж, Общество русских акварелистов, техника «по сырому», русский пленер.

Жан Шилун

От «Украшения» к «Выражению»: исследование эволюции функции вокальных украшений в бельканто романтического периода

Данное исследование фокусируется на фундаментальной трансформации функции вокальных украшений (орнаментики) в развитии искусства бельканто в XIX веке [1]. Посредством сравнительного анализа использования украшений в операх Россини и Верди раскрывается переход их основной функции от вспомогательного украшения, служащего демонстрации вокальной красоты, к ключевому средству драматической выразительности. Исследование показывает, что в операх Россини украшения преимущественно импровизировались певцами с целью подчеркнуть величие и техническое мастерство голоса, в то время как в творчестве Верди они стали строго предписанными композитором в партитуре, органичным элементом для раскрытия психологии персонажа. Эта эволюция знаменует исторический сдвиг эстетической парадигмы в бельканто – от абстрактного культа «прекрасного пения» к конкретному воплощению драматической правды.

Ключевые слова: бельканто, вокальные украшения, Россини, Верди, романтизм, драматическая выразительность, эволюция функции.

Башилова Е.И.

Бакшеев А.И.

Гусаренко В.В.

Литературные журналы России конца XIX – начала XX века как культурно-исторический феномен

В статье рассмотрены культурно-исторические особенности литературных журналов в России в конце XIX начале XX вв. Автором осуществлен анализ публикаций произведений российских писателей в литературных журналах рассматриваемого периода. Отдельное внимание в статье уделено таким российским литературным журналам как «Вестник Европы», «Русское богатство», «Мир божий», «Современный мир», «Современник», «Летопись». По результатам исследования сделаны выводы об основных культурно-исторических особенностях литературных журналов в России в конце XIX начале XX вв.

Ключевые слова: литературный журнал, русская литература, беллетристика, публицистика.

Терновая Л.О.

Чапкин Н.С.

Предметное поле антропологии математики в контексте международных отношений

Статья посвящена антропологическому подходу к математике, рассматривает его развитие через призму исторических событий, фигур и культурных контекстов от XVII в. до современности. Авторы анализируют влияние математики на войну, политику, экономику и прогнозирование международных отношений, ссылаясь на ключевые события каждого исторического периода, например возникновения первой системы международных отношений в 1648 г. после Тридцатилетней войны и Нидерландской революции, эпохи протоголобализации последней треть XIX столетия. с антропологической точки зрения обсуждаются биографии известных математиков (Гаусс, Гаусс, Пуанкаре), роль математики в идеологических битвах, войнах и современных вызовах.

Ключевые слова: антропология математики, история математики, математика и война, международное прогнозирование, модернизация, криптография.

Нурутдинова А.Р.

Фаттахова Н.Н.

Права человека, культурная идентичность и глобализация в паремиях: лингвосенсорный анализ

Статья посвящена анализу репрезентации ключевых социально-философских концептов – прав человека, культурной идентичности и глобализации – в русском паремиологическом фонде. Цель исследования заключается в выявлении глубинных лингвосенсорных моделей, которые опосредуют восприятие этих абстрактных проблем через призму телесного и чувственного опыта, закрепленного в языке. Методологическую основу составляет интегративный лингвосенсорный подход, синтезирующий методы семантико-когнитивного анализа паремий, контекстуальной интерпретации и лингвокультурологии. Центральным объектом анализа выступают соматические компоненты (телесные метафоры вкуса, осязания, пространства, боли), которые выступают в качестве ключей к расшифровке архаичных, но устойчивых культурных кодов. Доказано, что проблематика прав человека в русских паремиях кодируется преимущественно через оппозиции «воли/неволи» и «правды/кривды», выражаемые сенсорикой физического действия, ограничения и этического чувства. Процессы глобализации и взаимодействие с «другим» репрезентируются через бинарную оппозицию «свой/чужой», материализованную в сенсорных кодах пищи (свое vs. чуждое), боли (угроза) и освоенного vs. чужого пространства. Автор утверждает, что паремии функционируют как стабильные накопители коллективного чувственного опыта, через которые культура осмысляет и концептуализирует сложные социальные явления. Лингвосенсорный анализ признается эффективным инструментом для критической деконструкции современных международных, политических и образовательных дискурсов, позволяющим вскрыть их неочевидные культурно-обусловленные основания. Результаты исследования имеют практическую значимость: они могут быть применены для повышения эффективности межкультурной коммуникации, в практике перевода, а также при разработке образовательных программ в области культурологии, политологии и лингвистики, способствуя преодолению методологического этноцентризма и учета культурной специфики восприятия.

Ключевые слова: лингвосенсорика, паремиология, соматический код, культурная концептология, русский язык, права человека, глобализация, культурная идентичность.

Напсо М.Д.

Агирбов Т.Р.

Сущность и последствия цифрового неравенства для развития сферы образования

В статье рассматриваются сущность и последствия цифрового неравенства для развития системы образования. Обращается внимание на то, что цифровое неравенство является следствием множества взаимосвязанных факторов – социально-экономических и культурных. Подчеркивается, что цифровое неравенство является объективной реальностью, результатом процессов цифровизации экономики в первую очередь, которая предъявляет сфере образования повышенные требования. Рассматриваются характеристики цифрового неравенства, анализируются вызываемые им последствия как негативного, так и позитивного свойства. Анализируются способы преодоления цифрового неравенства в образовательной среде.

Ключевые слова: цифровое неравенство, цифровая инфраструктура, цифровая грамотность, цифровые компетенции, цифровой капитал, цифровая социализация, социальная эксклюзия.

Бураев Ф.В.

Балашова Н.А.

Кадровый потенциал муниципального управления

Проблема кадрового обеспечения органов местного самоуправления является одной из актуальных задач, стоящих на повестке дня. В статье рассмотрены причины и решения проблемы, в частности, в виде комплексной работы, связанной с оптимизацией, развитием и эффективностью человеческих ресурсов (кадров), а также с деятельностью органов власти и управления.

Ключевые слова: кадровый потенциал, государственное управление, муниципальное управление, квалификация, мобильность кадров, мотивация, государственная служба.

Брун М.Е.

Сетевая структура акторов политического мейнстрима

В статье исследуется трансформация политического процесса через призму сетевого подхода и акторно-сетевой теории в условиях цифровизации коммуникационного пространства. Актуальность работы определяется противоречием между массовизацией цифровых практик (82% населения России - регулярные пользователи интернета) и низкой политической активностью в социальных медиа (лишь 2-3% пользователей обращаются к ним для политической коммуникации), что требует переосмысления роли сетевых структур в политическом процессе. Классические социологические подходы, разработанные в эпоху массовых коммуникаций и централизованных институтов, оказываются недостаточными для объяснения феноменов сетевого общества, где возникают новые типы акторов - от инфлюенсеров до алгоритмических систем. Цель исследования состоит в разработке концептуальной рамки для анализа сетевой структуры акторов политического мейнстрима с учётом принципиальной гетерогенности участников политического процесса. Методологическая основа интегрирует акторно-сетевую теорию Б. Латтура, концепцию сетевого общества М. Кастельса и российские исследования цифровой политической коммуникации. Теоретический анализ позволил концептуализировать ключевые понятия «политический мейнстрим», «сетевая структура» и «актор», выявить механизмы сетевого взаимодействия и обосновать необходимость включения в аналитическую рамку нечеловеческих акторов - технологических платформ, алгоритмов ранжирования и интерфейсов социальных сетей. Показано, что современный политический мейнстрим организован по сетевому принципу с децентрализацией власти и множественностью центров влияния, а цифровизация представляет собой не появление новых технологий, но фундаментальную трансформацию природы политического взаимодействия через сопряжение онлайн- и офлайн-пространств. Российская специфика определяется особенностями дискурсивных практик, государственным регулированием цифровой среды и поляризацией онлайн-дискурса. Результаты исследования могут быть применены для разработки стратегий политической коммуникации и регулирования цифровых платформ с учётом роли нечеловеческих акторов в формировании политической повестки.

Ключевые слова: акторно-сетевая теория, политический мейнстрим, сетевая структура, цифровизация политики, нечеловеческие акторы.

Гаева А.В.

Опыт эмпирического исследования эффективности деятельности региональной политической элиты

В статье представлено исследование эффективности деятельности региональной политической элиты. Политическая элита – одна из ведущих социальных групп. Она занимает видное место в социальной структуре общества и играет значительную роль в общественном развитии. Ее социальную роль на современном этапе нельзя объяснить только статусными признаками или преобразованиями, затронувшими различные сферы общественной жизни. Элита напрямую связана с реализацией ряда общественных потребностей, прежде всего в сохранении стабильности общества, создании рациональных и обоснованных управленческих парадигм и технологий, обеспечивающих эффективную организацию управленческого процесса и поступательное развитие общества. Определение эффективности политической элиты и выявление результатов управления социально-экономическими системами остается одной из наименее исследованных областей политической науки. Еще больше сложностью этот вопрос вызывает в практической деятельности органов власти и управления. Вместе с тем совершенно очевидно, что оценка эффективности политической элиты представляет чрезвычайную практическую ценность, поскольку позволяет определить, насколько правильно выбраны направления деятельности и какой результат она приносит.

Ключевые слова: элита, политическая элита, региональная политическая элита, эффективность, эффективность деятельности региональной элиты, политическое управление.

Гусарова М.Н.

Авакян Д.А.

Отечественный опыт внедрения урбанистики в градостроительную политику государства

Авторы анализируют отечественный опыт градостроительной политики государства и ее эволюцию. В статье рассмотрены ключевые этапы развития урбанистической мысли на Западе и в СССР, включая концепции города-сада, домов-коммун, индустриального и массового жилищного строительства. Особое внимание уделяется социально-идеологическим основаниям советского градостроительства и их влиянию на пространственную организацию городов. Показано, что многие архитектурно-планировочные решения советского периода сохраняют актуальность и определяют облик современных российских городов, одновременно порождая системные проблемы. Авторы, анализируя вызовы урбанизации в современной России, приходят к выводу о необходимости формирования целостной и человекоориентированной градостроительной политики, основанной на осмыслении отечественного опыта и изучении международных практик развития городского пространства.

Ключевые слова: город, городское политическое пространство, политическая урбанистика, градостроительная политика, городское планирование.

Фидарова К.К.

Калабекова С.В.

Кулова М.Л.

Погосова К.Л.

Первые шаги в науку: исследования студентов, аспирантов и молодых ученых вузов Северо-Кавказского Федерального округа

В статье рассматривается о начале исследовательского пути нового поколения учёных: студентов, аспирантов в развитии научного потенциала Северо-Кавказского федерального округа (СКФО). Анализируются ключевые направления исследований, инфраструктура поддержки молодых ученых, а также основные вызовы, с которыми они сталкиваются. Через истории их первых проектов, экспериментов и публикаций раскрываются трудности, мотивации и амбиции тех, кто сегодня определяет научный потенциал региона. На основе изложенных данных и делаются выводы о перспективах развития науки в СКФО.

Ключевые слова: молодые ученые, студенческая наука, аспирантура, научные исследования, СКФО, научная инфраструктура.

Карпенко А.М.

Актуальность казачьей идентичности в современном обществе

Статья посвящена анализу актуальности казачьей идентичности как значимого социокультурного и политического феномена в условиях современных вызовов российскому обществу. Автор исследует, каким образом традиционная казачья идентичность адаптируется к реалиям современности, сохраняя при этом ядро ценностных установок и выполняя важные социальные функции.

Цель исследования – выявить ключевые аспекты актуальности казачьей идентичности в современной России, определить её роль в формировании гражданской солидарности, патриотического сознания и региональной самобытности.

В работе рассмотрены:

- исторические основания казачьей идентичности и её эволюция;
- структурные компоненты современной казачьей идентичности (культурно-историческая память, ценностные ориентиры, символические практики);
- механизмы трансляции идентичности через образование, фольклор, общественные объединения и военно-патриотическую деятельность;
- взаимодействие казачьих сообществ с государственными институтами в рамках реализации Стратегии государственной политики в отношении российского казачества.

Ключевые слова: казачья идентичность, патриотизм, традиционная культура, региональная идентичность, казачьи общества, гражданская консолидация, историко-культурное наследие, социальное самоопределение, политическая ситуация, политизация вопроса казачества.

Аинокова Л.М.

Павельева Т.Ю.

Взаимосвязь языка и молодежного менталитета

В статье рассматривается один из важнейших факторов детерминации менталитета российской молодежи – язык. Менталитет молодежи объективирует себя в языке, а язык выступает как та основа, которая формирует в нем специфику представлений о мире, системы ценностей и норм поведения, характерных для молодежи. Язык – это такой феномен культуры, который впитывает в себя и определенным образом отражает характерные социальные особенности, которые мы можем обозначить как ментальные.

Ключевые слова: язык, языковой менталитет, структура языкового менталитета, языковая ментальность молодежи.

Анисимова В.В.

Симаев А.К.

Башилова Е.И.

Искусственный интеллект как фактор трансформации корпоративной культуры в организациях

В современном мире индустрия 4.0 открывает новые возможности, обусловленные цифровой трансформацией. В центре внимания находится искусственный интеллект (ИИ), который радикально меняет традиционные подходы к формированию и развитию корпоративной культуры. Целью исследования является анализ влияния искусственного интеллекта на развитие корпоративной культуры в организациях. Вывод исследования заключается в том, что интеграция искусственного интеллекта в корпоративную культуру организации может способствовать ее кардинальному изменению.

Ключевые слова: искусственный интеллект (ИИ), корпоративная культура, организация, технологии ИИ.

Нансо М.Д.

Агирбов Т.Р.

Принцип компетентности в инновационном развитии образования

Введение. В статье раскрывается сущность принципа компетентности, даются его основные характеристики, исследуются особенности использования компетентного подхода в образовательной деятельности. Принцип компетентности понимается как совокупность знаний и умений, востребованных инновационными трендами образования. Теоретический анализ. Применение принципа компетентности и сформированного на его основе компетентного подхода представляет особую актуальность в связи с развитием личностно-ориентированного обучения, выступающего в качестве новой образовательной парадигмы

и являющегося фактором инновационного развития образовательной системы. Принцип компетентности востребован усилением процессов диджитализации, которая предъявляет участникам образовательного процесса повышенные требования, вызванные трансформациями экономического характера. Заключение. Применение принципа компетентности является одним из условий повышения эффективности образовательной деятельности и реализации процессов, связанных с личностным ростом и самореализацией. Принцип компетентности исходит из признания значимости традиционных практик обучения, необходимости приведения их в соответствие с образовательными требованиями современного времени. Востребованность принципа компетентности объясняется новой образовательной парадигмой, призванной соответствовать требованиям социально-экономического и цифрового контекста.

Ключевые слова: принцип компетентности, компетентный подход, цифровизация образования, инновационность, образовательная парадигма, образовательные компетенции, креативность.

Гаврилюк Н.П.

Деду Е.И.

Бумага как феномен технологической культуры: к вопросу о генезисе и транскультурном трансфере

Статья посвящена комплексному анализу бумаги как ключевого феномена технологической культуры, исследуя её происхождение и процесс распространения в транскультурном пространстве Евразии. Отмечая историографическую маргинализацию бумаги по сравнению с элитарным и экономически значимым шёлком, авторы выявляют их глубинную технологическую и генеалогическую связь, уходящую корнями в ранние текстильные производства Китая. На основе археологических, лингвистических и письменных источников реконструируется ранняя история бумаги, пересматривается традиционная атрибуция её изобретения Цай Луню и анализируется его вероятный вклад - диверсификация сырья и усовершенствование технологии отлива. Многовековой процесс технологических усовершенствований бумаги, завершившийся в Европе изобретением книгопечатания, заложил материальную основу для глобальной коммуникационной революции.

Ключевые слова: бумага, технологическая культура, генезис, трансфер технологий, транскультурный обмен, Китай, Шёлковый путь, Цай Лунь, распространение бумаги, Средняя Азия, исламский мир, Европа.

Галаганова С.Г.

Горохова М.Ю.

От «культуры отмены» – к «культуре подмены»

«Культурой подмены» авторы называют новый культурный феномен, формирующийся в результате всё более широкого распространения дезинформации в социальных сетях – прежде всего, анонимных сетевых сообществах. На примере так называемой «катастрофы ХасеКара» – инцидента в социальной сети «2channel» («катастрофы ХасеКара»), позволившего превратить виртуальный троллинг в реальные преступные действия – в статье исследуются механизмы постепенной подмены реальности её симулятивными моделями. «Культура подмены», проявляющаяся в массовой модификации коллективного поведения членов сетевых сообществ под влиянием дезинформации, оценивается авторами как один из наиболее серьёзных рисков цифровой эпохи.

Ключевые слова: культура подмены, катастрофа ХасеКара, 2channel (2ch.net), дезинформация, анонимное сетевое сообщество, симуляция, социальная сеть, социальная платформа, психологическая операция (ПСИОП), виртуальная толпа.

Ещенко Т.В.

Применение беспилотных летательных аппаратов в строительной отрасли

В данной статье рассматривается практическое применение в области строительства беспилотных летательных аппаратов в реальных условиях эксплуатации. В настоящее время широкое применение беспилотников или так называемых дронов можно найти во многих сферах деятельности, таких как горная промышленность, агропромышленный комплекс, здравоохранение, сфера транспорта. Например, используются строительными органами надзора, при оценивании ущерба при разрушении здания, при разбивке геодезических координат, проверке безопасности стройплощадки, мониторинге хода работ, техническом обслужи-

вании зданий, а также при термографических исследованиях. По результатам исследования установлено, что беспилотники так же активно применяются в большом количестве и имеют важную роль в строительной сфере. Выявлены основные категории беспилотников, а также установлено каким образом обеспечивается безопасность при использовании БПЛА

Ключевые слова: дроны, винтокрылые машины, «слепая зона», детализация, безопасность, техническое обслуживание, исследования.

Логачева Е.А.

Влияние физической культуры на личностное самосовершенствование студентов

В статье исследуется роль физической культуры как ключевого фактора в процессе самосовершенствования личности студента. Рассмотрены актуальные проблемы современной студенческой среды, такие как гиподинамия, стресс и снижение социальной активности, и обоснована необходимость использования средств физической культуры для их преодоления. На основе анализа научной литературы выделяются и систематизируются аспекты влияния физической активности на развитие личностных качеств (дисциплина, целеустремленность, волевые качества) и академическую успеваемость студентов. Сформулированы основные проблемы, препятствующие активному образу жизни в студенческой среде, и предложены практические рекомендации по интеграции физической активности в образовательный процесс и повседневную жизнь молодежи. Подчеркивается, что целенаправленное внедрение физической культуры способствует не только укреплению здоровья, но и формированию социально ответственной, психологически устойчивой и гармонично развитой личности, готовой к профессиональной самореализации.

Ключевые слова: физическая культура, самосовершенствование личности, студенты, личностные качества, академическая успеваемость, здоровый образ жизни, интеграция, образовательный процесс, рекомендации, психологическое благополучие.

Медведева О.А.

Использование искусственного интеллекта в сферах учебного процесса

Применение искусственного интеллекта (ИИ) в образовании постепенно стандартизируется. В последние годы в России приняли несколько ГОСТов, в которых содержатся правила и рекомендации по работе с ИИ в разных аспектах обучения: от написания работ до учета успеваемости обучающихся. Критически важным является обеспечение должного уровня доверия к используемым технологиям искусственного интеллекта и необходимость повышенного стандарта публичного контроля, включая обязательность сертификации деятельности искусственного интеллекта в разных областях, в том числе, в образовании.

Ключевые слова: искусственный интеллект, государственный стандарт, образование.

Пронина Е.В.

Джежелый С.В.

Влияние организационной культуры на деятельность организации в агропромышленном комплексе

В статье исследуется роль организационной культуры в агропромышленном комплексе (АПК) как ключевого фактора эффективности и конкурентоспособности предприятий. Рассмотрены структура и специфические особенности культуры в АПК, механизмы её формирования и развития, методы оценки и инструменты управления. Обоснована необходимость системного подхода к совершенствованию организационной культуры с учётом сезонности производства и других отраслевых особенностей.

Ключевые слова: организационная культура, агропромышленный комплекс (АПК), управление культурой, эффективность производства, сезонность производства, корпоративная культура, конкурентоспособность предприятия.

Старостина Н.А.

Обогащение системы психологической поддержки преподавателей вуза коучинговыми техниками для активизации их творческой деятельности

В статье раскрывается значимость новых педагогических подходов, совершенствование интерактивных методов с применением коучинга. Рассмотрены аспекты психологической поддержки преподавателей. Дан анализ разрешения психологических вызовов, сопровожда-

ющих образовательный процесс. Рассмотрены коучинговые инструменты, направленные на то, чтобы вдохновить преподавателя на максимальное раскрытие его личного и профессионального потенциала, с особым фокусом на пробуждение и развитие его творческих сил.

Ключевые слова: педагогические подходы, интерактивные методы, психологическая поддержка, коучинг, психологические вызовы, коучинговые инструменты, профессиональный потенциал.

Строганов Д.О.

Куренкова Е.А.

Солярная и лунная интерпретации Хорса в контексте «Слова о полку Игореве»

Целью статьи является разрешение многолетнего спора о природе Хорса в пользу лунной интерпретации. Вопрос происхождения теонима «Хорс» автор отодвигает на задний план, вместо этого уделяя основное внимание «Слову о полку Игореве», являющемуся наиболее ценнейшим и наиболее важным источником по вопросу древнерусского язычества. Несомнительность солярной трактовки Хорса выявляется автором посредством контекстуального анализа фрагментов «Слова о полку Игореве», содержащих упоминания дневного и ночного светил. Анализируя данные фрагменты, автор применяет апагогический доказательный метод, чтобы обосновать свою точку зрения. Также в качестве дополнительного аргумента против солнечной интерпретации Хорса приводится отрывок из древнерусского перевода «Хроники» Иоанна Малалы. В работе критически рассматриваются взгляды на сущность Хорса современных исследователей: М.А. Васильева, А.А. Бескова, К.Л. Борисова – и приводится совершенно новый довод, подкрепляющий лунную интерпретацию: автор предлагает рассматривать эпитет «великий» как относящийся к облику Хорса, а не его статусу.

Ключевые слова: Хорс, Дажбог, Дажьбог, Дажьбог, Слово о полку Игореве, славянская мифология, древнерусская литература.

Фидарова К.К.

Маргиев Д.Ю.

Цомартов В.Р.

Туаева Ф.А.

Алборова А.В.

Феномен земской медицины в России: уникальная модель общественного здравоохранения

В статье исследуется феномен земской медицины, сложившейся в пореформенной России после 1864 года. Представлен анализ ее ключевых принципов – общедоступности, бесплатности, участковости, профилактической направленности и связи с санитарной деятельностью. Рассматривается организационная структура, роль земского врача, достижения и противоречия системы. Доказывается, что, несмотря на ограниченность ресурсов и зависимость от местных условий, земская медицина создала уникальную и эффективную модель общественного здравоохранения, оказавшую глубокое влияние на развитие отечественной и мировой медико-социальной мысли. Особое внимание уделяется историческому значению земского опыта для формирования систем первичной медико-санитарной помощи в XX веке.

Ключевые слова: земская медицина, общественное здравоохранение, история медицины в России, земский врач, участковая служба, санитарная организация, общедоступная медицина, Закон 1864 года.

Щербань А.В.

Изучение BIM технологии в проектировании здания из сборных элементов

В статье исследуется применение BIM инновации в разработке жилого дома из сборных конструкций за рубежом, а именно в Китайской Народной Республике. Данная инновация употребляется на стадии разработки и взаимодействует вместе с совмещенным, графическим и типизированным проектированием объектов, в том числе и экологически чистым проектированием. В ходе проведенного исследования было выявлено, что по сравнению с обычными методами, BIM позволяет уменьшить сроки проектирования и строительства, сократить затраты, улучшить процесс и поднять на новый уровень эффективность всестороннего проектирования.

Ключевые слова: технологии BIM, визуализация, строительство, проектирование, модель, стандартизация, сборные элементы.

Abstracts

Ulturgasheva N.D.

Chebodaeva M.P.

Alekseeva A.G.

Traditional saddle cloth (kichim) of the Khakass people (19th–early 20th centuries)

This article examines the traditional Khakass saddle cloth. The research is based on museum collections from the Russian Ethnographic Museum (St. Petersburg), the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), the Khakass National Museum of Local History, and the Minusinsk Museum of Local History. The author analyzes scientific publications on this issue that have appeared in Russian science in different years, the classification of saddle blankets (men's, women's, wedding and children's) and the technology of decoration. The Khakass saddle cloth, which has been in use in the Khakass-Minusinsk Basin since ancient Turkic and pre-Mongol times, allows it to be considered one of the most stable elements in the culture of the Khakass nomads. On the other hand, the equipment of the Khakass riding horse was lost during the Soviet era (1930-1950s).

Key words: decorative and applied arts of the Khakass people, saddle cloth, ethnic groups of the Khakass people – Kachins, Sagays, Koibals, Kyzyls.

Maltseva L.V.

Polonnikova A.A.

In the modern world: traditions, culture Kuban Cossacks

Times change, but the culture, traditions, and customs of one's people always remain eternal. It is essential to revive traditions and culture in our time; this will preserve them for posterity. Traditional culture is invaluable in the development and education of youth.

Traditions, culture, and customs begin where a person creates; this is re-vealed through imaginative thinking and the mastery of creativity. Mastering this yardstick is the essential characteristic of culture. Teaching art and history is key to introducing youth to traditions, culture, and customs. The individual has always played, and will continue to play, a vital role in history. When brought to the forefront, the individual can assume full responsibility without fear of any negative consequences. Art education and training can significantly improve the quality of knowledge, skills, and abilities, as well as the effectiveness of teaching.

Key words: culture, traditions, customs, education, art, Cossacks, youth, thinking.

Lu Weixi

Piano concertos by Johannes Brahms

The purpose of this paper is to analyze the characteristics of Johannes Brahms's piano concertos as a synthesis of symphonic thinking and piano virtuosity. To achieve this goal, it is necessary to consider:

- the historical context of the concertos' creation;
- their place in the development of the piano concerto genre;
- characteristic features of dramaturgy, form, and orchestration;
- the principles of interaction between soloist and orchestra;

The relevance of this topic stems from interest in the work of Brahms as one of the key figures of late Romanticism. The concertos are ambitious in their thought and depth. Studying Brahms's piano concertos allows for a better and more detailed understanding of the evolution of style in the Romantic era, as well as the nature of interaction between soloist and orchestra in musical art in the second half of the 19th century.

Key words: J. Brahms, concert, music, piano, achievement, symphony.

Zhang Shilong

Explanation of the causes of stage fright in student vocalists and theoretical development of pedagogical intervention strategies

Vocal performance, due to its embodied nature, where "the self is the instrument," and the direct exposure of emotions, presents students with unique psychological challenges, making stage anxiety a common phenomenon [2]. This study, based on a theoretical analysis and synthesis of

literature, proposes a model for the emergence of anxiety grounded in the interaction of “body-cognitions-context” [2, 3, 5]. Its causes include: uncertainty in controlling the body as an instrument [2], distorted evaluative thoughts (fear of judgment, perfectionism) [3, 4], and the stress-inducing performance situation (exams, stage) [5]. Based on this model, a “cognitive-behavioral-somatic” intervention framework is developed for integration into the educational process, encompassing: cognitive restructuring of goals [1], gradual exposure through a “performance ladder” [5], and psychophysical regulation (breathing [7], centering). The research provides a theoretical foundation and a practical framework for shifting vocal pedagogy from a “priority of technique” to a holistic “co-development of body and psyche” [1].

Key words: stage anxiety, theoretical model, cognitive restructuring, gradual exposure, psychophysical regulation.

Baksheev A.I.

Andrenko O.V.

Vergun A.S.

Turchina Z.E.

The first literary periodical in Siberia, “Irtysh, transforming into Hippocrene”: status and research prospects

The Siberian journal “The Irtysh Turning into Hippocrene,” a periodical (monthly) publication that was published in Tobolsk from 1789 to 1791, founded by Pankraty Platonovich Sumarokov, can be considered a monument of culture of the late 18th century. Despite the short duration of its publication, the journal continues to attract the interest of researchers, accompanied by the appearance of numerous works. This article presents information about the periodical publication and the scientific publications dedicated to it: these include bibliographic works, literary studies of the social, aesthetic, and literary program, satirical trends, and translations of works by Western European authors. It is concluded that the journal “Irtysh” should be viewed, first and foremost, as one of the first examples of Russian provincial journalism and printing.

Key words: Tobolsk, Pankraty Sumarokov, periodical publication, bibliography, literary studies.

Vasilchenko A.V.

The influence of political advertising on public consciousness (based on printed materials)

The purpose of this work was to study the main methods and features of the influence of political advertising on public consciousness. The purpose, methods, features, and components of political advertising were examined. It was noted that political advertising plays an important role in society and is a significant and necessary tool in the electoral process. The study revealed that political advertising shapes public opinion. Its use provides great opportunities to convey one’s views, principles, and ideas to voters.

Key words: political advertising, mass media, society, public consciousness, voters, image.

Vorobeva M.V.

Frolova Y.V.

Philosophy and symbolism of Chinese monochrome painting

Nowadays, interest in Chinese culture is increasing in Russia. This is reflected in the increased demand for learning Chinese, the number of schools and courses of Chinese painting and calligraphy opening, the fashion for tea ceremonies, the organization of exhibitions, and festivals with exhibits of Chinese art and crafts, concerts of traditional music and dance, etc.

However, how deeply are we able to comprehend this culture?

To understand any cultural phenomenon, it is necessary to have an idea of the philosophical and ideological climate in which it arose and was formed. This article is an attempt to highlight one of the unique and complex phenomena of Chinese national culture - the painting «Xie Yi» - in the aspect of its deep philosophical content.

The philosophy and symbolism of Chinese traditional painting by Xie Yi.

Key words: Wenzhenhua, Xie Yi, Chinese philosophy, Chinese painting, Chinese culture.

Voronkova A.S.

The pointe technique of ballerina Ilmira Bagavutdinova as an innovative artistic practice

This article is dedicated to the analysis of the contemporary art practice « Pointe Painting» as an element of artistic culture, explored by Mariinsky Theatre ballerina Ilmira Bagautdinova. This method synthesizes the performance of classical dance on pointe with the real-time creation of a pictorial composition on canvas. The foundation of the method lies in the dualism of the performance and the existence of a static object upon its completion. « Pointe Painting» is positioned as an intermedial artistic practice. Its artistic value is substantiated by the development of ideas from avant-garde strategies of the late 19th and 20th centuries – R. Wagner, O. Schlemmer, Y. Klein, J. Cage. Bagautdinova's work aligns with the criteria of the «conceptual environment» as a key category of contemporary relevant art. These criteria include transmediality, the dynamism of contemporary conventionality, the overcoming of exhibition space boundaries, aggressive intrusion into the spectator's field, and the rejection of illusionism. An attempt is made to demonstrate why « Pointe Painting» is not an exotic spectacle, but rather a coherent artistic practice with its own methodology, material-technical base, and institutional potential, capable of making a significant contribution to contemporary artistic practice.

Key words: Pointe Painting, Ilmira Bagautdinova, John Cage, Yves Klein, Gesamtkunstwerk, transmediality, ballet, fine art, performance, conceptual environment.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

The epistemological and terminological discourse on the genesis of paper in China

The article provides a comprehensive analysis of the interdisciplinary scientific debate on the origin and early evolution of paper in China, which was sparked by archaeological discoveries in the second half of the 20th century. The traditional narrative attributing the invention of paper to the official Cai Lun (c. 105 AD) is examined as a specific case of the phenomenon of personalizing technological innovations. The starting point of the controversy was the findings at Baqiao and other sites from the Western Han period (2nd – 1st centuries BC), which challenged the canonical chronology. The work reconstructs the historiographical context of the formation of the canonical version, analyzes key archaeological evidence, and explores the terminological («zhi») and technological criteria for identifying ancient paper.

Central attention is paid to the methodological split between proponents of a revisionist chronology (led by historian Pan Jixing) and paper industry technologists, who interpret early artifacts as primitive proto-paper forms. It is demonstrated that the scientific debate was significantly complicated by ideological and political factors. The figure of Cai Lun, serving as a consolidating national narrative, became an object of protection by state institutions that perceived revision as a threat to the symbolic capital of China's cultural priority. Ultimately, the author concludes that Cai Lun's role likely lay not in the primary invention but in the systematization and implementation of the technology on an imperial scale. It is shown that the debate on the origin of paper is a vivid case study of the interaction between science, ideology, and politics in the construction of historical knowledge.

Key words: China, origin of paper, Cai Lun, Western Han Dynasty, Baqiao, Pan Jixing, technological priority, ideology and science, methodological conflict, «Four Great Inventions».

Guo Xuemei

Systematic sporting events as part of border culture (the case of Heihe and Blagoveshchensk)

This article examines sports and cultural exchanges between Heihe and Blagoveshchensk, cities on the Russian-Chinese border. It analyzes the current status and achievements of sports events and cooperation in youth and mass sports between the two cities, highlighting issues such as insufficient branding for events. It also proposes measures to optimize policies and deepen youth exchanges, serving as a guide for the sustainable development of exchanges between the two cities and the strengthening of Sino-Russian friendship.

Key words: Sino-Russian border, sports and cultural exchanges, Heihe, Blagoveshchensk.

Kalmykova M.V.

National gastronomy as an object of intangible cultural heritage: a precedent for the inclusion of Italian cuisine in the UNESCO list

The article is devoted to a comprehensive analysis of the precedent inclusion of Italian cuisine

in the UNESCO Representative List of Intangible Cultural Heritage of Humanity in 2025. The object of heritage protection was not a separate gastronomic practice, but an integral national cuisine, considered as a system of socio-cultural values and everyday practices. The study reveals the methodological novelty of the nomination, based on the concept of a “cultural ecosystem” that overcame UNESCO’s traditional dilemma between regional diversity and national integrity. The term “cultural ecosystem” is a conceptual term central to the dialectic of research – combining regional fragmentation into an integrated object.

Based on an interdisciplinary approach (cultural studies, anthropology, economics, history), the key stages of the preparation of the application (2023-2025), its conceptual foundations, the structure of participants and argumentation are analyzed. Special attention is paid to rethinking the role of the basic elements of cuisine, from the emphasis on seasonality and locality of products to the rituals of eating together and intergenerational knowledge transfer.

The article also evaluates the immediate and predictable consequences of recognition: the transformation of the professional identity of chefs, the dynamics of gastronomic tourism and the market of authentic products, as well as the impact of UNESCO’s status and authority on internal discussions about health, ecology and the preservation of traditions in the context of globalization. The case of Italian cuisine is presented as a new format of cultural diplomacy and a model for future nominations, expanding the toolkit for the protection of living heritage.

Key words: intangible cultural heritage, UNESCO, Italian cuisine, gastronomic practices, cultural ecosystem, regional diversity, socio-cultural values, gastronomic tourism, preservation of traditions.

Lu Weixi

A.N. Scriabin’s Piano Sonatas: From Romanticism to Mysticism

The goal of this work is to analyze the evolution of Alexander Scriabin’s piano sonatas as a path from romantic aesthetics to the philosophical and mystical worldview embodied in his late works. To achieve this goal, it is necessary to consider:

- the historical and stylistic conditions of the composer’s style formation;
- the features of harmonic language, form, and texture in works of different periods;
- changes in aesthetics related to the transition from romanticism to symbolism and further - to Scriabin’s mystical worldview.

The relevance of the topic is due to the sustained interest of researchers and performers in Scriabin’s work, his unique role in the formation of modernism and the search for new sound, as well as the philosophical content of his late sonatas, in which musical language becomes a means of expressing metaphysical ideas. Understanding the evolution of the composer’s sonata style allows not only to reveal the specifics of his thinking but also to trace the general trends in the development of musical art at the turn of the XIX-XX centuries.

Key words: A.N. Scriabin, mysticism, esthetician, work, sonata, piano.

Nevraev A.N.

The influence of cultural code on the ethics of social advertising

The article concludes with a reasoned conclusion that in order to achieve the maximum positive impact of social advertising on people, it is necessary to have a correct and deep understanding of the relevant cultural codes in order to minimize potential ethical conflicts. The article examines how cultural codes – enduring symbols, norms, and values shared in a particular society – define the ethical framework for the perception of public service announcements. Using campaigns from five countries (the United States, Japan, India, Australia, and Russia), the article demonstrates that ignoring cultural context not only reduces the effectiveness of communication, but can also lead to ethical conflicts. The analysis shows that adapting messages to local cultural codes is not a fad, but a necessary condition for the legitimacy and impact of public service announcements. Special attention is paid to the dilemmas that arise when campaigns are broadcast outside their original cultural context.

Key words: social advertising, cultural code, communication ethics, intercultural adaptation, and social values.

Lushnikova T.L.

Tilinina M.N.

Light and color solutions in the space of Richard Bergholz’s watercolor landscapes

Russian landscape painting, in general, is of great importance precisely for Russian artistic culture, which is traditionally closely connected with the richest Russian nature, relying on it spiritually and ideologically. A separate direction is the lyrical landscape, or “mood landscape”, the purpose of which is to depict not so much a specific landscape as the emotions and experiences of the author-artist. This article is devoted to the work of the outstanding Russian watercolorist Richard Bergholz, whose work, unfortunately, has been overlooked by art critics. The characteristic features of his creative style are: a chilly color scheme, extensive use of “raw” techniques (especially in long-range perspective images), the choice of transformational periods to display on canvases (the transition between autumn and winter, etc.). It is important to emphasize that his canvases are distinguished by the highest art of conveying the atmosphere in paintings, which it is unique both for the Russian art school and for the world. The presented article makes a great contribution to the history of the study of watercolor painting in Russia, which is poorly represented on the pages of academic publications.

Key words: Richard Bergholz, watercolor painting, watercolor landscape, lyrical landscape, Society of Russian Watercolorists, “raw” technique, Russian plein air.

Zhang Shilong

From “Ornament” to “Expression”: a study of the evolution of the function of vocal ornaments in romantic bel canto

This research focuses on the fundamental transformation of the function of vocal ornamentation in the development of the bel canto art during the 19th century [1]. Through a comparative analysis of the use of ornamentation in the operas of Rossini and Verdi, it reveals a shift in its core function from a supplementary embellishment serving to demonstrate vocal beauty to a key means of dramatic expression. The study shows that in Rossini’s operas, ornamentation was primarily improvised by singers to highlight the splendor and technical mastery of the voice, while in Verdi’s works, it became strictly prescribed by the composer in the score, an organic element for revealing a character’s psychology. This evolution marks a historical shift in the aesthetic paradigm of bel canto—from an abstract cult of “beautiful singing” to a concrete embodiment of dramatic truth.

Key words: bel canto, vocal ornamentation, Rossini, Verdi, Romanticism, dramatic expressiveness, evolution of function.

Bashilova E.I.

Baksheev A.I.

Gusarenko V.V.

Literary magazines of Russia in the late 19th – early 20th centuries as a cultural and historical phenomenon

This article examines the cultural and historical characteristics of literary journals in Russia in the late 19th and early 20th centuries. The author analyzes publications of Russian writers’ works in literary journals during this period. Particular attention is given to such Russian literary journals as *Vestnik Evropy* (Bulletin of Europe), *Russkoye Bogatstvo* (Russian Wealth), *Mir Bozhiy* (World of God), *Sovremenny Mir* (Modern World), *Sovremennik* (Contemporary), and *Letopis* (Chronicle). Based on the research, conclusions are drawn regarding the main cultural and historical characteristics of literary journals in Russia in the late 19th and early 20th centuries.

Key words: literary magazine, Russian literature, fiction, journalism.

Ternovaya L.O.

Chapkin N.S.

Subject field of the anthropology of mathematics in the context of international relations

This article explores the anthropological approach to mathematics, examining its development through the lens of historical events, figures, and cultural contexts from the 17th century to the present day. The authors analyze the influence of mathematics on war, politics, economics, and forecasting in international relations, citing key events in each historical period, such as the emergence of the first system of international relations in 1648 following the Thirty Years’ War and the Dutch Revolution, and the proto-globalization era of the last third of the 19th century. Biographies of famous mathematicians (Gauss, Gauss, Poincaré), and the role of mathematics in ideological battles, wars, and contemporary challenges are discussed from an anthropological perspective.

Key words: anthropology of mathematics, history of mathematics, mathematics and war, international forecasting, modernization, cryptography.

Nurutdinova A.R.

Fattakhova N.N.

Human rights, cultural identity and globalization in proverbs: a linguo-sensory analysis

The article is devoted to the analysis of the representation of key socio-philosophical concepts – human rights, cultural identity, and globalization – in the Russian paremiological fund (proverbs and sayings). The aim of the study is to identify deep-seated linguo-sensory models that mediate the perception of these abstract problems through the prism of bodily and sensory experience embedded in language. The methodological foundation is an integrative linguo-sensory approach synthesizing methods of semantic-cognitive analysis of paremias, contextual interpretation, and linguoculturology. The central objects of analysis are somatic components (bodily metaphors of taste, touch, space, pain), which serve as keys to deciphering archaic yet enduring cultural codes. It is proven that the issue of human rights in Russian paremias is encoded primarily through the oppositions “volya/nevolya” (freedom/bondage) and “pravda/krivda” (truth/falsehood), expressed by the sensorics of physical action, restriction, and ethical feeling. Globalization processes and interaction with the “other” are represented through the binary opposition “svoi/chuzhoi” (one’s own/alien), materialized in the sensory codes of food (familiar vs. alien), pain (threat), and mastered vs. alien space. The author argues that paremias function as stable repositories of collective sensory experience through which culture comprehends and conceptualizes complex social phenomena. Linguo-sensory analysis is recognized as an effective tool for the critical deconstruction of contemporary international, political, and educational discourses, allowing for the revelation of their non-obvious culturally conditioned foundations. The results of the study have practical significance: they can be applied to enhance the effectiveness of intercultural communication, in translation practice, as well as in the development of educational programs in the fields of cultural studies, political science, and linguistics, contributing to overcoming methodological ethnocentrism and accounting for cultural specificity of perception.

Key words: linguosensorics, paremiology, somatic code, cultural conceptology, Russian language, human rights, globalization, cultural identity.

Napso M.D.

Agirbov T.R.

The nature and implications of the digital divide for educational development

The article considers the essence and consequences of digital inequality for the development of the education system. It draws attention to the fact that digital inequality is a consequence of many interrelated factors - socio-economic and cultural. It is emphasised that digital inequality is an objective reality, the result of the processes of digitalisation of the economy in the first place, which places increased demands on the sphere of education. The characteristics of digital inequality are considered, and the consequences caused by it, both negative and positive, are analysed. The ways of overcoming digital inequality in the educational environment are analysed.

Key words: digital inequality, digital infrastructure, digital literacy, digital competences, digital capital, digital socialisation, social exclusion.

Buraev F.V.

Balashova N.A.

Human resources potential of municipal administration

The issue of staffing local governments is a pressing issue. This article examines the causes and solutions, particularly through comprehensive efforts related to the optimization, development, and effectiveness of human resources (personnel), as well as the activities of government and administrative bodies.

Key words: human resources, public administration, municipal administration, qualifications, personnel mobility, motivation, civil service.

Brun M.E.

Network structure of political mainstream actors

The article examines the transformation of the political process through the lens of network approach and actor-network theory in the context of digitalization of communication space. The relevance of the work is determined by the contradiction between the massification of digital practices (82% of Russia's population are regular Internet users) and low political activity in social media (only 2-3% of users turn to them for political communication), which requires rethinking the role of network structures in the political process. Classical sociological approaches developed during the era of mass communications and centralized institutions prove insufficient to explain network society phenomena, where new types of actors emerge - from influencers to algorithmic systems. The research aims to develop a conceptual framework for analyzing the network structure of political mainstream actors, accounting for the fundamental heterogeneity of political process participants. The methodological foundation integrates B. Latour's actor-network theory, M. Castells' network society concept, and Russian studies of digital political communication. Theoretical analysis enabled conceptualization of key concepts - «political mainstream», «network structure», and «actor» - identification of network interaction mechanisms, and substantiation of the necessity to include non-human actors in the analytical framework: technological platforms, ranking algorithms, and social network interfaces. It is demonstrated that the modern political mainstream is organized according to network principles with power decentralization and multiple centers of influence, while digitalization represents not the emergence of new technologies but a fundamental transformation of political interaction through the convergence of online and offline spaces. Russian specificity is determined by distinctive discursive practices, state regulation of the digital environment, and polarization of online discourse. Research results can be applied to develop political communication strategies and digital platform regulation accounting for the role of non-human actors in shaping the political agenda.

Key words: actor-network theory, political mainstream, network structure, digitalization of politics, non-human actors.

Gaeva A.V.

Theoretical analysis of the effectiveness of the regional political elite

The article presents a study of the effectiveness of the regional political elite. The political elite is one of the leading social groups. It occupies a prominent place in the social structure of society and plays a significant role in social development. Its social role at the current stage cannot be explained solely by its status or the transformations that have affected various aspects of society. The elite is directly involved in fulfilling a range of social needs, primarily in maintaining the stability of society, creating rational and justified management paradigms and technologies that ensure the effective organization of the management process and the progressive development of society. Determining the effectiveness of the political elite and identifying the results of managing socio-economic systems remains one of the least studied areas in political science. This issue is even more challenging in the practical activities of government and administration bodies. At the same time, it is quite obvious that assessing the effectiveness of the political elite is of great practical value, as it allows us to determine whether the chosen areas of activity are correct and what results they bring.

Key words: elite, political elite, regional political elite, efficiency, efficiency of the regional elite, political management.

Gusarova M.N.

Avakyan D.A.

Domestic experience of introducing urbanism into the state's urban development policy

The authors analyze the domestic experience of state urban planning policy and its evolution. The article examines the key stages in the development of urban thought in the West and in the USSR, including the concepts of the garden city, communal housing, and industrial and mass housing construction. Particular attention is paid to the socio-ideological foundations of Soviet urban planning and their influence on the spatial organization of cities. It is shown that many architectural and planning solutions of the Soviet period remain relevant and continue to shape the appearance of contemporary Russian cities, while simultaneously generating systemic problems. Analyzing the challenges of urbanization in modern Russia, the authors conclude that there is a need to develop a coherent, human-centered urban planning policy based on a critical understanding of domestic experience and the study of international practices in urban development.

Key words: city, urban political space, political urbanism, urban development policy, urban planning.

Fidarova K.K.

Kalabekova S.V.

Kulova M.L.

Pogosova K.L.

First steps into science: research by students, researchers and young scientists of universities North Caucasus Federal district

The article discusses the beginning of the research path of a new generation of scientists: students and postgraduate students in the development of the scientific potential of the North Caucasus Federal District (NCFD). It analyzes the key areas of research, the infrastructure for supporting young scientists, and the main challenges they face. Through the stories of their first projects, experiments, and publications, the article reveals the difficulties, motivation, and ambitions of those who are currently shaping the scientific potential of the region. Based on the presented data, the article draws conclusions about the prospects for the development of science in the NCFD.

Key words: young scientists, student science, postgraduate studies, scientific research, North Caucasus Federal District, scientific infrastructure.

Karpenko A.M.

The relevance of Cossack identity in modern society

The article is devoted to the analysis of the relevance of the Cossack identity as a significant socio-cultural and political phenomenon in the context of modern challenges to Russian society. The author explores how the traditional Cossack identity adapts to the realities of modernity, while maintaining the core of values and performing important social functions. The purpose of the study is to identify the key aspects of the relevance of the Cossack identity in modern Russia, to determine its role in the formation of civic solidarity, patriotic consciousness and regional identity. The paper considers: - historical foundations of the Cossack identity and its evolution; - structural components of modern Cossack identity (cultural and historical memory, value orientations, symbolic practices); - mechanisms of identity translation through education, folklore, public associations and military patriotic activities; - the interaction of Cossack communities with state institutions in the framework of the implementation of the Strategy of state Policy towards the Russian Cossacks.

Key words: Cossack identity, patriotism, traditional culture, regional identity, Cossack societies, civil consolidation, historical and cultural heritage, social self-determination, political situation, politicization of the Cossacks issue.

Ashnokova L.M.

Pavelieva T.Yu.

The Relationship between Language and Youth Mentality

This article examines one of the most important factors determining the mentality of Russian youth: language. The mentality of youth is objectified through language, and language serves as the foundation that shapes their unique worldviews, value systems, and behavioral norms. Language is a cultural phenomenon that absorbs and, in a certain way, reflects characteristic social characteristics, which we can describe as mental.

Key words: language, linguistic mentality, structure of linguistic mentality, linguistic mentality of youth.

Anisimova V.V.

Simaev A.K.

Bashilova E.I.

Artificial intelligence as a factor in the transformation of corporate culture in organizations

In today's world, Industry 4.0 is opening up new opportunities driven by digital transformation. This research focuses on artificial intelligence (AI), which is radically changing traditional approaches to the formation and development of corporate culture. The aim of this study is to analyze the impact of artificial intelligence on the development of corporate culture in organizations. The study concludes that integrating artificial intelligence into an organization's corporate culture can contrib-

ute to its fundamental transformation.

Key words: artificial intelligence (AI), corporate culture, organization, AI technologies.

Napso M.D.

Agirbov T.R.

Principle of competence in innovative educational development

Introduction. The article reveals the essence of the competence principle, gives its main characteristics, investigates the peculiarities of using the competence approach in educational activity. The principle of competence is understood as a set of knowledge and skills demanded by innovative trends in education. Theoretical analysis. The application of the competence principle and the competence approach formed on its basis is of particular relevance in connection with the development of person-centred learning, which acts as a new educational paradigm and is a factor of innovative development of the educational system. The principle of competence is demanded by the strengthening of the processes of digitalisation, which imposes increased requirements on the participants of the educational process, caused by transformations of economic nature. Conclusion. The application of the competence principle is one of the conditions for increasing the effectiveness of educational activity and the implementation of processes related to personal growth and self-realisation. The principle of competence comes from the recognition of the significance of traditional teaching practices, the need to bring them in line with the educational requirements of modern times. The demand for the competence principle is explained by the new educational paradigm designed to meet the requirements of the socio-economic and digital context.

Key words: competence principle, competence approach, digitalisation of education, innovation, educational paradigm, educational competences, creativity.

Gavrilyuk N.P.

Dediu E.I.

Paper as a phenomenon of technological culture: on the question of genesis and transcultural transfer

This article provides a comprehensive analysis of paper as a key phenomenon of technological culture, examining its origins and the process of its spread across the transcultural space of Eurasia. Acknowledging the historiographical marginalization of paper in comparison to the elite and economically significant silk, the authors uncover their deep technological and genealogical connection, rooted in the early textile production of China. Drawing on archaeological, linguistic, and written sources, the article reconstructs the early history of paper, re-evaluates the traditional attribution of its invention to Cai Lun, and analyzes his likely contribution - namely, the diversification of raw materials and the refinement of sheet-forming technology. The centuries-long process of technological advancements in papermaking, culminating in the invention of printing in Europe, laid the material foundation for a global communications revolution.

Key words: paper, technological culture, genesis, technology transfer, transcultural exchange, China, Silk Road, Cai Lun, spread of paper, Central Asia, Islamic world, Europe.

Galaganova S.G.

Gorokhova M.Yu.

From «Cancel Culture» to «Substitution Culture»

«The Substitution Culture» is represented here as a new cultural phenomenon of the Digital Age. It emerges as a result of misinformation and disinformation, virally circulating in social networks – mainly in nameless online communities. The article explores the origins of the «HaseKara Calamity» – a public uproar in the «2channel» network, which enabled to transform common online trolling into criminal real-life actions. The case study reveals inner drivers of the mass behavior patterns substitution and prompts to treat «The Substitution Culture» as a vital challenge and dangerous threat.

Key words: substitution Culture, HaseKara Calamity, HaseKara Uproar, 2channel (2ch.net), disinformation, misinformation, nameless online community, simulation, social network, social media platform, psychological operation (PsyOp), online crowd.

Eshchenko T.V.

The use of unmanned aerial vehicles in the construction industry

This article discusses the practical application in the field of construction of unmanned aerial vehicles in real-world operating conditions. Currently, drones or so-called drones are widely used in many fields of activity, such as mining, agriculture, healthcare, and transportation. For example, they are used by construction supervisors when assessing damage caused by the destruction of a building, when breaking down geodetic coordinates, checking the safety of a construction site, monitoring the progress of work, building maintenance, as well as during thermographic studies. According to the results of the study, drones are also actively used in large numbers and have an important role in the construction sector. The main categories of drones have been identified, and it has also been established how safety is ensured when using UAVs.

Key words: drones, rotorcraft, blind spot, detailing, safety, maintenance, research.

Logacheva E.A.

The impact of physical training on personal self-improvement of university students

The article explores the role of physical culture as a key factor in the process of student's personal self-improvement. The current problems of the modern student environment, such as physical inactivity, stress and reduced social activity, are considered, and the necessity of using physical culture means to overcome them is substantiated. Based on the analysis of scientific literature, the aspects of the influence of physical activity on the development of personal qualities (discipline, purposefulness, volitional qualities) and the academic performance of students are identified and systematized. The main problems hindering an active lifestyle in the student environment are formulated, and practical recommendations for the integration of physical activity into the educational process and daily life of young people are proposed. It is emphasized that the targeted implementation of physical culture contributes not only to health promotion, but also to the formation of a socially responsible, psychologically stable and harmoniously developed personality, ready for professional self-realization.

Key words: physical culture, personal self-improvement, students, personal qualities, academic performance, healthy lifestyle, integration, educational process, recommendations, psychological well-being.

Medvedeva O.A.

Use of artificial intelligence in the field of educational process

The use of artificial intelligence (AI) in education is gradually being standardized. In recent years, Russia has adopted several state standards that contain rules and recommendations for working with AI in various aspects of education, from writing assignments to tracking students' progress. It is critically important to ensure a proper level of trust in the artificial intelligence technologies used and the need for an increased standard of public control, including the mandatory certification of artificial intelligence activities in various fields, including education.

Key words: artificial intelligence, state standard, education.

Pronina E.V.

Dzhezheily S.V.

The influence of organizational culture on the activities of an organization in the agro-industrial complex

This article examines the role of organizational culture in the agro-industrial complex (AIC) as a key factor in enterprise efficiency and competitiveness. It examines the structure and specific characteristics of culture in the AIC, the mechanisms for its formation and development, assessment methods, and management tools. It also substantiates the need for a systematic approach to improving organizational culture, taking into account seasonality and other industry-specific factors.

Key words: organizational culture, agro-industrial complex (AIC), cultural management, production efficiency, production seasonality, corporate culture, enterprise competitiveness.

Starostina N.A.

Enriching the system of psychological support for university teachers with coaching techniques to enhance their creative work

This article explores the importance of new pedagogical approaches and the improvement of interactive methods using coaching. It examines aspects of psychological support for teachers and

analyzes solutions to the psychological challenges associated with the educational process. It also examines coaching tools aimed at inspiring teachers to maximize their personal and professional potential, with a particular focus on awakening and developing their creativity.

Key words: pedagogical approaches, interactive methods, psychological support, coaching, psychological challenges, coaching tools, professional potential.

Stroganov D.O.

Kurenkova E.A.

Solar and Lunar Interpretations of Khors in the Context of The Tale of Igor's Campaign

The purpose of this article is to resolve the long-standing debate concerning the nature of Khors in favor of the lunar interpretation. The question of the origin of the theonym Khors is set aside, while primary attention is devoted to The Tale of Igor's Campaign, regarded as one of the most valuable sources on Old Russian paganism. The inconsistency of the solar interpretation of Khors is demonstrated through a contextual analysis of passages from The Tale of Igor's Campaign that contain references to the celestial bodies of day and night. In analyzing these fragments, the author applies an apagogical method of proof in order to substantiate his position. As an additional argument against the solar interpretation, a passage from the Old Russian translation of the Chronicle of John Malalas is cited. The article critically examines the views of modern scholars on the essence of Khors, including M.A. Vasiliev, A.A. Beskov, and K.L. Borisov, and introduces a new argument supporting the lunar interpretation: the epithet "great" is proposed to refer to the appearance of Khors rather than to his status.

Key words: Khors, Dazhdbog, Dazhdbog, Dazhbog, The Tale of Igor's Campaign, Slavic mythology, Old Russian literature.

Fidarova K.K.

Margiev D.Y.

Tsomartov V.R.

Tuaeva F.A.

Alborova A.V.

The phenomenon of territorial medicine in Russia: a unique model of public healthcare

The article explores the phenomenon of zemstvo medicine, which emerged in post-reform Russia after 1864. It presents an analysis of its key principles, including accessibility, free of charge, district-based approach, preventive focus, and connection with sanitary activities. The article examines the organizational structure, the role of the zemstvo doctor, and the achievements and challenges of the system. It argues that despite its limited resources and dependence on local conditions, zemstvo medicine created a unique and effective model of public healthcare that had a profound impact on the development of Russian and global medical and social thought. Special attention is paid to the historical significance of the Zemstvo experience for the development of primary healthcare systems in the 20th century.

Key words: Zemstvo medicine, public health, history of medicine in Russia, zemstvo doctor, district service, sanitary organization, public medicine, Law of 1864.

Shcherban A.V.

The study of BIM technology in the design of buildings from prefabricated elements

The article explores the use of BIM innovations in the development of residential buildings from prefabricated structures abroad, namely in the People's Republic of China. This innovation is used at the development stage and interacts with combined, graphical and typed object design, including environmentally friendly design. In the course of the conducted research, it was revealed that, compared with conventional methods, BIM allows to reduce the design and construction time, reduce costs, improve the process and raise the effectiveness of comprehensive design to a new level.

Key words: BIM technologies, visualization, construction, design, model, standardization, prefabricated elements.

Авторы

Авакян Д.А. - кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры философии, политологии и социологии имени Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт».

Агирбов Т.Р. - студент. Северо-Кавказская государственная академия.

Алборова А.В. - медицинский психолог ГБУЗ «Поликлиника № 1» МЗ РСО – Алания, г. Владикавказ.

Алексеева А.Г. - кандидат культурологии, майор полиции, начальник отдела договорно-правовой работы ОВО по Красносельскому району - филиалу ФГКУ УВО ВНГ Росгвардии по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Андренко О.В. - кандидат биологических наук, доцент кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Анисимова В.В. - кандидат психологических наук, доцент. Воронежская государственная академия спорта, г. Воронеж.

Ашиноква Л.М. - доктор философских наук, профессор кафедры философии. Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова.

Бакшеев А.И. - кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Балашова Н.А. - магистрант. АНОВО «Московский Международный Университет».

Башилова Е.И. - кандидат филологических наук, доцент, Московский городской педагогический университет.

Брун М.Е. - аспирант факультета политических и социальных наук Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российский государственный социальный университет».

Бураев Ф.В. - кандидат экономических наук, доцент кафедры юриспруденция. АНОВО «Московский Международный Университет». Доцент кафедры Теории менеджмента и бизнес-технологий, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Доцент кафедры Управления АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского».

Васильченко А.В. - кандидат культурологии, доцент кафедры «Общество и государство», Комсомольский-на-Амуре государственный университет.

Вергун А.С. - кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Воробьева М.В. - кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой дизайна ФГБОУ ВО «Мелитопольский государственный университет».

Воронкова А.С. - соискатель Санкт-Петербургского института культуры. Руководитель арт-подразделения Общества с ограниченной ответственностью «Кампо Верде Медиа Групп», г. Санкт-Петербург. SPIN-код: 6905-0479

Гаврилюк Н.П. - кандидат исторических наук. Директор музея «Бузеон» ООО «Полотняно-Заводская бумажная мануфактура».

Гавва А.В. - старший преподаватель кафедры ГСЭН. Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Уральский государственный педагогический университет», г. Екатеринбург. SPIN-код: 5223-6202

Галаганова С.Г. - кандидат философских наук, доцент кафедры. «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Горохова М.Ю. - студентка кафедры «Информационная аналитика и политические технологии». Московский государственный технический университет имени Н.Э. Баумана.

Го Сюемэй - аспирант. Школа искусств и гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Гусаренко В.В. - старший преподаватель кафедры философии и социально-гуманитарных наук, ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Гусарова М.Н. - доктор исторических наук, профессор кафедры философии, политологии и социологии имени Г.С. Арефьевой, Национальный исследовательский университет «Московский энергетический институт».

Дедиу Е.И. - старший преподаватель кафедры истории Калужский государственный университет имени К.Э. Циолковского.

Джежелий С.В. - старший преподаватель кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Еценко Т.В. - старший преподаватель кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Калабекова С.В. - кандидат философских наук, доцент кафедры гуманитарных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказская государственная академия.

Калмыкова М.В. - кандидат исторических наук, преподаватель филологического факультета Университета МГУ-ППИ в Шэньчжэне.

Карпенко А.М. - аспирантка 3 курса. Южно-Российский институт управления – филиал федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Кулова М.Л. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общих гуманитарных и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Кавказский государственный институт искусств.

Куренкова Е.А. - кандидат исторических наук, доцент кафедры Истории России, факультет Истории, политологии и права. Государственный университет просвещения.

Логачева Е.А. - кандидат социологических наук, доцент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Лу Вэйси - студент. Шэньянская консерватория, Китайская Народная Республика.

Лушниковая Т.Л. - доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена». SPIN-код: 5723-8001

Мальцева Л.В. - профессор, доктор педагогических наук, доцент. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Маргиев Д.Ю. - студент 3 курса Лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Медведева О.А. - кандидат педагогических наук, доцент кафедры электроснабжения. Северо-Кавказская государственная академия.

Напсо М.Д. - доктор социологических наук, профессор кафедры философии и гуманитарных дисциплин. Северо-Кавказская государственная академия.

Невряев А.Н. - аспирант 3 курса направления «Социальная и политическая философия», Крымский федеральный университет имени В.И. Вернадского, г. Симферополь.

Нурутдинова А.Р. - кандидат педагогических наук, доцент. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Павельева Т.Ю. - доктор философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и социального управления. Московский государственный технологический университет «Станкин».

Погосова К.Л. - старший преподаватель кафедры общественных дисциплин. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Горский ГАУ.

Полонникова А.А. - старший преподаватель. Кубанский государственный университет, г. Краснодар.

Пронина Е.В. - кандидат экономических наук, доцент кафедры «Финансы и учёт» Института экономики и права ФГБОУ ВО «Астраханский государственный технический университет».

Симаев А.К. - аспирант. Корпоративный университет развития образования, г. Москва.

Старостина Н.А. - старший преподаватель кафедры Естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления, Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова.

Строганов Д.О. - студент. Государственный университет просвещения.

Третьякова Л.О. - доктор исторических наук, профессор, заместитель главного редактора журнала «Власть истории и история власти».

Тилинина М.Н. - доцент. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена». SPIN-код: 2119-5776

Туаева Ф.А. - заведующая терапевтическим отделением ГБУЗ «Поликлиника № 1» МЗ РСО – Алания, г. Владикавказ.

Турчина Ж.Е. - кандидат медицинских наук, доцент, заведующий кафедрой сестринского дела и клинического ухода. ФГБОУ ВО «Красноярский государственный медицинский университет имени профессора В.Ф. Войно-Ясенецкого» Минздрава России, г. Красноярск.

Ултургашева Н.Д. - доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой теории и истории народной художественной культуры. Кемеровский государственный институт культуры.

Фаттахова Н.Н. - доктор филологических наук, профессор. ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет».

Фидарова К.К. - кандидат исторических наук, доцент кафедры общественного здоровья, здравоохранения и социально-экономических наук. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинская государственная медицинская академия Минздрава России.

Фролова Ю.В. - старший преподаватель кафедры дизайна. ФГПО Мелитопольского государственного университета.

Цомартов В.Р. - студент 2 курса Лечебного факультета. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Северо-Осетинской государственной медицинской академии Минздрава России.

Чапкин Н.С. - старший преподаватель. Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова». Базовая кафедра цифровой экономики института развития информационного общества.

Чебодаева М.П. - кандидат искусствоведения, научный сотрудник. Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, член АИС, г. Абакан.

Чжан Шилун - студент. Шэньянский педагогический университет, Китайская Народная Республика.

Щербань А.В. - ассистент кафедры естественнонаучных дисциплин, информационных технологий и управления. Каменский технологический институт (филиал). Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М.И. Платова, г. Каменск-Шахтинский.

Authors

Agirbov T.R., Student, North-Caucasus state academy.

Ashnokova L.M., Doctor of Philosophy, Professor of the Philosophy of the Department at the Kabardino-Balkarian State University named after Kh.M. Berbekov.

Alborova A.V., Medical psychologist of Polyclinic No. 1 of the Ministry of Health of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz.

Alekseeva A.G., Candidate of Cultural Studies, Police Major, Head of the Department of Contractual and Legal work of the PSB in the Krasnoselsky district - branch of the FGKU UVO VNG of the Rosgvardiya in St. Petersburg and the Leningrad Region.

Andrenko O.V., Candidate of Biological Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Social Sciences and Humanities, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Anisimova V.V., Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor. Voronezh State Academy of Sports, Voronezh.

Avakyan D.A., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor in the G.S. Areefyeva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”.

Balashova N.A., Master’s Student, Moscow International University.

Bashilova E.I., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Moscow City University.

Baksheev A.I., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Brun M.E., Postgraduate Student of the Faculty of Political and Social Sciences, Russian State Social University.

Buraev F.V., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Jurisprudence, Moscow International University. Associate Professor, Department of Management Theory and Business Technologies, Plekhanov Russian University of Economics. Associate Professor, Department of Management, Zhirinovsky University of World Civilizations.

Chapkin N.S., Senior Lecturer. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Russian Economic University named after G.V. Plekhanov”. Basic Department of Digital Economy of the Institute for the Development of the Information Society.

Chebodaeva M.P., PhD in Art History, Research Fellow, Khakass Research Institute of Language, Literature and History, AIS member, Abakan.

Dediu E.I., Senior Lecturer, Department of History Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky.

Dzhezheily S.V., Senior Lecturer, Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University.

Eshchenko T.V., Senior Lecturer, Department of Natural Sciences, Information Technology and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Fattakhova N.N., Doctor of Philological Sciences, Professor of Philology. Kazan (Volga Region) Federal University.

Fidarova K.K., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Public Health, Public Health and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Med-

ical Academy Ministry of Health of Russia.

Frolova Y.V., Senior Lecturer, Department of Design, Melitopol State University.

Gaeva A.V., Senior Lecturer, Department of State Sanitary and Epidemiological Supervision, Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education "Ural State Pedagogical University", Yekaterinburg. SPIN-code: 5223-6202

Galaganova S.G., Candidate of Philosophy, Associate Professor, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

Gavrilyuk N.P., Candidate of Historical Sciences. Director of the «Buzeon» museum LLC «Polotnyany Zavod Paper Manufacture».

Gorokhova M.Yu., Student, Department of Information Analytics and Political Technologies, Bauman Moscow State Technical University.

Guo Xuemei, Graduate student of the Faculty of Arts and Humanities, Far Eastern Federal University, Vladivostok.

Gusarenko V.V., Senior Lecturer at the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University named after Professor V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Gusarova M.N., Doctor of Historical Sciences, Professor in the G.S. Areefyeva Department of Philosophy, Political Science, and Sociology, National Research University "Moscow Power Engineering Institute".

Kalabekova S.V., Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Humanities of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Academy.

Kalmykova M.V., Candidate of Historical Sciences, Lecturer at the Philological Faculty of Shenzhen MSU-BIT University.

Karpenko A.M., 3rd year postgraduate student. The South Russian Institute of Management is a branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, a federal State budgetary educational institution of higher education.

Kulova M.L., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of General Humanities and Socio-Economic Sciences of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Caucasus State Institute of Arts.

Kurenkova E.A., PhD in History, Associate Professor, Department of Russian History, Faculty of History, Political Science, and Law, State University of Education.

Logacheva E.A., Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Lushnikova T.L., Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia". SPIN: 5723-8001

Lu Weixi, Student. Shenyang Conservatory of Music, People's Republic of China.

Maltseva L.V., Professor, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor. Kuban State University, Krasnodar.

Margiev D.Y., 3rd year student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Medvedeva O.A., Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Power Supply North Caucasus State Academy.

Napso M.D., Doctor of Sociological Sciences, Professor of department of humanities

sciences, North-Caucasus state academy.

Nevraev A.N., 3rd year postgraduate student in Social and Political Philosophy, Vernadsky Crimean Federal University, Simferopol.

Nurutdinova A.R., PhD in Education, Associate Professor. Kazan (Volga Region) Federal University.

Pavelieva T.Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor, Head of the Department of Philosophy and Social Management at the Moscow State Technological University "Stankin".

Pogosova K.L., Senior Lecturer at the Department of Social Sciences Federal State budgetary educational Institution of Higher Education Gorsky GAU.

Polonnikova A.A., Senior Lecturer. Kuban State University, Krasnodar.

Pronina E.V., PhD in Economics, Associate Professor, Department of Finance and Accounting, Institute of Economics and Law, Astrakhan State Technical University.

Shcherban A.V., Assistant Professor, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch), South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov, Kamensk-Shakhtinsky.

Simaev A.K., Graduate Student. Corporate University for Education Development, Moscow.

Starostina N.A., Senior Lecturer, Department of Natural Sciences, Information Technology, and Management, Kamensk Technological Institute (branch). South-Russian State Polytechnical University named after M.I. Platov.

Stroganov D.O., Student, State University of Education.

Ternovaya L.O., Doctor of Historical Sciences, Professor, Deputy Editor-in-Chief of the journal "The Power of History and the History of Power".

Tilinina M.N., Associate Professor. Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia". SPIN-code: 2119-5776

Tsomartov V.R., 1nd year student of the Faculty of Medicine of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the North Ossetian State Medical Academy Ministry of Health of Russia.

Tuaeva F.A., Head of the Therapy Department of Polyclinic No. 1 of the Ministry of Health of the Republic of North Ossetia – Alania, Vladikavkaz.

Turchina Z.E., Candidate of Medical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Nursing and Clinical Care. Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Ulturgasheva N.D., Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Theory and History of Folk Art Culture. Kemerovo State Institute of Culture.

Vasilchenko A.V., Candidate of Cultural Studies, Associate Professor at the Department of Society and State, Komsomolsk-on-Amur State University.

Vergun A.S., PhD in History, senior lecturer of the Department of Philosophy and Social Sciences and the Humanities, Krasnoyarsk State Medical University. prof. V.F. Voyno-Yasenetsky, Krasnoyarsk.

Vorobeva M.V., Associate Professor, Head of the Department of Landscape Architecture and Design, Melitopol State University.

Voronkova A.S., PhD researcher, Saint-Petersburg State Institute of Culture. Head of art department, Campo Verde Media Group Ltd., Saint-Petersburg. SPIN-code: 6905-0479

Zhang Shilong, Student. Shenyang Normal University, People's Republic of China.